

Н. С. Трубецкой

ОСНОВЫ
ФОНОЛОГИИ

Классический
Ку чебник

Классический
Ку чебник

Н.С. ТРУБЕЦКОЙ

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

Перевод с немецкого
А.А. Холодовича

Редакция С.Д. Кацнельсона

Послесловие А.А. Реформатского

2-е издание

АСПЕНТ ПРЕСС

Москва

2000

УДК 80/81
ББК 60.5
Т 77

Научная подготовка и вступительная статья 2-го издания
Л.А. Касаткина

Трубецкой Н.С.

Т 77 Основы фонологии/Пер. с нем. А.А. Холодовича; Под ред. С.Д. Кацнельсона. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 352 с. — (Серия «Классический учебник»).

ISBN 5-7567-0250-4

«Основы фонологии» Н.С. Трубецкого — классический лингвистический труд XX в., представляющий систематическое изложение всех основных положений фонологии с точки зрения Пражской лингвистической школы. Книга оказала огромное влияние на развитие всей лингвистической мысли XX в. и не утратила своего значения до сих пор. Текст печатается по изданию 1960 г.

УДК 80/81
ББК 60.5

ISBN 5-7567-0250-4

© Предисловие и оформленные
«Аспект Пресс», 2000

ВВЕДЕНИЕ

1. Фонология и фонетика

Каждый раз, когда один человек говорит что-либо другому, мы имеем дело с речевым актом, или речью. Речь всегда конкретна, она приурочена к определенному месту и к определенному времени. Она предполагает наличие говорящего («отправителя»), слушателя («получателя») и предмета, о котором идет речь. Все эти три элемента — говорящий, слушатель и предмет речи — меняются от одного речевого акта к другому. Но речевой акт предполагает наличие еще одного момента: чтобы слушатель понимал собеседника, оба они должны владеть одним и тем же языком; наличие в сознании каждого члена языковой общности единого языка является предпосылкой любого речевого акта. В противоположность однократному характеру речевого акта язык представляет собой нечто общее и постоянное. Язык существует в сознании всех членов данной языковой общности и лежит в основе бесконечного числа конкретных речевых актов. С другой стороны, однако, существование языка оправдано лишь постольку, поскольку он способствует осуществлению речевых актов; он существует лишь постольку, поскольку с ним соотносятся конкретные речевые акты, иначе говоря, поскольку он реализуется в этих конкретных речевых актах. Без конкретных речевых актов не было бы и языка. Таким образом, речь и язык предполагают друг друга. Они неразрывно связаны друг с другом и могут рассматриваться как две взаимосвязанные стороны одного и того же явления — «речевой деятельности». По своему существу, однако, это совершенно различные вещи, поэтому они и должны рассматриваться независимо друг от друга.

Различие между языком (*langue*) и речью (*parole*) впервые яснее других осознал швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр¹. Из позднейшей литературы по этому вопросу упомянем здесь лишь работы Алана Гардинера² и особенно Карла Бюлера³.

Речевая деятельность (как язык, так и речь) имеет, согласно Соссюру, две стороны: о б о з н а ч а ю щ е е (*le signifiant*) и о б о з н а ч а е м о е (*le signifie*). Таким образом, речевая деятельность представляет собой сочетание и взаимосвязь обозначающего и обозначаемого.

Обозначаемым в речи всегда является совершенно конкретное сообщение, которое имеет смысл только как целое. Наоборот, обозначаемым в языке являются абстрактные правила: синтаксические, фразеологические, морфологические и лексические. Ведь даже значения слов, поскольку они даны в языке, являются лишь абстрактными правилами, понятийными схемами, с которыми связаны те конкретные значения, которые всплывают в речи.

Обозначающим в речи является конкретный звуковой поток — физическое явление, воспринимаемое на слух. Но что является обозначающим в языке? Если обозначаемым в языке являются те правила, согласно которым вся область значений членится на составные части, упорядоченные соответствующим образом, то обозначающим в нем могут быть только такие правила, согласно которым упорядочивается звуковая сторона речевого акта.

Число различных конкретных представлений и мыслей, которые могут быть обозначены в речевых актах, бесконечно. Число же лексических значений, существующих в языке, ограничено; «владение» языком как раз в том и состоит, что с помощью ограниченного числа семантических и грамматических средств, предоставляемых в наше распоряжение языком, мы выражаем все конкретные представления, мысли и их связи. Обозначаемое в языке в противоположность обозначаемому в речи состоит, таким образом, из конечного исчисляемого числа единиц. Но точно такое же отношение между языком и речью имеет место и в сфере обозначающего. Артикуляторные движения и соответствующие им звучания, возникающие в речи, до бесконечности многообразны, а звуковые нормы, из которых складываются единицы обозначающего, конечны, исчисляемы, количественно ограничены.

Так как язык состоит из правил, или норм, то он в противоположность речи является системой, или, лучше сказать, множе-

¹ Ferdinand de Saussure, *Cours de linguistique générale*, Lausanne, 1916.

² Alan H. Gardiner, *Speech and language*, Oxford, 1932.

³ K. Bühler, *Axiomatik der Sprachwissenschaft*, «Kant-Studien», XXXVIII, и его же, *Sprachtheorie*, Jena, 1934.

ством частных систем. Грамматические категории образуют грамматическую систему, семантические категории — различного рода семантические системы. Все системы вполне уравновешены так, что их части поддерживают друг друга, восполняют друг друга, связаны друг с другом. Только поэтому и можно связать бесконечное многообразие представлений и мыслей, всплывающих в речи, с элементами системы языка. Сказанное имеет силу и для обозначающего. Звуковой поток речи представляет собою непрерывную, на первый взгляд неупорядоченную последовательность переходящих друг в друга звучаний. В противоположность этому единицы обозначающего в языке образуют упорядоченную систему. И лишь благодаря тому, что отдельные элементы, или моменты, звукового потока, проявляющиеся в речевом акте, могут быть соотнесены с отдельными членами этой системы, в звуковой поток вносится порядок.

Таким образом, различные аспекты языкового процесса настолько разнородны, что их исследование должно быть предметом ряда частных наук. Прежде всего совершенно очевидно, что обозначаемый и обозначающий аспекты речевой деятельности должны быть подведомственны различным дисциплинам. Действительно, «учение о звуках» — иначе наука об элементах обозначающего — уже с давних пор являлось особой частью языкознания, строго отграниченной от «учения о значении». Но, как мы уже видели выше, обозначающее в языке представляет собой нечто совершенно иное по сравнению с обозначающим в речи. Целесообразно поэтому вместо одной иметь две «науки о звуках», одна из которых ориентировалась бы на речь, а другая — на язык. Соответственно различиям в объекте обе науки должны применять различные методы: учение о звуках речи, имеющее дело с конкретными физическими явлениями, должно пользоваться методами естественных наук, а учение о звуках языка в противоположность этому — чисто лингвистическими методами (шире — методами общественных или гуманитарных наук). Мы будем называть учение о звуках речи *фонетикой*, а учение о звуках языка — *фонологией*.

К разграничению фонетики и фонологии ученые подошли не сразу. И. Винтелер, видимо, был первым, кто безоговорочно признал, что есть такие противоположения звуков, которые служат в данном языке для дифференциации значений слов, а с другой стороны, такие, которые не могут быть использованы для этой цели¹.

¹ J. Winteler, Die Kerenzer Mundart des Canton Glarus. Leipzig, 1876. Еще раньше, в 1870 г., аналогичные мысли высказал И.А. Бодуэн де Куртене в своей магистерской диссертации; хотя эта работа и была опубликована, но большинству европейских ученых она оказалась недоступной, так как была издана на русском языке (ср. R. Jakobson «Slavische Rundschau», I, с. 810).

Из этого, однако, он не сделал надлежащего вывода о том, что учение о звуках должно распадаться на две различные науки. В еще меньшей степени подобный вывод мог быть сделан современниками Винтелера; хотя его книга привлекла внимание и нашла признание как первый опыт строго фонетического описания диалекта, его мысли о двух типах звуковых противопоставлений не были приняты во внимание и даже, быть может, не были замечены. Позже и, как кажется, независимо от Винтелера аналогичные мысли не раз высказывал знаменитый английский фонетист Суит. Они были подхвачены его учениками; самый выдающийся из них, Отто Есперсен, особенно отстаивал такое понимание. Но надо заметить, что и сам Суит, и его ученики трактовали все звуковые противопоставления одинаковым образом, независимо от того, служат они различению значений или нет; да и сам метод, применявшийся при этом, был естественнонаучным. Фердинанд де Соссюр понял и четко сформулировал важность различения языка и речи; он понял также, как он выразился, нематериальную сущность обозначающего в языке. Все же и он не высказался определенно о необходимости различать учение о звуках речи и учение о звуках языка. В его «Курсе общей лингвистики» мы находим только намеки на эту мысль. Очевидно, основателю женеvской школы в языкознании разграничение учения о звуках речи и учения о звуках языка казалось не таким существенным, как разграничение описательной и исторической фонетики. Впрочем, некоторые ученики Соссюра, особенно А. Мейе, Ш. Балли и А. Сеше, довольно четко проводили грань, отделяющую учение о звуках речи от учения о звуках языка. Однако только Бодуэн де Куртене пришел к мысли о необходимости двух описательных наук о звуке в зависимости от того, что является предметом исследования: конкретные звуки как физические явления или звуковые сигналы, употребляемые в той или иной языковой общности в целях сообщения. Бодуэн де Куртене имел учеников главным образом из числа русских, а также поляков (сам он был поляк, хотя большую часть своей жизни преподавал в русских университетах, сначала в Казани, позже в Санкт-Петербурге). Среди его учеников особо следует отметить Л.В. Щербу и Е.Д. Поливанова, которым принадлежит большая заслуга в деле углубления и распространения идей своего учителя о звуковой стороне языка. Однако вне узкого круга его учеников взгляды Бодуэна де Куртене на общее языкознание были малоизвестны, а поэтому мало ценились. Так получилось, что накануне первой мировой войны идея о различении двух видов науки о звуках не встретила никакого сочувствия в лингвистических кругах мира. И лишь в послевоенный период эта идея стала приоб-

ретать популярность. На Первом международном конгрессе лингвистов в Гааге (1928) три русских ученых (из которых по чистой случайности ни один не принадлежал к школе Бодуэна де Куртене) выступили с краткой программой, в которой ясно и недвусмысленно была сформулирована необходимость строгого разграничения фонетики и фонологии; это было связано с требованием целостного рассмотрения предмета, с требованием исследования структурных законов фонологических систем, с требованием распространения этих основных законов не только на описательную, но и на историческую фонологию. Это были Р. Якобсон, С. Карцевский и автор настоящей работы. Программа нашла отклик. Многие ученые разных стран присоединились к ней. Особенно активно действовал в данном направлении Пражский лингвистический кружок, основанный в 1926 г. и имевший уже перед конгрессом в Гааге немало ревностных сторонников новых идей¹.

В 1929 г. вышли в свет первые два тома «*Travaux du Cercle Linguistique de Prague*», посвященные фонологии как учению о звуках языка. Годом позже в Праге был проведен фонологический съезд, в котором приняли участие представители девяти стран². На этом съезде было решено организовать международное объединение для исследований в области фонологии. На Втором международном лингвистическом конгрессе в Женеве (1931) фонологии в указанном выше смысле было посвящено специальное пленарное заседание, причем оказалось, что новая наука снискала симпатии широких научных кругов. Ныне международное объединение фонологов имеет своих сторонников во многих странах³.

Не следует, однако, думать, что разграничение фонетики и фонологии стало ныне общепризнанным. Есть немало ученых, ко-

¹ Среди них прежде всего следует упомянуть председателя указанного кружка Вилема Матезиуса, опубликовавшего еще в 1911 г. свою замечательную статью о потенциальности языковых явлений («*O potencialnosti jevů jazykových*», «*Věstník Kráje české společnosti nauk*»), и Р. Якобсона, выпустившего еще в 1922 г. проникнутую духом фонологии книгу о чешском стихе сравнительно с русским (Р. Я к о б с о н, О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским, Берлин, 1922; ср. нашу рецензию на эту книгу в журн. «*Slavia*», II, 1923—1924, стр. 452—460).

² Доклады, сделанные на этом съезде, и состоявшиеся по ним прения опубликованы в четвертом томе «*Travaux du Cercle Linguistique de Prague*» (TCLP).

³ Об истории возникновения современной фонологии см. V Mathesius, Ziele und Aufgaben der modernen Phonologie (Xenia Pragensia, 1929, стр. 432 и сл.); G. Laziczius, Bevezetés a fonológiába, «*A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai*», 33, 1932, стр. 109 и сл.; N. Trubetzkoy, La phonologie actuelle, «*Journal de psychologie*», XXX, 1933; японский перевод Х. Кобаяси, «Гэндай-но онъинрон» в журн. «*Кайхо*», 43, 1936; J. Vachek, What is phonology?, «*English studies*», XV, 1933.

торые не признают даже разграничения между языком и речью. У одних это непризнание основывается на сознательном убеждении, которое объясняется определенным мировоззрением (например, у Дорошевского¹). У других — их, пожалуй, большинство — это непризнание объясняется попросту косностью, леностью ума, упорным отрицанием всякой свежей мысли. Но как бы там ни было, совершенно естественно, что исследователь, отрицающий противопоставление языка речи, не может признать и различия между фонетикой и фонологией в указанном выше смысле. Встречаются, однако, и такие исследователи, которые признают различие между языком и речью, а также различие между смыслоразличительными и несмыслоразличительными противоположениями звуков и тем не менее не хотят отделить фонологию от фонетики. При этом они любят ссылаться на классические руководства английской школы, на Суита и Есперсена, которые рассматривали фонологию вместе с фонетикой несмотря на то, что ясно представляли себе основополагающее различие между смыслоразличительными и несмыслоразличительными противоположениями звуков. Однако подобного рода аргументы можно было бы выдвинуть против любого прогресса в науке. Ведь отсутствие четкого разграничения между фонетикой и фонологией как раз и было методологическим недостатком классических пособий по фонетике. Этот недостаток должен был тормозить развитие как фонетики, так и фонологии, и поэтому нет никаких оснований воспроизводить его и впредь.

Предпринимались, однако, и более серьезные попытки к преодолению противоположности между фонетикой и фонологией. Э. Цвирнер полагал, что этого можно достичь, заменив обе науки новой, которую он назвал «фонометрией». Согласно его точке зрения, исследование отдельных конкретных актов речи как самоцель бессмысленно и ненужно, поскольку «языкознание никогда не ставило своей задачей распознавать весьма четкие акустические различия между говорящими на каком-либо языке»². «В самом деле, языкознанию совершенно безразлично не только то, что наговорил в микрофон или амбушюр в определенное время в той или иной лаборатории какой-то там X, науке вообще нет никакого дела до того, что кто-то там однажды что-то сказал»³. Язык

¹ W. Doroszewski, *Langue et parole*, «Prace filologiczne», XIV, 1930.

² E. Zwirner, *Aufgaben und Methoden der Sprachvergleichung durch Maß und Zahl*, *Phonometrie*, «Zeitschrift für Mundartforschung», XII, 2, стр. 78. Более подробно. E. Zwirner und K. Zwirner, *Grundfragen der Phonometrie*, Berlin, 1936.

³ Там же, стр. 69

для Э. Цвирнера является лишь «системой норм, воспринимаемых на слух знаков, образованных человеческими органами, которая служит целям взаимопонимания... Эти нормы могут выполнять роль средства взаимопонимания только в том случае, если и говорящий и слушатель, принадлежащие к одной и той же языковой общности, равным образом ориентируются на них. Они имеют значение как для образования, так и для восприятия тех знаков, которые обязаны своим языковым характером не тому, что они образованы органами речи, а тому, что они как в процессе речи, так и в процессе восприятия ориентируются на эти традиционные нормы»¹.

Как видим, Э. Цвирнер стремится понимать под речевой деятельностью только язык (*langue*). Предметом научного исследования могут быть лишь унаследованные и при данном состоянии языка устойчивые нормы, а не «воспринимаемые неповторимые (и неисчислимые) реализации этих норм». Но Э. Цвирнер делает из этого неожиданный вывод: «Так как унаследованные нормы образования звуков не могут быть выполнены органами речи дважды абсолютно одинаковым способом, то переход от исследования этих норм к исследованию речи уже содержит в себе переход от истории языка к направленному на них статистическому понятию речевых вариаций»². На основе особого метода должны быть вычислены средние значимости отдельных звуков. Механически точно зарегистрированные вариации какого-либо звука разбрасываются вокруг этой средней значимости согласно известной гауссовской кривой погрешностей. На этой кривой критически проверяются средние значимости, и лишь такие критически проверенные средние значимости будто бы имеют лингвистическую ценность. Здесь Э. Цвирнер ошибается: то, что можно добыть с помощью его фонетрического метода, далеко не является нормой, на которую ориентируются говорящие при образовании или восприятии звуков. Быть может, это и «нормы», но в другом смысле: нормы данного произношения, нормы реализации, то есть в конечном счете нормы речи, а не языка. Само собою разумеется, что такие «нормы» могут быть лишь средними значимостями, но их нельзя отождествлять со значимостями языка. Немецкое *k* произносится перед согласными не так, как перед гласными; перед ударными гласными не так, как перед неударными; более того, и тембр и артикуляция этого *k* варьируют в зависимости от качества непосредственно предшествующего или последую-

¹ Там же, стр. 77.

² Там же.

щего гласного. Для каждого из этих вариантов можно вычислить средние фонеметрические значимости, и правильное немецкое произношение каждого из этих вариантов «раскинется» вокруг этой средней значимости согласно гауссовской кривой погрешностей. Но для «k вообще» подобного рода среднюю значимость вычислить нельзя. Перед ударными гласными k произносится с придыханием (которое бывает разным по своей силе), перед неударными — без придыхания. Если тщательно исследовать все k, встречающиеся в каком-либо тексте, по степени придыхания, выразить эту степень в каждом отдельном случае в числах и затем вычислить среднюю значимость придыхания, то этой средней значимости не будет соответствовать никакая реальность; в лучшем случае такая средняя значимость будет символизировать лишь относительную частоту встречаемости k в данном тексте перед ударными гласными. Однозначные результаты можно было бы получить только в том случае, если бы мы вычислили две различные средние значимости: одну для k перед ударными гласными, другую для k перед безударными гласными. Однако нормой, на которую ориентируется говорящий, является «k вообще», а оно не может быть обнаружено никакими измерениями и вычислениями. Конечно, весьма желательно точное вычисление среднего, нормального произношения какого-либо звука в определенном положении; бесспорно также, что применение биолого-статистических методов, как на этом настаивает Э. Цвирнер, следует приветствовать как большой прогресс. Ошибочно, однако, полагать, что тем самым разрешаются все задачи, стоящие перед наукой о звуках. Фонологические задачи этими методами вообще не затрагиваются, поскольку язык лежит вне «меры и числа». Но фонеметрией не исчерпываются и задачи фонетики. В противоположность Э. Цвирнеру мы должны подчеркнуть, что фонетист должен заниматься не только нормами, имеющими значение для данной языковой общности, но и индивидуальными различиями, существующими между говорящими, а также изменениями в произношении отдельных звуков, которые вызываются сменами речевой ситуации. И в этой области должны быть найдены свои специфические закономерности. Языкознание должно иметь дело не только с языком, но и с речью, причем со всей сферой речи. Существенной, однако, остается необходимость строгого разграничения двух объектов языкознания — языка и речи.

Что касается терминологии, то следует констатировать, что принятые нами термины «фонетика» и «фонология» не все ученые употребляют в нашем значении. Ф. де Соссюр, первым предложивший подобное разграничение понятий, позже отказался от него; под фонологией он стал понимать статическое (синхронное) или описательное учение о звуках, а под фонетикой — историческое (диахроническое) учение о звуках, то есть историю звуковых изменений в каком-либо

языке¹. Его примеру последовал, видимо, один лишь М. Граммон. Шведский лингвист Норейн определяет фонетику как «науку об акустических, физиологических и анатомических предпосылках языка», а фонологию — как «науку о физическом материале языка, об артикулируемых звуках», и это понимание укоренилось у его соотечественников. У англичан и американцев термин «фонология» используется чаще всего для наименования «исторической фонетики» или «учения об употреблении звуков в том или другом языке»; термином «фонетика» они обозначают, как правило, учение о физической и физиологической природе звуков. В последнее время англосаксы употребляют термин «фонетика» в том же смысле, в каком мы употребляем термин «фонология». Поскольку слово «фонология» приобрело в английском языке другое значение, то для англосаксонских стран следует оставить термин «фонетика» (быть может, целесообразно было бы ввести этот термин и в шведский язык). В прочих языках, где термин «фонология» не имеет никакого другого значения, его следует употреблять в предложенном нами смысле. При всех обстоятельствах следует отклонить предложенный Бодуэном де Куртене термин «психофонетика», ибо психическими процессами в большей мере занимается фонетика (которую Бодуэн де Куртене предлагает называть «физико-фонетикой»), чем фонология, предметом которой являются надиндивидуальные, социальные, ценности.

Однако, определив фонологию как учение о звуках языка и фонетику как учение о звуках речи, мы сказали еще далеко не все. Различие между этими двумя науками следует рассмотреть глубже и основательней.

Так как обозначающим в речи является звуковой поток, физическое явление однократного характера, то наука, которая занимается его изучением, должна использовать методы естественных наук. Можно изучать как чисто физический, или акустический, так и чисто физиологический, или артикуляторный, аспект звукового потока в зависимости от того, что мы собираемся исследовать: его свойства или способ образования; но, собственно говоря, нужно одновременно делать и то и другое.

Акустическое и органогенетическое направления в фонетике не следует отделять друг от друга. Так называемая «слуховая фонетика», исследующая звуки речи без специально сконструированной аппаратуры, с помощью одних специально натренированных органов чувств, не проводит различий между акустическим и органогенетическим направлениями; фонетист, работающий с помощью уха, определяет на слух акустическую значимость изучаемого звука и одновременно с помощью зрения, чувства осязания и моторного чувства исследует способы производства этого звука. Различие между акустикой и органогенетикой обнаруживается лишь в так называемой экспериментальной (или, точнее, инструментальной) фонетике, да и то только при известных методах, которые в последнее время стали часто оспариваться. При использовании рентгенографического метода связь, синтез акустики с органогенетикой, восстанавливается. Таким образом, исследование физических качеств звука и способов его производства является одной, а не двумя различными задачами фонетики.

¹ См. R. Jakobson, TCLP, II, 103.

Единственной задачей фонетики является ответ на вопрос: «Как произносится тот или другой звук?» Ответить на этот вопрос можно, лишь точно указав, как звучит тот или иной звук (или, говоря физическим языком, какие парциальные тоны, звуковые волны и т.д. обнаруживает данный звуковой комплекс) и каким образом, то есть благодаря какой работе органов речи, достигается этот акустический эффект. Звук — это воспринимаемое слухом физическое явление, и при исследовании акустической стороны речевого акта фонетист соприкасается с психологией восприятия. Артикуляция звука представляет собой наполовину автоматизированную и все же контролируемую волей и управляемую центральной нервной системой деятельность; исследуя артикуляторную сторону речевого акта, фонетист соприкасается с психологией автоматизированных действий. Однако, несмотря на то что область фонетики лежит в сфере психического, методы фонетики являются естественнонаучными. Это связано, между прочим, с тем, что смежные области экспериментальной психологии также используют методы естественных наук, поскольку речь идет здесь не о высших, а о рудиментарных психических процессах. Естественнонаучная установка является для фонетики безусловно необходимой.

Особенно характерно для фонетики полное исключение какого бы то ни было отношения исследуемых звуковых комплексов к языковому значению. Специальная тренировка, натаскивание слуха и осязания, которые должен пройти хороший фонетист, работающий на слух, как раз и состоит в том, чтобы приучить себя выслушивать предложения и слова, а при произнесении ощущать их, не обращая внимания на их значения, и воспринимать лишь их звуковой и артикуляторный аспекты так, как это делал бы иностранец, не понимающий данного языка. Тем самым фонетику можно определить как науку о материальной стороне (звуков) человеческой речи.

Обозначающее в языке состоит из определенного числа элементов, сущность которых заключается в том, что они отличаются друг от друга. Каждое слово должно чем-то отличаться от всех прочих слов того же языка. Однако язык знает лишь ограниченное число таких различительных средств, а так как это число гораздо меньше числа слов, то слова по необходимости состоят из комбинаций различительных элементов («примет» [Male], согласно терминологии К. Бюлера). При этом, однако, допустимы не все мыслимые комбинации различительных элементов. Комбинации подчиняются определенным правилам, которые формулируются по-разному для каждого языка. Фонология должна исследовать, какие звуковые различия в данном языке связаны со смысловыми

различиями, каковы соотношения различительных элементов (или «примет») и по каким правилам они сочетаются друг с другом в слова (и соответственно в предложения). Ясно, что эти задачи не могут быть разрешены с помощью естественнонаучных методов. Фонология должна применять, скорее, те же методы, какие используются при исследовании грамматической системы языка.

Звуки, которые являются предметом исследования фонетиста, обладают большим числом акустических и артикуляторных признаков. И все признаки существенны для исследователя, поскольку только полный учет их позволит дать правильный ответ на вопрос о произношении того или иного звука. Но для фонолога большинство признаков совершенно несущественно, так как они не функционируют в качестве различительных признаков слов. Звуки фонетиста не совпадают поэтому с единицами фонолога. Фонолог должен принимать во внимание только то, что в составе звука несет определенную функцию в системе языка.

Эта установка на функцию находится в самом резком противоречии с точкой зрения фонетики, которая, как говорилось выше, должна старательно исключать всякое отношение к смыслу сказанного (то есть к функции обозначающего). Это препятствует подведению фонетики и фонологии под общее понятие, несмотря на то, что обе науки на первый взгляд имеют дело с одним и тем же объектом. Повторяя удачное сравнение Р. Якобсона, можно сказать, что фонология так относится к фонетике, как политическая экономия к товароведению или наука о финансах к нумизматике.

Наряду с предложенным определением фонетики (учение о звуках речи) и фонологии (учение о звуках языка) этим дисциплинам можно было бы дать и иное определение, квалифицируя фонетику как чисто феноменологическое исследование звуков, а фонологию как исследование языковой функции тех же звуков. Недавно Арво Сотавалта в своей примечательной и во многих других отношениях книге «Фонетика и ее отношение к пограничным наукам»¹ попытался показать, что такое определение (то есть определение, принятое фонологическим съездом в Праге и опубликованное в «Проекте стандартизированной фонологической терминологии»²) является единственно правильным. Признавая, что фонология вращается исключительно в сфере языка, он полагает, однако, что связь фонетики с речью не столь существенна. Конечно, «исходным пунктом» фонетики, как говорит Арво Сотавалта, является «конкретное, а именно речь... Но ведь так обстоит дело при любом научном исследовании: отправным пунктом в зоологии служат отдельные животные, в ботанике—отдельные растения и т.д. Несмотря на

¹ Arvo Sotavalta, Die Phonetik und ihre Beziehungen zu den Grenzwissenschaften (Publicationes Institutii Phonetici Universitatis Helsingforsensis, № 4 = «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», XXXI, 3, Helsinki, 1936).

² TCLP, IV, 19.

это, по д л и н н а я цель науки состоит, конечно, не в исследовании или познании этих е д и н и ч н ы х объектов, речь идет, скорее, об общих понятиях, добываемых с их помощью». Аналогичным образом и фонетика, «имея в качестве исходного пункта исследования речь (parole), стремится постичь сущность более общего по сравнению с речью понятия, сущность языка (langue); она исследует «непосредственные предпосылки, то есть производство языка, и непосредственные результаты, то есть восприятие языка», пытаясь «достичь всестороннего познания составных ч а с т е й языка» (стр. 34). Здесь кроется явное недоразумение, причина которого заключается, по-видимому, в том, что Арво Сотавалта привлекает в качестве параллели естественные науки, где полностью отсутствует что-либо похожее на противоположение «речь — язык». Воспроизводиться и восприниматься могут только элементы речевого акта. Язык не воспроизводится и не воспринимается; он должен быть в наличии, причем как говорящий, так и слушающий ориентируются только на него. Те «более общие понятия», к которым приходит фонетист в результате наблюдения конкретно произносимых звуков и их сочетаний и которые можно сравнить с видами животных в зоологии и видами растений в ботанике, суть различные классы звуков или артикуляций; однако фонетика никогда не сможет проникнуть в их языковую функцию, оставаясь чисто феноменологической наукой. Таким образом, фонетика всегда остается в сфере речи, тогда как фонология (что, впрочем, знает и Арво Сотавалта) относится к сфере языка. Оба определения покрывают друг друга. Фонология — это учение о звуках языка, а фонетика — это учение о звуках речи. Причем фонология неизбежно имеет дело с языковой функцией звуков, фонетика же — с феноменологической стороной звуков безотносительно к их функции. Это различие основывается на том, что язык как социальное установление принадлежит к сфере отношений, функций, ценностей, тогда как речь принадлежит к сфере эмпирических явлений. В таких естественных науках, как ботаника или зоология, нет ничего подобного; поэтому-то они и не могут привлекаться для аналогии с языком — речью. Зато в социальных науках, поскольку они имеют дело с общественным использованием материальных вещей, мы можем обнаружить те же отношения. Во всех случаях такого рода необходимо строго отделять социальное установление как таковое от конкретных актов, в которых оно, так сказать, реализуется и которые без него не были бы возможны. При этом социальное установление нужно исследовать в плане отношений и функций, а соотнесенные с ним конкретные акты — в плане феноменологическом.

Как совершенно неудачную следует расценивать попытку Э. Отто определить фонологию как учение о звуках, основывающееся на акустике, а фонетику как учение о звуках, основывающееся на органогенетике¹. Примечательно, что Э. Отто соединяет свою концепцию с совершенно правильным взглядом на фонологию как на учение о звуках языка и на фонетику как на учение о звуках речи. Э. Отто полагает, однако, что самой существенной для языка является акустическая сторона, а для речи — артикуляторная; и здесь он решительно не прав. Арво Сотавалта в своей (упомянутой выше) работе настолько хорошо очертил различные аспекты фонетики, что мы можем не вдаваться в подробности. Позволим себе только заметить, что как артикуляторный, так и акустический аспекты звука суть явления природы и как таковые они могут исследоваться только с помощью естественнонаучных методов; благодаря этому оба аспекта и оказываются в сфере фонетики, причем материал для исследования как акустического, так и артикуляторного аспектов звука может черпаться лишь из конкретных актов речи. Наоборот, звуковые ценности, которые подлежат исследованию в фонологии, являются абстрактны-

¹ E. Otto, Grundfragen der Linguistik, «Indogermanische Forschungen», LII, стр. 177 и сл.

ми. Такими ценностями оказываются прежде всего отношения, оппозиции и т.д. — совершенно нематериальные вещи, которые не могут восприниматься и исследоваться ни с помощью слуха, ни с помощью осязания.

Строгое разграничение фонетики и фонологии необходимо по существу и осуществимо практически. Такое разграничение — в интересах обеих наук. Оно, разумеется, не препятствует тому, чтобы каждая из указанных наук пользовалась результатами другой. Надо только соблюдать при этом надлежащую меру, что, к сожалению, бывает не всегда.

Звуковой поток, изучаемый фонетистом, является континуумом, который может быть расчленен на любое число частей. Стремление некоторых ученых вычленить в континууме «звуки» основано на фонологических представлениях (опосредованных письменными образами). Так как вычленение «звуков» в действительности является весьма нелегкой задачей, некоторые фонетисты предложили различать «опорные звуки» (*Stellungslauten*) и лежащие между ними «переходные звуки» (*Gleitlauten*). «Опорные звуки», соответствующие фонологическим элементам, описываются, как правило, подробно, тогда как «переходные звуки» обычно не описываются, поскольку они, очевидно, рассматриваются как малосущественные или даже как совсем несущественные. Подобного рода подразделение элементов звукового потока не может быть оправдано с чисто фонетической точки зрения; оно покоится на ошибочном перенесении фонологических понятий в область фонетики. Для фонолога известные элементы звукового потока действительно несущественны. Однако таковыми оказываются не только «переходные звуки», но и отдельные качества и признаки «опорных звуков». Разумеется, фонетист не может принять эту точку зрения. Несущественным для него может быть, скорее, лишь значение, смысл речевого акта, тогда как все элементы или части речевого потока для него равно существенны и важны. Конечно, фонетист всегда будет рассматривать известные типические положения органов речи и соответствующие им акустические явления как основные элементы фонации и таким образом сохранять основной принцип описания типичных артикуляционных и звуковых образований, извлекаемых из звукового и артикуляторного континуума. Однако такой подход допустим лишь в элементарной фонетике, к которой должна присоединяться другая часть, где исследуется структура фонетических целостностей высшего порядка. И совершенно естественно, что при описании фонетического строя языка учение о фонетических элементах в известной мере учитывает фонологическую систему данного языка, а фонологически существенные противоположения рассматриваются в нем более тщательно, нежели совершенно несущественные.

Что касается фонологии, то она, само собой разумеется, должна использовать известные фонетические понятия. Утверждение о противоположности между глухими и звонкими шумными в русском языке, служащей для различения слов, принадлежит сфере фонологии. Однако сами понятия «звонкий», «глухой», «шумный» являются фонетическими. Начало любого фонологического описания состоит в выявлении смыслоразличительных звуковых противопоставлений, которые имеют место в данном языке. Фонетическое описание данного языка должно быть принято в качестве исходного пункта и материальной базы. Что же касается следующих, более высоких, ступеней фонологического описания — систематики и комбинаторики, — то они уже совершенно не зависят от фонетики.

Таким образом, известный контакт между фонологией и фонетикой, несмотря на их принципиальную независимость, неизбежен и безусловно необходим. Однако это взаимодействие должно касаться лишь начальных этапов фонологического и фонетического описания (элементарной фонетики и фонологии); но и в этих пределах не следует переходить границ безусловно необходимого¹.

2. Фонология и звуковая стилистика

Так как человеческая речь предполагает наличие говорящего, слушателя (или слушателей) и определенного предмета речи, о котором говорят, то каждое языковое выражение имеет три аспекта; оно является одновременно выражением (экспрессией), или характеристикой, говорящего, обращением (или апелляцией) к слушателю (или слушателям) и сообщением (или экспликацией) о предмете речи. Большая заслуга Карла Бюлера состоит в том, что он в правильном свете представил этот, очевидно, простой и тем не менее столь долго остававшийся незамеченным факт².

Схема К. Бюлера сохраняет свое значение и для звуковой стороны языка. Слушая, как кто-нибудь говорит, мы слышим, к т о

¹ Об отношении между фонетикой и фонологией см Karl B u h l e r, *Phonetik und Phonologie*, TCLP, IV, стр. 22 и сл.; Viggo B r ø n d a l, *Sound and phoneme* (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, стр. 40 и сл.); J V a c h e k, *Several thoughts on several statements of the phoneme theory*, «American speech», X, 1935, Arvo Sotavalta, *Die Phonetik und ihre Beziehungen zu den Grenzwissenschaften*, «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», XXXI, 3, Helsinki, 1936

² Karl B u h l e r, *Axiomatik der Sprachwissenschaft*, «Kant-Studien», XXXVIII; его же, *Sprachtheorie*, Jena, 1934

говорит, каким тоном он говорит и что он говорит. Собственно говоря, в наличии имеется только одно акустическое впечатление. Но мы разлагаем его на составные части, причем всегда с точки зрения трех установленных Бюлером функций: одни качества воспринимаемого звука мы осознаем как выражение, как знак, свидетельствующий о говорящем (например, тон голоса), другие — как средство вызвать те или иные чувства у слушателя, и наконец, третьи — как признаки, по которым опознаются слова с определенным значением и состоящие из этих слов предложения. Мы как бы проецируем различные качества воспринимаемого звука на три разные плоскости: плоскость выражения, плоскость обращения и плоскость сообщения.

Спрашивается, должна ли фонология исследовать все три плана? Что план сообщения принадлежит фонологии, представляется непосредственно очевидным. Содержание воспринимаемого предложения может быть понято лишь при том условии, если слова, из которых оно состоит, относятся к лексическим или грамматическим элементам языка (*langue*), а обозначаемое этих элементов необходимым образом состоит из фонологических единиц. Менее очевидно отношение к фонологии плана выражения и плана обращения. На первый взгляд оба эти плана находятся как будто в сфере речи (*parole*) и, стало быть, подлежат не фонологическому, а фонетическому исследованию. Но при ближайшем рассмотрении это воззрение оказывается ошибочным. Среди звуковых впечатлений, благодаря которым мы опознаем личность говорящего и его намерение воздействовать на чувства слушателя, есть такие, которые для их правильного восприятия должны быть соотносены с определенными, установленными в данном языке нормами. Такие нормы следует трактовать как языковые ценности, они принадлежат языку (*langue*) и должны, таким образом, рассматриваться в фонологии.

В первых работах по фонологии экспрессивная и апеллятивная функции едва принимались во внимание. Фонологи чаще всего были склонны переоценивать роль фонетического фактора в данных областях¹. Юлиус фон Лазициуш, пожалуй, был первым, кто недвусмысленно указал на неоправданность такого взгляда. Поскольку фонология в противоположность фонетике должна исследовать функции звуков человеческой речи, она не может ограничивать

¹ Еще в работе де Гроота «Phonologie und Phonetik als Funktionswissenschaften» (TCLP, IV, стр. 116 и сл., особенно 124 и сл.) отношение фонологии и фонетики к различным аспектам звука трактуется только в таком смысле. Впрочем, уже сама постановка вопроса была большой заслугой де Гроота

себя одной экспликативной функцией. Наоборот, согласно Лазициушу, фонология обязана принимать во внимание как экспрессивную, так и апеллятивную функции звуков. Венгерский фонолог также показал, что употребление отдельных звучаний в экспрессивной и апеллятивной функциях столь же условно, как их употребление в целях смыслоразличения: экспрессивные и апеллятивные средства, выполняющие в каком-либо языке указанные функции, не могут быть безоговорочно перенесены в другой язык¹.

Из высказываний Лазициуша с очевидностью вытекает необходимость в двух новых разделах фонологии: экспрессивной и апеллятивной. Создание этих разделов сопряжено, конечно, с большими трудностями, прежде всего — с недостатком надежных материалов. Ведь в обстоятельных описаниях звуковых систем того или иного языка крайне редко можно найти указания на экспрессивные и апеллятивные средства. Правда, кое-что можно собрать в работах по дикции, однако подобного рода работы, как правило, имеют практическую установку и, естественно, не проводят никакого различия между языком и речью; поэтому ими нельзя пользоваться без должного критического подхода. При ближайшем же критическом рассмотрении всегда оказывается, что собранный в них материал имеет незначительную ценность. Таким образом, при нынешнем состоянии исследований не представляется возможным сказать что-либо определенное об экспрессивной и апеллятивной фонологии; на этот счет могут быть высказаны лишь самые общие соображения.

Экспрессивная функция речи состоит в характеристике говорящего. Все, что служит в речи для характеристики говорящего, выполняет экспрессивную функцию. Элементы, выполняющие эту функцию, могут быть весьма многообразными: принадлежность говорящего к определенному человеческому типу, его физические и духовные особенности и т.д. — обо всем этом можно судить по его голосу, по его произношению, по общему стилю его речи, включая сюда выбор слов и построение предложения. Нас интересуют, однако, только фонологически экспрессивные средства, то есть такие экспрессивные средства, которые содержатся в звуковой стороне языка как условной системе знаков.

Тем самым тотчас же из поля нашего зрения выпадает большая часть характерных элементов человеческой речи. Прежде всего

¹ J. v. Laziczius, Probleme der Phonologie, «Ungarische Jahrbücher», XV, 1935 и «Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences», London, 1935, 57. Ср., впрочем, Л. Щербача, О разных стилях произношения, «Записки Неофилологического общества при СПбУ», VIII, 1915, а также Р. Якобсон, О чешском стихе..., Берлин, 1923, стр. 40 и сл.

должно быть исключено все данное от природы, все обусловленное чисто психологическими факторами. Ведь по голосу можно узнать не только пол и возраст говорящего, но иной раз и его самочувствие; даже не видя говорящего, можно по одному только его голосу определить, толстый он или худой. Все это, однако, не имеет никакого отношения к фонологии. Хотя мы и упоминаем здесь об акустически воспринимаемых симптомах, но эти симптомы не принадлежат к условно установленной системе знаков данного языка; они сохраняют свой симптоматический характер даже при неязыковом функционировании речевого аппарата. То же можно сказать и о многих признаках речи, на основании которых можно сделать заключения характерологического свойства. К экспрессивной фонологии принадлежит лишь условно установленные средства звуковой характеристики говорящего. А так как язык является прежде всего общественным установлением, то условными в нем являются только средства, характеризующие принадлежность говорящего к определенному, существенному для данной языковой общности, человеческому типу или группе. С помощью этих средств можно выразить, например, принадлежность к определенной возрастной группе, к тому или иному общественному классу, далее пол, степень образования, наконец, происхождение говорящего — и это именно потому, что все перечисленные признаки существенны для внутреннего членения языковой общности, для содержания и формы речи. Напротив, деление людей на толстых и тонких, простуженных и здоровых, флегматиков и сангвиников и т.д. было бы несущественным для жизни языковой общности, находящей свое выражение в различных типах речи; поэтому такое деление не нуждается ни в каком условном языке («глоттическом», по выражению Есперсена) обозначении; если подобного рода свойства говорящего и можно угадать по звуковой стороне его речи, то такая догадка является внеязыковым психологическим процессом.

Экспрессивную фонологию можно сравнить с изучением одежды в этнографии различие между толстыми и тонкими, высокими и маленькими людьми весьма существенно для портного, который шьет одежду, но с этнографической точки зрения эти различия абсолютно не важны. Для нее важна только условно установленная форма одежды. Платье неряшливого человека может быть грязным и помятым, у рассеянного человека оно не всегда застегнуто на все пуговицы, однако и эти признаки не имеют никакого значения для этнографического изучения одежды. Зато этнография интересуется любой самой незначительной деталью, которая по существующему обычаю отличает одежду замужней женщины от одежды незамужней и т.д. Очень часто человеческие группы, выделяемые по существенным с этнографической точки зрения различиям в их одежде, оказываются, совпадают с теми же самыми группами, которые выделяются по языковым и особенно по

«экспрессивно-фонологическим» особенностям: половые и возрастные группы, общественные классы и соответственно сословия, группы людей по образованию, горожане и крестьяне и т.д.¹

Само собой разумеется, что частности зависят от общественной структуры данного народа и соответственно — данной языковой общности. В языковых общностях, слабо или вовсе не дифференцированных в социальном отношении, исключительное значение приобретают различия по полу и возрасту. В дархатском говоре монгольского языка все гласные среднего и заднего рядов в произношении женщин слегка продвинуты вперед, так что мужскому *u*, *o*, *a* соответствует женское *ü*, *ö*, *ä*, а мужскому *ü*, *ö*, *ä* — женское *iu*, *io*, *ia*; помимо того, фрикативному *x* в мужском произношении соответствует взрывной *k* в женском произношении².

Богораз сообщает, что один из звуков языка чукчей (дуораветланов) на Камчатке произносится мужчинами как *č'* (палатализованное *č*), а женщинами и детьми как *s* (= *ts*)³. По свидетельству В. Иохельсона, в языке юкагиров (одулов) на северо-востоке Сибири есть звуки, которые произносятся мужчинами как палатальные взрывные *t*, *d*, детьми и женщинами как аффрикаты *s*, *z*, а стариками как палатализованные *č'*, *ž'*⁴. Во всех этих случаях мы имеем дело с кочевниками, кочующими охотниками (или рыбаками), у которых каждый пол (или половозрастной класс) образует замкнутую в себе общность, а какое-либо другое членение общества едва ли существует. Однако различия в произношении половозрастных групп обнаруживаются также и у народов с развитой общественной дифференциацией. Конечно, у таких народов они, как правило, менее заметны. Так, например, в русском языке имеется общая тенденция усиливать лабиализацию ударного *o* в его начальной части и ослаблять ее к концу артикуляции; гласный *o*, таким образом, всегда звучит как своего рода дифтонг с убывающей лабиализацией. Но тогда как различие между началом и концом артикуляции *o* в нормальном мужском произношении весьма ничтожно и даже едва заметно, в произношении женщин оно более значительно; некоторые женщины вместо *o* произносят даже дифтонг *iu* (что, конечно, расценивается уже как нечто вульгар-

¹ О функции одежды см. превосходную работу П. Богатырева «Funkcie kroja na Moravskom Slovensku», «Spisy národopisného odboru matice Slovenskej», I, 1937.

² Г.Д. Са н ж е в, Дархатский говор и фольклор, Л., изд. АН СССР, 1931, стр. 17.

³ Сборник «Языки и письменность народов Севера», III, Л., 1934, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 158.

ное). Различие между мужским и женским произношением заключается здесь лишь в степени дифтонгизации; однако если мужчина произнесет *o* с лабиализацией, характерной для нормального женского произношения, такое произношение сразу бросается в глаза как женственное и аффектированное¹. При внимательном наблюдении подобного рода тонкие условные различия между мужским и женским произношением можно, пожалуй, обнаружить в любом языке; обстоятельное описание фонологической системы какого-либо языка должно постоянно с этим считаться. Что же касается условных различий в произношении разных возрастных групп, то они также наблюдаются во многих языках, их определенно отмечают многие исследователи. Нужно только быть осторожным и не смешивать условные различия с различиями, данными от природы. Когда дети заменяют тот или иной звук другим, поскольку правильное произношение его усваивается лишь со временем, в этом нет еще ничего экспрессивно-фонологического (как и во всех случаях патологических ошибок речи). Но экспрессивно-фонологический факт налицо, когда ребенок, будучи в состоянии вполне точно воспроизвести произношение взрослых, намеренно не делает этого или когда молодой человек преднамеренно остерегается воспроизводить произношение пожилых людей (что, впрочем, не составило бы для него никакого труда), с тем чтобы только не показаться старомодным или смешным. Иной раз речь идет об исключительно тонких оттенках, таких, например, как нюансы интонации и т.п.

В социально дифференцированных обществах особенно заметны различия в произношении, основывающиеся на сословном, профессиональном или культурном членении общества. Такие различия наблюдаются не только в языках Индии, где они закреплены кастовым делением (в тамильском, например, один и тот же звук в зависимости от кастовой принадлежности говорящего произносится то как *ṣ*, то как *s*), но и в других частях света. Венский разговорный язык в устах министерского чиновника звучит иначе, чем в устах какого-нибудь продавца. В дореволюционной России представители духовенства, например, отличались спирантным произношением *g* (как *γ*), хотя все остальные звуки они произносили согласно правилам литературного языка; в литературном рус-

¹ Эта особенность не обусловлена какими-либо физиологическими причинами; она является чисто условной; это видно, между прочим, из того, что у некоторых женщин она проявляется лишь в подчеркнута кокетливой речи, то есть тогда, когда возникает необходимость специально оттенить свою женственность.

ском языке существовало особое «дворянское» и «купеческое» произношение. Расхождения в произношении горожан и крестьян, образованных и необразованных встречаются, пожалуй, в любом языке. Часто встречается особое «светское» произношение: характеризуясь небрежной артикуляцией, оно свойственно всякого рода шеголям и пшютам.

В любом языке можно обнаружить также л о к а л ь н ы е различия в произношении. Иной раз по этим различиям люди на сельском рынке узнают, из какой деревни их собеседник. Что касается образованных людей, говорящих на нормализованном литературном языке, то столь точные сведения о месте их происхождения на основе одного их произношения вряд ли возможны; однако и тут в основном можно догадаться, из какой языковой области такой человек происходит.

Условные звуковые экспрессивные средства часто свидетельствуют не о том, кем является на самом деле говорящий, а только о том, кем он хочет казаться в данный момент. У многих народов произношение, которое они употребляют в публичных выступлениях, отличается от произношения, которое имеет место в их обычном разговоре. Существуют особые признаки, отличающие слащаво-ханжеское и заискивающее произношение. Точно так же рядом звуковых условностей характеризуется и аффективно-наивный щебет известного рода дам и т.п. Все фонологически-экспрессивные средства, которые служат для характеристики определенной языковой группы внутри какой-либо языковой общности, образуют систему; совокупность этих средств может быть определена как экспрессивный стиль данной языковой группы. Говорящий не обязан употреблять всегда один и тот же экспрессивный стиль; он может пользоваться то одним, то другим стилем в зависимости от содержания беседы или характера собеседника; короче говоря, он сообразуется с обычаями, господствующими в той языковой общности, к которой он принадлежит.

Особым видом фонологических экспрессивных средств являются «допускаемые звуковые суррогаты». В любом языке наряду с обычными звуками, употребляемыми всеми, то есть «средними говорящими», имеются единичные звуки, употребляемые лишь небольшим числом говорящих в качестве заменителей тех нормальных звуков, к которым они не чувствуют расположения. «Нерасположение» это основано либо на весьма распространенных ошибках произношения, либо на своего рода моде и т.п. «Звук-суррогат» может отличаться от «нормального звука» в разной степени: иногда (например, в случае употребления различных суррогатов звука *г* во многих европейских языках) он сразу улавливает-

ся любимым наблюдателем, иной раз, однако, для восприятия этого различия нужно иметь хорошо натренированное ухо. Существенно, что суррогаты допускаются языковой общностью и не подвергаются вытеснению, продолжая существовать наряду с нормальными звуками. Поскольку отдельные лица усваивают такие суррогаты и употребляют их постоянно или почти постоянно в своем разговоре, суррогаты становятся средствами экспрессивной характеристики этих лиц.

Помимо чисто экспрессивных средств, есть еще и такие, которые выполняют одновременно и специальную экспликативную функцию. Довольно часто произношение какой-либо группы говорящих отличается от обычного либо тем, что пренебрегает смысловоразличительными (а стало быть, существенными в экспликативном плане) противоположениями звуков, либо тем, что обнаруживает эти противоположения там, где они не известны произношению других групп. Вспомним, например, неразличение глухих и звонких, характерное для некоторых частей немецкой языковой области и проникающее даже в литературный язык; вспомним также столь типичное для марсельского произношения совпадение *š* и *s*, *ž* и *z* или различие безударных *a* и *o*, столь характерное для старшего поколения духовенства в дореволюционной России (такое произношение особенно резало ухо в центральных и южных областях Великороссии, где безударные *a* и *o* уже не различались у представителей других слоев населения) и т.д. С точки зрения экспликативной функции мы имеем тут различные диалектные фонологические (или фонетические) системы, а с точки зрения экспрессивной функции — различные экспрессивные формы одной и той же системы. Случаи этого рода необходимо строго отличать от других, где характеристика отдельных социальных или локальных групп проявляется в произношении одной и той же фонемы, а не в числе различаемых фонем.

От фонологически-экспрессивных средств необходимо отличать фонологически-апеллятивные, или воздействующие, средства. Апеллятивные средства служат для того, чтобы вызвать, «возбудить» в собеседнике известные чувства. Часто, однако, самим говорящим эти чувства по-настоящему не переживаются, он стремится лишь к тому, чтобы ими был заражен собеседник. Переживает ли сам говорящий эти чувства или только симулирует переживание, не имеет в данном случае никакого значения. Намерение говорящего состоит не в том, чтобы выразить свои собственные чувства, а в том, чтобы возбудить какие-то чувства у собеседника.

Фонологически-апеллятивные средства в свою очередь необ-

ходимо строго отличать от естественных выражений чувства, даже если эти последние воспроизводятся искусственно. Если говорящий заикается от (мнимого или действительного) страха или волнения или если его речь прерывается рыданиями, то это не имеет никакого отношения к фонологии, ибо речь здесь идет о симптомах, которые обнаруживаются даже при внеязыковом выражении. Наоборот, такие явления, как сверхдолготы согласного и гласного в восторженно произносимом немецком *s c h s c h ö ö n!*, представляют собой факт языка: во-первых, они обнаруживаются только в языке, не имея внеязыкового выражения, во-вторых, они наделены определенной функцией, в-третьих, они условны, как и все прочие наделенные функцией языковые средства. Следовательно, они принадлежат апеллятивной фонологии (поскольку дело в этом случае заключается в том, чтобы вызвать определенные чувства у слушателя).

При современном состоянии знаний трудно сказать, какими методами должна руководствоваться «апеллятивная фонология». Теоретически для каждого языка следовало бы установить полный перечень всех фонологически апеллятивных средств, иными словами, всех условных средств, с помощью которых возбуждаются известные чувства и эмоции. Однако не всегда ясно, что следует рассматривать в качестве отдельного апеллятивного средства и как эти апеллятивные средства должны быть отграничены друг от друга. Особенно трудным и тонким оказывается в этом случае разграничение языка и речи. Выше мы упомянули о сверхдолготе ударного гласного и непосредственно предшествующего ему согласного в немецком языке. Как пример было приведено нем. *schschööp!* в восторженном произношении. Однако то же самое средство может быть с успехом использовано и для выражения других эмоций: *s c h s c h ö ö n!* можно произнести не только в восторженном состоянии, но и иронически; *s c h s c h a a m l o s!* можно произнести негодуя, *l i i e b e r F r e u n d!* — восторженно, иронически, с возмущением, убежденно, с грустью, с сожалением и т.д. — каждый раз с иной интонацией. спрашивается, как же следует понимать эти различные оттенки интонации? Относятся ли все они к апеллятивной фонологии и вообще к языку? Или же они принадлежат только речи? Действительно ли они условны? Эмоционально окрашенные интонации встречаются довольно часто и во внеязыковых выражениях (при неопределенных, неартикулируемых восклицаниях), причем конкретные эмоции, которые они должны вызывать, можно опознать с достаточной точностью. Очевидно, внеязыковые интонации, вызывающие эмоции, имеют ту же структуру тона и интенсивности, что и сло-

ва, окрашенные теми же эмоциями (впрочем, все это еще ни разу не подвергалось обстоятельному исследованию). Можно также твердо установить, что многие из интонаций, вызывающих эмоции, имеют одно и то же значение в самых разных и притом далеко отстоящих друг от друга языках мира¹. Напротив, сверхдолгота ударного гласного и предшествующего согласного предполагает наличие гласных и согласных, а также ударных и неударных слогов; следовательно, по самому своему существу она связана исключительно с языковыми выражениями и действительна лишь для определенных языков.

Вероятно, так обстоит дело с большинством фонологических апеллятивных средств: сами по себе эти средства не имеют прямого отношения к возбуждению какой-то определенной эмоции; они содействуют появлению множества самых различных эмоций; выбор же эмоций зависит от ситуации, в которой разворачивается речь, а само возбуждение эмоций достигается необозримым многообразием звуковых жестов, лишенных условного характера. Задача апеллятивной фонологии состоит не в собирании, описании и систематизации этих эмоциональных звуковых жестов и не в приурочении их к определенным конкретным эмоциям, а в определении тех условных признаков, которые, за вычетом названных выше звуковых жестов, способствуют различению эмоционально окрашенной речи от эмоционально нейтральной, спокойной речи. Так, например, можно сказать, что сверхдолгота ударного долгого гласного и предударного согласного в немецком, удлинение согласных в начале слова и гласных в конце предложения в чешском, удлинение краткого гласного (при сохранении специфического *открытого, ненапряженного качества этого гласного*) в венгерском, удлинение первых согласных слова (*accent d'insistance*) во французском и т.д. являются знаками эмоциональной речи, то есть фонологическими апеллятивными средствами. И действительно, все названные особенности появляются в указанных языках лишь в случае необходимости вызвать какую-либо эмоцию и недопустимы в спокойной, эмоционально нейтральной речи. Кроме того, они явно условны в противоположность, например, интонации ужаса, которая является, если можно так выразиться, целиком интернациональной, хотя в каждом отдельном языке она может употребляться лишь в таких словах, которые уже наделены

¹ Европейцы, например, понимают эмоции, которые хочет выразить хороший японский актер, даже тогда, когда они не понимают ни слова из того, что он говорит; и это не только благодаря мимике, но отчасти также и благодаря интонации

условными апеллятивными средствами (например, удлинение предупредного согласного в немецком языке)¹.

Отличить апеллятивные средства от экспрессивных не всегда легко. Иной раз экспрессивные стили отличаются усилением апеллятивной функции; иногда они отличаются ослаблением ее: степень апеллятивности сама становится, таким образом, своего рода экспрессивным средством. Сравните, например, преувеличенно эмоционально окрашенную речь жеманницы и торжественно апатичную речь пожилого вельможи. Конечно, эти два экспрессивных стиля имеют свои специфические приметы, лежащие целиком в сфере экспрессивной фонологии. К этим приметам присоединяется, однако, и способ использования апеллятивных средств. Задача исследователя в дальнейшем будет состоять, очевидно, в тщательном разграничении экспрессивной и апеллятивной функций в различных речевых стилях. В настоящее время это еще невозможно. Пока что следует собирать материал по возможности из самых различных языков.

Таким образом, мы настаиваем на строгом разграничении экспрессивных и апеллятивных средств.

Во всяком случае недопустимо отказываться от возможности разграничения экспрессивных и апеллятивных средств, как это делает Ю. фон Лазициуш в цитированной выше работе. Он пытается выделить в звуковой стороне языка элементы троякого рода. фон е м ы, которым присущи все три функции (экспрессивная, апеллятивная и экспликативная), э м ф а т и к и, лишенные экспликативной функции и наделенные, очевидно, лишь экспрессивной и апеллятивной функциями, и в а р и а н т ы, которые будто бы несут лишь экспрессивную функцию. Под эффиками Лазициуш понимает все то, что у нас названо экспрессивными и апеллятивными средствами. Как ни велика заслуга Лазициуша, указавшего на необходимость фонологического исследования трех бюлеровских функций, все же мы не можем присоединиться к его идее о троякого рода элементах фонемах, «эффиках» и «вариантах». В конкретном речевом акте все три функции связаны и переплетены между собой. Но слушающий разлагает этот комплекс на составные части, каждая из которых имеет одну-единственную функцию, и соотносит каждый из этих функциональных элементов с соответствующим элементом языка, идентифицирует с ним. В качестве примера Лазициуш приводит венгерское слово ember «человек». Представим себе, однако, что это слово произносится светским хлыщом с интонацией упрека: пять фонем (e, m, b, e, r) служат здесь исключительно для словоразличения, ни одна из них не может быть заменена другой, не искажая слова или не меняя его значения. Эффикатическое удлинение начального e является апеллятивным средством, связанным с «интонацией упрека», отсутствие которого изменило бы эмоциональное содержание (т. е. «апеллятивное содержание») высказывания, поскольку высказывание в этом случае протекало бы в нейтральном тоне. Наконец,

¹ Нужно, таким образом, в любом языке различать условные апеллятивные и спонтанные средства выражения аффекта. К сожалению, эти понятия не разграничиваются в появившейся недавно богатой материалами работе Элизы Рихтер «Das psychische Geschehen und die Artikulation», «Archives Néerlandaises de phonétique expérimentale», XIII, 1937.

характерная неопределенность в степени раствора при гласных, общая небрежность артикуляции согласных и увулярное «язычковое» -г — все это экспрессивные средства, по которым мы опознаем светского хлыща. Подобным образом может быть разложено в функциональном отношении любое высказывание. Если порой в фонеме гораздо легче выделить звуковые признаки с экспрессивной и апеллятивной функцией, нежели обнаружить различие экспрессивных и апеллятивных средств, то это еще не дает оснований для полного отказа от самого разграничения¹.

Соответственно этому, как уже сказано, следовало бы выделить две особые отрасли фонологии, одна из которых имела бы своим предметом экспрессивные, а другая — апеллятивные средства; в качестве третьей сюда присоединилась бы та часть фонологии, которая имеет дело с экспликативными средствами языка и которая только одна и принималась во внимание в работах фонологической школы до упомянутой выше работы Лазициуша. Однако если мы сравним между собою эти три части, то нас прежде всего поразит их несоразмерность. «Экпликативная фонология», очевидно, охватила бы огромную область, тогда как на долю двух других отраслей фонологии достались бы небольшие группы фактов. Кроме того, экспрессивная и апеллятивная фонологии должны были бы обладать некоторыми общими чертами, отличающими эти области от «экпликативной фонологии». Проблема разграничения условного и данного от природы возникает, собственно говоря, лишь в отношении экспрессивной и апеллятивной фонологий и не имеет никакого значения для экспликативной фонологии. В качестве экспликативных средств, лишенных условного характера, можно было бы рассматривать разве только прямые звукоподражания (ведь они не состоят из нормальных звуков). Однако такие звукоподражания (поскольку они действительно даны от природы и лишены условного характера) вообще выходят за рамки языка. Когда кто-либо, рассказывая о том, что с ним произошло на охоте, чтобы оживить свой рассказ, подражает крику зверя или иным естественным шумам, то в этом месте он должен п р е р в а т ь свою речь: и это потому, что звук, служащий предметом подражания, как раз и является инородным телом, лежащим вне пределов нормальной экспликативной человеческой речи². Совер-

¹ Об особой звуковой структуре таких слов, которые, выполняя экспрессивную и апеллятивную функции, лишены вместе с тем экспликативной функции (междометие, приказание, отдаваемые животным, и т.д.), см ниже, стр. 243 и далее, стр. 271.

² Это, естественно, не относится к условным звукоподражаниям, имеющим, как правило, мало сходства с теми шумами, которым они подражают (например, *бац, кукареку*), и часто включенным в грамматическую систему таким образом, что они могут употребляться без перерывов в речи. Ср. J. M. K o f í n e k, *Studie z oblasti onomatopoeje*, «Práce z vědeckých ústavů», XXXVI, Praha, 1934.

шенно иначе обстоит дело в сфере экспрессивного и апеллятивного. Условное и данное от природы переплетены здесь между собой: существенное для апеллятивной функции условное удлинение согласных или гласных выступает только в связи с определенной эмоциональной интонацией, которая вполне естественна, а не условна; особое произношение известных звуков, в отдельных языках условно предписываемое женщинам, выступает, как правило, в связи с женским голосом, который физиологически обусловлен. Можно, пожалуй, сказать, что число условных экспрессивных и апеллятивных средств всегда меньше числа этих же средств, лишенных условного характера. Если, таким образом, на долю «экспликативной фонологии» приходится вся совокупность звуковых средств языка, существенных в плане экспликативной функции, то двум другим отраслям фонологии, очевидно, придется иметь дело лишь с немногочисленными экспрессивными и апеллятивными средствами. В таком случае можно спросить: стоит ли в самом деле рассматривать три вышеупомянутые отрасли фонологии как равноправные и равноценные и целесообразно ли отрывать условные экспрессивные и апеллятивные средства от тех же средств, имеющих естественный характер, и включать их в сферу фонологии?

Все трудности, видимо, проще всего устранить, предоставив исследование экспрессивных и апеллятивных средств звука особой науке — *з в у к о в о й с т и л и с т и к е*; эту науку можно было бы разделить, с одной стороны, на экспрессивную и апеллятивную и, с другой стороны, на фонетическую и фонологическую. При фонологическом описании любого языка следует привлекать и фонологическую стилистику (в двух ее аспектах — экспрессивном и апеллятивном); однако подлинной целью такого описания все же должно быть фонологическое исследование «экспликативного плана» языка. Отсюда вытекает, что фонологию не следует делить на экспрессивную, апеллятивную и экспликативную. Термин «фонология» надо сохранять в ограниченном употреблении, применяя его к исследованиям звуковой стороны языка, существенной в плане экспликативном. Что же касается исследования сторон звука, существенных в плане экспрессивном и апеллятивном, то оно остается за «фонологической стилистикой», которая является в свою очередь лишь частью «звуковой стилистики».

ФОНОЛОГИЯ

Предварительные замечания

Выше мы говорили, что при восприятии речи отдельные признаки воспринимаемых звуков как бы проецируются на три разные плоскости: плоскость выражения, плоскость обращения и плоскость сообщения; при этом слушатель может концентрировать свое внимание на любой из этих плоскостей, отвлекаясь одновременно от двух остальных. Следовательно, качества звука, воспринимаемые в плане экспликативном, могут восприниматься и рассматриваться совершенно независимо от тех качеств, которые лежат в плане экспрессивном и в плане апеллятивном. Не следует, однако, полагать, что все признаки звука, лежащие в плане экспликативном, выполняют одну и ту же функцию. Все они, конечно, служат для выражения интеллектуального смысла, заключенного в том или ином предложении (иными словами, все они причастны к языковым ценностям, наделенным определенным значением). Тем не менее в этой области явно обнаруживаются три различные функции. Одни признаки звука выполняют в е р ш и н о о б р а з у ю щ у ю, или к у л ь м и н а т и в н у ю, функцию; они указывают, какое количество «единиц» (= слов, словосочетаний) содержится в данном предложении; сюда относится, например, главное ударение в словах немецкого языка. Другие признаки звука выполняют р а з г р а н и ч и т е л ь н у ю, или д е л и м и т а т и в н у ю, функцию; они указывают границу между двумя единицами (устойчивыми словосочетаниями, словами, морфемами); сюда относится, например, сильный приступ в начальном гласном в немецком языке. Наконец, третьи признаки звука выполняют с м ы с л о р а з л и ч и т е л ь н у ю, или д и с т и н к т и в н у ю, функцию,

способствуя различению значащих единиц; ср., например, нем. List «хитрость» — Mist «навоз» — Mast «мачта» — Macht «сила» и т.д. Любая единица языка должна содержать звуковые признаки со смыслоразличительной функцией, иначе ее нельзя будет отличить от других единиц языка. Различение языковых единиц осуществляется исключительно с помощью таких звуковых признаков, наделенных смыслоразличительной (дистинктивной) функцией. Напротив, признаки звука, наделенные кульминативной и делимитативной функциями, не являются абсолютно необходимыми для языковых единиц. Существуют предложения, в которых разграничение отдельных слов вообще не обозначено никакими особыми признаками звука и многие слова употребляются в составе целого, не имея специальных кульминативных образований. В любом предложении всегда возможна пауза между словами, так что признаки звука с делимитативной и кульминативной функциями служат своего рода суррогатом, заместителями этих пауз. Следовательно, обе эти функции во всех случаях остаются всего лишь удобным вспомогательным средством, тогда как смыслоразличительная функция не просто удобна, но абсолютно необходима и неизбежна для понимания. Таким образом, среди трех функций, которые можно выделить внутри экспликативного аспекта языка, смыслоразличительная функция является самой важной.

В соответствии с тремя функциями звука, которые обнаруживаются в экспликативном аспекте языка, синхронную (описательную) фонологию можно разделить на три части. Само собой разумеется, что раздел, предметом которого является смыслоразличительная, или дистинктивная, функция, по своему объему должен быть несравненно шире двух других разделов, посвященных кульминативной и делимитативной функциям.

Учение о смысловом различии

(дистинктивная, или смысловозначительная, функция звука)

1. Основные понятия

1. Фонологическая (смысловозначительная) оппозиция

Понятие различия предполагает понятие противоположения, или оппозиции. Две вещи могут отличаться друг от друга лишь постольку, поскольку они противопоставлены друг

другу, иными словами, лишь постольку, поскольку между ними существует отношение противоположения, или оппозиции. Следовательно, признак звука может приобрести смыслоразличительную функцию, если он противопоставлен другому признаку, иными словами, если он является членом звуковой оппозиции (звукового противоположения). Звуковые противоположения, которые могут дифференцировать значения двух слов данного языка, мы называем фонологическими (или фонологически-дистинктивными, или смыслоразличительными) оппозициями¹. Наоборот, такие звуковые противоположения, которые не обладают этой способностью, мы определяем как фонологически несущественные, или несмыслоразличительные. Противоположение *o—i* в немецком языке является смыслоразличительным (фонологическим); ср. *so* «так» — *sie* «они», *Rose* «роза» — *Riese* «великан»; но противоположение переднеязычного *g* увулярному *g* не является смыслоразличительным, поскольку в немецком нет ни одной пары слов, которая различалась бы этими звуками.

Звуки могут быть взаимозаменяемыми и взаимосключающими. Взаимозаменяемыми называются такие звуки, которые в данном языке могут находиться в одинаковом звуковом окружении (например, *o* и *i* в приведенных выше немецких примерах); наоборот, взаимоисключающие в данном языке звуки никогда не встречаются в одном и том же звуковом окружении: в немецком это будут так называемые «*ich-Laut*» и «*ach-Laut*»; последний встречается только после *u*, *o*, *a*, *au*, тогда как первый — во всех прочих положениях, но только не после *u*, *o*, *a*, *au*. Из сказанного следует, что взаимоисключающие звуки, как правило, не могут образовывать каких бы то ни было фонологических (смыслоразличительных) оппозиций: никогда не встречаясь в одном и том же звуковом окружении, они не могут выступать в качестве единственного различительного элемента двух слов. Немецкие слова *dich* «тебя» и *doch* «однако» отличаются друг от друга не только двумя разными *ch*, но и гласными; но тогда как различие между *i* и *o* выступает в качестве самостоятельного и единственного дифференцирующего фактора во многих других парах слов немецкого

¹ «Проектом стандартизованной фонологической терминологии» (см. TCLP, IV) был предложен термин «phonologischer Gegensatz». «opposition phonologique» «фонологическое противопоставление». Этот термин можно сохранить для всех тех языков, где слово «фонологический» не вызывает никаких недоразумений. Для английского мы скорее рекомендовали бы термин «distinctive opposition», поскольку такие выражения, как «phonological opposition», «phonemical opposition», могли бы вызвать путаницу.

языка (например, *stillen* «останавливать, унимать» — *Stollen* «штольня»; *giß* «порвал» — *Roß* «конь»; *Mitte* «середина» — *Motte* «моль»; *bin* «есмь» — *Bonn* «Бонн»; *Hirt* «пастух» — *Hort* «клад, сокровище» и т.д.), противоположение «*ich-Laut*» — «*ach-Laut*» всегда сопровождается противоположением предшествующих гласных и, таким образом, не может различать два слова в качестве е д и н с т в е н н о г о дифференцирующего средства. Так обстоит дело со всеми оппозициями взаимоисключающих звуков (ср., однако, ниже, стр. 39 и сл.). Что касается взаимозаменяемых звуков, то они могут образовывать как смыслоразличительные, так и несмыслоразличительные оппозиции. Все зависит исключительно от функции, которую такие звуки выполняют в данном языке. Например, в немецком языке относительная высота тона гласных в слове несущественна для его значения (то есть для его экспликативной функции). Различия между гласными по высоте тона в лучшем случае могут быть использованы как апеллятивное средство. Значение двусложного слова остается при всех обстоятельствах неизменным независимо от того, будет ли гласный второго слога выше или ниже гласного первого слога, будут ли оба слога произноситься с одинаковой высотой тона или нет. Если рассматривать низкое и высокое и как два разных звука, то можно обнаружить, что в немецком языке эти два звука взаимозаменяемы, но смыслоразличительной оппозиции не образуют. С другой стороны, звуки *г* и *l* в немецком тоже взаимозаменяемы, но они являются вместе с тем и членами смыслоразличительной оппозиции; ср., например, такие пары слов, как *Rand* «край» — *Land* «страна»; *föhren* «вести» — *föhlen* «щупать»; *scharren* «копать, рыть» — *schallen* «звучать»; *wirst* «становишься» — *willst* «хочешь» и т.д., значения которых различаются лишь благодаря противоположению *г*—*l*. В противоположность этому *г* и *l* в японском языке взаимозаменяемы, но неспособны быть членами смыслоразличительной оппозиции: в любом слове звук *г* можно заменить звуком *l*, и наоборот; значение слова от этого никак не изменится. Однако относительная высота тона в слоге фонологически существенна для японского языка. Высокое и низкое и здесь не только взаимозаменяемы, но и являются членами смыслоразличительной оппозиции, благодаря чему, например, *цуру* может иметь три разных значения в зависимости от относительной высоты тона обоих и: *цуру* означает «телива», если первое и выше второго; оно означает «журавль», если первое и ниже второго; оно означает, наконец, «удить», если оба и одинаковы по высоте тона. Таким образом, можно различать два рода взаимозаменяемых звуков: звуки, которые в данном языке образу-

ют смысловоразличительные оппозиции, и звуки, которые образуют лишь несмысловоразличительные оппозиции.

Выше мы сказали, что взаимоисключающие звуки смысловоразличительных оппозиций не образуют. Это утверждение нуждается в некотором ограничении. Взаимоисключающие звуки, не обладающие ни одним общим признаком, который отличал бы их от всех прочих звуков той же системы, все же образуют смысловоразличительные оппозиции. Противоположение «*ich-Laut*» — «*ach-Laut*» в немецком языке не несет смысловоразличительной функции, так как эти звуки являются взаимоисключающими, а их общие признаки (глухой дорсальный спирант) не повторяются ни в одном звуке фонетической системы немецкого языка. Но оппозиция *h*—*η*, члены которой тоже являются взаимоисключающими (ведь *h* встречается только перед гласными, кроме безударных *e* и *i*; *η* — наоборот, только перед безударными гласными *e* и *i* и перед согласными), тем не менее обладает смысловоразличительным характером, поскольку то единственно общее, что присуще этим звукам, а именно их консонантный характер, присуще не только им одним, и, таким образом, не этот признак позволяет отличать их от других согласных немецкого языка. Чтобы отличить подобного рода смысловоразличительные оппозиции от обычных, существующих между взаимозаменяемыми звуками, мы называем их *косвенно-смысловоразличительными* (или *косвенно-фонологическими*). Если обычные непосредственно-фонологические оппозиции (типа *o*—*i*, *g*—*l*) могут использоваться непосредственно для различения слов, то в отношении косвенно-фонологических оппозиций это, само собой разумеется, исключено. Однако члены косвенно-фонологической оппозиции могут вступать в отношения, имеющие характер непосредственно-фонологической оппозиции, с любым другим звуком, особенно с таким звуком, который имеет общий с ними признак. Так, например, немецкие *h* и *η* образуют непосредственно-смысловоразличительные оппозиции со многими согласными, например с *r* (*haspel* «клевать» — *raspel* «упаковывать», *Ringe* «кольца» — *Rippe* «ребро»), с *l* (*heute* «сегодня» — *Leute* «люди», *fange* «поймал» — *falle* «упал») и т.д.

2. Фонологическая (смысловоразличительная) единица. Фонема. Вариант

Итак, под фонологической оппозицией (прямой или косвенной) мы понимаем такое противоположение звуков, которое в данном языке может дифференцировать интеллектуальные значения. Каждый член такой оппозиции мы называем *фонологической* (или *смысловоразличительной*) *единицей*¹. Из этого определения следует, что фонологические единицы мо-

¹ Ср «Проект стандартизованной фонологической терминологии» (TCLP, IV, 311); для английского можно было бы рекомендовать термин *distinctive unit*.

гут быть весьма различными по объему. Такие слова, как *bahne* «прокладываю (путь)» и *banne* «изгоняю», отличаются друг от друга только типом усечения слога (а в связи с этим также количеством гласного и согласного); в такой паре, как *tausend* «тысяча» — *Tischler* «столяр», различие в звуках распространяется на все слово, за исключением анлаута; наконец, в такой паре слов, как *Mann* «мужчина» — *Weib* «женщина», оба слова от начала до конца различны в звуковом отношении. Таким образом, фонологические единицы могут быть более крупными и менее крупными и их можно классифицировать по их относительной величине.

Существуют фонологические единицы, которые можно разложить на ряд следующих друг за другом во времени более мелких фонологических единиц. К такому типу единиц принадлежат [mε:] и [by:] в немецких словах *Mähne* «грива» — *Bühne* «сцена». Из противополжений *Mähne* «грива» — *gähne* «зеваю» и *Mähne* «грива» — *mähne* «увещаваю, предупреждаю» следует, что [mε:] распадается на [m] и [ε:], а из противополжения *Bühne* «сцена» — *Sühne* «покаяние» и *Bühne* «сцена» — *Bohne* «боб» вытекает, что [by:] распадается на [b] и [y:]. Но такие фонологические единицы, как m, b, ε:, y:, уже нельзя себе представить в виде ряда следующих друг за другом еще более кратких фонологических единиц. С фонетической точки зрения каждое b, конечно, состоит из целого ряда движений органов речи: сперва сближаются губы, затем они смыкаются друг с другом настолько, что полость рта полностью изолируется от внешней среды; одновременно поднимается нёбная занавеска и упирается в заднюю стенку зева, закрывая таким образом ход из глотки в полость носа; вместе с этим начинают колебаться голосовые связки; поступающий из легких воздух проникает в полость рта и скопляется за сомкнутыми губами; наконец, под напором воздуха губы размыкаются. Каждому из этих следующих друг за другом движений соответствует определенный акустический эффект. Но ни один из этих «акустических атомов» нельзя рассматривать в качестве фонологической единицы, поскольку такие «атомы» всегда выступают вместе, а не раздельно: за губной «имплозией» всегда следует «эксплозия», которая в свою очередь начинается «имплозией»; *Blählaut* («звонкий пазвук, гул») с лабиальной окраской, который звучит между имплозией и эксплозией, не может появиться без лабиальной имплозии и эксплозии. Следовательно, b в целом является фонологической, неразложимой во времени единицей. То же самое можно сказать и о других упомянутых выше единицах. Долгое [y:] нельзя представлять себе как ряд кратких [y]. Конечно, с фонетической точки зрения это

[y:] представляет собой некоторый промежуток времени, заполненный артикуляцией [y]. Однако если попытаться заполнить часть этого отрезка времени другой вокалической артикуляцией, то мы не получим другого немецкого слова (Baïne, Biäne, Biüne, Vuüne и др. в немецком языке невозможны). Именно с точки зрения немецкой фонологической системы долгое [y:] неразложимо во времени.

Фонологические единицы, которые с точки зрения данного языка невозможно разложить на более краткие следующие друг за другом фонологические единицы, мы называем ф о н е м а м и¹. Следовательно, фонема является кратчайшей фонологической единицей языка. Каждое слово языка в плане обозначающего можно разложить на фонемы, представить как определенный ряд фонем.

Само собой разумеется, что не следует слишком упрощать факты. Не будем представлять себе фонемы теми кирпичиками, из которых складываются отдельные слова. Дело обстоит как раз наоборот: любое слово представляет собой целостность, с т р у к т у р у; оно и воспринимается слушателями как структура, подобно тому как мы узнаем, например, на улице знакомых по их общему облику. Опознавание структур предполагает, однако, их различие, а это возможно лишь в том случае, если отдельные структуры отличаются друг от друга известными признаками. Фонемы как раз и являются р а з л и ч и т е л ь н ы м и п р и з н а к а м и словесных структур. Каждое слово должно содержать столько фонем и в такой

¹ В 1912 г. Л.В. Щерба дал следующее определение фонемы: «Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова...» (Л.В. Щ е р б а, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912, стр. 14). В этом определении (тогда Щерба еще целиком стоял на позиции ассоциативной психологии), а также в другой его работе «*Compt exposé de la prononciation russe*», СПб., 1911, стр. 2, кажется, впервые была столь четко подчеркнута смыслоразличительная функция фонемы. В 1928 г. Н.Ф. Яковлев дает определение фонемы, уже очищенное от элементов психологизма: «...фонемы — это те звуки, с помощью которых происходит различение слов в языке. Точнее говоря, мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка» (Н.Ф. Я к о в л е в, Математическая формула построения алфавита, «Культура и письменность Востока», I, М., 1928, стр. 46). Определение, приведенное нами выше, было сформулировано впервые в 1929 г. Р. Якобсоном в работе «*Remarques sur l'évolution phonologique du russe*», TCLP, II, 5: «Все члены фонологической оппозиции, которые не разложимы далее на более дробные фонологические оппозиции второго порядка, называются фонемами». В несколько измененном виде («...которые не разложимы на более мелкие и более простые фонологические единицы») это определение было включено также в «Проект стандартизированной фонологической терминологии» (TCLP, IV, 311).

последовательности, чтобы можно было отличить его от других слов. Ряд фонем, составляющий целое, присущ лишь данному единичному слову, но каждая отдельная фонема этого ряда встречается в качестве различительного признака также и в других словах. Ведь в любом языке число фонем, употребляемых в качестве различительных признаков, гораздо меньше числа слов, так что отдельные слова представляют собой лишь комбинацию фонем, которые встречаются и в других словах. Это несколько не противоречит структурному характеру слова. Каждое слово как структура всегда представляет собой нечто большее, нежели только сумму его членов (= фонем), а именно такую целостность (*Ganzheitsgrundsatz*), которая спаивает фонемный ряд и дает слову индивидуальность. Но в противоположность отдельным фонемам эта целостность не может быть локализована в звуковой оболочке слова. Поэтому можно сказать, что каждое слово без остатка разлагается на фонемы, что оно состоит из фонем точно так же, как мы, например, говорим, что мелодия, написанная в мажорной тональности, состоит из тонов этой гаммы (хотя любая мелодия, кроме тонов, явно содержит еще нечто такое, что делает ее определенной индивидуальной музыкальной структурой)¹.

Одно и то же звуковое образование (*Lautgebilde*) может быть одновременно членом как фонологических (смыслоразличительных), так и несмыслоразличительных оппозиций. Так, например, оппозиция «*ach-Laut*» — «*ich-Laut*» является несмыслоразличительной, а оппозиция каждого из этих звуков по отношению к звуку *k* — смыслоразличительной (ср. *stechen* «колоть, резать» — *stecken* «совать»; *riech* «нюхал» — *Reck* «пиджак»). Это возможно лишь потому, что каждый звук содержит ряд акустико-артикуляторных признаков, отличаясь от любого другого звука не всеми этими признаками, а лишь некоторыми из них. Так, например, *k* отличается от *ch* тем, что при произнесении первого образуется полная смычка, а при произнесении второго — лишь сужение между спинкой языка и нёбом; наоборот, различие между «*ich-Laut*» и «*ach-Laut*» состоит в том, что в первом случае щель образуется в области твердого нёба, а во втором — в области мягкого нёба. Если оппозиция *ch* — *k* имеет смыслоразличительный характер, а оппозиция «*ich-Laut*» — «*ach-Laut*» — несмыслоразличительный, то это доказывает, что в данном случае образование щели между спин-

¹ См. по этому поводу Karl Bühler, *Psychologie der Phoneme* (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, стр. 162 и сл.), и N.S. Трубетzkой, *Über eine neue Kritik des Phonembegriffes*, «Archiv für vergleichende Phonetik», 1, стр. 129 и сл., особенно стр. 147 и сл.

кой языка и нёбом фонологически существенно, а локализация этой щели в той или иной части нёба фонологически несущественна. Звуки участвуют в фонологических (смыслоразличительных) оппозициях лишь благодаря своим фонологически существенным признакам. И так как каждая фонема обязательно является членом фонологической оппозиции, то она совпадает не с конкретным звуком, а только с его фонологически существенными признаками. Можно сказать, что **фо-не-ма** — это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию¹.

Любой произносимый и воспринимаемый в акте речи звук содержит, помимо фонологически существенных, еще и много других фонологически несущественных признаков. Следовательно, ни один звук не может рассматриваться просто как фонема. Поскольку каждый такой звук содержит, кроме прочих признаков, также и фонологически существенные признаки определенной фонемы, его можно рассматривать как **р е а л и з а ц и ю** этой фонемы. Фонемы реализуются в звуках речи, из которых состоит любой речевой акт. Звуки никогда не являются самими фонемами, поскольку фонема не может содержать ни одной фонологически несущественной черты, что для звука речи фактически неизбежно. Конкретные звуки, слышимые в речи, являются скорее лишь материальными символами фонем.

Непрерывный звуковой поток в речи реализует или символизирует определенный фонемный ряд. В определенных точках такого потока можно опознать фонологически существенные признаки звука, характерные для отдельных фонем соответствующего фонемного ряда. Каждую такую точку можно рассматривать как реализацию определенной фонемы. Но, помимо фонологически существенных звуковых признаков, в той же самой точке звукового потока обнаруживаются еще многие другие, фонологически несущественные звуковые признаки. Совокупность всех, как фонологически существенных, так и несущественных, признаков, которые обнаруживаются в той точке звукового потока, где реализуется фонема, мы называем **з в у к о м** языка (и соответственно **з в у к о м** речи). Каждый звук содержит, таким образом, с одной стороны, фонологически существенные признаки, благодаря которым он становится реализацией определенной фонемы, и, с другой стороны, целый ряд фонологически несуще-

¹ Ср. аналогичное определение Р. Якобсона в чешской энциклопедии «Ottův slovník naučný», Dodatky, II, 1, 608 (под словом «fonéma»).

ственных признаков, выбор и появление которых обусловлены рядом причин.

Отсюда явствует, что фонема может реализоваться в ряде различных звуков. Для немецкого *g*, например, фонологически существенны следующие признаки: полная смычка спинки языка с нёбом при поднятой нёбной занавеске, расслабление мускулатуры языка и размыкание смычки без воздушного потока. Однако место, где должна образовываться смычка языка с нёбом, работа губ и голосовых связок во время смычки фонологически несущественны. Таким образом, в немецком языке существует целый ряд звуков, которые считаются реализацией одной фонемы *g*: есть звонкое, полувзвонкое и абсолютно глухое *g* (даже в тех говорах, где слабые, как правило, звонки), лабиализованное велярное *g* (например, *gut* «хороший», *Glut* «жар, зной»), узко лабиализованное палатальное *g* (например, *Güte* «качество», *Glück* «счастье»), нелабиализованное велярное *g* (например, *ganz* «целый», *Wage* «весы», *tragen* «носить»), нелабиализованное сильно палатальное *g* (например, *Gift* «яд», *Gier* «жадность»), умеренно палатальное *g* (например, *gelb* «желтый», *liege* «лежу») и т.д. Все эти различные звуки, в которых реализуется одна и та же фонема, мы называем в а р и а н т а м и (или фонетическими вариантами) одной фонемы.

3. К определению фонемы

Данное здесь определение понятий «фонема», «звук», «вариант» принимается не всеми лингвистами; к тому же оно и формулировалось вначале иным образом.

Первоначально определение фонемы опиралось на психологические понятия. Бодуэн де Куртене определил фонему как «психический эквивалент звука речи»¹. Такое определение оказалось несостоятельным, поскольку одной и той же фонеме может соответствовать ряд звуков (как ее варианты), причем каждому звуку соответствует собственный «психический эквивалент», а именно соответствующие акустические и моторные представления. Кроме того, определение Бодуэна де Куртене предполагает, что сам звук является совершенно конкретной положительно данной величиной. В действительности это не так; положительно данным является только континуум в виде звукового потока; и если мы извлекаем из континуума отдельные «звуки», то это происходит как раз потому, что данный отрезок звукового потока «соответствует» слову, содержащему определенные фонемы. Звук языка можно определить только по соотношению с фонемой. Исходить при определении фонемы из звука — значит вращаться в порочном кругу.

¹ См. Брокгауз и Ефрон, Энциклопедический словарь, т. 36, статья «Фонема».

Автор настоящего труда в своих первых фонологических работах тоже не раз прибегал к выражению «представление звука», когда речь шла о фонеме¹. Это выражение было неудачным на том же основании, что и приведенное выше определение Бодуэна де Куртене. В самом деле, любому фонетическому варианту соответствуют свои акустико-моторные представления, поскольку артикуляция регулируется и контролируется говорящим. Нет также никаких оснований считать одни из этих представлений «сознательными», а другие «бессознательными». Степень осознанности артикуляции зависит исключительно от тренировки. При соответствующем натаскивании осознаваться могут и нефонологические признаки; благодаря этому ведь и возможна так называемая «слуховая фонетика». Следовательно, фонему нельзя определять ни как «представление звука», ни как «сознательное представление звука», противопоставляя ее на основе этого признака звуку (фонетическому варианту). Выражение «намерение произнести звук» (*Lautabsicht*), употребленное автором настоящей работы в докладе на Втором международном лингвистическом конгрессе в Женеве², было, собственно говоря, лишь волюнтаристским истолкованием понятия «представление звука», примененного к определению фонемы, и поэтому также неудачно. Тот, кто имеет намерение произнести слово *gib*, должен *eo ipso* иметь намерение выполнить и все необходимые для его произнесения движения органов речи, стало быть, нужно быть готовым произнести и палатальное *g*, а это намерение является совсем не тем, какое мы имеем, когда собираемся произнести слово *gab* с его велярным *g*. Все эти психологические выражения не схватывают существа фонемы и поэтому должны быть отвергнуты. В противном случае они могут привести к стиранию границ между звуком и фонемой, что фактически и наблюдалось неоднократно как у самого Бодуэна де Куртене, так и у некоторых его последователей.

При определении фонемы не следует прибегать к психологии, так как фонема является языковым, а не психологическим понятием³. В определении фонемы необходимо устранять любую ссылку на «языковое сознание». Ведь «языковое сознание» является либо метафорическим обозначением языка (*langue*), либо совершенно смутным понятием, которое само нуждается в определении, а возможно, и вообще не может быть определено. Вот почему является спорным и определение фонемы, предложенное Н. Ван-Вейком⁴. Согласно Ван-Вейку, «фонемы образуют категорию

¹ См. «*Polabische Studien*» («*Sitzb. Wien. Akad., phil.-hist. Kl.*», CCXI, № 4), стр. 111; «*Versuch einer allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme*», TCLP, I, 39. Впрочем, это выражение никогда не употреблялось автором в качестве точного научного определения. Вообще автору в то время было важно не столько формулировать определения, сколько дать правильное применение понятию «фонема». А применение этого понятия в первых фонологических работах автора было точно таким же, как и теперь (см., например, «*Polabische Studien*», стр. 115–120)

² Ср. *Actes du IIème congrès international de linguistes*, стр. 120.

³ Ср. TCLP, II, стр. 103.

⁴ См. «*De Nieuwe Taalgids*», 1936, стр. 323.

языковых элементов, которые наличествуют в душе всех членов данной языковой общности». Фонемами являются «кратчайшие единицы, которые ощущаются языковым сознанием как неразложимые далее на части». Понятие «фонемы» связывается здесь с такими смутными и неопределенными понятиями, как «душа», «языковое сознание», «ощущаться», что не может способствовать прояснению существа «фонемы». Если бы мы приняли данное определение, мы никогда бы не знали, что в каждом конкретном случае следует считать фонемой, ибо невозможно проникнуть в «душу всех членов данной языковой общности» (особенно если дело идет о мертвых языках). Равным образом шекотливым и крайне затруднительным предприятием является попытка вскрыть, «что ощущает» языковое сознание. «Языковое сознание» действительно не в состоянии расчленить фонему на следующие друг за другом части, а все члены одного языкового сообщества действительно «обладают» одними и теми же фонемами; однако эти два правильных утверждения ни в коем случае не могут рассматриваться как определения фонемы. Фонема является прежде всего функциональным понятием, которое должно определяться относительно своей функции. С помощью психологических понятий такое определение дать нельзя.

Другие также не вполне исчерпывающие определения исходят из факта существования комбинаторных вариантов. Д. Джоунз определяет фонему как семью или группу акустически или артикуляторно родственных звуков, которые никогда не встречаются в одинаковом звуковом окружении. Это первое определение Джоунза, таким образом, предполагает, что человеческая речь состоит из фонем и звуков, причем фонемы и звуки лежат не в разных, а в одной и той же плоскости, прилегая друг к другу. В таком немецком слове, как *Wiege* «колыбель», *v*, *i* и *э* являются звуками (поскольку они не обнаруживают каких-либо комбинаторных вариантов, воспринимаемых невооруженным ухом), а *g* — фонемой (поскольку ее произношение зависит от звукового окружения). Совершенно очевидно, что такое употребление понятий «фонема» и «звук» имеет смысл только в отношении букв: тогда под «фонемами» следовало бы понимать такие буквы, которые произносятся по-разному в зависимости от их положения в слове, а под «звуками» — такие буквы, которые произносятся всегда одинаковым образом. Первоначально понятие «фонемы» стояло у Джоунза в теснейшей связи с проблемой «фонетической транскрипции»¹. Очень скоро, однако, он понял, что «теория фонем» в таком виде несостоятельна и нуждается в дополнениях. Определение фонемы осталось при этом, по сути дела, тем же самым, но оно было распространено не только на семьи и группы таких взаимодополняющих друг друга звуков, которые могут восприниматься невооруженным ухом как звуки различные, но и на звуки, различие которых непосредственно не воспринимается. И поскольку экспериментальная фонетика показала, что практически невозможно точно воспроизвести один и тот же звук в разных звуковых окружениях, то при

¹ См. J. V a s h e k в «Charisteria Guilelmo Mathesio», стр. 25 и сл. и приведенный там перечень работ Джоунза.

новом понимании фонемы фонемами в слове *Wiege*, о котором речь шла выше, оказались не только *g*, но и *v*, *i*, *ə*. В первый период развития своей теории фонем Джоунз наряду с фонемами и звуками допускал еще существование «диафонов»; под диафонами он понимал семьи звуков, которые могут замещать друг друга, не меняя значения слов. Но так как инструментальная фонетика учит, что точно повторить один и тот же звук в одной и той же звуковой позиции практически невозможно, то, собственно говоря, Джоунзу следовало бы вообще говорить не о звуках, а только о диафонах, а фонемы определять как семью взаимодополняющих друг друга диафонов. Действительно, к сходным результатам Джоунз и пришел на последнем этапе развития своей теории фонем. Он присоединился при этом к теории «абстрактных звуков», которую развивали японский профессор Дзимбо и преподаватель английского языка в Токио Пальмер. Конкретные звуки, воспринимаемые нами, отличаются друг от друга; дважды произнести в точности один и тот же звук практически невозможно. Но известные звуки имеют так много общих черт, так сходны между собой, что мы можем объединить их общие черты в единое представление и мысленно оперировать таким представлением. Так возникают «абстрактные звуки», например веллярное *g*, палатальное *g* и т.д. Но это всего лишь абстракция первой ступени. Если теперь подвести под общее представление целую семью таких абстрактных звуков, которые, с одной стороны, обнаруживают между собой определенное сходство, а с другой стороны, никогда не встречаются в данном языке в одном и том же звуковом окружении, то мы получим вторую ступень абстракции. Фонемы и будут такими абстрактными звуками второй ступени. Против этого определения следует прежде всего выдвинуть следующее возражение. Известно, что каждая абстракция предполагает какое-то основание, на почве которого она и образуется. Множеству конкретных собак могут соответствовать абстрактные представления «большая собака», «черная собака», «верная собака», «пудель» и т.д.; в зависимости от того, что принять за основу абстракции, каждая из этих «абстрактных собак» будет включать в свой состав совершенно разных «конкретных собак». Джоунз говорит об абстрактных звуках, не задумавшись о том, на основании чего происходит абстрагирование. На «первой ступени» он абстрагирует, исходя из акустико-артикуляторного сходства, на «второй ступени» — исходя из отношения к звуковому окружению. Эти два основания для абстрагирования столь различны, что их ни при каких обстоятельствах нельзя выдвигать в качестве двух ступеней одного и того же процесса абстрагирования. Кроме того, необходимо вновь указать на неопределенность понятия «звук» («конкретный звук»). Конкретные звуки существуют лишь постольку, поскольку они являются реализациями фонем. Тем самым «первая ступень абстракции» по существу оказывается второй. Так как понятие фонемы было выработано Джоунзом лишь для транскрипционных целей, оно, пожалуй, и представляет собою практическую ценность, но лингвистики как таковой оно мало касается. Достаточно, однако, было преобразовать это понятие так, чтобы оно соответствовало определенным языковым явлениям, как сразу же обнаружилась несостоятельность самого исходного пункта определения фонемы.

Фонема не может получить удовлетворительного определения, если исходить из ее психологической природы или из ее отношения к фонетическим вариантам; фонему можно определить, только исходя из ее функции в языке. Определим ли мы ее как минимальную смысловозначительную единицу (Л. Блумфилд), или как звуковую примету (Lautmal) телесной оболочки слова (К. Бюлер) — все сводится к одному, а именно к тому, что любой язык предполагает наличие смысловозначительных (фонологических) оппозиций и что фонема является членом такой оппозиции, не разложимым на более мелкие смысловозначительные (фонологические) единицы. В этом совершенно ясном и недвусмысленном определении ничего нельзя изменить. Любое видоизменение этого определения поведет только к усложнению, которого можно избежать.

Впрочем, мотивы, приводящие к подобного рода усложнениям, психологически иногда не только понятны, но и вполне оправданы. Так, исключительно сложное определение фонемы американского фонолога В.Ф. Тводделла в его заслуживающей внимания работе «Об определении фонемы»¹ объясняется, как кажется, боязнью гипостазирования фонемы, то есть понимания фонем как вещей, которыми обладает говорящий и из которых он, как из кирпичиков, составляет слова и предложения². Чтобы устранить эту опасность, Тводделл особенно сильно подчеркивает реляционный характер фонемы (то есть ее сущность как члена оппозиции) и строит с этой целью свою теорию фонемы, которую кратко можно изложить в следующем виде: «Высказывание» (то есть конкретный речевой акт) представляет собой физическое явление (звучание), связанное с определенным значением. Звуковой комплекс, который повторяется в разных высказываниях и всюду имеет одно и то же значение, называется «формой». Две формы с разными значениями различаются в принципе и по звучанию (если отвлечься от омонимов, которые во всех языках являются относительно редкими³). Степень звукового несовпадения двух разных форм может быть различной. Минимальное звуковое различие между двумя несходными формами соответствует отрезкам данного звукового комплекса. Группа форм, минимально отличающихся друг от друга, образует «класс». Этот класс характеризуется звуковым комплексом, общим для всех его членов; если минимальное различие во всех этих членах затрагивает один и тот же отрезок (например, начало или конец), то такой класс является «упорядоченным». Так, например, немецкие слова *lahm* — *kam* — *Rahm* — *Scham* — *zahn* образуют упорядоченный класс. Отношения между членами класса суть минимальные фонологические оппозиции; члены таких оппозиций Тводделл называет «микрофонемами» (в нашем случае *p* — *l* — *k* — *r* — *sch* — *ts* являются «микрофонемами» класса форм, характеризующегося последующим *am*). Фонетическое соответствие «микрофонемы» содержит целый ряд артикуляторных при-

¹ W. Freeman T w a d d e l l, On defining the phoneme (Language monographs, publ. by the Linguistic society of America, XVI, 1935).

² Цит. раб., стр. 53.

³ Ср. В. Т r n k a, Bemerkungen zur Homonymie, TCLP, IV, стр. 152 и сл.

знаков. Два класса форм называются «равноупорядоченными», если отношения между их микрофонемами тождественны. Так, например, английские классы pill — till — kill — bill и nap — gnat — knack — pav равноупорядочены, ибо, несмотря на то, что фонетическое качество микрофонема в обоих случаях не является абсолютно одинаковым (р, t, k в начале слова аспирированы, в исходе не аспирированы), отношения между этими микрофонемами все же тождественны. Все микрофонемы, занимающие одно и то же место в разных равноупорядоченных классах форм, образуют «макрофонему», которая соответствует фонеме в нашем понимании. Как совершенно справедливо заметил Вахек¹, это определение фонемы по существу совпадает с нашим: микрофонемы и макрофонемы Тводделла суть неразложимые дальше члены оппозиции; о макрофонеме он говорит, что она является суммой фонологически существенных признаков звука.

Таким образом, сложными и окольными путями Тводделл пришел к тем же результатам, которые мы получили более кратким путем. При этом сложный и окольный путь не дает никаких преимуществ. Наше определение тоже не содержит ничего такого, что предполагало бы или вызывало гипостазирование фонемы. Карл Бюлер рассматривает фонему как «звуковую приметку оболочки слова» (Lautmal am Wortgesicht), что хорошо согласуется с пониманием слова как структуры. Такое понимание фонемы полностью совпадает с нашим определением, так же как и «абстрагирующая релевантность», которую К. Бюлер с полным правом рассматривает в качестве основы и логической предпосылки нашего понятия «фонемы»². Преимущества, которые может представить различение микрофонемы и макрофонемы, с равным успехом могут быть получены, если обратиться к нашему учению о нейтрализации фонологических противоположений и об архифонеме (см. ниже, гл. III). Причем наше решение данной проблемы устраняет опасность атомизации фонологии, связанную с учением о микрофонеме. Итак, мы полагаем, что усложненная теория фонемы, которую развивает Тводделл, не может заменить предложенного нами выше определения фонемы. Большая заслуга Тводделла заключается в решительном устранении психологических и натуралистических предрассудков, сложившихся вокруг понятия фонемы (как у отдельных ее сторонников, так и у отдельных ее противников). Правда, свойственный ему абстрактный способ выражения и его философски вышколенный способ мышления предъявляют весьма большие требования к читателю, до которых не доросли многие упорные противники фонологии, что могло привести (и уже привело) к недоразумениям. Так, утверждение Тводделла, что фонема является «абстрактной, фиктивной единицей» (abstractional, fictions unit), а не физической или психической реальностью, с большим удовлетворением было воспринято Б. Коллиндером и П. Мериджи как прямой отказ от понятия фонемы³. В действительности же

¹ J. Vachek в «Proceedings of the Second International congress of phonetic sciences», стр. 33 и сл.

² См. TCLP, IV, 22—53.

³ Ср. P. Meriggi, «Indogermanische Forschungen», LIV, 76, и B. Collinder, «Actes du IVème congrès international de linguistes». Copenhague, 1938.

Тводделл имел в виду то самое, что Фердинад де Соссюр рассматривал как сущность любой языковой значимости («entités oppositives, relatives et négatives») и что может быть сказано относительно любой з н а ч и м о с т и. Так как фонема принадлежит языку, а язык представляет собой социальное установление, то фонема тем самым является значимостью (ценностью) и обладает тем же способом бытия, что и все значимости. Значимость денежной единицы (например, доллара) точно так же является не физической и не психической реальностью, а чисто абстрактной и «фиктивной» величиной. Однако без такой «фикции» не могло бы существовать государство...

А В. де Гроот определяет фонему следующим образом: «Фонема — это фонологический символический признак с самостоятельной функцией. Благодаря тому что фонема узнается и отождествляется, она в случае необходимости способствует и облегчает узнавание и отождествление слов и частей слова, которые имеют символическую значимость. В этом и заключается существенная функция фонемы. Таким образом, мы можем определить фонемы как кратчайшие части звукового ряда, которые выполняют эту функцию¹. Арво Сотавалта² присоединяется к данному определению, формулируя его, однако, гораздо яснее; при этом он говорит не о фонемах, а о «звуках». Под звуком он понимает «кратчайшую часть обнаруживающегося в потоке речи звукового ряда, которая требует более или менее определенного времени для своего производства, которую мы можем узнать и отождествить и которая благодаря соединению с однородными ей звуками в состоянии образовывать языковые формы, узнаваемые и отождествляемые». Спрашивается, однако: почему узнаются «звуки», «слова», «части слов»? И что вообще означает «узнаваться» и «отождествляться»?.. Само собой разумеется, что узнаваться может только то, что чем-нибудь отличается от других вещей того же рода. Узнаваемыми и отождествляемыми являються такие слова, которые отличаются от всех других слов особыми звуковыми «дифференцирующими признаками». Слово *Leber* «печень» отождествляется лишь потому, что оно отличается своим *l* от слов *Weber* «ткач», *Geber* «податель», своим *e* от слова *lieber* «лучше», своим *b* от слова *Leder* «кожа», наконец, своим *g* от слова *Leben* «жизнь». Звуковой элемент, не обладающий способностью отличать один звуковой ряд от другого, не может быть и узнан. Узнавание, таким образом, не является чем-то первичным: оно представляет собой логическое следствие различения. Кроме того, «узнавание» — суть психологический процесс, и было бы неблагоприятно привлекать психологические понятия для определения понятий лингвистических. Напротив, различение слов является чисто лингвистическим понятием. Отсюда следует, что нашему определению фонемы надо отдать предпочтение.

¹ См. TCLP, IV, 125

² Arvo Sotavälta, *Die Phonetik und ihre Beziehungen zu den Grenzwissenschaften*, стр. 10.

II. Правила выделения фонем

1. Различение фонем и вариантов

Дав в предыдущем разделе определение фонемы, мы должны теперь указать те практические правила, с помощью которых можно отличить фонему от фонетических вариантов, с одной стороны, и от сочетания фонем — с другой¹.

При каких условиях два звука следует рассматривать как реализацию двух разных фонем, а при каких условиях их нужно рассматривать как два фонетических варианта одной фонемы? Здесь можно предложить следующие четыре правила.

Правило первое. Если в том или ином языке два звука встречаются в одной и той же позиции и могут замешать друг друга, не меняя при этом значения слова, то такие звуки являются факультативными вариантами одной фонемы.

Здесь могут быть разные случаи. По своему отношению к языковой норме факультативные варианты распадаются на общие и индивидуальные. К общезначимым относятся варианты, которые не считаются ошибками или отклонениями от нормы и поэтому в равной мере могут быть употреблены. Так, например, удлинение согласного перед ударными гласными в немецком языке не воспринимается как ошибка: любой немец может произнести одно и то же слово то с кратким, то с долгим начальным *s* или *sch*; как правило, такое различие в произношении используется для эмоциональных нюансов речи (*ssoo?* *schschön!* сев.-нем. *jja!*). Наоборот, индивидуальные варианты распределены между различными членами одной и той же языковой общности, причем лишь некоторая часть этих вариантов квалифицируется как «нормальное», «хорошее», «образцовое» произношение; прочие же считаются местными, социальными, патологическими и иного рода отклонениями от нормы. Так обстоит дело с переднеязычным и увулярным *г* в различных европейских языках, причем трактовка этих звуков различается от языка к языку. В славянских языках, а также в итальянском, испанском, венгерском, новогреческом нормой является переднеязычное *г*, увулярное же *г* расценивается либо как дефект произношения, либо как признак снобистской манерности, реже (например, в словенском, где это *г* является господствующим в некоторых каринтийских говорах) — как диалектная особенность. Наоборот, в немецком и французском увулярное *г* (точнее, разновидности увулярного *г*) считается нормой, а пере-

¹ Ср. N Trubetzkoy, *Anleitung zu phonologischen Beschreibungen*, Brno, 1935.

днеязычное г — либо диалектным отклонением от нормы, либо признаком архаизированной речи (например, г французских актеров). Во всех этих далеко не редких случаях само распределение вариантов является «нормой». Довольно часто бывает так, что общезначимыми оказываются оба варианта фонемы, но частота их употребления колеблется от индивидуума к индивидууму: фонема А реализуется всеми то как α' , то как α'' , но один предпочитает α' , другой — α'' . Таким образом, между «общезначимыми» и «индивидуальными» вариантами имеется ряд постепенных переходов.

С функциональной точки зрения факультативные варианты распадаются на стилистически существенные и стилистически несущественные. Стилистически существенные варианты выражают различия между такими языковыми стилями, как взволнованно-эмоциональный, небрежно-фамильярный и т.п. В такой именно функции немецкий язык использует удлинение предупредных согласных, сверхнормальное удлинение долгих гласных, спонтированное произношение интервокального *b* (например, в слове *aber* в небрежной, фамильярной, усталой речи). С помощью стилистических вариантов могут обозначаться не только эмоциональные, но и социальные стили речи; так, например, в одном и том же языке могут сосуществовать вульгарный, благородный и стилистически нейтральный варианты одной и той же фонемы, по которым распознается степень образования или социальная принадлежность говорящего. Таким образом, сами стилистические варианты могут быть подразделены на эмоциональные, или патогномические, и физиогномические. Для стилистически несущественных факультативных вариантов все эти аспекты не имеют никакого значения. Стилистически несущественные факультативные варианты вообще не несут никакой функции, они замешают друг друга совершенно произвольно, не изменяя при этом экспрессивной или апеллятивной функции речи. Так, например, в кабардинском языке палатальные (среднеязычные) смычные произносятся то как *k*-образные, то как *ç*-образные звуки: один и тот же кабардинец произносит *gape* «рубашка» то как $\hat{g}ape$, то как $\zeta'ape$, не замечая этого и не используя указанные варианты для стилистической или эмоциональной нюансировки речи¹.

Распознавание и систематизация стилистических вариантов является задачей стилистики звуков, о чем уже говорилось выше (см. стр. 22 и сл.). С точки зрения фонологии, в узком смысле этого

¹ Ср. Н. Ф. Яковлев, Таблицы фонетики кабардинского языка, «Труды подразделения исследования северокавказских языков при Институте востоковедения в Москве», т. I, М., 1923.

слова (то есть с точки зрения экспликативной фонологии), все стилистически существенные и стилистически несущественные факультативные варианты можно объединить под общим понятием «факультативных вариантов». При этом не следует забывать, что с точки зрения экспликативной фонологии «вариант» является чисто отрицательным понятием: два звука относятся друг к другу как варианты, если они не могут дифференцировать интеллектуальных значений. Судить же о том, выполняет ли противоположение таких двух звуков какую-либо иную функцию (экспрессивную или апеллятивную), должна не фонология в строгом смысле этого слова, а стилистика звуков. Все факультативные варианты обязаны своим существованием тому обстоятельству, что только часть артикуляторных признаков любого звука обладает фонологически различительными свойствами. Прочие артикуляторные признаки звука в этом отношении «свободны»; они могут в а р ь и р о в а т ь от случая к случаю. А используется ли это варьирование в выразительных целях или нет — для экспликативной фонологии (в частности, для фонологии слова) безразлично.

Правило второе. Если два звука встречаются в одной и той же позиции и не могут при этом заменить друг друга без того, чтобы не изменить значения слова или не исказить его до неузнаваемости, то эти звуки являются фонетическими реализациями двух разных фонем.

Такое отношение наблюдается, например, между немецкими звуками *i* и *a*: замена *i* звуком *a* в слове *Lippe* «губа» влечет за собой изменение смысла (*Larre* «тряпка»); подобная же замена в слове *Fisch* «рыба» искажает его до неузнаваемости (*Fasch*). В русском языке звуки *й* и *ё* встречаются только между двумя палатализованными согласными. Так как замена одного звука другим либо меняет смысл (*t'ät'ë* «тятя» — *t'öt'ë* «тётя»), либо изменяет слово до неузнаваемости (*id'öt'i* «идете» — *id'ät'i'?*?, *p'ät'* «пять» — *p'öt'??*), то эти звуки определяются как реализация разных фонем.

Степень «искажения до неузнаваемости» может быть весьма различной. Так, например, взаимная замена звуков *f* и *pf* в начале немецких слов в большинстве случаев не так искажает слово, как взаимная замена звуков *a* и *i*. На значительной территории Германии говорящие на литературном немецком языке систематически заменяют начальное *pf* звуком *f*; тем не менее немцы без труда понимают слова, в которых имеют место такие замены. Впрочем, наличие таких противопоставленных друг другу слов, как *Pfeil* «стрела» — *feil* «продажный», *Pfand* «залог» — *fand* «нашел», *Pfad* «тропа» — *fad* «безвкусный» (*hüpfte* «прыгал» — *Hüfte* «бедро», *Horfen*

«хмель» — hoffen «надеяться»), свидетельствует о том, что в литературном немецком языке рf и f в начале слова следует рассматривать как разные фонемы и что, следовательно, те образованные немцы, которые заменяют начальное рf звуком f, говорят по существу не на правильном литературном языке, а на языке, представляющем собой смешение литературного с местными диалектами.

Правило третье. Если два акустически (или артикуляторно) родственных звука никогда не встречаются в одной и той же позиции, то они являются комбинаторными вариантами одной и той же фонемы. Здесь можно выделить три типичных случая.

А. В данном языке X имеется, с одной стороны, класс звуков (α', α'', α'''...), которые встречаются только в определенной позиции, и, с другой стороны, только один звук (а), который в этой позиции никогда не встречается. В таком случае звук а может выступать в качестве варианта только по отношению к тому звуку из класса α', α'', α''', который ближайшим образом родственен ему акустически (или артикуляторно). Так, например, в корейском языке s и t не могут находиться в исходе слова, тогда как l встречается лишь в исходе слова. Поскольку плавный l, очевидно, родственнее t, чем s, постольку только l и t можно рассматривать как комбинаторные варианты одной фонемы.

Б. В данном языке имеется один ряд звуков, которые возможны только в определенном положении в слове, и другой ряд звуков, которые в этом положении невозможны. В таком случае каждый звук первого ряда и наиболее родственный ему акустически (или артикуляторно) звук второго ряда относятся друг к другу как комбинаторные варианты. Например, русские ö и ä возможны только между двумя палатализованными согласными, тогда как звуки о и а в этом положении никогда не встречаются; поскольку ö как лабиализованный гласный среднего подъема ближе к о, нежели к а, и, с другой стороны, ä как очень открытый нелабиализованный гласный ближе к а, нежели к о, то о и ö определяются как комбинаторные варианты одной фонемы («О»), а а и ä — как комбинаторные варианты другой фонемы («А»). В японском языке с (= ts) и f употребляются только в положении перед и, тогда как t и h в таком положении не встречаются; среди этих звуков t и с (= ts) являются единственными глухими дентальными смычными, а h и f — единственными глухими спонантами; из этого следует, что t и с необходимо рассматривать как комбинаторные варианты одной фонемы, а h и f — как комбинаторные варианты другой.

В. В данном языке существует какой-то один звук, употребляемый только в определенном положении в слове, и наряду с ним какой-то другой звук, который в таком положении не употребляется. Такие два звука можно рассматривать как комбинаторные варианты одной фонемы только в том случае, если они не образуют по отношению друг к другу косвенно-фонологической оппозиции. Так, например, немецкие *h* и *η* являются не комбинаторными вариантами одной фонемы, а представителями двух разных фонем, хотя они никогда не встречаются в одном и том же положении (см. выше, стр. 39). В японском языке, наоборот, звук *g*, возможный только в начале слова, и звук *ŋ*, который в начале слова никогда не встречается, определяются нами как комбинаторные варианты одной фонемы: оба звука являются единственными звонкими заднеязычными в этом языке и, таким образом, обладают известными общими признаками, благодаря которым они отличаются от всех прочих звуков японского языка¹.

Правило четвертое. Два звука, во всем удовлетворяющие условиям третьего правила, нельзя тем не менее считать вариантами одной фонемы, если они в данном языке могут следовать друг за другом как члены звуко сочетания, притом в таком положении, в каком может встречаться один из этих звуков без сопровождения другого. Так, например, в английском языке *g* может находиться только в положении перед гласными, а *ə* — только в положении перед согласными; так как *g* произносится без шума трения (или взрыва), а *ə* — с довольно неопределенной степенью раскрытия и довольно неопределенной окраской, то данные два звука можно было бы рассматривать как комбинаторные варианты одной и той же фонемы. Это, однако, невозможно, поскольку в таких словах, как *profession* (произносится [pɹəfeʃn]), звуки *g* и *ə* следуют друг за другом, тогда как в других словах, как, например, в слове *perfection* (произносится [pɹəfekʃn]), в том же положении встречается только один из этих звуков, а именно *ə*.

Таким образом, фонетические варианты являются либо факультативными, либо постоянными; в последнем случае они, естественно, могут быть только комбинаторными. Впрочем, возможны также и факультативные комбинаторные варианты. Так, например, в

¹ Возможен еще и четвертый случай. Иной раз звук *α* встречается только в таких положениях, в каких другие два звука (*α'* и *α''*) никогда не употребляются, причем *α* оказывается близкородственным как звуку *α'*, так и звуку *α''*, в силу чего *α* приходится считать комбинаторным вариантом как звука *α'*, так и звука *α''*. Здесь мы имеем дело с нейтрализацией фонологического противоположения, о чем подробно будет сказано в соответствующем месте (см. стр. 83 и сл.)

русском языке фонема «j» после гласных реализуется как неслоговое *j*, а после согласных — либо как *j*, либо как спирант *j̥*; оба варианта являются факультативными. В некоторых немецких диалектах *t* и *d* фонологически совпадают; они образуют одну фонему, которая в большинстве положений реализуется то как *t*, то как *d*; после носовых — всегда только как *d* (например, *tinde/dinde* = лит. *Tinte* «чернила»).

Мы уже видели, что ряд факультативных вариантов, а именно так называемые стилистические варианты, выполняет известную роль в плане экспрессивной и апеллятивной функций языка (см. стр. 52). Что касается комбинаторных вариантов, то они функционируют исключительно в экспликативном плане. Комбинаторные варианты являются, если можно так сказать, фонологическим вспомогательным средством. Они сигнализируют либо о границе слова (или морфемы), либо о наличии определенного рода соседней фонемы. Об их роли как знаков границы слова или морфемы мы будем говорить ниже при рассмотрении делимитативной функции звука (см. стр. 287 и сл.). Что же касается сигнализации о наличии определенного рода соседней фонемы, то эта выполняемая комбинаторными вариантами функция не является лишней (хотя она и не необходима). При быстром и неотчетливом произношении та или иная фонема может полностью потерять свою индивидуальность; поэтому бывает полезно, когда ее индивидуальность дополнительно подтверждается особым вариантом находящейся рядом с ней фонемы. Однако это может иметь место только в случае, если особый вариант соседней фонемы проявляется не только при быстром произношении, но и всякий раз, когда две данные фонемы оказываются рядом, ибо только тогда особая реализация запечатлевается в сознании и действительно становится знаком, сигнализирующим о наличии рядом другой и притом определенной фонемы. Так, например, артикуляция японского и сама по себе является малохарактерной: губы округляются слабо, а длительность артикуляции столь мала, что в быстрой речи гласный вообще перестает произноситься. При таких обстоятельствах весьма благоприятным оказывается то, что перед *u* ряд японских фонем имеет особые комбинаторные варианты (вариантом *t* является *s*, а вариантом *h* — *φ*); если бы даже *u* не воспринималось, по реализации предшествующей фонемы всегда можно было бы догадаться, что за ней предполагается *u*¹.

¹ Эту особую функцию указания на наличие в непосредственном соседстве определенной фонемы можно назвать социативной или вспомогательной-социативной.

2. Ошибки в суждениях о фонемах чужого языка

Фонологическая система любого языка является как бы ситом, через которое просеивается все сказанное. Остаются только самые существенные для индивидуальности данной фонемы звуковые признаки. Все прочее отсеивается в другое сито, где остаются признаки, существенные для апеллятивной функции языка; еще ниже находится третье сито, в которое отсеиваются черты звука, характерные для экспрессивной функции языка. Каждый приучается с детства анализировать речь подобным образом, и этот анализ осуществляется автоматически и бессознательно. Однако система «сит», делающая возможным такой анализ, в каждом языке строится по-разному. Мы усваиваем систему родного языка. Слушая чужую речь, мы при анализе слышимого непроизвольно используем привычное нам «фонологическое сито» своего родного языка. А поскольку наше «сито» оказывается неподходящим для чужого языка, постольку возникают и многочисленные ошибки, недоразумения. Звуки чужого языка получают у нас неверную фонологическую интерпретацию, так как они пропускаются через «фонологическое сито» нашего родного языка.

Приведем некоторые примеры. Как известно, в русском языке все согласные распадаются на два класса: палатализованные и непалатализованные (последние при этом веляризованы). Для большинства согласных их принадлежность к одному из этих двух классов является фонологически существенной. Русский сразу узнает на слух, какой согласный в том или другом слове его языка является мягким, а какой — твердым. Противоположение палатализованных и непалатализованных согласных подчеркивается еще и тем обстоятельством, что все гласные русского языка обладают особыми комбинаторными вариантами в зависимости от того, к какому классу принадлежит предшествующий или последующий согласный. Между прочим, фонема «і» реализуется как настоящее і, то есть как «напряженный гласный верхнего подъема переднего ряда», только в том случае, если она находится в начале слова или после палатализованного согласного. Эту особенность своего родного языка русские переносят и на другие языки. Так, услышав немецкое слово с долгим і, русский полагает, что он «прослушал» палатализацию предшествующего согласного: для него і является сигналом палатализации предшествующего согласного; такая палатализация, полагает он, должна присутствовать обязательно, и если он ее не услышал, то это результат акустической ошибки. Когда же русскому самому нужно произнести немецкое слово, в котором имеется долгое і, он произнесет его с мягким согласным в положении перед і: l'ige, d'ip, b'ibel, z'ibel и т.д. И делает это он не только по убеждению, но и в силу невозможности произнести закрытое напряженное і после непалатализованных согласных. Немецкое краткое і не является напряженным. Такое ненапряженное і не имеет точного соответствия среди ударных гласных русского языка. Поэтому такой звук может и не ассоциироваться с палатализацией предшествующего согласного. И действительно, русский воспринимает начальные согласные немецких слов Tisch «стол», Fisch «рыба» как непалатализованные. Но непалатализованный согласный в рус-

ском языке является веляризованным, а после веляризованных согласных русская фонема *i* реализуется как *ш* (нелабиализованный напряженный гласный верхнего подъема среднего или заднего ряда). Отсюда и русское произношение указанных слов: *tuiš*, *fiuš*. Само собой разумеется, что все сказанное выше касается тех русских, которые только приступили к изучению немецкого языка. С течением времени они преодолевают трудности, усваивая правильное немецкое произношение. Все же кое-что от «русского акцента» у них остается; даже после многолетней практики, усвоив во всем остальном хорошее немецкое произношение, они продолжают слегка смягчать согласные перед долгим *i* и несколько веляризовать произношение кратко *i*.

Возьмем теперь другой пример. В русском литературном языке имеется гласный *э*, который можно описать как нелабиализованный гласный среднего подъема заднего (или смешанного задне-среднего) ряда. Этот гласный возможен только после согласных, причем либо в заударных, либо в предударных слогах, за исключением непосредственно предударного слога: *də:mə* «дома», *rə'tamu* «потому». Так как гласный *я* в неударном слоге возможен только либо в начале слова (*ä'd'ino:käi* «одинокий»), либо после гласного (*və'ärgüza'* «вооружать»), либо после согласного в непосредственно предударном слоге (*däməi* «домой»), то отсюда следует, что гласные *я* и безударное *я* относятся друг к другу как комбинаторные варианты. В болгарском языке тоже имеется гласный *э*, акустически-артикуляторная характеристика которого почти совпадает с русским *э*. Однако в противоположность русскому болгарский гласный встречается не только в безударных, но и в ударных слогах: *rət* «путь», *kəštə* «дом» и т.д. Русскому, изучающему болгарский язык, чрезвычайно трудно усвоить произношение болгарского ударного *э*; на место ударного *э* он подставляет гласные *а*, *ш*, среднее *е* и лишь с большим трудом и после долгой практики усваивает более или менее правильное произношение. Наличие аналогичного *э* в родном языке не облегчает, а, наоборот, затрудняет ему усвоение правильного произношения болгарского *э*, так как русск. *э* звучит почти так же, как болг. *э*, но выполняет совершенно иную функцию: оно указывает на относительное место ударного слога. Таким образом, его неударность не является чем-то случайным; она существенна, тогда как болгарское *э* может быть ударным. Поэтому русский может отождествить ударное болг. *э* с любым гласным своего языка, но только не с *я*.

Русские гласные под ударением являются не только более сильными, но и более длительными, нежели соответствующие безударные гласные. Можно даже сказать, что в русском языке все слоги под ударением являются долгими, а все безударные слоги — краткими. Количество и ударение сопутствуют друг другу и образуют неразложимое целое. При этом слог под ударением может находиться и в начале, и в конце, и в середине слова; его положение в слове часто является существенным для значения слова. *pa'it'i* «(вы) палите» (настоящее время изъявительного наклонения) — *pa'it'i* «палите» (повелительное наклонение) — *pa'it'i* «полетит». В чешском языке количество и ударение распределяются иначе. Ударение

здесь всегда падает на первый слог и, таким образом, несущественно для дифференциации значений слов: оно лишь сигнализирует о начале слова. Напротив, количество не связано с определенным слогом, оно свободно и очень часто служит для дифференциации значения слов (pítí «пить» — pítí «питье»). Отсюда проистекают большие трудности как для чеха, изучающего русский язык, так и для русского, изучающего чешский язык. Русский будет либо ставить ударение на первом слоге, но тогда он будет и произносить его как долгий, либо он будет переносить ударение на первый долгий слог и, таким образом, произносить вместо kùkátko «бинокль» и kábát «пиджак» либо kùkatko, kábat, либо kukátko, kabát. Ему не удастся отделить количество от ударения, поскольку эти явления для него тождественны. Чехи, изучающие русский язык, обычно воспринимают ударение как долготу. Они ставят ударение на первом слоге каждого русского слова, а этимологически ударные слоги произносят как долгие. Русское предложение přin'ěs'it'í mně stákan vodu «принесите мне стакан воды» в устах чеха превращается в přinesiti mne stákan vòdi. Само собой разумеется, что все это имеет место лишь до тех пор, пока обучающийся еще недостаточно натренирован. Постепенно эти резко бросающиеся в глаза особенности исчезают. Но отдельные характерные признаки чужого акцента все же остаются. Русский, даже если он прекрасно говорит по-чешски, будет продолжать слегка удлинять первый краткий слог в чешских словах и смешивать краткие и долгие слоги; чех со своей стороны при всем своем хорошем знании русского языка будет слегка усиливать первые слоги (особенно в длинных словах с ударением на одном из последних слогов: *государство, коннозаводство*) и неправильно расставлять ударение. Различие в интерпретации количества и ударения отличает русских от чехов даже в том случае, когда они прекрасно владеют обоими языками. Особенно отчетливо обнаруживается это при восприятии чужой поэзии¹. Русская метрика зиждется на закономерном чередовании ударных и неударных слогов, причем, как уже говорилось, ударные слоги являются долгими, а безударные — краткими; границы слова могут приходиться на любое место стиха, и постоянное нерегулярное перераспределение границ слова служит целям оживления и варьирования структуры стиха. Чешский стих зиждется на регулярном распределении словесных границ, причем, как уже говорилось, начало слова характеризуется усилением голоса; что же касается кратких и долгих слогов, то они распределены в стихе нерегулярно, и свободное перераспределение таких слогов способствует оживлению стиха. Чех, слушающий русское стихотворение, рассматривает его метрику как квантитативную, а все стихотворение в целом как довольно-таки монотонное. Русский же, которому приходится в первый раз слушать поэтическое произведение на чешском языке, обычно бывает полностью дезориентирован и, как правило, не в состоянии указать, каким размером оно написано: ритм ударных начальных слогов перемещивается здесь с нерегулярным чередованием долгих и кратких слогов, оба ритма следу-

¹ См. Р. Якобсон, О чешском стихе...

ют попеременно, мешают друг другу и парализуют друг друга; в результате русский не может извлечь никакого впечатления о ритме. При лучшем знакомстве с языком первое впечатление слабеет. И все же очень часто чех так и остается неспособным правильно оценить эстетическую ценность русского стиха; то же самое можно сказать и о русском в отношении чешской поэзии.

Число подобных примеров можно было бы умножить. Они показывают, что так называемый «иностранный акцент» зависит совсем не от того, что тот или иной иностранец не в состоянии произнести тот или иной звук, а скорее от того, что он неверно судит об этом звуке. И такое неверное суждение о звуке иностранного языка обусловлено различием между фонологическими структурами иностранного и родного языков. Любому венгру знакомо различие между мужчиной и женщиной. Но в его языке это различие принадлежит сфере лексического, а не грамматического. Поэтому он и смешивает при изучении немецкого языка *der* с *die*, *er* с *sie* и т.д. Равным образом любому русскому знакомо напряженное долгое *i*; однако для него оно является лишь комбинаторным вариантом фонемы «*i*», который свидетельствует о палатализации предшествующего согласного; поэтому-то он и смягчает в разговоре на немецком все согласные перед этим *i*.

3. Отдельная фонема и сочетание фонем

А. Определение однофонемности

Не всегда легко установить разницу между отдельной фонемой и группой фонем. Звуковой поток в живой речи находится в непрерывном движении; рассматривая его в чисто фонетическом плане (то есть в отвлечении от языковой функции звука), нельзя решить, чем должен быть тот или иной отрезок этого потока: одной фонемой (то есть «однофонемным» отрезком) или рядом фонем (то есть «многофонемным» отрезком). Однако и здесь существуют определенные фонологические правила, которых необходимо придерживаться¹.

В общем можно сказать, что однофонемную значимость могут иметь только те сочетания звуков, составные части которых не распределяются по двум слогам и которые образуются единой артикуляцией, причем длительность ее не должна превышать нормальную длительность одного звука. Сочетание звуков, удовлетворяющее этим чисто фонетическим условиям, является только «потенциально однофонемным». Его следует признать и фактически однофонемным (то есть как реализацию одной фонемы), если оно

¹ Ср. N. Trubetzkoy, *Anleitung zu phonologischen Beschreibungen*, Вроц, 1935, § 7—16.

В соответствии с правилами данного языка ведет себя как отдельная фонема или если общая структура фонологической системы этого языка требует такой оценки. Особенно благоприятны для однофонемной трактовки звуко сочетания те случаи, в которых составные части такого сочетания нельзя понимать как реализации каких-либо других фонем того же языка. Таким образом, фонетические предпосылки и фонологические условия для однофонемной трактовки сочетания звуков могут быть сведены к следующим шести правилам.

Правило первое. Реализацией одной фонемы можно считать только сочетание звуков, составные части которого в данном языке не распределяются по двум слогам.

В русском, польском, чешском и других языках группа звуков *ts*, составные части которой входят всегда в состав одного слога, является одной фонемой с (ср. русск. *ce-laj* «целый», польск. и чешск. *co* «что», русск. *l'-co* «лицо», польск. *pl-a-ce* «плачú», чешск. *vi-ce* «больше», русск. *ka-n'ec*, польск. *ko-n'ec*, чешск. *ko-pes* «конец» и т.д.). Иначе обстоит дело в финском, где эта группа возможна только в середине слога, причем *t* завершает предшествующий слог, а *s* начинается следующий слог (*it-se* «сам», *seit-se-män* «семь» и т.д.); здесь такая группа звуков является реализацией фонемного ряда *t + s*. Когда в русском, польском и чешском группа «гласный + неслоговое *j*» предшествует гласному, неслоговое *j* присоединяется к этому гласному, образуя начало слога (русск. *zbru-jě* «сбруя», чешск. *ku-ru-je* «покупает» и т.д.). Следовательно, в таких языках эта группа является реализацией фонемного ряда «гласный + *j*», притом даже тогда, когда все слово оказывается односложным (русск. *daј* «дай» = фонологически *daј*). Однако в немецком, где дифтонги на *i-* и на *u-* в положении перед гласным не распределяются по двум слогам (*Ei-er* «яйца», *blau-e* «синие», *mis-trau-isch* «недоверчивый» и т.д.), они, очевидно, обладают однофонемной значимостью¹.

Правило второе. Группу звуков можно считать реализацией одной фонемы только в том случае, если она образуется с помощью единой артикуляции или создается в процессе постепенного убывания или сокращения артикуляционного комплекса.

Очень часто дифтонги трактуются как единая фонема. Яснее

¹ Конечно, в таких словах, как *Eier*, *blau*, между дифтонгом и следующим гласным могут развиваться так называемые переходные звуки, относящиеся к следующему слогу (*æç* — *jæg* и т.д.); существенно, однако, что дифтонг тем не менее полностью принадлежит первому слогу.

всего это видно на материале английского языка, где такие сочетания, как *ei* или *ou*, имеют значимость единых фонем: как известно, англичане немецкие долгие *e*, *o* произносят как *ei*, *ou*, отождествляя таким образом немецкие монофтонги со своими дифтонгическими фонемами¹. Вахек² отметил, что как в английском, так и в других языках однофонемная значимость присуща только так называемым «скользящим дифтонгам» (*Bewegungsdiptong*), то есть дифтонгам, которые возникают в процессе изменения уклада органов речи. Существенным при этом является не начальный и не конечный моменты изменения уклада, а общая направленность движения. Эта формулировка, однако, необратима, хотя Вахек, на мой взгляд, неправоммерно делает ее таковой: не каждый «скользящий дифтонг» должен определяться как единая фонема. Но если дифтонг определен как единая фонема, то он должен быть скользящим дифтонгом. Иными словами, речь в этом случае должна идти о едином артикуляционном движении. Такое сочетание, как *ai* или *aiu*, ни в одном языке не может быть одной фонемой, поскольку здесь мы имеем дело с двумя разнонаправленными артикуляционными движениями. Так называемые «скользящие звуки» между двумя согласными «причисляются» то к предшествующему, то к последующему согласному, в связи с чем «основной звук» рассматривается как единство вместе с сопровождающим его «скользящим звуком». Но в такой группе, как «*s* + скользящий звук, встречающийся между *s* и *k*, + *s*», скользящий звук пришлось бы рассматривать в качестве реализации особой фонемы (а именно *k*), даже если бы здесь и не осуществилось подлинной артикуляции типа *k*, поскольку артикуляционное движение в данном случае не было бы единым.

Рассматривая типические случаи однофонемной трактовки групп согласных, легко заметить, что во всех случаях речь идет о постепенном убывании артикуляторного комплекса. У «аффрикат» «смычка» сперва расширяется до «шели», а затем исчезает совсем. У «придыхательных» вначале происходит размыкание ротовой смычки; гортань между тем некоторое время остается в том положении, какое она занимала во время ротовой смычки; акустическим следствием этого является придыхательный призвук. У «смычно-гортанных» одновременно со смычкой в надгортанной полости образуется гортанная смычка; после уменьшения (то есть размы-

¹ Cp. A. C. Lawrenson, «Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences», стр. 132.

² J. V a c h e k, Über das phonologische Problem der Diptongue, «Práce z vědeckých ústavů filosof. fakulty Karlovy university», XXXIII, Praha, 1933.

кания) ротовой смычки гортанная смычка некоторое время сохраняется, но затем и она размыкается, акустическим результатом чего является резкий гортанный толчок. Палатализованные и лабиализованные согласные, которые производят акустическое впечатление группы из согласного и неполнообразуемого очень краткого $i(j)$ и $u(w)$, обнаруживают тот же процесс не вполне синхронного сокращения сложного артикуляционного комплекса. Во всех таких случаях мы имеем дело с единым артикуляционным движением, которое происходит в одном направлении (а именно в направлении «убывания» или «сокращения» сложного артикуляционного комплекса, то есть в направлении возврата к состоянию покоя). В противоположность этому такая группа звуков, как st , ни при каких обстоятельствах не может быть однофонемной, поскольку здесь имеет место постепенное «нарастание» смычки, которая затем «убывает» (то есть размыкается). Равным образом не может быть однофонемным и сочетание ks , так как оно предполагает два различных артикуляционных движения¹.

Правило третье. Группу звуков следует считать реализацией одной фонемы, если ее длительность не превышает длительности других фонем данного языка.

Практически это правило является менее важным, чем два предыдущих. Все же надо подчеркнуть, что нормально длительность, например русских аффрикат $ц$, $ч$, не превышает длительности прочих «кратких» согласных и, во всяком случае, никогда не достигает нормальной длительности таких сочетаний, как ks , $k\check{s}$ ²; длительность же чешского ou превышает длительность нормально долгих гласных чешского языка, и это обстоятельство, очевидно, имеет значение для того, чтобы считать данный дифтонг реализацией группы фонем.

Следующие ниже правила указывают, когда потенциально однофонемные звуковые комплексы $н$ $у$ $ж$ $н$ $о$ рассматривать как фактически однофонемные.

¹ Следует предостеречь от неправильного понимания сказанного здесь. Любой звук имеет две стороны — артикуляторную и акустическую. Если второе правило выражено нами в артикуляторных терминах, то объясняется это только тем, что современная научная терминология обладает весьма малыми средствами для точного описания акустических впечатлений. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что различие единых артикуляционных движений, равно как движений «нарастания» и «убывания», имеет вполне точный акустический эквивалент и что даже если бы ничего не знать об условиях артикуляции, то по одному акустическому впечатлению можно было бы определить, принадлежит данное сочетание звуков к «потенциально однофонемным» или нет.

² Ср. L Š č e r b a, Quelques mots sur les phonèmes consonnes composés, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», XV, стр. 237 и сл.

Правило четвертое. Потенциально однофонемную группу звуков (то есть группу, удовлетворяющую требованиям предыдущих трех правил) следует считать реализацией одной фонемы, если она встречается в таких положениях, где, по правилам данного языка, недопустимы сочетания фонем определенного рода.

Многие языки не терпят скоплений согласных в начале слова. Если в таких языках сочетания звуков типа *ph, th, kh*, или *pf, kx, ts*, или *tw, kw* и т. д. *оказываются в начале слова, то каждое из этих сочетаний следует рассматривать как одну фонему.* Сказанное имеет силу для сочетаний *ts, dz, tʃ, dʒ* в глингит¹, японском, монгольских и тюркских языках, для сочетаний *ph, th, kh, tsh, tʃh* и т. п. в китайском языке, для сочетаний *ph, th, kh, kʰ, kx, ts, tʃ, tʃʰ, kʰ* в аварском² и для многих других аналогичных случаев. Немецкий язык допускает в начале слова сочетания согласного с *l* (*klar* «светлый», *glatt* «гладкий», *plump* «неловкий», *Blei* «свинец», *fliegen* «летать», *schlau* «лукавый») или с *w* (*Qual* «мучение», *schwimmen* «плыть»); из сочетаний же «два согласных + *l, w*» в начале слова допустимы лишь *ʃpl* (*Splitter* «осколок»), *pfl* (*Pflaume* «слива», *Pflicht* «долг», *Pflug* «плуг», *Pflanze* «растение») и *tsw* (*zwei* «два», *zwar* «хотя», *Zwerg* «карлик», *Zwinger* «клетка»); так как трехчленные сочетания согласных в начале немецких слов обычно недопустимы (за исключением *ʃtr, ʃpl* и *ʃpr*), то уже по одному этому *pf* и *ts* (по крайней мере в письменном языке) нужно рассматривать как простые фонемы³.

Правило пятое. Группу звуков, отвечающую требованиям, сформулированным в правилах 1—3, следует считать простой фонемой, если это вытекает из всей системы данного языка.

В таких языках, как чеченский⁴, грузинский, шимшиан⁵ и др., где сочетания согласных возможны во всех положениях, группы согласных *ts, tʃ* следует тем не менее считать реализацией одной фонемы, а не сочетания фонем: этого требует весь контекст фоно-

¹ Ср. John R. Swanton в «Bulletin of the Smithsonian institution, Bureau of Ethnology», XL.

² Ср. П. К. Услар, Этнография Кавказа, I (Языкознание, III, Аварский язык), Тифлис, 1889.

³ Кроме того, сочетания типа «смычный + шелинный» невозможны в начале исконно немецких слов (такие слова, как *Psalm* «псалом», *Xanthippe* «Ксантиппа», несут на себе печать иностранного происхождения), что также побуждает нас трактовать *pf* и *ts* (z) как простые фонемы.

⁴ Ср. П. К. Услар, Этнография Кавказа, I (Языкознание, II, Чеченский язык), Тифлис, 1888.

⁵ Ср. Fr. Boas в «Bulletin of the Smithsonian institution, Bureau of Ethnology», XL.

логической системы указанных языков. Дело в том, что в этих языках смычные выступают в двух формах: без гортанной смычки и с гортанной смычкой, в то время как щелинным такое противоположение чуждо. Поскольку в данных языках наряду с *ts* и *tš* без гортанной смычки имеются и *ts'* и *tš'* с гортанной смычкой, постольку эти звуки оказываются в одном ряду со смычными (*p-p'*, *t-t'*, *k-k'*), и отношение *ts-s* или *tš-š* таким образом полностью параллельно отношению *k-x*.

Правило шестое. Если составная часть потенциально однофонемной группы звуков не может быть истолкована как комбинаторный вариант какой-либо фонемы того же языка, то вся группа звуков должна рассматриваться как реализация одной фонемы.

Как сербохорватское, так и болгарское *г* нередко выполняет слогообразующую функцию. Обычно в этом случае мы имеем сочетание *г* с гласным призвуком (*Gleitvokal*) неопределенного качества; этот призвук в зависимости от звукового окружения выступает то перед *г*, то после *г*. В сербохорватском, где «неопределенный гласный» в других положениях не наблюдается, неопределенный призвук, сопровождающий *г*, не может быть отождествлен ни с одной из фонем данной фонологической системы и все сочетание *г* с (предшествующим или последующим) «гласным призвуком» надо рассматривать как одну фонему. В противоположность этому в болгарском языке «неопределенный гласный» (обычно транскрибируемый посредством *ă*) известен и в других положениях (например, *kăštă* «дом» = *kəštə*, *păt* «дорога» = *pət* и т.д.). Гласный призвук при слогообразующем *г* в данном случае имеет значимость комбинаторного варианта неопределенного гласного, а все сочетание звуков оказывается многофонемным (*ăg* или *gă*).

Из этого правила следует, что потенциально однофонемную группу звуков следует считать реализацией одной фонемы, если единственная сопоставимая с данной фонемой группа фонем реализуется в данном языке в другой группе звуков, не отвечающей правилам 1–3. Так, например, польское *ś*, длительность которого не превышает длительности обычных согласных и которое в интервокальном положении целиком относится к следующему слогу, нужно считать реализацией одной фонемы, поскольку группа фонем *t + ś* (в польской орфографии *dsz*, *tsz* или *trz*) реализуется в другой группе звуков, длительность которой превышает длительность обычных согласных и которая в интервокальном положении распределяется по двум слогам (например, *podszywać* произносится: *pot-šywać*). Точно так же группы фонем *t + s*, *t + ś* в русском языке реализуются как сочетания звуков, которые по своей дли-

тельности и по своему отношению к слогаделению качественно отличаются от «с», «с̣», определяемых как простые фонемы. Смычно-гортанный палатально-свистящий щелинный согласный адыгейского (или черкесского) языка в таких, например, словах, как *ʃes'aʃe* «замечательный», реализуется совсем не так, как сочетание «палатально-свистящий щелинный + гортанная смычка» (например, в слове *ʃes'aʃ(e)* «дал понять»), и потому может быть определен только как простая фонема. Примеры подобного рода можно было бы легко приумножить.

Б. Определение многофонемности

Многофонемная трактовка отдельного звука прямо противоположна однофонемной трактовке группы звуков. Почти всегда дело сводится здесь к тому, что группа фонем, состоящая из гласного и предшествующего ему или следующего за ним согласного, реализуется либо в виде одного согласного, либо в виде одного гласного. Первое имеет место там, где «ослабленный» (то есть нереализованный) гласный обнаруживает в других положениях исключительно слабую степень раствора, приближаясь, таким образом, акустически и артикуляторно к согласным. Второе возможно только тогда, когда «ослабленный» согласный в других положениях является чрезмерно «открытым», реализуясь с возможно наименьшим участием трения и с возможно большей звучностью (раствором) и приближаясь тем самым к гласному. Практически в первом случае речь идет о кратком соответственно безударном узком или неопределенном гласном, а во втором случае — о сонорном (плавном, носовом и *w*, *j*). Таковы фонетические предпосылки многофонемной трактовки отдельного звука. Что же касается фонологических условий этого явления, то все они могут быть сведены к следующему.

Правило седьмое. Если один звук и группа звуков, удовлетворяющие указанным выше фонетическим предпосылкам, относятся друг к другу как факультативные или комбинаторные варианты и если при этом группа звуков является реализацией группы фонем, то и один звук должен рассматриваться как реализация той же группы фонем.

Здесь можно выделить три типичных случая:

а) Данный единичный звук встречается только в тех положениях, в каких данная группа звуков не может встречаться. Приведем несколько примеров. В немецком языке слоговые *l*, *m*, *n* встречаются только в безударных слогах перед согласными и в исходе слова; в противоположность этому группы звуков *el*, *em*, *en* встре-

чаются только в безударных слогах перед гласными (причем указанные группы звуков не могут рассматриваться как простые фонемы, так как слогораздел пролегает в данном случае между э и следующим за ним сонорным; ср. выше п. А, правило 1). Следовательно, немецкие слоговые l, m, n являются реализацией группы фонем əl, əm, ən (что зачастую и обнаруживается в медленной и отчетливой речи). Во многих польских диалектах (а именно в тех, где литературному ą в начале слова соответствуют ɔ, ɥ или om, um) назализованные гласные встречаются лишь перед шелинными, а сочетания «гласный + носовой» — только перед взрывными, гласными и в исходе слова. Так как сочетания «гласный + носовой» не удовлетворяют ни одному из трех условий, позволяющих определить сочетание как простую фонему, и так как составные части этих сочетаний в других положениях являются реализацией самостоятельных фонем, то сами сочетания также являются реализацией группы фонем «гласный + носовой». А отсюда и назализованные гласные в упомянутых диалектах тоже должны интерпретироваться как реализация этой же группы фонем.

б) Данный звук α встречается только в составе одной определенной группы звуков αβ или βα, где он является комбинаторным вариантом определенной фонемы; кроме того, этот же звук встречается и в другом положении, где сочетание αβ (или βα) невозможно: в таком положении звук α должен рассматриваться как замена всего сочетания αβ (или βα) и, следовательно, как реализация соответствующей группы фонем. Приведем несколько примеров. В русской группе звуков ɔl узкое ɔ является комбинаторным вариантом фонемы о. Кроме этой группы звуков (и положения перед безударным u, например, рѡ-ѹхѹ «по уху»), узкое ɔ встречается только в слове sɔpsɔ «солнце». Поскольку группа ɔl (как и вообще сочетание «гласный + l») никогда не встречается перед «n + согласный», следует считать, что ɔ в sɔpsɔ является заменой группы ɔl. Все слово фонологически должно, таким образом, интерпретироваться как solpsɔ. Безударное ѹ в русском языке после палатализованных согласных и после j реализуется как ѹ, а в прочих положениях — как u (например, jŭl'it' «юлить» = фонол. jŭl'it', t'ŭl'en' «тюлень» = фонол. t'ŭl'en'). Если безударное ѹ оказывается в положении после гласного, оно заменяет группу фонем jŭ, которая в данном положении и не может реализоваться иначе (например, znajŭt «знают» = фонол. znajŭt). Чешское «i» после j (а также после палатальных t', d', ň) реализуется как напряженный, а после гуттуральных, дентальных и свистящих — как ненапряженный гласный. В связной речи начальное j в группе ji после конечного соглас-

ного предшествующего слова «ослабляется» (иначе говоря, не реализуется). Таким образом, напряженное *i* оказывается в положении после гуттуральных, дентальных и свистящих; в таком положении его следует рассматривать как реализацию группы фонем *ji*, например: *ñeco k jidlu* «что-нибудь поест!» (произносится почти как *ñesokidlu*), *vytah ji ven* «тащи вон!» (произносится почти как *vitaħiven*), *uħ ji mām* «у меня уже есть» (произносится почти как *uħimām*; не путать с *uħi mām* «у меня есть уши», произносимым как *uħimām* с ненапряженным *i*).

в) Во многих языках, где сочетания согласных либо вообще невозможны, либо возможны лишь в определенных положениях (например, в начале или исходе слова) узкие гласные факультативно ослабляются, причем предшествующий согласный рассматривается как реализация группы «согласный + узкий гласный». В узбекском языке, который не терпит скопления согласных в начале слова, гласный *i* в первом безударном слоге обычно бывает ослаблен: говорят, например, *rħimod* «варить», а считают, что это *riħimod*¹. В японском языке вообще нет скоплений согласных (если не считать сочетание «носовой + согласный»), а в исходе слова согласные вообще невозможны. Но в быстрой речи гласный *u* часто (особенно после глухих согласных) «сходит на нет»; предшествующий согласный в этом случае замещает группу «согласный + u», например *desu* (связка), произносимое как *des*.

4. Ошибки при определении однофонемной и многофонемной значимости звуков чужого языка

Правила, определяющие однофонемную или многофонемную трактовку звуков, учитывают структуру данной системы и специальную роль данного звука в системе. Поэтому звуки и сочетания звуков, рассматриваемые в каком-либо языке как однофонемные или многофонемные, не обязательно трактуются таким же образом в других языках. Однако «неискушенный» наблюдатель при восприятии чужого языка обычно переносит на него звуковые оценки, обусловленные отношениями, сложившимися в его родном языке; естественно, что тем самым он получает совершенно ложное представление об этом языке.

Большое число весьма поучительных примеров приводит Е.Д. Поливанов в своей работе «Восприятие звуков иностранного языка». Японец, в языке которого отсутствуют скопления согласных, а узкие гласные бывают очень краткими и склонны факультативно к исчезновению, уверен, что и в чужом языке он слышит те же краткие узкие гласные между со-

¹ См. Е.Д. Поливанов, TCLP, IV, стр. 83.

гласными и в исходе слова. Поливанов¹ приводит японское произношение русских слов *так, путь, дар, корь*: *taku, ruč'i, daŋu, koŋ'i*. Можно привести также японскую интерпретацию таких английских слов, как *club* = яп. *kurabu*, *film* = яп. *hirumu*, *cream* = яп. *kurimu*, *ski* = яп. *suki*, *spoon* = яп. *surun* и т.д., или яп. *Kirisuto* «Christus» и многое другое². Эти вставки гласных *u* и *i* (а после *t* и *d* также *o*) между согласными и после конечного согласного (а равным образом смешение *ŋ* и *l*) приводят к тому, что европеец с трудом может понять японца, который пытается говорить на одном из европейских языков. Лишь после длительной тренировки японцу удается избавиться от подобного рода произношения; однако и тут он нередко впадает в противоположную крайность, не произнося этимологических *u* и *i* в иностранных словах. Согласные с следующими за ними *u* и *i*, а также согласные без следующих за ними гласных японец воспринимает как факультативные варианты группы фонем, и ему чрезвычайно трудно освоиться, привыкнуть к тому, что эти мнимо факультативные варианты имеют смысловозначительную функцию, а сверх того еще и к тому, что один из вариантов является реализацией одной фонемы, а не группы фонем. Другой из приведенных Поливановым примеров касается корейской трактовки сочетания «*s* + согласный». В противоположность японскому языку корейский язык допускает известные сочетания согласных, впрочем только в середине слова. Но сочетание «*s* + согласный» чуждо современному корейскому языку. Когда кореец слышит такое сочетание в чужом языке, он воспринимает его как недоступный ему особый способ произношения следующего согласного (желая сказать соответствующее слово, он обычно произносит его с пропуском *s*: *тарик казал* — вместо *старик сказал*). Э. Сепир³ рассказывает, что американские студенты, познакомившись на фонетических занятиях с гортанными взрывными, склонны были слышать их после каждого краткого ударного гласного в исходе слов чужого языка. Это «акустическое заблуждение» основывается на том, что в английском языке все ударные гласные в исходе слова являются долгими и что те, у кого родным языком является английский, могут представлять себе краткий гласный лишь перед согласным.

Всюду, где в чужом языке мы слышим звуковое образование, чуждое родному для нас языку, мы склонны расценивать его как сочетание звуков и рассматривать как реализацию группы фонем родного для нас языка. Очень часто воспринимаемый звук действительно дает основания для такой интерпретации, поскольку любой звук представляет собой ряд «звуковых атомов». Придыхательные составлены фактически из смычки, взрыва и придыхания, аффриката — из смычки и шума трения. Поэтому нет ничего удивительного, если иностранец, в языке которого эти звуки отсутствуют или не имеют однофонемной значимости, воспринимает их как

¹ E. D. Polivanov, La perception des sons d'une langue étrangère, TCLP, IV, стр. 79 и сл.

² Henn Frei, Monosyllabisme et polysyllabisme dans les emprunts linguistiques, «Bulletin de la Maison Franco-Japonaise», VIII, 1936.

³ См. «Journal de psychologie», XXX, стр. 262

реализацию группы фонем. Равным образом естественно и то, что русские и чехи воспринимают долгие гласные английского языка, рассматриваемые англичанами в качестве простых фонем, как дифтонги, то есть как сочетание двух гласных фонем. ведь эти гласные фактически являются «скользящими дифтонгами». Однако очень часто многофонемная интерпретация чужого звука покоится на заблуждении: различные артикуляторные признаки, в действительности сосуществующие одновременно, воспринимаются как следующие друг за другом. Болгары воспринимают немецкие *ü* как *ju* (*juber* = *über*), потому что переднее положение языка и округление губ, проявляющиеся в немецком языке одновременно, они представляют себе как раздельные моменты. Украинцы, которым чужд звук *f*, передают чужое *f* через *хв* (*Хвилит* = *Филит*), воспринимаемая таким образом синхронные признаки *f* (глухой шум трения и лабиодентальная локализация) как два следующие друг за другом момента. Чешское *ř*, которое, безусловно, является одним звуком, воспринимается многими иностранцами как сочетание звуков *řž* (причем это восприятие проникло даже в чешскую грамматику парижского слависта А. Мазона¹): в действительности *ř* представляет собой просто-напросто *г* с незначительной амплитудой колебания кончика языка, что на слух создает впечатление ж-образного трения между ударами *г*². В отдельных северокавказских языках (адыгейском, кабардинском, арчинском, аварском и во всех языках западного Дагестана), равно как в отдельных африканских (зулу, суто, педи) и североамериканских языках, имеются так называемые «латеральные спиранты», как звонкие, так и глухие. Глухие воспринимаются иностранцами как *tl*, *kl*, *ʈl*, *xl*, *sl*; иными словами, глухость и латеральная артикуляция воспринимаются как две следующие друг за другом фонемы³. Подобного рода примеры можно легко умножить. Психологически они объясняются тем, что фонемы символизируются не звуками, а определенными существенными звуковыми признаками, а также тем, что сочетание звуковых признаков трактуется как группа фонем; но поскольку две фонемы никогда не могут выступать синхронно, то их и воспринимают как последовательный ряд фонем.

При изучении чужого языка нужно преодолевать все эти трудности. Недостаточно приучить органы речи к новой артикуляции, необходимо, кроме того, приучить фонологическое сознание правильно оценивать эти новые артикуляции как однофонемные или многофонемные.

¹ A. Mazon, Grammaire de la langue tchèque, Paris, 1931, стр. 14.

² Cp. J. Chlůmský, Une variété peu connue de l'*r* linguale, «Revue de phonétique», 1911.

³ См. N Trubetzkoy, Les consonnes latérales des langues caucasiennes-septentrionales, BSL. XXIII, 3, стр. 184 и сл.

III. Логическая классификация смыслоразличительных оппозиций

1. Содержание фонемы и система фонем

При условии точного применения всех приведенных выше правил можно установить полный состав всех фонем данного языка. Теперь нам необходимо определить фонологическое содержание каждой отдельной фонемы. Под фонологическим содержанием фонемы мы понимаем совокупность всех фонологически существенных признаков фонемы, то есть признаков, общих для всех вариантов данной фонемы и отличающих ее от других и прежде всего от близкородственных фонем в данном языке. Немецкое *k* нельзя определять как «велярный», поскольку этот признак присущ только части его вариантов; например, перед *i* и *ü* немецкое *k* реализуется как палатальный согласный. С другой стороны, неточным будет и определение немецкого *k* как «дорсально-го», поскольку «дорсальными» являются также *g* и *ch*. Фонологическое содержание немецкого *k* можно сформулировать только так: «напряженный, неназализованный, дорсальный смычный». Иными словами, для немецкого фонологически существенны только следующие признаки: 1) образование полной смычки (в отличие от *ch*), 2) выключение полости носа (в отличие от *ng*), 3) напряжение мускулатуры языка при одновременном расслаблении мускулатуры гортани (в отличие от *g*), 4) участие спинки языка (в отличие от *t* и *r*). Первый из этих четырех признаков объединяет *k* с *t*, *p*, *tz*, *pf*, *d*, *b*, *g*, *m*, *n*, *ng*, второй — с *g*, *t*, *d*, *p*, *b*, третий — с *p*, *t*, *ss*, *f*, четвертый — с *g*, *ch*, *ng*, и только совокупность всех четырех признаков присуща одному *k*. Отсюда видно, что определение фонологического содержания фонемы предполагает включение ее в систему фонологических оппозиций, существующих в данном языке. Определение содержания фонемы зависит от того, какое место занимает та или иная фонема в данной системе фонем, то есть в конечном счете от того, какие другие фонемы ей противопоставлены. Из этого следует, что иной раз фонема может получить чисто отрицательное определение. Если мы примем во внимание, например, все факультативные и комбинаторные варианты немецкого *g*, то должны будем определить эту фонему только как «нелатеральный плавный», что является чисто отрицательным определением, ибо сам «плавный» является «неносовым сонорным», а «сонорный» — «нешумным».

2. Классификация оппозиций

А. Классификация оппозиций по их отношению к системе оппозиций в целом: многомерные и одномерные, изолированные и пропорциональные оппозиции; основанная на этой структуре системы фонем

Фонемный состав языка является по существу лишь коррелятом системы фонологических оппозиций. Никогда не следует забывать, что в фонологии основная роль принадлежит не фонемам, а смысловозначительным оппозициям. Любая фонема обладает определенным фонологическим содержанием лишь постольку, поскольку система фонологических оппозиций обнаруживает определенный порядок или структуру. Чтобы понять эту структуру, необходимо исследовать различные типы фонологических оппозиций.

Прежде всего необходимо ввести ряд понятий, имеющих решающее значение не только для фонологической, но и для любой другой системы оппозиций¹.

Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать «основанием для сравнения». Две вещи, не имеющие основания для сравнения, или, иными словами, не обладающие ни одним общим признаком (например, чернильница и свобода воли), никак не могут быть противопоставлены друг другу. В таких системах противоположений, как фонологическая система, следует различать два типа оппозиций: *одномерные* и *многомерные*. В *одномерных* оппозициях основание для сравнения, то есть совокупность признаков, которыми обладают в равной мере оба члена оппозиции, присуще только этим двум членам оппозиции и не присуще никакому другому члену той же системы. В *противоположность* этому в *многомерных* оппозициях совокупность общих признаков (основание для сравнения) не ограничивается только членами данной оппозиции, а распространяется также и на другие члены той же системы. Различие между одномерными и многомерными оппозициями может быть проиллюстрировано на примере латинского алфавита. Противоположение букв E и F в нем одномерно, по-

¹ Cp. N. T r u b e t z k o y, Essai d'une théorie des oppositions phonologiques, «Journal de psychologie», XXXIII, стр. 5-18.

сколькo совокупность черт, общих этим двум буквам (вертикальный стержень и два горизонтальных направленных вправо штриха, один из которых укреплен на верхнем конце стержня, а другой—посередине его), не повторяется ни в одной другой букве латинского алфавита. Напротив, противоположение букв P и R является многомерным, так как совокупность черт, общих двум буквам (направленная вправо петелька в верхнем конце вертикального стержня), помимо этих двух букв, имеется еще в букве В.

Различение одномерных и многомерных оппозиций имеет исключительное значение для общей теории оппозиций. Оно может быть обнаружено в любой оппозитивной системе, в том числе, естественно, и в фонологических системах (в составе фонем). Так, например, в немецком языке оппозиция t—d одномерна, поскольку t и d являются единственными дентальными смычными в фонологической системе немецкого языка. Наоборот, оппозиция d—b в том же немецком языке многомерна, поскольку то общее, что обнаруживается у этих фонем, а именно образование слабой смычки, повторяется и в другой фонеме немецкого языка, а именно в g. Таким образом, какую бы фонологическую оппозицию мы ни взяли, всегда можно точно и определенно сказать, является ли она одномерной или многомерной. Само собой разумеется, что при этом следует учитывать только фонологически существенные признаки. Однако дополнительно могут быть приняты во внимание и отдельные фонологически несущественные признаки, если благодаря им члены данной оппозиции противопоставлены другим фонемам той же системы. Так, оппозицию d—n (например, во французском) можно рассматривать как одномерную, поскольку члены ее являются единственными звонкими дентальными смычными (хотя ни звонкость, ни образование смычки не существенны для n, поскольку глухое и соответственно фрикативное n как особые фонемы в данной системе отсутствуют).

В любой системе оппозиций многомерные противоположения численно превышают одномерные. Так, например, система согласных немецкого литературного языка в его сценическом произношении содержит 20 фонем (b, ch, d, f, g, h, k, l, m, n, η, p, pf, r, ss, s, sch, t, w, tz) и, следовательно, 190 возможных оппозиций. Среди них только 13 одномерны (а именно: b—p, d—t, g—k, b—m, d—n, g—η, pf—f, k—ch, tz—ss, f—w, ss—s, ss—sch, r—l), все прочие оппозиции (то есть 93% всей системы) многомерны. Имеются фонемы, вообще не участвующие в одномерных оппозициях; среди согласных немецкого языка такой фонемой является h. В противоположность этому в многомерных оппозициях должна участвовать любая фонема, и среди оппозиций, в которых принимает участие та или иная фонема, многомерные всегда превосходят числом одно-

мерные. Каждая согласная фонема немецкого языка участвует в 19 оппозициях, из коих самое большое только две одномерны. Однако для определения фонологического содержания фонемы наиболее существенны как раз одномерные оппозиции. Следовательно, одномерные оппозиции вопреки их относительно ограниченному числу играют значительную роль в структуре фонологической системы.

Многомерные оппозиции можно разделить на гомогенные (о д н о р о д н ы е) и гетерогенные (н е о д н о р о д н ы е). Однородными называются такие многомерные оппозиции, члены которых могут быть представлены в качестве крайних точек «цепочек» (выражение заимствовано нами у Н. Дурново) из одномерных оппозиций. Так, например, оппозиция *u—e* в немецком языке многомерна: общим для обеих фонем является лишь то, что они гласные, но этот признак не ограничивается только названными двумя фонемами, он присущ еще целому ряду фонем немецкого языка (точнее — всем гласным). Однако члены данной оппозиции *u* и *e* можно представить как крайние точки «цепочки» *u—o, o—ö, ö—e*, которая состоит из одномерных оппозиций: в системе гласных немецкого языка *u* и *o* являются единственными лабиализованными гласными заднего ряда, *o* и *ö* — единственными лабиализованными гласными среднего подъема, *ö* и *e* — единственными гласными переднего ряда среднего подъема. Следовательно, оппозиция *u—e* является однородной. Однородной является также многомерная оппозиция *x—ŋ* (*ch—ng*) в системе согласных немецкого языка: ее можно вытянуть в цепочку одномерных оппозиций *x—k, k—g, g—ŋ*. В противоположность этому многомерная оппозиция *p—t* является неоднородной, так как в промежутке между *p* и *t* нельзя представить себе ни одного члена, который составлял бы с этими фонемами одномерную оппозицию. Совершенно очевидно, что в совокупной фонологической системе любого языка неоднородные многомерные оппозиции должны быть многочисленнее однородных. Однако для определения фонологического содержания фонемы, а следовательно, и для общей структуры фонологической системы однородные оппозиции очень важны.

Можно выделить далее два типа однородных многомерных оппозиций: *прямолинейные* и *непрямолинейные*, в зависимости от того, какую цепную связь можно установить между членами оппозиции: с помощью ли одной «цепочки» одномерных оппозиций или с помощью ряда «цепочек». Так, в приведенных выше примерах оппозиция *x—ŋ* прямолинейная, поскольку в рамках немецкой фонологической системы мыслима только одна «цепочка» *x—k—g—ŋ*. В отличие от этого оппозиция *u—e* является не-

прямолинейной, поскольку «путь», ведущий от *u* к *e* в рамках немецкой фонологической системы, можно представить в виде ряда «цепочек» из одномерных оппозиций (*u—o—ö—e*, или *u—ü—ö—e*, или *u—ü—i—e*, или *u—o—a—ä—e*).

Наряду с различием одномерных и многомерных оппозиций не менее существенно и различие пропорциональных и изолированных оппозиций. Оппозиция называется пропорциональной, если отношение между ее членами тождественно отношению между членами какой-либо другой оппозиции (или ряда других оппозиций) в рамках той же самой фонологической системы. Так, например, оппозиция *p—b* в немецком языке пропорциональна, поскольку отношение между *p* и *b* является тождественным отношению между *t* и *d* или между *k* и *g*. Наоборот, оппозиция *p—sch* является изолированной, поскольку в немецкой фонологической системе нет другой пары фонем, члены которой находились бы в таких же отношениях, как *p* и *sch*. Различие между пропорциональными и изолированными оппозициями может иметь место как в одномерных, так и в многомерных оппозициях: так, например, в немецком языке оппозиции а) *p—b* — одномерная и пропорциональная, б) *ɾ—l* — одномерная и изолированная, в) *p—t* — многомерная и пропорциональная (ср. *b—d*, *m—n*), г) *p—sch* — многомерная и изолированная.

В любой системе изолированные оппозиции гораздо многочисленнее пропорциональных. В немецкой системе согласных только 40 оппозиций пропорциональны, а 150 оппозиций (то есть 80%) являются изолированными. При этом они распределяются следующим образом:

одномерные пропорциональные	11	(6%)
одномерные изолированные	2	(1%)
многомерные пропорциональные	29	(15%)
многомерные изолированные	148	(78%)

Эта таблица свидетельствует о том, что в одномерных оппозициях преобладают пропорциональные, а в многомерных — изолированные отношения.

Само собой разумеется, что абсолютные цифры варьируют от языка к языку. Однако отношение в основном остается всюду одним и тем же: наибольшую группу образуют изолированные многомерные оппозиции, наименьшую — изолированные одномерные оппозиции; между этими крайними точками располагаются пропорциональные оппозиции, среди которых многомерные всегда преобладают над одномерными. Для характеристики той или иной фонологической системы не столь важно процентное отношение, сколь процент фонем, которые участвуют в каждом из этих классов. Среди немецких согласных встречается лишь одна фонема, участвующая только в изолированных многомерных оппозициях (*h*);

три участвуют только в одной одномерной изолированной оппозиции (š, г и 1); все прочие согласные (то есть 80% согласных) участвуют одновременно в одномерных и многомерных пропорциональных оппозициях. В русском языке в пропорциональных оппозициях участвует 88% согласных, а в бирманском языке — даже 97%. Еще важнее отношение числа одномерных пропорциональных оппозиций к числу фонем, участвующих в этих оппозициях. В немецкой системе согласных в 11 одномерных пропорциональных оппозициях участвует 16 фонем, в русском языке в 27 оппозициях того же рода — 30 согласных, а в бирманском в 79 оппозициях аналогичного типа — 60 согласных. Разделив число одномерных пропорциональных оппозиций на число согласных фонем, участвующих в этих оппозициях, получим: для немецкого — 0,69, для русского — 0,90 и для бирманского — 1,32.

Благодаря различным типам оппозиций достигается внутренняя упорядоченность или структурность фонемного состава как системы фонологических оппозиций. Все пропорциональные оппозиции с одинаковыми отношениями между их членами можно объединить в уравнения («пропорции», откуда и само название «пропорциональный»); например, $b-d = p-t = m-n$ или $u-o = \ddot{u}-\ddot{o} = i-e$ и т.д. в немецкой системе согласных и гласных. С другой стороны, мы уже упоминали о таких «цепочках» одномерных оппозиций, которые можно вставить между членами однородной (в частности, прямолинейной однородной) многомерной оппозиции; например, $ch-k-g-\eta$ или $u-\ddot{u}-i$ и т.д. в немецком языке. Если одна из оппозиций в такой «цепочке» оказывается пропорциональной, «цепочка» переименовывается с «пропорцией». Если какая-либо фонема участвует одновременно в ряде пропорциональных оппозиций, то переименовывается ряд пропорций. В результате фонологическая система может быть представлена в виде пересекающихся друг друга параллельных рядов. В немецкой системе согласных пропорции $b-d = p-t = m-n$, $b-p = d-t$ и $b-m = d-n$ образуют пересечение, которое можно изобразить в виде двух параллельных цепочек $p-b-m$ и $t-d-n$. Пропорции $p-b = t-d = k-g$ и $b-m = d-n = g-\eta$ дают начало параллелизму цепочек $p-b-m$, $t-d-n$ с $k-g-\eta$. Последняя цепочка, однако, может быть дополнена еще одним членом и принимает в этом случае вид $ch-k-g-\eta$. Далее, отношение $ch-k$ (шель — смычка) по существу тождественно отношениям $f-pf$, $ss-tz$, которые, со своей стороны, являются лишь частью параллельных цепей $w-f-pf$ (фонол. $v-f-\ddot{p}$) и $s-ss-tz$ (фонол. $z-s-c$). Наконец, ss является также членом одномерной изолированной оппозиции $ss-sch$ (фонол. $s-\ddot{s}$). В результате мы имеем следующую картину:

		v	z	
	x	f	s	š
p	t	k	ṗ	c
b	d	g		
m	n	ŋ		

Эта схема охватывает 17 фонем, то есть 85% всех согласных немецкого языка. Вне схемы остаются, с одной стороны, г и l, составляющие как единственные плавные немецкого языка изолированную одномерную оппозицию, и, с другой стороны, фонема h, образующая по отношению ко всем прочим согласным многомерную изолированную оппозицию¹.

Порядок, который достигается расчленением фонем на параллельные ряды, существует не только на бумаге и не является делом одной лишь графики. Напротив, он соответствует фонологической реальности. Благодаря тому что определенное отношение между двумя фонемами реализуется в ряде пропорциональных оппозиций, оно приобретает способность мыслиться и квалифицироваться фонологически даже независимо от отдельных фонем. Это приводит к тому, что определенные признаки той или иной фонемы распознаются особенно ясно, а фонема легко разлагается на свои фонологические признаки.

Зависимость фонологического содержания фонемы от ее места в фонологической системе, а следовательно, от структуры этой системы является основополагающим фактом фонологии. Так как системы фонологических оппозиций варьируют от языка к языку и от диалекта к диалекту, то и фонологическое содержание фонем оказывается различным в зависимости от языка и диалекта. Это различие может отражаться также и в реализации фонем.

В качестве примера мы возьмем фонему г и рассмотрим, как она реализуется в разных языках. Мы уже видели, что немецкое г соотносится только с l, образуя одномерную оппозицию. Ее фонологическое содержание оказывается весьма бедным, фактически чисто отрицательным: г — это не гласный, не какой-либо шумный, не назальный и не l. Отсюда вытекает и исключительное многообразие ее реализаций: г перед гласным у одних немцев является дентальным, у других — увулярным дрожащим, у третьих — гуттуральным спира́нтом, почти бесшумным; в положении не после гласного эта фонема в большинстве случаев произносится либо как неслоговой неопределенный гласный, либо как гуттуральный неполного образования и очень редко как слабый дрожащий. Чешское г имеет гораздо более богатое фонологическое содержа-

¹ «Фонемы j» нет в немецком литературном языке. Литературное j скорее можно рассматривать как комбинаторный вариант гласного i. А это значит, что такое j не принадлежит системе согласных

ние, так как оно входит в одномерную оппозицию не только с *l*, но и с особой чешской фонемой *ř*: *g* и *l* являются единственными плавными, а *g* и *ř* — единственными дрожащими; *g* отличается от *ř* тем, что оно является не шумным, а плавным, а от *l* тем, что оно представляет собой дрожащий. Поэтому чешское *g* произносится во всех без исключения положениях как отчетливый и энергично раскатистый сонорный. Его нельзя «проглотить» как немецкое *g*. Увулярное произношение *g* не в ходу, ибо при этом оппозиция *g*—*ř* теряет свою отчетливость. Нормальным оказывается дентальное *g*. Увулярное *g* встречается лишь как крайне редкий индивидуальный вариант и считается неправильным¹. Совершенно иную картину дает нам *g* в *г* и *ляцком* или *нивахском* языке (в устье Амура и в северной части Сахалина)². В этом языке наряду со звонким *g* существует еще глухой *ɟ* с отчетливым шумом трения. Поскольку это *ɟ* определяется как глухой спирант, то оппозиция *g*—*ɟ* является не только одномерной, но и пропорциональной: она образует пропорции с оппозициями *v*—*f*, *z*—*s*, *ɣ*—*x*, *ʝ*—*ħ*. Отсюда *g* определяется как звонкий спирант. Стоит только произнести *g* поэнергичнее (особенно там, где оно геминировано), как отчетливо слышится ж-образный шум, что абсолютно исключено в отношении чешского *g*, поскольку тогда его можно было бы смещать с *ř*. Кроме того, оппозиции *v*—*f*, *z*—*s*, *ɣ*—*x*, *ʝ*—*ħ* связаны с цепочками *b*—*p*—*p'*, *ʒ*—*č*—*č'*, *g*—*k*—*k'*, *ɟ*—*ḳ*—*ḳ'*, а *g*—*ɟ* связано с *d*—*t*—*t'*. Отсюда мы получаем схему:

<i>d</i>	<i>b</i>	<i>ʒ</i>	<i>g</i>	<i>ɟ</i>
<i>t</i>	<i>p</i>	<i>č</i>	<i>k</i>	<i>ḳ</i>
<i>t'</i>	<i>p'</i>	<i>č'</i>	<i>k'</i>	<i>ḳ'</i>
<i>ɣ</i>	<i>v</i>	<i>z</i>	<i>ɣ</i>	<i>ʝ</i>
<i>ɟ</i>	<i>f</i>	<i>s</i>	<i>x</i>	<i>ħ</i>

Следовательно, увулярное произношение *г* совершенно исключено; он всегда реализуется как дентальный. Тем самым фонологическое содержание *г* определяется следующим образом: это «звонкий долгий дентальный». Поскольку в *г* и *ляцком* имеется еще *l*, то *g* должен произноситься как отчетливо дрожащий. Последним в этом ряду примеров можно было бы привести *японское g*. Это единственный плавный в фонологической системе японского языка. Единственной фонемой, которой противостоит *g* в качестве члена одномерной оппозиции, является мягкое *g'*. Но так как все японские согласные имеют мягкие соответствия, то это соотношение с *g'* нельзя рассматривать как специфическую особенность *g*. Японское *g* следует, таким образом, определить как «немягкий плавный» (при этом под плавным разумеется согласная фонема, которая не является ни шумной, ни назальной). Отсюда значи-

¹ Ср. Fr. Trávníček, *Správná česká výslovnost*, Brno, 1935, стр. 24

² Е. А. Крейнович, *Нивхский (гиляцкий) язык*, «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 188 и сл.

тельная неопределенность в реализации данной фонемы. Иной раз в качестве факультативного варианта выступает *l*, но даже и тогда, когда этого нет, *g* не может произноситься с энергичным раскатом, ибо в этом случае оно приобретает резко индивидуальный характер. Чаще всего *g* реализуется как одноударный согласный. Увулярная артикуляция здесь невозможна, ибо это окажет влияние на пропорциональность оппозиции *g—g'*.

Число примеров можно было бы увеличить до бесконечности; можно было бы привлечь много других языков, чтобы показать зависимость фонологического содержания фонемы *g* от ее места в фонологической системе и, следовательно, от структуры этой системы; при этом в большинстве случаев из ее фонологического содержания можно было бы вывести и фонетическую реализацию *g*, амплитуду его вариантов и т.д.

Вместо *g* можно было бы выбрать какую-либо другую фонему, и результат был бы таким же. Подводя итог, отметим, что фонологическое содержание фонемы зависит от структуры данной фонологической системы. А так как фонологическая система в каждом языке и даже в каждом диалекте различна, то в двух разных языках найти фонему с абсолютно одинаковым фонологическим содержанием удастся относительно редко. Нам не должно при этом вводить в заблуждение употребление одинаковых знаков международной транскрипции. Знаки этой транскрипции — всего лишь вспомогательное средство, к которому мы прибегаем за неимением лучшего. Если бы возникла необходимость обозначать одинаковыми буквами только фонемы с одинаковым фонологическим содержанием, то пришлось бы употреблять для каждого языка свой особый алфавит.

Б. Классификация оппозиций по отношению между членами оппозиции: привативные, ступенчатые (градуальные) и равнозначные (эквивалентные) оппозиции

Структура системы фонем зависит от распределения одномерных, многомерных, пропорциональных и изолированных оппозиций. Именно поэтому и имеет такое большое значение классификация оппозиций по четырем классам. Принципы классификации при этом связаны с системой фонем в целом: одномерность или многомерность оппозиции зависит от того, свойственно ли то, что является общим у членов данной оппозиции, лишь этим членам или же оно присуще и другим членам той же системы¹; пропорциональный или изолированный характер оппозиции зависит от того, повторяется или нет то же отношение и в других оппозициях той же системы. Но фонологические оппози-

¹ Что касается подразделения многомерных оппозиций на гетерогенные и гомогенные, а этих последних на прямолинейные и непрямолинейные, то оно в конечном счете тоже покоится на тех же основаниях.

ции могут быть подразделены на типы и относительно к системе фонем в целом; в этом случае в качестве основания для классификации выступают чисто логические отношения между членами оппозиции. Такая классификация не имеет значения для чисто внешней структуры фонемного состава; однако она приобретает большое значение, как только мы переходим к рассмотрению функционирования системы фонем.

Принимая во внимание отношения, существующие между членами оппозиций, последние можно подразделить на три типа:

а) **Привативными** называются оппозиции, один член которых характеризуется наличием, а другой — отсутствием признака, например «звонкий — незвонкий», «назализованный — неназализованный», «лабиализованный — нелабиализованный» и т.д. Член оппозиции, который характеризуется наличием признака, называется «маркованным», а член оппозиции, у которого признак отсутствует, — «немаркованным». Этот тип оппозиций исключительно важен для фонологии.

б) **Градуальными** (ступенчатыми) называются оппозиции, члены которых характеризуются различной степенью или градацией одного и того же признака; например, оппозиция между двумя различными степенями раствора у гласных (ср. нем. u—o, ï—ö, i—e) или между различными степенями высоты тона. Член оппозиции, которому присуще наличие крайней (минимальной или максимальной) степени данного признака, называется крайним или внешним; прочие члены являются средними. Градуальные оппозиции сравнительно редки и не столь важны, как привативные.

в) **Эквивалентными** (равнозначными) называются такие оппозиции, оба члена которых логически равноправны, то есть не являются ни двумя степенями какого-либо признака, ни утверждением или отрицанием признака. Таковы, например, немецкие p—t, f—k и т.д. Эквивалентные оппозиции — самые частые оппозиции в любом языке.

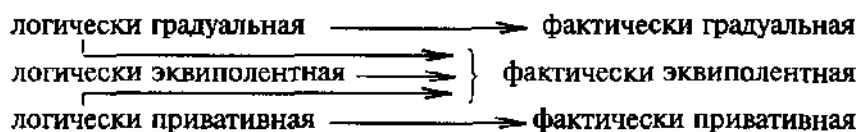
Любая оппозиция, взятая изолированно, то есть в отрыве от контекста фонологической системы и в отрыве от функционирования этой системы, является одновременно и эквивалентной и градуальной. Рассмотрим, например, противоположение звонких и глухих. Инструментальная фонетика учит, что согласные весьма редко бывают абсолютно звонкими или абсолютно глухими: в большинстве случаев мы имеем дело лишь с различными степенями участия голоса. Звонкость связана с расслаблением мускулатуры в полости рта, глухость, наоборот, сопряжена с напряжением мускулатуры. Отношение между d и t (например, в русском и во фран-

пузском) с чисто фонетической точки зрения является, таким образом, многозначным. Чтобы определить такое отношение как привативное, нужно, во-первых, обратить внимание лишь на единственный дифференциальный признак (например, на участие голоса или на напряжение мускулатуры языка) и отвлечься от всех остальных и, во-вторых, малые степени данного качества считать «равными нулю». Подобным же образом привативным будет и отношение между *и* и *о*, если рассматривать эти два гласных как две самые крайние степени раствора или сужения, а одну из этих степеней определять как «нулевую»: тогда либо *и* будет «неоткрытым», а *о* — «открытым», либо, наоборот, *и* будет «закрытым», а *о* — «незакрытым» гласным заднего (лабиализованного) ряда. Но то же отношение превращается в градуальное, если только в системе гласных данного языка есть еще один гласный, более открытый, нежели *о*: тогда *и* окажется крайним, а *о* — средним членом градуальной оппозиции.

Следовательно, определение той или иной фонологической оппозиции как эквиполентной, градуальной или привативной зависит от избранной нами точки зрения. Не следует, однако, думать, что такое определение является чисто субъективным и произвольным. Сама структура и функционирование фонологической системы определяют в большинстве случаев совершенно однозначную и объективную квалификацию любой оппозиции. В том языке, где, помимо *и* и *о*, имеются еще и другие гласные заднего ряда (или же задние и лабиализованные), степень подъема которых меньше, нежели у *о* (например, *э* или *а*), оппозиция *и*—*о*, безусловно, должна быть определена как градуальная. В противоположность этому в языках, где *и* и *о* являются единственными гласными заднего ряда, нет никаких оснований определять оппозицию *и*—*о* как градуальную. Оппозицию *t*—*d*, приведенную выше в качестве одного из примеров, следовало бы определить как градуальную только в том случае, если бы в данной системе фонем был еще третий «дентальный» смычный, глухость которого (и сопровождающая ее напряженность мускулов языка) была бы большей и более явственной, нежели у *t* (или, наоборот, меньшей, нежели у *d*). Там, где это условие отсутствует, нет никаких оснований для определения оппозиции *t*—*d* как градуальной. Если функционирование системы фонем указывает на то, что *t* является немаркированным членом оппозиции *t*—*d*, то оппозицию *с л е д у е т* определить как привативную; напряжение мускулов языка в этом случае нужно рассматривать как несущественный побочный признак, а степень участия голоса у *t* — как «нулевую»; следовательно, *t* надо считать «глухим», а *d* — «звонким». Но если по условиям

функционирования системы фонем немаркированным членом окажется *d*, а не *t*, то несущественным будет участие голоса, а напряжение мускулов языка превратится в дифференциальный признак оппозиции; следовательно, *t* надо будет считать «напряженным», а *d* — «ненапряженным». Если, наконец, по условиям функционирования системы фонем понятие беспризначности окажется неприменимым ни к *t*, ни к *d*, то оппозицию *d*—*t* надо будет считать эквиполентной¹.

Следовательно, включение той или иной конкретной оппозиции в разряд градуальных или привативных зависит отчасти от структуры, отчасти от функционирования системы фонем. Однако, помимо этого, в самой оппозиции должно содержаться нечто такое, что способствует ее определению как градуальной или привативной. Такая оппозиция, как *k*—*l*, ни при каких обстоятельствах не может быть ни привативной, ни градуальной, поскольку ее члены нельзя себе представить ни как утверждение или отрицание, ни как две различные ступени одного и того же признака. Но оппозиция *u*—*o* м о ж е т мыслиться и как привативная («закрытый» — «незакрытый» или «открытый» — «неоткрытый») и как градуальная. Что же касается того, как ее следует определить фактически (как привативную, градуальную или эквиполентную), то это зависит уже от структуры и функционирования данной фонологической системы. Таким образом, наряду с фактически привативными или градуальными оппозициями можно еще различать п о т е н ц и а л ь н о или л о г и ч е с к и привативные и градуальные оппозиции; равным образом наряду с фактически эквиполентными можно различать логически эквиполентные оппозиции. При этом логически эквиполентные оппозиции являются всегда и фактически эквиполентными, но фактически эквиполентные оппозиции не всегда логически эквиполентны, иногда они логически привативны или логически градуальны. Схематически это можно представить в следующем виде:

¹ См. об этом ниже, раздел «В».

**В. Классификация оппозиций по объему их
смыслоразличительной силы или
действенности в различных позициях:
постоянные и нейтрализуемые
оппозиции**

Под функционированием фонологической системы мы понимаем допустимую для данного языка сочетаемость фонем, а также условия фонологической действенности отдельных оппозиций.

До сих пор мы говорили о фонемах, фонологических оппозициях, системах оппозиций, отвлекаясь от фактического распределения фонологических единиц при образовании слов и их форм. Между тем роль отдельных оппозиций в любом языке весьма различна и зависит от объема различительной силы, которой они обладают во всех положениях¹. В датском языке ж и е возможны во всех мыслимых положениях: они образуют постоянную фонологическую оппозицию, члены которой являются самостоятельными фонемами. В русском языке е возможно лишь перед *ж* и перед мягкими согласными; в противоположность этому *е* встречается во всех других положениях; здесь, таким образом, *е* и *е̣* являются взаимодополняющими звуками, и их следует рассматривать не как две самостоятельные фонемы, а как комбинаторные варианты одной фонемы. Но во французском языке *е* и *ε* как члены фонологической оппозиции возможны лишь в открытом исходе слова (*les — lait, allez — allait*); во всех прочих положениях наличие *е* или *ε* механически регулируется правилом: в закрытом слоге — *ε*, в открытом — *е*; следовательно, данные гласные надо определять как две фонемы лишь в открытом исходе слова, во всех остальных положениях их следует рассматривать как комбинаторные варианты одной фонемы. Это значит, что во французском языке фонологическое противоположение в известных положениях не и т р а л и з у е т с я. Такие оппозиции мы называем не и т р а л и з у е м ы м и, а положения, при которых возникает нейтрализация, мы называем п о л о ж е н и я м и или п о з и ц и я м и не и т р а л и з а ц и и; положения же, при которых оппозиция сохраняет свою значимость, — п о л о ж е н и я м и или п о з и ц и я м и р е л е в а н т н о с т и.

Психологическое различие между постоянными и нейтрализуемыми фонологическими оппозициями весьма значительно. Постоянные фоно-

¹ См. нашу работу «Die Aufhebung der phonologischen Gegensätze», TCLP, VI, 29 и сл., а также работу А. М. артине, Neutralisation et archiphonème, TCLP, VI, 46 и сл.

логические противоположения воспринимаются даже фонетически не-натренированными носителями языка, а члены таких противоположений рассматриваются как две разные «звуковые индивидуальности». Что касается нейтрализуемых фонологических противоположений, то восприятие их оказывается неровным: оба члена таких оппозиций отчетливо различаются в релевантных позициях; но в позициях нейтрализации дело обстоит иначе: здесь зачастую трудно сказать точно, какой член оппозиции произнесен или воспринят. Но даже в релевантных позициях члены нейтрализуемых противоположений воспринимаются только как два оттенка, дифференцирующих значения, как две хотя и различные, но родственно близкие друг другу звуковые единицы, и это чувство родственной близости членов особенно характерно для таких оппозиций. С чисто фонетической точки зрения различие между французскими *i* и *e* ничуть не больше различия между *e* и *ε*. И все же для любого француза родство между *e* и *ε* очевидно, тогда как об особой близости между *i* и *e* не может быть речи. Это, естественно, связано с тем, что противоположение *ε*—*e* является нейтрализуемым, а противоположение *i*—*e* — постоянным.

Не следует, однако, думать, что различие между нейтрализуемыми и постоянными фонологическими противоположениями имеет лишь психологическое значение. Это различие, как подчеркнул впервые Н. Дурново, имеет исключительно большое значение для функционирования фонологических систем, являясь одним из краеугольных камней в теории этих систем. Таким образом, нейтрализация и способность к нейтрализации фонологических противоположений заслуживает подробного рассмотрения.

Прежде всего необходимо четко ограничить рассматриваемое понятие. «Нейтрализоваться» могут не все виды фонологических оппозиций. В тех положениях, где способное к нейтрализации противоположение действительно нейтрализуется, специфические признаки членов такого противоположения теряют свою фонологическую значимость; в качестве действительных (релевантных) остаются только признаки, являющиеся общими для обоих членов оппозиции (иными словами, основание для сравнения в данной оппозиции). В позиции нейтрализации один из членов оппозиции становится, таким образом, представителем «*а р х и ф о н е м ы*» этой оппозиции (под архифонемой *мы* понимаем совокупность смыслоразличительных признаков, общих для двух фонем¹). Из этого следует, что нейтрализоваться могут только одномерные оппозиции. В самом деле, ведь только оппозиции такого рода имеют архифонемы, которые могут быть противопоставлены всем прочим фонологическим единицам данной системы, а такое противопоставление вообще является основным условием фонологического

¹ См. R. Jakobson в TCLP, II, 8 и сл.

бытия. Когда одномерная оппозиция $d-t$ нейтрализуется в исходе слов немецкого языка, то член оппозиции, выступающий в позиции нейтрализации, представлен не звонким и не глухим, а «неносовым дентальным смычным вообще» и как таковой противостоит, с одной стороны, носовому дентальному n , а с другой стороны, неносовым лабиальным и гуттуральным смычным. В противоположность этому то обстоятельство, что t и d невозможны в начале слова перед l , а b и p в таком положении возможны, не ведет к нейтрализации оппозиций $d-b$ и $p-t$; в таком слове, как Blatt «лист», начальное b сохраняет все свои признаки: оно остается лабиальным звонким и не может рассматриваться как представитель архифонемы в оппозиции $d-b$, ибо фонологическим содержанием такой архифонемы мог бы быть только «звонкий вообще», а b в слове Blatt не воспринимается как таковой, поскольку g в слове glatt «гладкий» тоже является звонким. Следовательно, подлинная нейтрализация, благодаря которой один из членов оппозиции становится представителем архифонемы, возможна лишь при одномерных фонологических оппозициях. Но из этого отнюдь не следует, что все одномерные оппозиции способны нейтрализоваться на деле: почти в каждом языке имеются постоянные одномерные оппозиции. Если, однако, в языке есть нейтрализуемая оппозиция, она всегда одномерна.

Что выступает в качестве архифонемы в нейтрализуемой оппозиции? Здесь возможны четыре случая.

Первый случай. Представитель архифонемы не совпадает ни с одним из членов нейтрализуемой оппозиции.

а) Он реализуется в таком звуке, который, будучи фонетически родственным обоим членам оппозиции, тем не менее не совпадает ни с одним из них. В русском языке противоположение палатализованных лабиальных и непалатализованных нейтрализуется перед палатализованными дентальными; в позиции нейтрализации в этом случае выступает особый «полупалатализованный» лабиальный. В английском, где противоположение звонких слабых b , d , g и глухих сильных p , t , k нейтрализуется в положении после s , в этой позиции выступает особый глухой слабый. В некоторых баварско-австрийских диалектах, где противоположение сильных и слабых нейтрализуется в начале слова, в этой позиции выступает особый «полусильный» или «полуслабый». Число примеров подобного рода не трудно умножить. Во всех этих случаях архифонема представлена звуком, промежуточным между обоими членами оппозиции.

б) Несколько иначе обстоит дело там, где представитель архифонемы, помимо черт, общих с членами оппозиции, обнаружи-

вает дополнительно специфические, ему одному свойственные черты. Последние являются результатом сближения с фонемой, рядом с которой имела место нейтрализация. Так, например, в пекинском диалекте китайского языка оппозиция *k*—*c* нейтрализуется перед *i* и перед *ü*, причем в качестве представителя архифонемы выступает палатальное *ç*¹; в языке ями (на острове Тобаго) мягкое *l* перед *i* заменяет архифонему в оппозиции «дентальное *l* — какуминальное *l*»².

Во всех этих случаях (то есть и в случаях типа *a* и в случаях типа *b*) звук, который появляется в позиции нейтрализации, представляет собой своего рода комбинаторный вариант как первого, так и второго члена оппозиции. Хотя такие случаи замещения архифонемы звуком, который не совпадает полностью ни с одним из членов оппозиции, весьма часты, они встречаются все же реже, чем те случаи, когда звук, выступающий в позиции нейтрализации, оказывается более или менее сходным с определенным членом оппозиции в релевантной позиции.

Второй случай. Представитель архифонемы совпадает с одним из членов оппозиции, причем выбор представителя архифонемы обусловлен *и з в н е*. Это возможно лишь в тех случаях, когда нейтрализация оппозиции зависит от соседства с какой-либо фонемой; член оппозиции, «сходный», «родственный» или полностью совпадающий с соседней фонемой, становится представителем архифонемы. Во многих языках, где противоположение *з в о н к и х* и *г л у х и х* (или напряженных и ненапряженных) шумных нейтрализуется перед шумными того же способа образования, перед звонкими (или ненапряженными) могут быть только звонкие шумные, а перед глухими (или напряженными) — только глухие. В русском языке, где противоположение палатализованных и непалатализованных согласных нейтрализуется перед непалатализованными дентальными, в этом положении могут быть только непалатализованные согласные. В таких случаях (а они относительно редки) выбор члена оппозиции в качестве представителя архифонемы обусловлен чисто внешними обстоятельствами (свойством позиции нейтрализации).

Третий случай. Выбор члена оппозиции в качестве представителя архифонемы обусловлен *и з н у т р и*.

¹ Ср. Henri Fret в «Bulletin de la Maison Franco-Japonaise», VIII, 1936, № 1, стр. 130.

² Ср. Erin Assai, A study of Yami language, an Indonesian language spoken on Botel Tobago island, Leiden, 1935, стр. 15.

а) В этом случае в позиции нейтрализации появляется один из членов оппозиции, выбор которого не стоит в связи со свойствами позиции нейтрализации. Однако, поскольку один из членов оппозиции выступает в этом положении в качестве представителя соответствующей архифонемы, его специфические черты становятся несущественными, тогда как специфические черты его партнера по оппозиции полностью сохраняют свою фонологическую релевантность. Таким образом, первый член оппозиции оказывается «архифонемой + нуль», а второй, в противоположность первому — «архифонемой + определенный признак». Иными словами, тот член оппозиции, который оказывается возможным в позиции нейтрализации, с точки зрения соответствующей фонологической системы является *н е м а р к и р о в а н н ы м*, тогда как другой, противоположный ему член является *м а р к и р о в а н н ы м*. Само собой разумеется, что это может иметь место только в том случае, если нейтрализуемое противоположение логически привативно. Однако большинство нейтрализуемых оппозиций принадлежат к этому классу, являясь противоположениями немаркированного и маркированного членов; причем тот член оппозиции, который выступает в позиции нейтрализации, оказывается немаркированным.

б) Если, однако, нейтрализуемая оппозиция является не привативной, а градуальной (например, противоположение различных степеней подъема у гласных или различных степеней высоты тона), то в позиции нейтрализации всегда выступает «*в н е ш н и й*», или «*к р а й н и й*», член оппозиции. В болгарском языке и в новогреческих диалектах, где противоположения *и—о* и *і—е* нейтрализуются в безударных слогах, максимально узкие (собственно минимально широкие) *и* и *і* служат представителями соответствующей архифонемы. В русском языке, где противоположение *о—а* нейтрализуется в безударных слогах, максимально широкое (собственно минимально узкое) *а* представляет соответствующую архифонему в непосредственно предударном слоге. В ламба (один из языков банту в Северной Родезии), где противоположение низкого и среднего тона нейтрализуется в исходе слова, в позиции нейтрализации (то есть в последнем слоге) допускается лишь низкий тон¹. Можно привести немало примеров этого рода. Причина данного явления предельно ясна. Мы уже отмечали, что оппозиция может рассматриваться как градуальная только в том случае, когда в данной фонологической системе есть дополнительный элемент,

¹ Cp. Clement M. D o k e, A study of Lamba phonetics, «Bantu studies», July, 1928.

который представляет собой еще одну ступень того же признака. При этом такая ступень всегда должна быть выше, чем ступень «среднего» члена оппозиции: *i* и *e* образуют градуальную оппозицию, поскольку в данной системе гласных есть еще один гласный, степень раствора которого больше, чем у *e*. Следовательно, «крайний» член градуальной оппозиции, как правило, имеет *m* и *n* — *m a l ь n y o* ступень соответствующего признака, тогда как «средний» член той же оппозиции превышает данный минимум *i*, таким образом, может быть представлен как «минимум + нечто еще от того же самого признака». А так как архифонема должна содержать только общее для обоих членов оппозиции, то она может быть представлена лишь «крайним» членом такой оппозиции¹. Если нейтрализуемая оппозиция логически эквиполентна, то обусловленный внутренними причинами выбор представителя архифонемы оказывается невозможным. Однако следует заметить, что нейтрализация логически эквиполентных оппозиций вообще редкий случай.

Четвертый случай. Оба члена оппозиции замещают архифонему: один член — в одних позициях нейтрализации, другой — в других. Этот четвертый случай логически противоположен первому (где ни один из членов не является представителем архифонемы). В чистом виде рассматриваемый случай наблюдается очень редко. Тогда он представляет собой простую комбинацию второго и третьего. Так, например, в японском языке противоположение смягченных (*s* окраской *i* или *j*) и несмягченных согласных нейтрализуется перед *e* и *i*, причем смягченные согласные замещают соответствующую архифонему перед *i*, а несмягченные — перед *e*: ясно, что здесь выбор представителя архифонемы обусловлен в одном случае (перед *i*) внешними обстоятельствами, в другом случае (перед *e*) — внутренними. Имеются, однако, случаи, где такая интерпретация оказывается невозможной. В немецком языке оппозиция *ss*—*sch* нейтрализуется перед согласными, причем *sch* является представителем архифонемы в начале корня, а *ss* — в середине и исходе его. О том, что выбор представителя архифонемы обусловлен извне, не может быть и речи; тем более не может быть речи о внутренней обуслов-

¹ Само собой разумеется, что сказанное выше имеет отношение только к таким нейтрализуемым градуальным оппозициям, один из членов которых будет «крайним». Там, где оба члена оппозиции представляют собой различные «средние» ступени соответствующего признака, функцию архифонемы может взять на себя либо один, либо другой член оппозиции; здесь все зависит от того, как трактуется соответствующий признак с точки зрения данного языка. Практически речь здесь в основном идет о противоположении двух типов *e* или *o*. В одних языках немаркированными оказываются закрытые *e*, *o*, в других — открытые. В таком случае с фонологической точки зрения противоположение не является больше градуальным.

ленности, поскольку оппозиция здесь эквиполентна. В других случаях различные позиции нейтрализации с фонологической точки зрения не являются вполне равнозначными, почему и оба представителя архифонемы не могут рассматриваться как равнозначные. Так, например, в немецком языке противоположение «глухого ss» и «звонкого s» нейтрализуется как в начале корня, так и в исходе морфемы, причем в качестве представителя архифонемы выступают в начале корня «звонкое s», в исходе — «глухое ss». Но исход слова в немецком представляет собой позицию минимального различия фонем: в этом положении нейтрализуются оппозиции p—b, k—g, t—d, ss—s, f—w, а равным образом и количественные противоположения гласных. Из 39 фонем немецкого языка здесь возможно всего лишь 18, тогда как в начале слова их 36 (a, ah, äh, au, b, ch, d, e, eh, ei, eu, f, g, h, i (j), ih, k, l, m, n, o, ö, oh, oh, p, pf, r, s, sch, t, u, ü, üh, uh, w, z). Ясно, что при таких обстоятельствах представитель архифонемы в начале слова должен рассматриваться как «более подлинный». И поскольку в случае с «глухим ss» и «звонким s» речь идет о логически привативной оппозиции, то ее можно было бы рассматривать как фактически привативную, а «звонкое s» — как ее немаркированный член.

Следовательно, встречаются случаи, когда нейтрализация привативной оппозиции ясно и объективно показывает, какой член этой оппозиции является немаркированным, а какой — маркированным: в «третьем случае» немаркированный член нейтрализуемой оппозиции служит единственным представителем архифонемы, а в «четвертом случае» — представителем архифонемы в положении максимального фонеморазличия.

Иногда нейтрализация оппозиции дает указания на маркированный характер члена другой оппозиции. В самом деле, часто оппозиция нейтрализуется в соседстве с маркированным членом родственной оппозиции. Например, в арчинском языке противоположение лабиализованных и нелабиализованных согласных нейтрализуется перед o и u; это указывает, что o и u являются маркированными членами оппозиций o—e, u—i.

Благодаря нейтрализации логически привативные оппозиции становятся фактически привативными, а различие между немаркированными и маркированными членами оппозиции получает объективную основу.

3. Корреляции

Две фонемы, которые являются членами одномерной оппозиции, тем самым состоят между собой в близком родстве, ибо то,

что является общим для них, не встречается больше ни у одной из фонем данной системы. Таким образом, они оказываются е д и н - ственными в своем роде. При противопоставлении их друг другу то специфическое, что присуще каждой из них, легко отчленяется от того общего, что их объединяет. В противоположность этому две фонемы, являющиеся членами многомерной оппозиции, кажутся неразложимыми единицами. У фонем, которые выступают как члены пропорциональной оппозиции, дифференциальный (различительный) признак легко обособляется от других, поскольку он наличествует и во многих других парах фонем той же системы и потому довольно легко абстрагируется, то есть может мыслиться независимо от всех прочих признаков. В противоположность этому у фонем, которые являются членами изолированной оппозиции, дифференциальный (различительный) признак не так легко уловить, поскольку он проявляется в данной системе всего один раз и к тому же лишь в сочетании с другими признаками тех фонем, которым этот признак присущ. Из всех возможных логических отношений между двумя фонемами привативное отношение выделяется благодаря тому, что наличие или отсутствие известных признаков данных фонем обнаруживается в нем самым очевидным образом. Вот почему анализ фонологического содержания фонем, выступающих членами привативной оппозиции, оказывается наиболее легким? Наоборот, труднее всего анализировать фонологическое содержание фонем, которые являются членами эквиполентной оппозиции. Две фонемы, выступающие в качестве членов нейтрализуемой оппозиции, близкородственны даже в релевантных позициях, причем каждая из них считается особой разновидностью соответствующей архифонемы, реальность которой удостоверяется ее появлением в нейтрализованном положении. Напротив, гораздо менее очевидна принадлежность к архифонеме тех двух фонем, противоположение которых друг другу имеет постоянный характер, иными словами, не нейтрализуется.

Из всего сказанного выше можно сделать следующий вывод: участие двух фонем в одномерной пропорциональной привативной и к тому же нейтрализуемой оппозиции способствует, с одной стороны, несложному анализу фонологического содержания этих фонем, поскольку дифференциальный (различительный) признак в данном случае легко обособляется от общего (= основания сравнения), и, с другой стороны, трактовке этих фонем как особенно близкородственных между собой. В противоположность этому две фонемы, являющиеся членами изолированной многомерной (и, следовательно, ненейтрализуемой) оппозиции, мак-

симально неясны в отношении своего фонологического содержания и максимально далеки друг от друга по степени родства (эти особенности проявляются весьма заметно, если речь идет о неоднородной оппозиции).

Если рассматривать нейтрализуемые привативные пропорциональные одномерные оппозиции, с одной стороны, и изолированные неоднородные многомерные оппозиции, с другой стороны, как две крайние точки, то все прочие типы оппозиций можно разместить между этими двумя крайними точками. Чем больше в данной системе нейтрализуемых привативных пропорциональных одномерных и однородных оппозиций, тем структура, связи внутри нее прозрачнее; наоборот, чем более доминируют в данной системе логически эквивалентные изолированные многомерные и разнородные оппозиции, тем связи внутри структуры менее прозрачны. Поэтому кажется целесообразным обозначить особым термином привативные пропорциональные одномерные оппозиции, с тем чтобы выделить их среди всех прочих противоположений. В фонологической литературе пользуются для этого словом *к о р р е л я ц и я*. Однако определение, которое дано корреляции, а также некоторым другим связанным с ней понятиям в «Проекте стандартизированной фонологической терминологии»¹, нуждается ныне в некоторых изменениях, так как оно было предложено тогда, когда теория оппозиций еще не получила надлежащего развития. Ныне мы предлагаем следующее определение этого понятия.

Под *к о р р е л я т и в н о й* парой мы понимаем две такие фонемы, которые являются членами логически привативной пропорциональной одномерной оппозиции. *П р и з н а к* корреляции (или *к о р р е л я т и в н ы й* *п р и з н а к*) представляет собой фонологический признак, наличие или отсутствие которого характеризует ряд коррелятивных пар (например, назализация гласного, которая различает во французском языке коррелятивные пары *ap—a, op—o, ip—e, up—eu*). Под *к о р р е л я ц и е й* мы будем понимать совокупность всех коррелятивных пар, обладающих одним и тем же коррелятивным признаком. *П а р н о й* называется фонема, которая участвует в коррелятивной паре, *н е п а р н о й* — фонема, которая не принимает участия ни в одной коррелятивной паре.

Понятие «корреляция» является весьма плодотворным для развития фонологии. Однако в первое время после введения этого понятия его значение несколько переоценивалось, поскольку все оппозиции, члены которых не образуют коррелятивных пар, были смешаны в одну кучу и под-

¹ TCLP, IV, 1930.

ведены под одно понятие «дизъюнкция»; в результате среди фонологических единиц стали признавать только два типа отношений: либо отношения корреляции, либо отношения дизъюнкции. Более тщательное исследование показало, однако, что в действительности следует различать многие типы фонологических оппозиций и что понятие «дизъюнкция», имеющее первоначально слишком общий характер, не является удачным. Позднее было вскрыто принципиальное различие между нейтрализуемыми и ненейтрализуемыми корреляциями. Впрочем, и ненейтрализуемая корреляция сохраняет свое значение для когерентности фонологической системы. С этой оговоркой учение о корреляции может занять подобающее ему место в фонологии¹.

В зависимости от того или иного коррелятивного признака можно выделить разные типы корреляций: корреляции звонкости (франц. *d—t*, *b—p*, *g—k*, *z—s* и т.д.), корреляции количества (*ā—a*, *ī—i*) и т.д. Эти разнообразные типы корреляций находятся между собой в различных степенях родства и поэтому могут быть подразделены на родственные группы. Основанием для классификации служит отношение коррелятивного признака к другим признакам соответствующих фонем. Так, например, корреляция звонкости (франц. *d—t*, *b—p*) и корреляция придыхания (др.-инд. *t—th*, *p—ph*) принадлежат к одному родственному классу, поскольку их коррелятивные признаки представляют различные виды работы гортани и напряжений в надгортанной полости независимо от места артикуляции в полости рта.

Классификация корреляций по родственным классам не является простым теоретическим вывертом. Она полностью соответствует действительности. Даже неискушенное языковое сознание ясно ощущает, что оппозиции типа *u—ü*, *ō—e* в немецком языке хотя и различны, тем не менее лежат в одной плоскости, тогда как противоположение долгого *ā* и краткого *a* лежит уже в другой плоскости. Проецирование фонологических оппозиций (*a*, следовательно, также и корреляций) либо на одну и ту же, либо на разные плоскости является психологическим результатом тех родственных отношений коррелятивных признаков, которые лежат в основе классификации корреляций на родственные классы.

¹ См. также (но с указанными оговорками): N.S. Trubetzkoy, Die phonologischen Systeme, TCLP, IV, стр. 96 и сл. В первый раз понятие «корреляция» (предложенное и определенное Р. Якобсоном) было использовано применительно к пропорциональной одномерной оппозиции в тезисах (подписанных Р. Якобсоном, С. Карцевским и автором этих строк), предложенных вниманию Первого международного конгресса лингвистов в Гааге (см. Ier Congrès international de linguistes, La Haye, 1928, Propositions, стр. 36 и сл.; Actes du Ier Congrès international de linguistes, стр. 33 и сл., а также TCLP, II, стр. 6 и сл.).

4. Пучки корреляций

Если фонема участвует во многих корреляциях одного и того же родственного класса, то все фонемы, участвующие в тех же коррелятивных парах, объединяются в многочленный пучок корреляций. Структура такого пучка весьма многообразна и зависит не только от числа участвующих корреляций, но и от их взаимных отношений.

Чаще всего встречаются пучки, состоящие из двух родственных корреляций. При этом возможны два случая: либо оба члена каждой корреляции участвуют в другой корреляции, либо обе корреляции имеют только один общий член. В первом случае образуется четырехчленный пучок корреляций, во втором случае — трехчленный. Оба случая лучше всего проиллюстрировать на материале древнеиндийского и древнегреческого языков. В обоих языках смычные участвуют одновременно в корреляции звонкости и в корреляции придыхания. Но в древнеиндийском в результате этого возникают четырехчленные пучки:

p—ph k—kh t—th
b—bh g—gh d—dh,

а в древнегреческом — трехчленные:

π ϗ τ
β φ γ ϗ δ θ

При объединении трех родственных корреляций теоретически возможны пучки с числом членов от четырех до восьми. Многие из этих типов на самом деле подтверждаются примерами из разных языков. Во многих языках Кавказа корреляция звонкости и корреляция рекурсии объединяются с корреляцией сближения или смычности (под этим термином надо понимать противопоставление смычных или аффрикат спирантам). При этом возникают, например в чеченском, четырехчленные пучки¹:

q̣ c̣ č̣
γ q z c ž č
χ s š

где противоположение по признаку сближения является существенным только у глухих (z и ž реализуются в начале слова как аффри-

¹ Cp. N.S. Trubetzkoy, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, «Caucasica», VIII, 1931.

каты, в середине и в исходе слова — как спиранты), а противоположение по признаку экспирации — лишь у смычных (или аффрикат). В грузинском языке те же корреляции дают пятичленные пучки, в силу того что здесь корреляция сближения распространяется на оба члена корреляции звонкости:

с̣		с̣̣	
з̣	с	з̣̣	с̣̣̣
z	s	ž	š

Наконец, в черкесском языке из тех же корреляций получается шестичленный пучок:

з̣̣̣̣	с̣̣̣̣	с̣̣̣̣̣̣
ẓ̣̣̣	ṣ̣̣̣	ṣ̣̣̣̣̣̌

поскольку здесь корреляция рекурсии распространяется на оба члена корреляции сближения.

Связь между членами корреляционного пучка оказывается особенно тесной там, где весь пучок нейтрализуем. Такие нейтрализуемые корреляционные пучки нередки. Приведенные выше четырехчленные пучки древнеиндийского языка нейтрализовались перед шумными и в конце слова (причем в абсолютном исходе в качестве единственной архифонемы выступал неаспирированный глухой). В корейском языке, где смычные образуют трехчленные пучки (слабые — сильные — аспираты), эти пучки нейтрализуются в исходе слова и соответствующая архифонема замещается импловивным. С другой стороны, по тембровому признаку корейские согласные образуют трехчленные корреляционные пучки (нейтральные—палатализованные—лабиализованные), причем такие пучки нейтрализуются в исходе слова, и их архифонема оказывается в этом случае представленной нейтральным согласным. Но, кроме того, корреляция палатализации нейтрализуется перед *i* (представитель архифонемы обусловлен извне), а корреляция лабиализации — перед *u* и *y* (представитель архифонемы обусловлен изнутри)¹.

В арчинском (восточнокавказская группа) острые сибиллянты образуют шестичленный пучок корреляций (звонкие—глухие аффрикаты без гортанной смычки — слабые аффрикаты без гортанной смычки — сильные аффрикаты с гортанной смычкой — слабые глухие спиранты — сильные глухие спиранты),

¹ Ср. А. Холодович, О латинизации корейского письма, «Советское языкознание», 1, стр. 144 и сл.

который нейтрализуется перед *t, d*, причем в качестве архифонемы выступает (слабый?) спирант. Примеры можно было бы легко приумножить.

Проецирование всех членов корреляционного пучка на одну и ту же плоскость, равно как и тесная взаимосвязь, присущая его членам, ведут к тому, что разложение пучка на отдельные корреляции иной раз оказывается весьма трудным делом. Там, где, например, различные просодические корреляции объединяются в один пучок, члены этого пучка воспринимаются то как разные «ударения» (причем различия в количестве или различия в способе перерыва тона [Tonabsatz] не воспринимаются отдельно), то как разные ступени количества без учета различий в движении тона. При этом подобные ошибки случаются не только с профанами, неискушенными людьми, но и с теоретиками, иной раз с фонетистами по призванию. Такие случаи являются доказательством психологической реальности деления корреляций на родственные классы. Они возможны только там, где имеется налицо реальный пучок корреляций, то есть там, где фонема участвует во многих корреляциях одной и той же родственной группы.

Если фонема участвует одновременно во многих корреляциях, принадлежащих разным родственным группам, то эти корреляции не объединяются в «пучки»: они не проецируются на одну плоскость, а накладываются друг на друга. Немецкое долгое ударное *i* участвует одновременно во многих корреляциях: в корреляции ударения, в корреляции количества и в корреляции лабиализации. Но если первые две корреляции образуют пучок (просодический пучок корреляций), то корреляция лабиализации (*i—ü, e—ö*) явно принадлежит иной плоскости. Может случиться, что два корреляционных пучка, лежащие в разных «плоскостях», накладываются друг на друга и в известных положениях нейтрализуются. Мы уже приводили в качестве примера корейский язык, где смычные образуют пучок корреляций (состоящий из слабых, сильных и аспират) и где, кроме того, все согласные, а среди них также и смычные, образуют пучок по тембровому признаку (состоящий из нейтрального, палатализованного и лабиализованного членов). Оба пучка нейтрализуются в исходе слова, и импловивный гуттуральный *K* выступает тогда в качестве представителя архифонемы, чему в середине слова соответствуют девять фонем (*g, k, k', g', k', g°, k°, k''*). Несмотря на это, совершенно очевидно, что пучки *g—k—k'* и *g—g'—g°* лежат в совершенно разных плоскостях.

IV. Фонологическая систематика смыслоразличительных звуковых противоположений

1. Предварительные замечания

До сих пор мы рассматривали фонологические оппозиции с различных точек зрения: а) с точки зрения их отношения к другим оппозициям в той же системе, б) с точки зрения логических отношений между членами самой оппозиции, в) с точки зрения их действительности в разных позициях. Результатом этих трех способов рассмотрения явилось деление оппозиций на: а) одномерные и многомерные, пропорциональные и изолированные, б) привативные, градуальные (ступенчатые) и эквиполентные (равнозначные), в) нейтрализуемые и постоянные. Эти способы рассмотрения и принципы классификации имеют силу для любой, а не только для фонологической системы оппозиций. Они не заключают в себе ничего специфически фонологического. Для того чтобы эти способы можно было использовать при анализе конкретной фонологической системы оппозиций, их необходимо восполнить специфически фонологическими принципами классификации.

Специфическим для фонологической оппозиции является то, что она представляет собой **смыслоразличительное противопоставление звуков**. «Различение» («дистинкция») в фонологическом смысле, то есть способность к смыслоразличению, — это нечто такое, что не подлежит дальнейшему расчленению. Все же фонологические оппозиции с этой точки зрения можно подразделить на **словоразличительные** (лексические) и **фразоразличительные** (синтаксические). Так как значения, которые могут быть дифференцированы с помощью фонологических оппозиций, представляют собой либо значения слов (включая сюда и значения отдельных грамматических форм слова), либо значения предложений, то для фонологической системы отдельных языков эта классификация играет известную роль; для общей же систематики фонологических оппозиций она менее существенна. Ведь все фонологические оппозиции, которые в одном языке выступают с фразоразличительной функцией, в другом языке могут быть наделены словоразличительной функцией. Собственно говоря, нет особых фразоразличительных оппозиций, одна и та же оппозиция служит в одном языке для различения предложений, в другом — для различения слов.

Гораздо более существенным для общей систематики фонологических оппозиций является то обстоятельство, что все они представляют собой противопоставления *з в у к о в*. В фонологических оппозициях противопоставлены не жесты или сигналы флажками, а определенные звуковые признаки. То, что это противопоставление служит целям различения значений, можно принять за нечто известное.

В предыдущей главе говорилось, *к а к и м о б р а з о м* противопоставляются признаки звуков, какого рода оппозиции при этом возникают. Теперь наша задача состоит в том, чтобы исследовать, *к а к и е* признаки звуков в разных языках мира образуют фонологические (смыслоразличительные) оппозиции.

Если в предыдущей главе мы оперировали чисто логическими понятиями, то теперь эти логические понятия необходимо поставить в связь с акустическими и артикуляторными, иными словами, с фонетическими понятиями, ибо только фонетика может дать нам сведения об отдельных признаках звуков. Не следует только при этом забывать, что говорилось о соотношении между фонологией и фонетикой во введении. Уже благодаря тому, что фонетические понятия, с которыми имеет дело фонология, включены в систему оппозиций, рассмотренных в предыдущей главе, они по необходимости кажутся несколько схематизированными и упрощенными. Таким образом, от фонетики в дальнейшем изложении остается, собственно говоря, очень немногое. Но фонетисты могут не разочаровываться: ведь задача, которую мы ставим в настоящей главе, заключается не в систематике звукопроизносительных возможностей органов речи, а в систематическом обзоре звуковых признаков, которые фактически используются в различных языках мира для дифференциации значений.

Для фонолога поэтому совершенно безразлично, какой фонетической терминологией он пользуется: акустической или физиологической (артикуляторной). Важно только однозначное обозначение звуковых признаков, исследованных и рассмотренных с различных точек зрения в специальной фонетической литературе, которые должны быть известны по крайней мере как предмет исследования всем специалистам по фонетике, несмотря на существующие разногласия во взглядах. Современная инструментальная фонетика в результате достижений рентгеноскопии и тонфильмов все более приходит к убеждению, что одного и того же акустического эффекта можно достигнуть совершенно различными движениями органов речи (Пауль Менцерат, Г. Оскар Рассел), а следовательно, такие выражения, как «передний гласный», «смычный согласный», с точки зрения современных методов исследования заслуживают порицания. Однако эти выражения имеют то преимущество, что они правильно понимаются всеми, кто знает классическую фонетику. Даже са-

мый строгий специалист по фонетике, если только он не педант, может принять эти выражения (за недостатком лучших и более точных) как условные обозначения всем известных объектов исследования. К сожалению, акустическая терминология еще слишком бедна. Неизбежно приходится пользоваться физиологической терминологией, выработанной классической фонетикой, хотя современная фонетика, как уже говорилось, приписывает акустическому эффекту большее постоянство и большее единство, нежели движениям органов речи, которые вызывают этот эффект. Фонолог, который считает более важными указания на общеизвестные фонетические понятия, может не обращать внимания на эти терминологические трудности.

2. Классификация смыслоразличительных признаков звука

Звуковые признаки, образующие в разных языках смыслоразличительные оппозиции, можно подразделить на три класса: вокалические, консонантные и просодические. Из смыслоразличительных вокалических признаков состоят гласные фонемы, из смыслоразличительных консонантных признаков — согласные фонемы. Но нет ни одной фонемы, которая бы состояла только из просодических признаков. Эти признаки в зависимости от языка связаны либо с отдельной гласной, либо с отдельной согласной, либо, наконец, с рядом фонем.

Следовательно, определению различных классов смыслоразличительных признаков должно предшествовать рассмотрение таких понятий, как «гласный», «согласный».

Л. Ельмслев пытался определить эти понятия, не прибегая к представлениям, выработанным фонетикой. Согласно Ельмслеву, гласные — это такие фонемы (или, по Ельмслеву, «кенемы», «кенематемы»), которые сами по себе способны образовывать значащую единицу или слово (which have the faculty of forming a notional unit or a word by themselves); все прочие фонемы («кенемы» или «кенематемы») являются согласными¹. Это определение, явно сужающее область гласных (в немецком, например, осталось бы всего-навсего три фонемы: Oh! Au! Ei!), позже было восполнено и сформулировано Ельмслевом так: «Под гласной мы понимаем такую кенему, которая сама по себе может образовывать высказывание... или допускает внутри слога те же самые сочетания, какими обладает сама кенема»². Однако и в такой расширенной редакции приведенное определение несостоятельно. Как уже говорилось, в немецком языке в качестве

¹ L. Hjelmslev, On principles on phonematics (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, 1935, стр. 52).

² L. Hjelmslev, Accent, intonation, quantité, «Studi Baltici», VI, 1936—1937, стр. 27.

междометий употребляются из истинных гласных — лишь *o*, из дифтонгов — только *æe* и *ao*, а в качестве слов — только *Au* «луг» и *Ei* «яйцо». Указанные три гласные фонемы, между прочим, могут быть в исходе слова (*froh* «веселый», *Frau* «женщина», *frei* «свободный»), но невозможны в положении перед *ŋ*. Напротив, краткие гласные не употребляются в исходе слова, однако некоторые из них (*a* именно *i*, *u*, *ü*, *a*, *e*) могут встречаться перед *ŋ*. Если рассматривать междометия *Oh!* *Ai!* *Au!* как самостоятельные высказывания (*notional units, énoncés*), то таковым следует признать и такое междометие, как *sch!* (требование соблюдать тишину). Но тем самым, следуя определению Ельмслева, согласными пришлось бы считать немецкие краткие *u*, *ü*, *i*, *a*, *e*, а немецкое *š* и все фонемы, участвующие в тех же самых комбинациях (практически все согласные), нужно было бы считать гласными. Несостоятельность определения Ельмслева становится еще более очевидной, как только мы обратимся к другим языкам. В русском языке, кроме междометия *и!*, есть еще междометия *с!* и *тс!* В некоторых других языках количество изолированных «слоговых согласных», функционирующих как междометия или как призывы животных, еще больше¹. С другой стороны, есть много языков, которые не допускают начальных гласных и где, следовательно, невозможны слова, состоящие из одного-единственного гласного.

Несостоятельность определения, предложенного Ельмсловом, далеко не случайна. «Гласный», «согласный» — это *з в у к о в ы е*, то есть акустические понятия, и их можно определить только как звуковые понятия. Любая попытка исключить или обойти при определении гласного или согласного акустические и артикуляторные понятия непременно должна закончиться крахом.

Процесс фонации лучше всего может быть представлен в виде следующей схемы: допустим, что кто-нибудь насвистывает или напевает мелодию в мундштук трубы и одновременно с этим попеременно то прикрывает рукой, то открывает раструб этой трубы. Очевидно, в воспринимаемых на слух результатах этого процесса можно различить троякого рода элементы: во-первых, отрезки между прикрытием и открытием раструба, во-вторых, отрезки между открытием и прикрытием раструба, в-третьих, отрезки насвистываемой или напеваемой в трубу мелодии. Элементы первого рода соответствуют согласным, элементы второго рода — гласным, а элементы третьего рода — просодическим единицам.

По словам Мендзерата, существенным для согласных является как раз «движение смыкания — размыкания с артикуляторным

¹ Даже во французском, где каждый гласный сам по себе может образовать слово (*ouï*, *a*, *ai*, *est*, *y*, *eu*, *eux*, *on*, *an*, *un*), имеется междометие *ггг!* (= русск. *тпру*) Тем самым определение Ельмслева оказывается несостоятельным и для этого языка.

максимумом между этими точками», а для гласных — «движение размыкания—смыкания с артикуляторным минимумом на стыке»¹. Иными словами, для согласного характерно образование преграды и преодоление этой преграды, для гласного — отсутствие преграды².

Отсюда следует, что специфически консонантные признаки могут иметь отношение лишь к разным типам преграды и к разным способам их преодоления; поэтому такие признаки можно назвать признаками, связанными со способами преодоления преграды. В противоположность этому специфически вокалические признаки могут иметь отношение лишь к различным типам отсутствия преграды, практически к различным степеням раствора; поэтому такие признаки можно назвать признаками, связанными со степенями раствора.

Наряду с этими специфическими вокалическими и консонантными признаками гласные и согласные могут иметь еще и другие признаки. Представим себе, что в рассмотренной выше схеме процесса фонации постоянно меняется длина трубы или место раструба. Очевидно, что в этом случае различные способы преодоления преграды (а соответственно и различные типы преграды) при согласных и различные степени раствора при гласных будут локализоваться в разных местах. Отсюда возникают особые признаки л о к а л и з а ц и и, присущие как гласным, так и согласным и обобщающие, так сказать, вторую координату консонантных и вокалических признаков.

Для отдельных гласных и согласных фонем можно установить еще третью координату. Если придерживаться нашей схемы процесса фонации, то можно представить, что наша труба связана с каким-либо другим полым пространством, причем эта полость во время произнесения звука то подключается, то отключается, что, само собой разумеется, должно воздействовать на характер производимого звука. Особые акустические признаки, возникающие благодаря воздействию подключения и отключения резонирующей полости на тембр согласного и гласного, можно назвать р е з о н а н с н ы м и п р и з н а к а м и.

Не следует забывать, что смысловозначительный признак существует только как член смысловозначительной оппозиции. Немецкое *d*, когда

¹ P. Menzerath, *Neue Untersuchungen zur Steuerung und Koartikulation* (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, стр. 220).

² О другом определении противоположности между гласными и согласными см. стр. 199.

оно противопоставлено t, является слабым (Seide — Seite), обладая, таким образом, признаком, связанным со способом преодоления преграды. Это же d, когда оно противопоставлено b (dir — Bier) или g (dir — Gier), оказывается «дентальным» или «апикальным», обладая, таким образом, признаком локализации. Это же d, когда оно противопоставлено n (doch — doch), выступает как «неносовой» и, следовательно, обладает резонансным признаком. Равным образом французское o в оппозиции o—u (dos — doux) обладает признаком, связанным со степенью раствора, в оппозиции o—ö (dos — deux) — признаком локализации, а в оппозиции o—ö (dos — don) — резонансным признаком. Однако немецкое o не имеет резонансного признака, поскольку смысловоразличительное противоположение носового и неносового (соответственно фарингализованного и нефарингализованного) гласного чуждо литературному немецкому языку. Следовательно, «три координаты» вокалических и консонантных признаков не обязательно присущи каждой гласной или согласной фонеме. Но любой признак, входящий в состав гласной или согласной фонемы, непременно принадлежит одной из названных «трех координат».

Что касается просодических признаков, то из нашей схемы фонации следует, что они являются ритмико-мелодическими («музыкальными» в широком смысле этого слова). Даже с чисто фонетической точки зрения «слог» представляет собой по существу нечто совсем иное, нежели простое сочетание гласных и согласных¹. Конечно, фонологическая просодическая единица не просто тождественна «слогу» (в фонетическом смысле), хотя она всегда соотнесена со слогом, являясь в зависимости от языка либо определенной частью его, либо рядом слогов. Совершенно очевидно, что ее признаки не могут быть тождественными с вокалическими и консонантными признаками, о которых речь шла выше. Так как просодическую единицу следует понимать как «музыкальную» (ритмико-мелодическую) или, лучше сказать, как сегмент «музыкальной» единицы, то отсюда вытекает, что «просодические признаки» связаны либо со специфическими свойствами каждого члена мелодии (интенсивность, высота тона), либо со способом сегментации этой мелодии в процессе фонации. Первый тип признаков вызывает ритмико-мелодическую дифференциацию просодических единиц, второй характеризует способ присоединения данной

¹ Особенно ясно об этом сказано у Р.Г. Стетсона, который снискал большую известность своим исследованием фонетической сущности слога. Ср. его «Motor Phonetics» («Archives Néerlandaises de phonétique expérimentale», 1928), «Speech movements in action» («Transactions of the American laryngological association», IV, 1933, стр. 29 и сл., особенно стр. 39 и сл.) и, наконец, обобщающую работу «The relation of the phonem and the syllable» (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, стр. 245 и сл.).

просодической единицы к другой, непосредственно следующей за первой. Соответственно этому просодические признаки можно подразделить на различительные признаки и признаки примыкания.

3. Вокалические признаки

А. О терминологии

Как уже говорилось, гласные могут быть охарактеризованы трояко: с точки зрения степени раствора, локализации и резонанса. Признаки первых двух категорий связаны между собою гораздо теснее, нежели с признаками третьей, в силу чего их можно выделить в особую группу, или пучок¹.

Среди всех звуков языка гласные легче всего поддаются акустическому анализу. Различиям в степени раствора акустически соответствуют «степени полнозвучности, или насыщенности». В принципе степень полнозвучности тем больше, чем ниже опущена нижняя челюсть, чем больше, следовательно, раствор полости рта. Но, по-видимому, это положение полностью справедливо лишь в отношении изолированно пропетого гласного. В естественной речи тех же акустических эффектов можно добиться и при другом положении органов речи; это значит, что параллелизм между степенью полнозвучности гласного и положением челюсти («вертикальным движением» ее) соблюдается не всегда². Однако поскольку для лингвиста в конечном счете более важен акустический эффект, то, быть может, было бы правильней заменить артикуляторный термин акустическим и говорить не о признаках раствора, а о признаках полнозвучности, признаках насыщенности.

Локальным признакам акустически соответствуют различные проблемы в ряду парциальных тонов: «гласные переднего ряда» обнаруживают усиление высоких парциальных тонов и ослабление низких; у гласных же «заднего ряда» приглушены как раз высокие парциальные тоны. В принципе высокие парциальные тоны тем сильнее, чем короче «надставная труба», то есть (имея в виду органы речи) чем короче расстояние между

¹ В тех языках, где просодическими единицами являются исключительно гласные, в число вокалических признаков входят, по-видимому, и просодические. Однако в любом случае они образуют особую группу, и в систематике как в одном из разделов фонологии их не следует ставить в один ряд с качественными признаками, которые являются собственно вокалическими.

² Ср. по этому поводу ценные работы Рассела (G.O. Russell) «The vowel», «Speech and voice», New York, 1931 и его обобщающий доклад «Synchronized X-ray, oscillograph, sound and movie experiments, showing the fallacy of vowel triangle and open-closed theories» (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, стр. 198 и сл.).

краем губ и наиболее поднятой в каждый данный момент точкой языка. Но так как один и тот же акустический эффект можно получить при разных положениях органов речи, то и здесь не всегда соблюдается параллелизм с движением языка или губ (с «горизонтальным движением»). Следовательно, и тут артикуляторный термин нужно было бы заменить акустическим и говорить не о локальных, а о формантных, или тембровых, признаках. В дальнейшем такие «неточные» артикуляторные термины, как «степень раствора» и «место образования», будут употребляться нами наряду с более точными акустическими терминами.

Языков с одной-единственной гласной фонемой, видимо, нет. Если бы такой «моновокалический» язык существовал, то в нем наблюдались бы многочисленные скопления согласных: ведь только при этом условии и могла бы существовать одна-единственная гласная, противопоставляясь отсутствию гласного («вокалическому нулю») между согласными консонантной группы или же в исходе слова. «Моновокалический» язык без скопления согласных с фонологической точки зрения явился бы языком без гласных, ибо гласный, обязательно следующий после каждого согласного, очевидно, нужно было бы рассматривать только как составной элемент реализации согласного, не имеющий смысловозначительной функции¹. Все известные нам языки всегда имеют ряд гласных фонем, образующих определенные вокалические системы.

Принимая во внимание только степени раствора (= полнозвучности), а также локальные ряды (= тембровые классы) гласных, можно установить три основных типа вокалических систем²: а) линейные системы, гласные которых обладают определенной полнозвучностью, но лишены смысловозначительных тембровых (= локальных) признаков; б) четырехугольные системы, гласные которых обладают не только смысловозначительными признаками полнозвучности, но и смысловозначительными тембровыми признаками; в) треугольные системы, все гласные которых обладают смысловозначительными признаками полнозвучности; что же касается смысловозначительных тембровых признаков, то в этих системах их не имеют только максимально открытые гласные, которые в силу этого не участвуют в локальных оппозициях. Внутри указанных трех основных ти-

¹ Поэтому необходимо остерегаться принимать такие отношения для реконструируемых периодов языка, что, к сожалению, часто имеет место.

² К дальнейшему ср. N.S. Trubetzkoy, Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme, TCLP, I, стр. 39 и сл. Впрочем, эта работа во многих отношениях ныне уже устарела.

пов можно выделить также подгруппы в зависимости от числа ступеней полнозвучности и числа локальных (тембровых) классов, а также в зависимости от характера логических оппозиций между отдельными видами смыслоразличительных признаков.

Б Локальные (тембровые) признаки

Есть языки, где эти признаки гласных не обладают смыслоразличительной функцией, поскольку они автоматически обусловлены звуковым окружением. Так обстоит дело, например, в адыгейском языке, где различаются три гласные фонемы: максимально закрытое «э» (которое реализуется как *u* рядом с лабиовелярными, как *ü* между лабиальными и после лабиализованных сибилантов, как *ш* после нелабиализованных задневелярных, как *i* после палатальных и как закрытый неопределенный гласный *э* в остальных положениях), среднее по степени открытости «е» (которое реализуется как *o* после лабиовелярных, как *ö* после лабиализованных сибилантов и между лабиальными, как *a* после ларингальных и нелабиализованных задневелярных и как *e* или открытый неопределенный гласный *ё* в остальных положениях) и максимально открытое «а» (которое слегка лабиализуется между лабиальными, реализуясь как *ä* между палатальными и как долгое *ā* в остальных случаях). Длительность этих гласных находится в полном соответствии с их полнозвучностью: «а» является самым долгим гласным, «е» — несколько короче (это количественное различие явно ощущается после ларингальных и нелабиализованных задневелярных), «э» — наиболее краткий и потому имеет тенденцию к исчезновению. В этом языке существуют и долгие гласные *ū, ō, ē, î*, но только как факультативные варианты дифтонгов «ew», «əw», «ej», «əj». Аналогичное положение наблюдается и в абхазском языке; однако реализация среднеоткрытого гласного здесь более единообразна: он реализуется как *e* только рядом с *j*, как *o* только перед прикрытым *w*, в остальных же случаях только как *a*, которое отличается от максимально открытого гласного главным образом тем, что является более кратким. По всей вероятности, на тех же принципах основана и система гласных убыхского языка. Таким образом, система гласных с фонологически значимыми ступенями полнозвучности и фонологически несущественными тембровыми признаками, видимо, является особенностью всех западнокавказских языков. При современном состоянии фонологических исследований пока не представляется возможным сказать, имеются ли еще где-нибудь «линейные» системы аналогичного типа. На-

сколько нам известно, в некоторых языках линейные системы возможны в качестве частных систем; мы имеем в виду прежде всего угро-финские и тюркские языки, где вокализм первого слога богаче вокализма всех прочих слогов (подробнее об этом см. ниже).

В подавляющем большинстве языков тембровые признаки гласных фонем обладают смыслоразличительной функцией. Различие между треугольными и четырехугольными системами состоит по существу только в том, что в системах первого рода тембровые противоположения имеют место лишь в отношении гласных с немаксимальной степенью раствора, тогда как в системах второго рода они проявляются у гласных с любым раствором. Собственно говоря, есть только два типа тембровых противоположений: противоположение лабиализованных и нелабиализованных гласных (противоположение по участию губ) и противоположение гласных переднего и гласных заднего ряда (противоположение по положению языка)¹. Эти противоположения могут выступать со смыслоразличительной функцией как самостоятельно, так и в сочетании друг с другом, в результате чего образуются различные тембровые классы. Теоретически можно представить себе следующие восемь классов: лабиализованные, нелабиализованные, передние, задние, лабиализованные переднего ряда, лабиализованные заднего ряда, нелабиализованные переднего ряда, нелабиализованные заднего ряда. Все эти восемь тембровых классов действительно встречаются в реальных языках. Однако в рамках одной системы возможны максимум четыре тембровых класса. Соответственно этому треугольные и четырехугольные системы могут быть подразделены на двухклассные, трехклассные и четырехклассные. Акустически лабиализованные гласные ниже нелабиализованных, а гласные переднего ряда выше гласных заднего ряда. Следовательно, в каждой многоклассной системе должен быть один низкий и один высокий тембровый класс; эти классы можно назвать крайними, поскольку между ними при определенных обстоятельствах могут быть один или два средних класса.

В двухклассных системах существуют три возможности: смыслоразличительной значимостью в них обладают либо противоположения по положению языка, либо противоположения по участию губ, либо сочетание обоих противоположений. В первом случае друг другу противостоят гласные переднего и заднего ряда, а участие губ фонологически несущественно; во втором

¹ Эти обозначения можно сохранить с учетом сделанной выше оговорки, пока не будет создано сколько-нибудь удовлетворительных терминов для данных понятий

случае друг другу противостоят лабиализованные и нелабиализованные гласные, а положение языка фонологически несущественно; наконец, в третьем случае мы имеем дело со смыслоразличительным противоположением лабиализованных гласных заднего ряда и нелабиализованных гласных переднего ряда; при этом тембровые признаки гласных неразложимы, так что, собственно говоря, речь может идти не о лабиализованных гласных заднего ряда и нелабиализованных гласных переднего ряда, а лишь о максимально низких и максимально высоких гласных. Ясно, что оппозиции первого и второго рода являются логически привативными, а оппозиции третьего рода — логически эквиолентными.

В двухклассных четырехугольных системах, как правило, господствуют чистые линии; здесь встречаются главным образом два первых случая: либо лингвальная корреляция, либо лабиальная корреляция (= корреляция лабиализации). Все зависит от того, каковы по своей природе представленные здесь две фонемы, обладающие максимальной степенью раствора. Если обе они являются нелабиализованными, то одна из них должна быть гласной заднего ряда, а другая — гласной переднего ряда. Благодаря этому противоположение по положению языка оказывается одномерным пропорциональным и в других парах той же системы. То обстоятельство, что гласные заднего ряда не максимальной степени раствора являются лабиализованными, с точки зрения системы в целом несущественно. В качестве примера такой двухклассной четырехугольной системы можно привести вокализм тех архаических черногорских диалектов, где праславянский «полугласный» дал не а, как в сербохорватском, а особый открытый æ (звук, средний между а и е)¹:

а	æ
о	е
и	і

Если «низкий» гласный максимальной степени раствора лабиализован, а его «партнер» оказывается нелабиализованным и к тому же еще гласным непереднего ряда, то для такой пары фонем фонологически существенным является лишь участие губ; в этом случае противоположение по участию губ приобретает смыслоразличительную значимость и у всех прочих гласных той же системы, тогда как передний характер нелабиализованного гласного являет-

¹ Cp. M. Rešetar, Der štokavische Dialekt, «Schriften der Balkankommission der k. k. Akademie der Wissenschaften in Wien».

ся сопутствующим признаком, не имеющим существенного значения. В качестве примера подобного рода четырехугольной системы можно привести диалект Плазы (в западной Малопольше)¹:

â	a
o	e
û	y
u	i

Двухклассные четырехугольные системы, где гласная пара с максимальной степенью раствора состоит из лабиализованной гласной заднего ряда и нелабиализованной гласной переднего ряда, встречаются крайне редко. В подобного рода системах вычлнить отдельные тембровые признаки невозможно: гласные фонемы распадаются на два тембровых класса — максимально высокий и максимально низкий, которые образуют логически эквиополентную оппозицию. В качестве примера можно привести узбекский диалект города Ташкента²:

o	æ
o	e
u	i

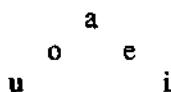
Этот логически эквиополентный тип отношений между двумя тембровыми классами, встречающийся, как только что было сказано, в четырехугольных системах крайне редко, в треугольных системах является господствующим. Лабиализованные гласные заднего ряда («максимально низкие») противостоят здесь нелабиализованным гласным переднего ряда («максимально высоким») как «полярные» члены эквиополентной оппозиции; стоящее вне этого

¹ Ср. P. Jaworek, «Materiały i prace komisji językowej», VII.

Под û следует понимать звук, средний между u и o, а под y — гласный среднего ряда, занимающий в отношении степени раствора промежуточное положение между i и e; o и e в положении перед носовыми являются узкими, в прочих положениях — широкими. То обстоятельство, что в данной системе смысловоразличительной функцией обладает лишь противоположение по участию губ, оказывает свое влияние и на реализацию отдельных фонем: так, у является не гласным переднего ряда, а нелабиализованным гласным среднего ряда, o и û имеют у-образный приступ, особенно в положении после гуттуральных, лабиальных и в начале слова. Во многих польских говорах с аналогичной системой вокализма у гласных, принадлежащих к лабиализованному классу, лабиальный элемент, так сказать, высвобождается, в результате чего эти гласные реализуются в виде дифтонгов; âu, œe, yu.

² Е.Д. Поливанов, Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, Ташкент, 1933, стр. 14.

противоположения максимально открытое а является нелабиализованным гласным заднего ряда и, таким образом, не принадлежит ни к одному из двух тембровых классов, по которым распределяются прочие фонемы данной системы. Классическим примером может служить система гласных латинского языка:

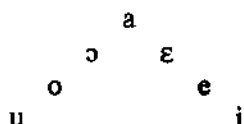

Подобного рода треугольные системы (с различным числом ступеней полнозвучности) встречаются в самых различных языках во всех частях света.

Иногда, правда очень редко, в двухклассной треугольной системе смыслоразличительной функцией обладает либо только лабиальная, либо только лингвальная корреляция, и в результате отношение между двумя тембровыми классами оказывается логически привативным. Случаи такого рода распознаются либо по реализации гласных фонем, либо по обстоятельствам, сопутствующим нейтрализации отдельных оппозиций. В качестве примера двухклассной треугольной системы, где смыслоразличительной функцией наделена только лабиальная корреляция, можно привести системы гласных фонем русского, арчинского и хантыйского (остяцкого) языков. В русском языке более переднее или более заднее положение языка при реализации гласной фонемы обусловлено звуковым окружением: между палатализованными согласными «о», «а», «е», «і» произносятся как гласные переднего ряда (õ, ä, ê, і), а «и» продвинуто вперед (конечно, не столь сильно, как прочие гласные); после непалатализованных (фонетически велиризованных) согласных «и», «о», «а» реализуются как гласные заднего ряда, «і» — как гласный смешанного среднезаднего ряда (ш), а «е» некоторыми русскими произносится в этом положении как гласный среднего ряда. Следовательно, для гласных русского языка заднее или переднее положение языка является фонологически несущественным: фонологическая значимость присуща только лабиальной корреляции¹. В арчинском языке (один из восточнокавказских языков Центрального Дагестана) известные согласные распадаются на лабиализованные и нелабиализованные, образуя «консонантную корреляцию лабиализации». Эта корреляция нейт-

¹ В произношении это обнаруживается также в том, что лабиализация у гласного о высвобождается в качестве особого элемента; отсюда почти дифтонгическая реализация русского «о» в виде ое, ио, ие, особенно у женщин.

рализуется как перед, так и после лабиализованных гласных *u*, *o*¹. Поэтому названные гласные и противопоставлены всем прочим гласным арчинской фонологической системы, а именно—нелабиализованным *a*, *e*, *i*. Иными словами, все гласные делятся здесь на лабиализованные и нелабиализованные, тогда как то или иное положение языка оказывается несущественным для классификации гласных фонем (а следовательно, и для фонологического содержания этих фонем)². В хантыйском (остяцком) языке (точнее, в казымском диалекте северохантыйского, положенном в основу литературного языка) вокализм первого слога слова основывается на двухклассной треугольной системе:

В прочих слогах возможны только нелабиализованные гласные (*i*, *e*, *ε*, *a*)³. Иными словами, тембровая корреляция в этом языке нейтрализуется в непервом слоге, причем в качестве представителя архифонемы соответствующей оппозиции (*u*—*i*, *o*—*e*, *э*—*ε*) выступает нелабиализованный гласный. Поскольку выбор представителя архифонемы в данном случае обусловлен явно внутренними факторами, нелабиализованные *i*, *e*, *ε* в таких парах, как *u*—*i*, *o*—*e*, *э*—*ε*, следует рассматривать в качестве немаркированных членов этих оппозиций, а лабиализацию — как фонологически существенный признак корреляции.

В качестве примера двухклассной треугольной системы, в которой смысловоразличительной функцией обладает лишь лингвальная корреляция, можно привести японскую систему гласных. В этом языке консонантная корреляция палатализации (то есть противопоставление палатализованных и непалатализованных согласных) нейтрализуется перед гласными переднего ряда *e*, *i*, но сохраняется перед гласными заднего ряда *u*, *o*, *a*. Гласные *e*, *i* противопоставлены здесь, таким образом, всем прочим гласным; это значит,

¹ N.S. Trubetzkoy, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, «Caucasica», VIII, 1931, стр. 44.

² С этим связано то обстоятельство, что при произношении *u*, *o*, *a* в определенном звуковом окружении (рядом с *h* и *ʃ*) язык продвинул вперед. Ср. А. Д и р р, Арчинский язык, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XXXIV, 1908, I.

³ В.К. Штеjnиц, Хантыйский (остяцкий) язык, «Языки и письменность народов Севера», I, 1937, стр. 200—201.

что все гласные японского языка распадаются на передние и задние; участие же губ оказывается несущественным для классификации гласных фонем (а следовательно, и для фонологического содержания этих фонем)¹. Таким образом, японская и упомянутая выше арчинская системы гласных (и, о, а, е, и), несмотря на их кажущееся сходство, фонологически являются совершенно различными, поскольку в основе одной лежит лингвальная корреляция, а в основе другой — лабиальная корреляция.

Трехклассные системы гласных содержат, помимо двух «крайних» тембровых классов, еще один «средний» класс, который (фонетически) реализуется либо в виде нелабиализованного гласного заднего (или среднего) ряда, либо в виде лабиализованного гласного переднего (или среднего) ряда. Чаще всего «средний» тембровый класс реализуется в виде лабиализованного гласного переднего ряда. Отношение «среднего» тембрового класса к «крайним» не во всех языках одинаковое. Наличие этого класса частично способствует анализу комплекса признаков, содержащихся в двух «крайних классах», частично же мешает такому анализу.

«Средний» тембровый класс трехклассной системы, состоящий из лабиализованных гласных переднего ряда, в зависимости от языка может находиться в тесной связи то с одним, то с другим «крайним» тембровым классом данной системы. Эта тесная связь проявляется главным образом в способности к нейтрализации соответствующих оппозиций. Так, например, в финском языке оппозиции у(= ü)—и, ö—о и ä—а являются нейтразуемыми, поскольку гласные у, ö, ä невозможны после слогов, в составе которых имеются гласные и, о, а, и наоборот, гласные и, о, а не могут встречаться после слогов с гласными у, ö, ä. В противоположность этому оппозиции и—i, у—i, о—е, ö—е не могут нейтрализоваться. Другими словами, нейтразуемыми являются только противоположения гласных заднего и гласных переднего ряда (одной и той же степени раствора), тогда как противоположения лабиализованных и нелабиализованных гласных (одной и той же степени раствора) являются постоянными. Таким образом, после слога с и, у, ö, а, ä возможны лишь пять гласных, а именно: после и, о, а гласные

а		ä
о	е	и после у, ö, ä гласные
и	i	у
		ö е i

¹ В этой связи понятно, почему японское и так часто (как кажется, даже большей частью) реализуется без какого бы то ни было округления губ.

Совершенно иначе распределялись тембровые классы в такой трехклассной системе гласных, как полабская¹. В полабском языке существовала консонантная корреляция палатализации, которая подвергалась нейтрализации перед всеми гласными переднего ряда и перед максимально открытым а, стоящим вне тембровых классов; благодаря этому гласные заднего ряда u, o, а занимали особое положение в системе. Противоположения гласных заднего и гласных переднего ряда (одной и той же степени раствора) были постоянными (то есть не нейтрализуемыми), тогда как противоположения лабиализованных гласных и нелабиализованных гласных переднего ряда (при одной и той же степени раствора [u—i, ö—e]) нейтрализовались в положении после v и j, причем в роли представителей архифоном выступали в этом случае нелабиализованные i и e. Благодаря этому «средний» тембровый класс был более тесно связан с классом переднего ряда. В этом языке существовала известная иерархия лингвальной и лабиальной корреляций:

гласные заднего ряда — гласные переднего ряда $\left\{ \begin{array}{l} \text{лабиализованные} \\ \text{нелабиализованные} \end{array} \right.$

При этом противоположение по признаку лабиализации для гласных заднего ряда было фонологически несущественным². Схематически это можно изобразить следующим образом:

$$\begin{array}{ccccc} & & \text{а} & & \\ & & \alpha & \text{е} & \\ & \text{о} & & \text{ö, ê} & \\ \text{и} & & & & \text{ü, i} \end{array}$$

Возможно, такие трехклассные системы, как финская и полабская, где «средний» тембровый класс более тесно связан с одним из «крайних» тембровых классов (благодаря чему возникает известная иерархия лингвальных и лабиальных корреляций), являются относительно редкими. В большинстве трехклассных систем с лабиализованными гласными переднего ряда в «среднем»

¹ Cp. N S T r u b e t z k o y, «Polabische Studien» («Sitzungsber. Wien. Akad., phil.-hist. Klasse», CCXI, № 4, стр. 128 и сл.)

² С этим связаны известные особенности в реализации гласных фоном полабского языка. Так, полабское α, видимо, произносилось как нелабиализованный гласный заднего ряда (cp. N S T r u b e t z k o y, «Polabische Studien», стр. 42 и сл.); с другой стороны, гласные u, o произносились с «неравномерной лабиализацией», то есть почти как ш, ое, благодаря чему лабиальный элемент выделялся особенно сильно (cp. там же, стр. 50 и сл.)

тембровом классе обнаружить тесную связь этого класса с одним из «крайних» тембровых классов не представляется возможным. Так, например, в литературном немецком, голландском, французском, норвежском, шведском и датском языках три тембровых класса противостоят друг другу как равноправные члены оппозиции; насколько нам известно, так же обстоит дело и в североалбанском, эстонском, коми (зырянском)¹ и вьетнамском (аннамском)², где нет никаких оснований допускать тесную связь «среднего» тембрового класса с одним из «крайних» тембровых классов. «Средний» тембровый класс находится в одинаково близких отношениях с обоими «крайними» тембровыми классами также в лезгинском (кюринском) языке, где противоположения а—е и u—i не нейтрализуются, тогда как противоположения ü—u и ü—i в известных положениях нейтрализуются (ударное ü невозможно в слоге, следующем за u и i, а ударные u и i не могут быть после ü³).

В рассмотренных выше трехклассных системах «средний» тембровый класс представлен лабиализованными гласными переднего ряда. Гораздо реже можно встретить такие системы, где «средний» тембровый класс содержит нелабиализованные гласные заднего (или среднего) ряда; в качестве примера можно назвать румынский, сиамский⁴ и удмуртский (вотяцкий)⁵ языки. И в этих системах иной раз можно обнаружить тесную связь между «средним» тембровым классом и одним из «крайних» тембровых классов. Так, например, в описанном Л. В. Щербой восточнолужицком говоре Мужакова⁶ противоположение гласных среднего и переднего тембровых классов нейтрализуется после негutturальных язычных (то есть после дентальных, палатальных, сибиллянтов, r и l), причем после d, t, n, l, r, s, z, c появляются нелабиализованные гласные среднего ряда i (= ě Щербы), ě (= æ Щербы), а после z', c', z', s', n', r', j — нелабиализованные гласные переднего ряда i, e (тогда как после лабиальных возможны как i, e, так и ī, ě со смыслоразличительной функцией). Следовательно, гласные «среднего» тембрового класса находятся здесь в тесной связи с гласными передне-

¹ Ср. Г. С. Лыткин, *Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык*, СПб., 1889

² Alfred Bouchet, *Cours élémentaire d'annamite*, Hanoi — Haiphong, 1908.

³ П. К. Услар, *Этнография Кавказа*, ч. I (Языкознание, вып. VI. Кюринский язык), Тифлис, 1896

⁴ Walter Tittel, *Einführung in das Siamesische*, «Lehrbuch d. Semin. f. oriental. Sprachen», Berlin, XXXIV, 1930.

⁵ Ср. А. Я. Емельянов, *Грамматика вотяцкого языка*, Л., 1927

⁶ Л. В. Щерба, *Восточнолужицкое наречие*, 1915.

го (максимально высокого) класса. Однако подобного рода отношения в трехклассной системе гласных с нелабиализованным «средним» тембровым классом, видимо, крайне редки.

Что касается четырехклассных систем гласных, то они встречаются гораздо реже трехклассных. В качестве примера можно было бы привести систему гласных, распространенную во многих тюркских языках:

o, a, ö, ä
u, ш, ü, i

В тех тюркских языках, где последовательно осуществляется так называемая гармония гласных, приведенная выше система наличествует в полном, то есть фонологически значимом виде, лишь в первом слоге слова; во всех прочих слогах тембровые противоположения нейтрализуются, и тембровые признаки гласных непервого слога в своей реализации равняются на гласный предшествующего слога. К четырехклассной следует также причислить систему гласных восточномарийского (восточночеремисского) языка¹, где гласные с минимальным раствором имеют четыре тембровых класса, гласные со средним раствором — три тембровых класса, а гласные с максимальным раствором — два тембровых класса; таким образом, вся система содержит девять гласных фонем. При этом лингвальная корреляция нейтрализуется во всех вокалических парах, а лабиальная корреляция — лишь у гласных с минимальным раствором². Эту систему гласных можно было бы представить в виде следующей схемы (с сохранением транскрипции журнала «Anthropos»):

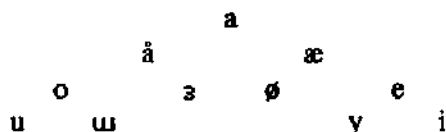
a ä
o ö e
u ü â i

Существуют, однако, и такие четырехклассные системы, где тембровые противоположения вообще не подвержены нейтрализации и где, таким образом, все четыре тембровых класса совершенно автономны и равноправны в отношении друг друга. К этому

¹ Ср. Odon В е к е, Texte zur Religion der Osttscheremissen, «Anthropos», XXIX, 1934

² Нейтрализация происходит в непервом слоге, причем выбор представителя архифонемы обусловлен внешне (а именно гласным предшествующего слога). Например, после слога с u, o, a, â в качестве максимально открытого гласного выступает a, после слога с u, ö, â, a из максимально открытых возможен лишь a (после слога с e, i максимально открытым заменяется гласным ä) и т. д.

типу, видимо, принадлежит система гласных селькупского (остячко-самоедского) языка¹:

Здесь ни одно противоположение не может нейтрализоваться.

В. Признаки раствора (полнозвучности)

Выше мы рассмотрели так называемые линейные системы гласных, члены которых характеризуются лишь признаками раствора (= полнозвучности), но лишены локальных (тембровых) признаков. Спрашивается, существуют ли такие системы, члены которых характеризовались бы одними тембровыми признаками и не имели бы признаков раствора (= полнозвучности)? Ван Гиннекен полагал, что на этот вопрос можно ответить положительно, и в качестве примера приводил системы гласных лакского и «ассиро-вавилонского языка ахеменидских надписей»². О последнем вообще нельзя сказать что-либо определенное, поскольку в данном случае мы имеем дело с мертвым языком. Что же касается лакского, то можно уверенно сказать, что система гласных этого языка обладает не только тембровыми признаками, но и признаками раствора (= полнозвучности). Правда, три лакских гласных реализуются в большинстве положений как *и*, *а* и *і*, что и побудило Ван Гиннекена заключить, что при *и* мы имеем дело с «лабиализованным гласным заднего ряда вообще», при *і* — с «нелабиализованным гласным переднего ряда вообще» и при *а* — с «нелабиализованным гласным заднего ряда вообще» и что, таким образом, степень раствора у этих трех гласных фонологически несущественна. Однако рядом с эмфатически палатализованными согласными реализация всех трех лакских гласных фонем существенно меняется: в этом положении «*и*» реализуется как *ö*, «*і*» — как *е* и «*а*» как *ä*³.

¹ Ср. Г.Н. Прокофьев, Селькупский (остячко-самоедский) язык (Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера, Труды по лингвистике, вып. IV, I, Л., 1935).

² J. van Ginneken, Die ontwikkelingsgeschiedenis van de systemen der menschelijke taalklanken, Amsterdam, 1932, стр. 5.

³ Ср. П. К. Услар, Этнография Кавказа, ч. I (Языкознание, вып. IV. Лакский язык, Тифлис, 1890, 4–5), где описание произношения гласных сделано, однако, весьма неясно; наши данные основываются на отдельных наблюдениях. При этом следует подчеркнуть, что буквы *ä*, *е*, *о* употреблены нами совершенно условно.

Здесь, таким образом, гласные «i» и «a» противопоставлены друг другу не по тембровому признаку, а по признаку полнотонности (= по признаку раствора). Из сравнения двух вариантов каждой лакской гласной фонемы следует, что для «a» существенным является лишь максимальная степень раствора, тогда как для «u» и «i» — во-первых, минимальная степень раствора и, во-вторых, определенный тембровый признак (для «u» — лабиализованность, для «i» — нелабиализованность). Следовательно, лакский язык ни в коем случае не может служить примером языка, призванного доказать возможность вокализма без признаков полнотонности. Сказанное сохраняет свое значение для всех других языков с трехчленной системой гласных типа «u», «a», «i»¹. В арабском языке «i» и «a» явно противопоставлены друг другу по степени раствора, так как «a» (в положении не перед эмфатическими согласными) чаще всего реализуется как гласный переднего ряда; однако после эмфатических согласных «a» звучит как «низкий» гласный, в силу чего в этом положении он скорее противостоит «u» по степени раствора. В положении перед эмфатическими согласными «a» реализуется как гласный заднего или смешанного среднезаднего ряда (как а в английском father), но в таком положении и краткое «i» произносится как среднезаднее ĩ, из чего следует, что и здесь «a» и «i» противопоставлены друг другу по степени раствора². Следовательно, в отношении арабских «u», «a», «i» надо принять те же фонологические признаки, что и в отношении трех лакских фонем, о которых шла речь выше. В новоперсидском языке долгое «a» нормально произносится с округлением губ, краткое же «a» произносится как ä. Таким образом, долгое «a» в этом языке противопоставлено по степени раствора соответствующему максимально низкому гласному (u), а краткое ä — соответствующему максимально высокому гласному (e)³. И в других языках, где имеется

¹ Впрочем, Ван Гиннекен этого, кажется, и не отрицает; см. цит. соч., стр. 6, где в качестве примера треугольной системы приводятся арабский и новоперсидский.

² Ср. W.H.T. Gardner, The phonetics of arabic, «The American University of Cairo Oriental studies» (Humphrey Milford Oxford university press), 1935, гл. VI (The vowel described) и VII (Influence of consonants on vowels).

³ Впрочем, различие по качеству между долгими и краткими гласными новоперсидского языка столь велико, что здесь можно было бы скорее допустить наличие четырехугольной системы из шести гласных фонем (u, o, ə, æ, e, i), а долготу u(:), o(:) и i(:) рассматривать как несущественный момент в характеристике этих фонем. Правда, нужно сказать, что такое допущение противоречило бы основным законам персидской метрики.

только одна «максимально низкая», только одна «максимально высокая» и только одна «нейтральная» в отношении характерного тона гласная фонема, последняя является вместе с тем и более открытой, нежели две другие фонемы; и если «максимально низкий» гласный противопоставит «максимально высокому» действительно только по тембровому признаку, то, с другой стороны, оба этих гласных противопоставят «нейтральной» фонеме по степени раствора — противопоставление, которое в некоторых положениях проявляется особенно отчетливо.

Таким образом, нет ни одной системы гласных, которая не имела бы смыслоразличительных противоположений по степени раствора. Правда, все это имеет силу лишь в отношении «общей системы»; что же касается «частных систем», то есть систем, которые в данном языке ограничиваются только определенными положениями в слове, то здесь, само собой разумеется, противоположения по раствору могут нейтрализоваться. Так, например, в русском языке в предударных слогах после палатализованного согласного, а также после *č*, *š*, *ž* возможны лишь две гласные фонемы — *ī*, *ū*, фонологическое содержание которых в этом особом положении составляют лишь их тембровые признаки (лабиализованное *ū* и нелабиализованное *ī*). Но эта частная система не является самостоятельной, она находится в связи с частной системой других безударных слогов (*ū*, *ā*, *ī*) и с частной системой ударных слогов (*u*, *o*, *a*, *e*, *i*), которые допускают противоположение не только по тембровым признакам, но и по степени раствора.

Любой язык, таким образом, обладает системой гласных с противоположениями по раствору. И подобно тому как все гласные фонемы с одним и тем же тембровым признаком внутри данной системы образуют «тембровый класс», точно так же все гласные фонемы с одной и той же степенью раствора (= полнозвучность) объединяются внутри данной системы в одну «ступень полнозвучности». Соответственно этому системы гласных могут быть подразделены не только на одноклассные, двухклассные, трехклассные и четырехклассные, но и на двухступенчатые, трехступенчатые, четырехступенчатые и т.д.

Двухступенчатые системы гласных не являются редкими. Выше уже упоминалась лакская, арабская и новоперсидская системы. Они представляют собой двухступенчатые (и двухклассные) треугольные системы, схематически

a
u i

К этому типу принадлежат также системы тлингит и хайда (в Северной Америке)¹ и древнеперсидская система гласных. Существуют, однако, и двухступенчатые четырехугольные системы; в качестве примера можно указать на систему гласных языка тонкава (в Техасе)² с передним и задним тембровыми классами; гласные заднего ряда реализуются в этом языке как более открытые по сравнению с соответствующими гласными переднего ряда; с фонетической точки зрения здесь, таким образом, нет никакой симметрии:

а	е
о	і

Двухступенчатая трехклассная четырехугольная система засвидетельствована в лезгинском (кюринском) языке³:

а	е
и	і

В качестве примера двухступенчатой четырехклассной четырехугольной системы можно привести уже упомянутый выше вокализм во многих тюркских языках:

о	а	ö	ä
и	ш	ü	і

Совершенно очевидно, что во всех двухступенчатых системах противоположение по степени раствора можно считать логически привативным («широкое — неширокое», соответственно «узкое — неузкое»). Но так как, насколько нам известно, это противоположение по степени раствора, видимо, никогда не нейтрализуется, то оно не становится фактически привативным⁴.

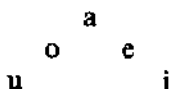
¹ Об этих языках см. John R. Swanton, «Bulletin of the Bureau of American ethnology», XL (= «Handbook of American Indian languages» by Fr. Boas, I).

² Ср. Nahu Hoijer, «Handbook of American Indian languages» (publ. by the University of Chicago), vol. III.

³ Точнее, в современном лезгинском письменном языке и в описанном П.К. Усларом (см. «Этнография Кавказа», I, Языкознание, вып. VI. Кюринский язык, Тифлис, 1896) диалекте, где о является лишь факультативным комбинаторным вариантом и, а ä — частично комбинаторным вариантом е, частично представителем архифонемы в оппозиции а — е перед фарингальным смычным.

⁴ В лезгинском (кюринском) некоторые противоположения согласных нейтрализуются рядом с узкими гласными и, ü, і; а так как то, что мы называем «обусловленной контекстом нейтрализацией», обычно имеет место в соседстве с маркированным членом оппозиции (ср. ниже, гл. V, 2г), то узкие гласные (и, ü, і) этого языка можно трактовать как маркированные, а широкие (а, е) — как немаркированные. О болгарском см. стр. 125 и сл.

Значительное большинство языков имеет трехступенчатые системы гласных. Трехступенчатая двухклассная треугольная система

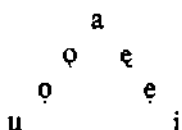

господствует во многих языках мира (разумеется, с различной реализацией фонем); назовем только новогреческий, сербохорватский, чешский, польский (литературный) в Европе, литературный русский, эрзя-мордовский, грузинский, аварский, андийский, арчинский, нганасанский (тавгийский) в СССР, японский, тамильский в Азии, ламба, шона, зулу, ганда, чичева в Африке, майя в Америке и т.д. Нередко встречаются и трехступенчатые трехклассные треугольные системы. Из трехступенчатых четырехугольных систем здесь можно было бы упомянуть вокализм черногорского языка, о котором уже говорилось выше:

Во всех трехступенчатых системах отдельные ступени полноточности относятся друг к другу как члены градуальной оппозиции. Нейтрализация противоположения по полноточности внутри такой системы происходит по правилам, действующим при нейтрализации градуальных оппозиций: это значит, что иногда в качестве представителя архифонемы здесь выступает «крайний» член оппозиции, а иногда его выбор обусловлен внешними факторами.

Значительно реже трехступенчатых систем встречаются системы четырехступенчатые. Все же их можно обнаружить во многих языках мира. Для примера можно привести треугольную систему итальянского языка:

и упомянутую выше четырехугольную систему многих польских говоров:

(в традиционной транскрипции польских диалектологов). Здесь так же, как и во всех системах гласных, где имеется больше двух степеней раствора, отдельные противоположения по степени раствора являются градуальными. Там, где некоторые из этих оппозиций нейтрализуются, возникают особые отношения. Так, если нейтрализуется оппозиция между двумя средними степенями полноразности, то она теряет градуальный характер и превращается в привативную. «Признаком» в этом случае является либо «закрытость», либо «открытость»: все зависит от того, какой член оппозиции представляет архифонему. Так, например, в шотландском диалекте острова Барра (Гебридские острова)¹ четырехступенчатая система возможна только в первом слоге слова, тогда как в прочих слогах средние оппозиции *o—ɔ* и *e—æ* нейтрализуются, в результате чего в этом положении оказываются только открытые гласные *ɔ* и *æ*: эти гласные можно, следовательно, рассматривать как немаркированные члены оппозиции, а противоположение *o—ɔ*, *e—æ* — трактовать как «корреляцию по степени раствора». Но там, где нейтрализуемое противоположение по полноразности содержит одну из «крайних» степеней полноразности (то есть либо максимальную, либо минимальную), там градуальный характер оппозиции не меняется. В датском языке противоположения *u—o*, *y—ø*, *i—e* нейтрализуются перед прикрытым носовым (а также перед *ŋ*); в этом же языке существует явная тенденция к нейтрализации этих оппозиций перед *r*². Тем не менее датские *o*, *ø*, *e* нельзя рассматривать как «открытые *u*, *y*, *i*». Несколько иначе обстоит дело, когда подобная нейтрализация затрагивает всю систему гласных. Этот случай мы наблюдаем в языке ибо (Южная Нигерия)³. В этом языке имеет место двухклассная четырехступенчатая система гласных, причем противоположения по степени раствора между гласными первой и второй ступени полноразности, с одной стороны, и между гласными третьей и четвертой ступени полноразности, с другой стороны, нейтрализуются; в результате образуется пропорция «1 : 2 = = 3 : 4». Слово может содержать гласные либо только первой и третьей ступени, либо только второй и четвертой ступени: все аффиксы (префиксы и суффиксы) ориентируются в этом отно-

¹ Cp. Carl Hjalmar Borgström, *The Dialekt of Barra in the Outer Hebrides*, «Norsk Tidskrift for Sprogvidenskap», VII, 1935.

² A. Martinet, *La phonologie du mot en danois*, Paris, 1937, стр. 17—19 (BSL, XXXVIII, 1937, 2).

³ Cp. Ida C. Ward, *An introduction to the Ibo language*, Cambridge, 1936.

шении на вокализм корня. Таким образом, в этой системе все противоположения по степени раствора эквиполентны¹:

широкие	{	открытые э—а четвертая степень раствора
		закрытые о—е третья степень раствора
узкие	{	открытые U—е вторая степень раствора
		закрытые u—i первая степень раствора

Все слова (основы или корни) этого языка можно подразделить на «открытовокалические» и «закрытовокалические», а аффиксы — на «широковокалические» и «узковокалические». Однако ни один из этих классов нельзя рассматривать как немаркированный или маркированный.

Четырехступенчатые системы гласных, как сказано, встречаются гораздо реже трехступенчатых. Что касается п я т и с т у п е н ч а т о й с и с т е м ы г л а с н ы х, то она чрезвычайно редка. В Европе такая система засвидетельствована, например, в керенцком диалекте швейцарского кантона Гларус². В Африке пятиступенчатая (двухклассная) треугольная система (u, U, o, э, а, е, e, i, i), видимо, имеет место в языке фанте (Золотой Берег)³. Ш е с т и с т у п е н ч а т а я (двухклассная) треугольная система, видимо, присуща языку гвеабо (Либерия), если только противоположение между «светлыми» (bright) и «мутными» (muffled) гласными, которое господствует в этой системе, можно трактовать как противоположение по полнозвучности⁴. В языке гвеабо существует своего рода «гармония гласных», которая предполагает нейтрализуемость противоположений между первой и второй, третьей и четвертой, пятой и шестой ступенями полнозвучности. Правила этой гармонии гласных гораздо сложнее, чем в языке ибо. Во всяком случае, они предполагают следующее членение всей системы (мы сохраняем транскрипцию Э. Сепира):

¹ Заметим, что нелабиализованные гласные реализуются здесь как гораздо «более открытые», нежели соответствующие им лабиализованные, так что с чисто фонетической точки зрения эта система вовсе не является симметричной. Ида Уорд транскрибирует лабиализованный гласный второй степени раствора знаком Ø: мы позволили себе заменить его знаком U.

² Ср. J. Winteler, Die Kerenzler Mundart des Canton Glarus, Leipzig, 1876.

³ Ср. D. Westermann and Ida C. Ward, Practical phonetics for students of African languages, London, 1933, стр. 172 и сл.

⁴ Edward Sapir, Notes on the Gweabo language of Liberia, «Language», VII, 1931, стр. 31 и сл.

широкие	{	светлое	а	шестая степень раствора
		мутные	О — Е	пятая степень раствора
средние	{	светлые	о — е	четвертая степень раствора
		мутные	о — е	третья степень раствора
узкие	{	светлые	о — е	вторая степень раствора
		мутные	и — і	первая степень раствора

В любой системе гласных максимально низкие и максимально высокие тембровые классы содержат во всех случаях одинаковое количество ступеней полнозвучности. Это положение без всяких оговорок применимо и к четырехугольным системам. В треугольной же системе сюда должен присоединяться еще гласный максимальной степени раствора, не входящий в тембровые классы. Так, например, четырехступенчатая четырехугольная система должна содержать четыре гласных самого низкого тембрового класса и четыре гласных самого высокого тембрового класса, тогда как четырехступенчатая треугольная система содержит лишь три низких и три высоких гласных, а сверх того — гласный с максимальным раствором. В четырехугольных системах нейтрализация отдельных противоположений по раствору происходит обычно одновременно как в максимально низком, так и в максимально высоком тембровом классе, результатом чего является опять-таки «четыреугольная» частная система (с наименьшим числом ступеней полнозвучности). В треугольных системах нейтрализация определенной степени раствора происходит либо в двух «крайних» тембровых классах — в этом случае возникает опять-таки треугольная частная система, либо только в одном из двух крайних тембровых классов — в этом случае частная система оказывается четырехугольной. Так, например, в некоторых диалектах новогреческого языка противоположение первой и второй степени раствора (речь идет о трехступенчатой двухклассной треугольной системе) нейтрализуется в неударных слогах¹; в результате в этой позиции возникает двухступенчатая треугольная система:

		а			я
ударные	о	е		безударные	
	и		і		ї

Наоборот, в северных великорусских диалектах, где слоги под ударением содержат гласные, которые тоже образуют трехступен-

¹ Ср. А. Т h u m b, Handbuch der neugriechischen Volkssprache, 6 и В. Н а в г а л е к в «Proceedings of the International congress of phonetic sciences», 1, 33.

чатую двухклассную треугольную систему, и где противоположение а—е нейтрализуется в безударных слогах (представитель архифонемы обусловлен внешне: после палатализованных согласных — е, после непалатализованных — а), в результате нейтрализации получается двухступенчатая четырехугольная система¹:

	а				
ударные	о	е		безударные	ø ä
	u	i			ÿ î

Примеры легко приумножить.

В трехклассных системах число гласных фонем в среднем тембровом классе не может превышать число гласных фонем в крайних тембровых классах. Одинаковое число гласных фонем во всех трех классах обнаруживается главным образом в треугольных системах; ср., например, вокалическую систему монгольского языка²:

	а		
	о	ö	е
	u	ü	i

Наоборот, в трехклассных четырехугольных системах число гласных фонем в среднем тембровом классе, как правило, меньше числа гласных фонем в крайних тембровых классах (ср., например, рассмотренные выше вокалические системы финского и лезгинского или кюринского языков). Подобного же рода явление нередко наблюдается и в треугольных системах; такова, например, система гласных норвежского языка³:

	а		
	å	æ	
	о	ø	е
	u	y	i

а также аналогичные (но реализующиеся по-иному) системы полабского и вьетнамского (аннамского) языков, шотландского диалекта острова Барра и уже упомянутого выше восточнолужицкого диалекта Мужакова, который был описан Л.В. Щербой (в после-

¹ См. R. Jakobson в TCLP, II, стр. 89.

² См. А.В. Бурдуков, Русско-монгольский словарь разговорного языка (с предисловием и грамматическим очерком Н.Н. Поппе), Л., 1935, а также Н.Н. Поппе, Строй халха-монгольского языка (= Строй языков), 3, Л., 1935, стр. 8–10.

³ Carl Hjalmar Borgström, Zur Phonologie der norwegischen Schriftsprache, «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», IX, 1937, стр. 251.

днем средний класс не лабиализован). Если число ступеней полнозвучности в среднем тембровом классе меньше числа ступеней полнозвучности в каждом из крайних тембровых классов, то эта разница, как правило, возникает за счет максимально открытых гласных, наличествующих в крайних тембровых классах. Во всяком случае, минимальная ступень полнозвучности в трехклассных системах, видимо, всегда представлена полностью (то есть тремя гласными).

Из этого следует, что средний тембровый класс в трехклассных системах зачастую может быть представлен одним-единственным гласным, причем эта фонема должна иметь ту же степень раствора, что и минимально полнозвучные гласные в крайних тембровых классах. Примеры подобного рода действительно существуют; можно, например, назвать уже упомянутую систему лезгинского языка:

а		е
и	ï	і

Среднегреческий имел трехступенчатую треугольную систему, где средний ряд был представлен лишь гласным ï:

	а	
	о	е
и	ï	і

Аналогичную систему до сих пор имеет тубатулабал (один из индейских языков группы шошон из юго-ацтекской семьи языков) с той лишь разницей, что вместо ï в нем появляется нелабиализованное ¹і. Причем это не единичный пример подобного рода.

Нейтрализация отдельных противоположений по полнозвучности (= по степеням раствора) в трехклассных системах происходит по тем же правилам, что и в двухклассных системах, однако число фонем в среднем тембровом классе, даже в частных системах, не должно превышать числа фонем в каждом из крайних тембровых классов. Так как тембровые противоположения тоже часто нейтрализуются, то нередко наряду с общей системой, состоящей из трех классов и целого ряда ступеней, существуют двухклассные (или даже линейные) двухступенчатые частные системы. Так, например, трехклассная трехступенчатая система гласных монголь-

¹ Charles F. Voegelin, Tubatalabal grammar, «University of California publications in American archeology and ethnology», XXXIV, № 2, стр. 55 и сл.

ского языка, о которой уже шла речь выше, представлена как таковая лишь в первом слоге слова:

		а	
	о	ö	е
и		ü	i

В непервых слогах, после слога, содержащего гласный *i*, противоположение *ü—ö* нейтрализуется, в результате чего образуется следующая частная система:

		а	
	о	е	
и		ü	i

Наконец, после слога с любым гласным, кроме *i*, нейтрализуются, с одной стороны, тембровые противоположения *ü—ü*, *о—ö*, *ö—е*, *о—е*, а с другой стороны—противоположения по полноточности (= по степени раствора) *о—а*, *ö—а*, *е—а*, в результате чего возникает следующая частная система:

	А	
U		I'

Все сказанное имеет силу лишь в отношении долгих гласных монгольского языка. Что же касается кратких гласных, то после слога, содержащего гласный *i*, все тембровые оппозиции нейтрализуются, в результате чего возникает трехступенчатая линейная система:

а
е
i

После слога, содержащего любой другой гласный, кроме *i*, эта система сокращается до двух кратких гласных фонем «*i*» и «*e*», последняя из которых усваивает качество гласного предшествующего слога.

Мы уже говорили, что в том случае, когда средний тембровый класс трехклассной системы гласных представлен одной-единствен-

¹ Реализация U и А обусловлена качеством гласного предшествующего слога. U после гласных заднего ряда и после а реализуется как и, а после ü, ö, е — как ü; А после и, а реализуется как а, после о — как о, после ü, е — как е и после ö — как ö. Ср. Н.Н. Поппее, Строй халха-монгольского языка, стр. 10—11.

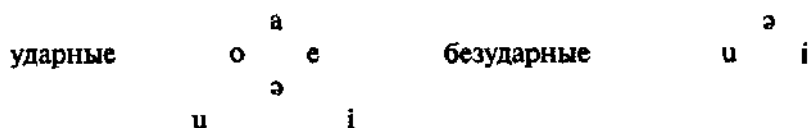
ной фонемой, эта фонема имеет минимальную ступень полнозвучности, образуя в этом плане одну группу с минимально полнозвучными гласными *u* и *i* в крайних тембровых классах. Это правило не имеет исключений, когда речь идет о лабиализованном гласном переднего ряда; если в систему гласных входит только одна фонема подобного рода, то таковой во всех случаях оказывается *iy*, а не *ö*. Однако встречаются случаи, когда многоступенчатая система гласных, помимо гласных, принадлежащих крайним тембровым классам, содержит еще нелабиализованную гласную, которая не принадлежит ни к одному из этих тембровых классов и не имеет ни максимальной, ни минимальной ступени полнозвучности. Поскольку такая фонема может быть охарактеризована только отрицательно, ее следует назвать «н е о п р е д е л е н н ы м г л а с н ы м»¹. Эту фонему не надо смешивать с единственным представителем среднего (нелабиализованного) тембрового класса: последний противостоит *u* и *i* (одномерная изолированная оппозиция) по тембровому признаку, тогда как «неопределенный гласный» не вступает в одномерные оппозитивные отношения ни с какой другой фонемой вокалической системы и, во всяком случае, не участвует ни в одной оппозиции по чисто тембровому признаку.

Неопределенный гласный в указанном выше смысле известен многим языкам мира как в слогах под ударением, так и в безударных слогах. Он может быть как долгим, так и кратким: гласный английского слова *bird* «птица» (мы имеем в виду стандартный южноанглийский) следует рассматривать как долгий неопределенный гласный. Однако в большинстве языков неопределенный гласный свойствен лишь частным системам в таких положениях, где большинство оппозиций по тембровому признаку и по полнозвучности нейтрализуется.

Из всего сказанного следует, что неопределенный гласный следует рассматривать не в качестве единственного представителя какого-либо среднего тембрового класса, а лишь как гласную фонему, не входящую ни в один из тембровых классов. Но благодаря этому неопределенный гласный может вступать в особые отношения с максимально полнозвучным гласным, который тоже не входит ни в один из тембровых классов и характерен для треугольных систем. При известных обстоятельствах «неопределенный» гласный в треугольной системе может стать «определенным», вступая в одномерные отношения с «а». Случай такого рода имеет место в

¹ Cp. V. B r o n d a l, *La structure des systèmes vocaliques*, TCLP, VI, стр. 65.

болгарском языке. Неопределенный гласный в этом языке имеет почти ту же степень раствора, что и о, е, но при этом он не является ни лабиализованным, ни палатализированным. Предполагать, что э и о или э и е противопоставлены друг другу по одному тембровому признаку, едва ли можно. Но вполне возможно установить пропорции: $o : a = u : \text{э}$, $e : a = i : \text{э}$, и вытекающую отсюда пропорцию: $u : o = i : e = \text{э} : a$. Что последняя соответствует действительности, доказывают отношения в безударных слогах (по крайней мере в некоторых типах диалектного произношения), где возможны только u, i, э, но не о, е, а; это значит, что противоположения по раствору $u—o$, $i—e$, $\text{э}—a$ здесь нейтрализованы, а треугольный характер вокализма тем не менее сохраняется. Все сказанное можно представить в виде следующей схемы:

Это позволяет как будто считать, что вокализм болгарского языка укладывается в трехклассную треугольную систему, средний тембровый класс которой характеризуется нейтральным характером и повышением степени раствора составляющих его членов¹.

Вокалическая система болгарского языка, видимо, является весьма редкостной. В других известных нам языках, содержащих «неопределенный гласный», между этим гласным и «а» нельзя установить специфического одномерного отношения, так что здесь нет никаких оснований для зачисления «неопределенного гласного» и «а» в особый средний тембровый класс.

О числе ступеней полнозвучности в четырехклассных вокалических системах многого не скажешь, ибо подобного рода системы крайне редки. Насколько мы знаем, в таких системах число ступеней полнозвучности в любом среднем тембровом классе не превышает числа ступеней полнозвучности в каждом крайнем классе (так что общее число гласных фонем обоих средних тембровых классов не может превысить общего числа гласных фонем, содержащихся в двух крайних классах). Вокалическая система восточно-марийского (восточночеремисского), описанная выше (самая низкая ступень полнозвучности которой представлена во всех четырех тембровых классах, средняя ступень — только в трех и самая высо-

¹ Cp R. Jakobson в TCLP, II, стр. 78, и В. Наврѓанек в «Proceedings of the International congress of phonetic sciences», I, стр. 28 и сл.

кая ступень — только в двух), показывает, что два средних тембровых класса четырехклассной системы не обязательно должны содержать одинаковое число ступеней полнозвучности.

С учением о признаках раствора самым тесным образом связана трудная проблема о месте дифтонгов с однофонемной значимостью в системе гласных. Проще всего обстоит дело там, где (как, например, в архаических диалектах великорусского и североукраинского языков) фонемы, изображаемые в русской диалектологии как «*о*» и «*ё*», реализуются в виде скользящих дифтонгов с возрастающим раствором (почти как *uo*, *ie*). Их начальная артикуляция является несколько более открытой по сравнению с самыми закрытыми гласными той же системы, а конечная артикуляция не достигает раствора, присущего недифтонгическим *о* и *е* той же системы. Таким образом, место этих фонем в вокалической системе не вызывает никаких сомнений: здесь мы имеем дело с четырехступенчатой треугольной системой, в которой «*о*» и «*ё*» представляют собой вторую ступень полнозвучности (*u*, *o*, *o*, *a*, *ě*, *e*, *i*). Кроме того, в этих диалектах противоположения *o—o* и *ě—e* являются нейтрализуемыми; в безударных слогах, где эти противоположения нейтрализуются, в качестве представителя архифонемы выступают *o* и *e* (по крайней мере в тех северовеликорусских и североукраинских диалектах, где есть «*о*» и «*ё*»). Из этого следует, что дифтонгизацию (или, точнее, убывающую закрытость гласного) в этом случае следует рассматривать как признак корреляции. Равным образом можно точно определить место дифтонгов «*оа*», «*еа*» в дакорумынском, где они явно находятся между *o*, *e*, с одной стороны, и *a* — с другой¹:

		a		
	oа		еа	
	o	â		e
u		î		i

В словенском диалекте Каринтии, к северу от Дравы (диалект так называемых *Drauci*), дифтонги *uo*, *ie*, менее закрытые в конечной фазе артикуляции, нежели в начальной, следует поместить между *u*, *i* и *o*, *e*, тогда как дифтонги *oа*, *еа* — между *o*, *e* и максимально открытыми *â*, *a*; в результате получается пятиступенчатая четырехугольная система²:

¹ Ср. В. Наврăнек в «Proceedings», 1, стр. 31 и сл.; А. Rosetti в «Bulletin linguistique», II, 1934, стр. 21 и сл.

² А. Isačenko, Les parlers slovènes du Podjunje en Carinthie, description phonologique, «Revue des Etudes Slaves», XV, 1935, стр. 59.

ǎ	a
oa	ea
o	e
uə	iə
u	i

Гораздо труднее найти место тем однофонемным дифтонгам, начальный элемент которых является более открытым, а конечный — более закрытым по сравнению с расположенными рядом гласными со средним раствором. Случай подобного рода имеет место в немецком (и голландском). Три немецких дифтонга «au», «eu», «ei» можно распределить по трем тембровым классам вокалической системы немецкого языка; однако включить их в систему ступеней полнзвучности оказывается невозможным. Неустойчивость и неопределенность раствора у этих фонем, обусловленная подвижностью артикуляции, можно рассматривать как специфическую черту данных фонем. Этим они отличаются от всех прочих долгих, то есть неусеченных гласных немецкого языка. Следовательно, «долгие» гласные фонемы необходимо разбить на две категории: одни — с «устойчивой» степенью раствора и другие — с «неустойчивой»; последующее распределение по трем тембровым классам может быть осуществлено в обеих категориях, тогда как распределение по трем ступеням полнзвучности возможно лишь в отношении гласных с устойчивой степенью раствора¹.

Особенно запутанной является проблема дифтонгов английского языка, даже если ограничиться только современным английским языком, нормализованным Д. Джоунзом².

В самое последнее время было немало попыток внести фонологическую ясность в систему гласных этого языка, предпринятых (перечисляем в хронологическом порядке) И. Вахком³ (1933), Б. Тринка (1935)⁴, А. Лайренсоном (1935)⁵ и К. Мейлоном (1936)⁶. Гласные, именуемые «кратки-

¹ Аналогичное разделение гласных фонем на дифтонгические и монофтонгические в голландском языке уже было предложено де Гроотом; см. TCLP, IV, стр. 118.

² Cp. Daniel Jones, An outline of English phonetics, изд. 3, Leipzig, 1932 и «English pronouncing dictionary», Leipzig.

³ J. V a c h e k, Über die phonologische Interpretation der Diphthonge, «Práce z vědeckých ústavů», XXXIII.

⁴ B. T r i n k a, A phonological analysis of present-day standart English, там же, XXXVII.

⁵ A. C. L a w r e n s o n, Some observations on the phonology of the English vowels (Proceedings of the Second internal congress of phonet. sciences, стр. 131 и сл.).

⁶ Kemp M a l o n e, Phonemes and phonemic correlation in current English, «English studies», The Hague, XVIII, 1936, стр. 159 и сл.

ми», видимо, не представляют никаких затруднений. Все названные выше исследователи согласны с тем, что перечисленные гласные образуют в английском, выражаясь фонологической терминологией, «трехступенчатую двухклассную четырехугольную систему» (признаком оппозиции является, видимо, положение языка, а не участие губ). Трудности начинаются, как только мы переходим к так называемым долгим гласным, а также к дифтонгам (и трифтонгам). Эти трудности, очевидно, проистекают главным образом из того, что вокалическая система английского языка рассматривается без учета особенностей просодической системы этого языка. Следует констатировать, что «количество» в английском языке идет по линии просодической оппозиции по признаку *п р и м ы к а н и я*; «кратким» является гласный, который при его произношении прерывается следующим согласным; «долгим» является гласный с беспрепятственной полной артикуляцией. Из описания Джоунза следует, что среди гласных с полной артикуляцией только *ɑ*: и *ɛ*: не имеют дифтонгических вариантов. Все остальные гласные с полной артикуляцией имеют дифтонгические варианты, то есть звуки, характеризующиеся подвижным раствором: если для гласных *ε*: и *ɔ*: такие варианты являются только факультативными и более редкими, нежели для гласных *i*: и *u*:, то это не меняет картины: они все же существуют, и этого достаточно. В современном английском языке так, как он описан Джоунзом, нельзя обнаружить принципиальной разницы между «истинными» дифтонгами и «долгими монофтонгами» (кроме *ɑ*: и *ɛ*:): и те и другие являются г л а с н ы м и фонемами с полной артикуляцией и подвижным раствором. Единственными гласными с полной артикуляцией и устойчивым раствором являются максимально открытое *ɑ*: и неопределенный гласный *ə*, то есть как раз те гласные с полной артикуляцией, которые не входят в тембровые классы. Таким образом, в современном английском языке подвижность раствора в процессе артикуляции звука связана, с одной стороны, с «полной артикуляцией», с другой стороны — с принадлежностью к определенному тембровому классу. Отсюда вытекает и принцип классификации гласных с подвижным раствором, а именно направление протекания артикуляции. Одни гласные с полной артикуляцией в своем протекании обнаруживают центростремительную, другие — центробежную направленность, иными словами, артикуляция одних протекает от точки, характеризующейся признаком определенного тембрового класса, в направлении к нейтральному центру¹, тогда как артикуляция других — в направлении к самому крайнему представителю определенного тембрового класса. Знаменательно, что *ɑ*: и *ɛ*:, не входящие в тембровые классы и, если можно так выразиться, занимающие центральное положение, имеют устойчивый раствор. У других гласных фонем английского языка с полной артикуляцией относительная степень раствора в начальный момент артикуляции поддается определению: фактически оба тембровых

¹ Ср. предложенный Пальмером и принятый Джоунзом термин «centring diphthongs».

класса¹ имеют три ступени полнотембренности. У гласных с центробежной направленностью такими ступенями в низком тембровом классе являются *uw* (= *u:*), *ou*, *au*, а в высоком тембровом классе — *ij* (= *i:*), *ei*, *ai*. У гласных с центростремительной направленностью первая ступень полнотембренности, очевидно, представлена *ʊə*, *ɪə*; ко второй ступени полнотембренности мы причисляем *ɜ:*, *ɛ:*, которые фактически имеют факультативные варианты *ɜə*, *ɛə*, но по своему фонологическому содержанию сами скорее должны трактоваться как реализация гласного с артикуляцией, которая меняется по направлению к нейтральному центру (**ə*); к третьей ступени полнотембренности, очевидно, надо причислить также фонемы, которые Джонс считает трифтонгами *aɪə*, *aɪə* и для которых в качестве факультативных вариантов он указывает *aə*, *ɔə* или *a:*, *ɔ:*². Поскольку максимально открытое *ɔ* не входит в тембровые классы, то вся английская система гласных фонем с полной артикуляцией может быть определена как «треугольная система с двумя тембровыми классами, четырьмя степенями раствора и неопределенным гласным». Однако ввиду того что в каждом тембровом классе различаются два направления артикуляции, общее число гласных фонем с полной артикуляцией выражается цифрой 14, а не 8.

	ɑ:	
au auə		aɪə ai
ou ə		ɛə ei
	ə:	
u: uə		iə i:

Что касается дифтонга *oi*, то все упомянутые выше исследователи, за исключением Лауренсона, рассматривают его как группу фонем. Доводы Лауренсона в пользу однофонемного характера *oi* не представляются нам вполне убедительными (см. Kemp M a l o n e, цит. раб., стр. 160, № 4)³.

Если в немецком литературном и в голландском языках лишь некоторые гласные с полной артикуляцией имеют подвижную сте-

¹ Из сказанного следует, что тембровые классы центростремительных гласных фонем следует определять по начальному моменту артикуляции, а тембровые классы центробежных гласных фонем — по конечному моменту. Тем самым устраняются возражения А. Лауренсона против включения фонемы «*au*» в низкий тембровый класс (о дифтонге *oi* ср. сказанное ниже).

² Само собой разумеется, что лишь односложные «*əə*», «*ɔə*» следует трактовать как однофонемные образования. В поэзии они рассматриваются как односложные сочетания (Daniel J o n e s, *An outline of English phonetics*, стр. 59). Конечно, только англичане могли бы решить, в какой мере в настоящее время является нормой такое односложное произношение. Если окажется, что это не так, то категория центростремительных гласных фонем будет иметь всего лишь три ступени полнотембренности.

³ Было бы желательно установить такую транскрипцию отдельных фонем, которая соответствовала бы существу дела с фонологической точки зрения. Так как *o*, *e* функционируют лишь в качестве начального момента артикуляции центробежных гласных фонем, а *ɜ*, *ɛ* — только как начальный момент артикуляции центростремительных гласных фонем, нет никакого смысла различать их графич-

пень раствора и, кроме того, только «центробежную артикуляцию», то в английском большинство гласных с полной артикуляцией характеризуется подвижностью степени раствора и, кроме того, противопоставлены друг другу направлением артикуляции. Возможно, что аналогичное положение существует и в некоторых других языках и диалектах, особенно в тех, просодическая структура которых основана на том же принципе, что и английская. Во всяком случае, во всех языках, имеющих большое число скользящих дифтонгов, всегда необходимо исследовать, не играют ли в них роль различия в направлении артикуляции, сходные с теми, которые наблюдаются в английском.

Г. Резонансные признаки

Если тембровые признаки и признаки полноты настолько тесно связаны между собою, что образуют своего рода «пучок», то резонансные признаки лежат совершенно в иной плоскости. «Резонансными» мы называем все «смыслоразличительные противоположения» между «чистыми» и «нечистыми» в каком-либо отношении гласными.

Наиболее распространенной является назальная корреляция и я¹. Во многих языках она затрагивает все гласные. Само собой разумеется, что назализованные гласные не должны быть при этом полностью тождественны неназализованным в отношении положения языка, губ и челюсти. Существенным во всех случаях является одинаковое положение в системе. Так, например, в бирманском языке долгие назализованные гласные второй и третьей степени полноты являются дифтонгами, тогда как соответствующие им неназализованные реализуются как монофтонги²:

		а		ã
неназализованные	о	ε	назализованные	ãu ãi
	о	е		õu õi
	и	ĩ		ũ ã

чески: написания о^ч, о^н, е^ч, е^н были бы вполне однозначными. Для третьей степени полноты можно было бы использовать знаки α^ч, α^н, а^ч, а^н, а первую ступень транскрибировать в виде u^ч, u^н, i^ч, i^н. Тем самым направление артикуляции было бы однозначно выражено надстрочными значками ^ч, ^н, а степени полноты и тембровые классы — буквами u, o, α, a, e, i.

¹ См. по этому поводу также A. I s a ċ e n k o, A propos des voyelles nasales, BSL, XXXVIII, 1937, стр. 267 и сл.

² J. R. F i r t h, Alphabets and phonology in India and Burma, «Bull. of the School of Oriental studies», VIII, стр. 534.

Во многих языках назальная корреляция затрагивает только часть системы. Чаще всего такая корреляция не распространяется на гласные средней ступени полнозвучности. Так обстоит дело в шотландском диалекте острова Барра (Гебридские острова)¹:

	а		
	ɔ æ		
неназализованные	о ø е		назализованные
	и у і		

Аналогичное явление имеет место в североалбанском²:

	а е			
	о ø е			
неназализованные	и у і			назализованные
			ĩ ÿ ĩ	

Иногда назализация затрагивает максимально узкие, а не средние гласные, как, например, во французском языке:

	а а			
	ɔ ε			
неназализованные	о ø е			назализованные
	и у і		ã	
			õ ø ě	

Во всех этих случаях назализованные гласные представлены во всех тембровых классах. Но есть языки с двухклассной системой гласных, где имеются только два назализованных гласных. Так, например, обстоит дело в юнтальском (юнском) говоре словенского языка в Каринтии (назализованные гласные: õ, ã)³ и в кашубских диалектах (назализованные гласные: õ, ã⁴ и т.д.). В других языках из сферы действия назализации исключены не определенные ступени полнозвучности, а определенные тембровые классы.

¹ Carl Hjalmar Borgström, The dialect of Barra in the Outer Hebrides, «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», VIII, 1935.

² G. S. Lowman, The phonetics of Albanian, «Language», VIII, 1932, стр. 281 и сл.

³ Ср. А. Исаченко, Les dialectes slovènes du Podjunje en Carinthie, «Revue des études slaves», XV, стр. 57 и сл.

⁴ Установленное А. Исаченко правило, согласно которому такие случаи наблюдаются лишь в языках с четырехугольной системой неназализованных гласных, следует пока что рассматривать как не вполне проверенную гипотезу. Правда, за эту гипотезу говорит многое, но имеющийся в нашем распоряжении материал пока весьма ограничен, чтобы окончательно подтвердить ее справедливость.

В центрально-китайском диалекте Сянтань (провинция Хунань) назализуются только нелабиализованные гласные¹:

	a					ǎ
неназализованные	o	e			назализованные	ẽ
	u	ü	ĩ			ĩ

В диалекте Мархфельд из сферы действия назализации исключены гласные среднего тембрового класса и гласные второй средней ступени подъема²:

	a				ǎ
	au	ǎü	ǎi		ǎü
неназализованные	o	õ	e	назализованные	ẽ
	u	ü	ĩ		ĩ

Следовательно, число назализованных гласных никогда не превышает числа неназализованных.

Бывает и так, что язык обладает только одним «назализованным гласным». Для такого гласного фонологически несущественны ни определенный тембровый класс, ни определенная ступень полноты звучности, ибо и то и другое может быть релевантным лишь при наличии противоположения другим назализованным гласным. Следовательно, окраска такого единственного назализованного гласного определяется консонантным окружением, а его степень раствора как признак вообще не существует. Иными словами, этот «неопределенный» назализованный гласный является не чем иным, как слоговым носовым, артикуляция которого ассимилируется (уподобляется) артикуляции следующего согласного. В записях текстов по африканским языкам, где имеются такие фонемы, они обычно обозначаются буквами m, n, ŋ и т.д. Однако весьма сомнительно, чтобы эта фонема действительно отождествлялась с m, n и т.д. Надо иметь в виду, что в большинстве рассматриваемых языков вообще отсутствуют сочетания согласных (в крайнем случае допустимы лишь сочетания «шум-

¹ Ср. Е.Н. и А.А. Драгуновы, К латинизации диалектов Центрального Китая, «Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук», 1932, № 3, стр. 239 и сл. Приведенная выше схема составлена на основании фонетического описания Драгуновых. Большинство гласных реализуется как дифтонги: u является очень узким o с повышающимся сужением; после сибилантов и апикальных оно является совершенно нелабиализованным, а в прочих положениях произносится с лабиализацией лишь в своей начальной части; конец гласных o и e является более открытым, нежели их начало (oo, ea); u, ü представляют собой типичные «жужжащие» (гингивальные) гласные, которые свойственны многим китайским диалектам.

² Ср. Anton P f a l z, Die Mundart des Marchfeldes, «Sitzungsber. Wien. Akad., phil.-hist. Kl.», CLXX, № 6, 1912; ср. также TCLP, IV, стр. 101 и сл.

ный + плавный»), в силу чего данная фонема может выступать в качестве члена смыслоразличительной оппозиции лишь по отношению к гласным фонемам, тогда как *m*, *n* и др. находятся в непосредственно оппозитивных отношениях лишь с другими согласными. Кроме того, «слоговой носовой» в рассматриваемых африканских языках имеет те же самые тональные различия, что и гласные. Все это говорит о том, что «слоговой носовой» в языке ибо в таких случаях, как *mbe* «черепаха» (два слога: *m* в высоком тоне, *e* в низком тоне), можно понимать как «неопределенный назализованный гласный». Однако и при таком истолковании остаются известные трудности. В самом деле, в таких языках, как ибо, эфик, ганда, ламба и др., где вообще нет назализованных гласных и неназализованного неопределенного гласного, «слоговой носовой» хотя и находится в оппозитивных отношениях к гласным, однако эти отношения всегда являются многомерными. «Слоговой гласный» в указанных языках можно, пожалуй, рассматривать как «неопределенный гласный вообще», а его назализацию — как фонетический признак, не существенный с фонологической точки зрения. Наоборот, в таких языках, как эве, йоруба, фанте и др., где корреляция по признаку назализации захватывает всю систему, «слоговой носовой» включается в систему назализованных гласных, благодаря чему возникает удивительное положение: система назализованных гласных оказывается на одну фонему богаче системы неназализованных гласных, а это противоречит всему тому, что мы знаем о назальной корреляции.

Назальная корреляция является действительно наиболее распространенной, но не единственной резонансной корреляцией. Однако при современном состоянии наших знаний весьма трудно сказать, какое число резонансных корреляций, помимо назальной корреляции, еще существует. Ведь языки, где имеют место смыслоразличительные противоположения «чистых» и «нечистых» в каком-либо отношении гласных, являются «экзотическими», и те сведения, которые мы находим относительно этих языков у исследователей (скорее этнографов, нежели лингвистов по своему образованию и интересам), в большинстве случаев являются весьма недостоверными¹. С такой оговоркой мы и употребляем ниже термин «корреляция помутнения» (или «противоположение по признаку помутнения»), не уточняя более это понятие и не входя в рассмотрение того, являются ли эти корреляции в разных языках одними и теми же или разными.

В последнее время исследование фонетической стороны этой проблемы сделало значительные успехи, по крайней мере в отношении афри-

¹ Так, например, В.Г. Богораз, наблюдавший эти «помутненные» гласные в чукотском языке, говорит, что они произносятся с «гортанным усилением», которое «соответствует более подчеркнутой интонации» («Языки и письменность народов Севера», III, 12).

канских языков. Панкончелли-Кальция подверг в свое время в Гамбурге инструментально-фонетическому исследованию «чистые» и «мутные» гласные нилотских языков; материалом для этого исследования послужило произношение Такера. Оказалось, что при так называемых сжатых (или «сдавленных» [*squeezed*]) гласных задняя стенка глотки сжата, а нёбная занавеска опущена, что, однако, не облегчает прохода воздуха через нос. При «придувных» (*breathy*) гласных нёбная занавеска поднята, задняя стенка глотки оттянута назад, а гортань явно опущена, в результате чего за полостью рта образуется полое пространство (причем голосовая щель занимает, очевидно, то же положение, что и при шепоте)¹.

Ида Уорд провела аналогичные наблюдения над языком абуа в южной Нигерии: и здесь речь идет о противоположении гласных с сомкнутым фарингсом и «пустого» («полого») звучания, вызванного открытой глоткой². Как кажется, то же фонетическое основание для корреляции помутнения можно установить и для некоторых новоиндийских языков. Во всяком случае, Фирт говорит и здесь о противоположении «tight» и «breathy phonation»³. Наоборот, фонетическая сущность помутнения гласного в некоторых западнокавказских языках, если исходить из описаний Дирра, остается совершенно неясной. О соответствующих гласных табасаранского языка говорится, что их произношение связано с ларингальным шумом трения и что при их образовании в отличие от образования других гласных наблюдается более энергичный выдох⁴. О соответствующих гласных агульского языка сказано, что при их произношении сжимается гортань, что вызывает легкий ларингальный шум трения⁵.

Подобно назальной корреляции, «корреляция помутнения» распространяется либо на всю систему гласных, либо лишь на определенную часть этой системы. Первое, видимо, имеет место в нуэр (нилотский язык в египетском Судане⁶), а возможно, и в других языках нилотской группы. В языке абуа (согласно Уорд) корреляция помутнения затрагивает лишь гласные е, о, а в табасаранском языке (по Дирру) — лишь гласные и, а; то же самое, по-видимому, можно сказать и об агульском языке, где «помутненное» и реализуется как особого рода о (тогда как непомутненное о в исконно агульских словах не встречается как фонема). Эти случаи

¹ A. N. Tucker, The function of voice quality of the Nilotic languages (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, стр. 125 и сл.).

² Ida C. Ward, Phonetic phenomena in African languages, «Archiv für vergl. Phonet.», I, 1937, стр. 51.

³ J. R. Firth, Phonological features of some Indian languages (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, стр. 181).

⁴ А. Дирр, Грамматический очерк табасаранского языка, «Материалы для описания местностей и племен Кавказа», XXXV, 1905, отд. III, 2.

⁵ А. Дирр, Агульский язык, там же, XXXVII, 1907, отд. III, 2.

⁶ J. P. Grazzolari, Outlines of a Nuer grammar (Linguistische Bibliothek «Anthropos», XIII, 1933, 3).

можно сопоставить с упомянутыми выше в языках, имеющих две назализованные гласные фонемы.

Во всех резонансных оппозициях нужно особенно помнить о правилах однофонемной и многофонемной оценки звуков. Очень часто фонетически назализованные гласные оказываются всего лишь реализацией фонемного ряда «гласный + носовой», а гласные, сопровождаемые ларингальным шумом, — лишь реализацией сочетания какой-либо гласной фонемы с ларингальным согласным.

4. Консонантные признаки

А. Локальные признаки

Нет ни одного языка, в котором локальные признаки согласных были бы фонологически несущественными. Правда, во многих языках встречаются единичные согласные, лишенные фонологически значимых локальных признаков, но такие согласные занимают всегда особое положение в системе как раз потому, что они являются отклонением от «нормы». С фонологической точки зрения несколько согласных в одном языке могут оказаться сходными, поскольку они характеризуются одним и тем же локальным признаком (такие согласные отличаются в этом случае друг от друга либо по признаку преодоления преграды, либо по резонансному признаку). Совокупность всех согласных, обладающих одним и тем же смыслоразличительным локальным признаком, образует локальный ряд, безразлично, состоит ли этот ряд из многих согласных или всего-навсего из одного-единственного согласного. Отдельные локальные ряды в системе согласных соотносятся друг с другом как члены того или иного противоположения.

а) Основные ряды

Основными мы называем локальные ряды, относящиеся друг к другу как члены гетерогенной многомерной оппозиции. Некоторые ряды встречаются почти во всех языках мира. Таковыми являются гуттуральные («дорсальные»), апикальные («дентальные») и лабиальные. Языки без апикальных нам вообще не известны; гуттуральные отсутствуют в некоторых словенских диалектах Каринтии; лабиальных нет в языке тлингит (Аляска); однако все это крайне редкие случаи; как правило, три названных локальных ряда встречаются в каждом языке мира. Это обстоятельство далеко не случайно и, безусловно, как-то основывается на свойствах самих рядов. Основание проще всего усмотреть в том, что губы, кон-

чик и спинка языка являются теми подвижными органами, которые наилучшим образом приспособлены для образования преград в полости рта. Характерным для лабиального ряда является смыкание губ, для апикального ряда — участие кончика языка при распластанной спинке языка и переднем месте образования и, наконец, для гуттурального ряда — участие спинки языка при сжатом в комок языке и заднем месте образования¹. Эти три уклада органов речи можно рассматривать как «самые естественные», но никоим образом не «врожденные», поскольку, как известно, данные уклады органов речи усваиваются детьми с трудом, а звуки, которые они производят в период детского лепета, имеют лишь отдаленное сходство с лабиальными, апикальными и гуттуральными. Три названных типа согласных «естественны» в том отношении, что их возникновение происходит наиболее простым и наиболее естественным образом с помощью подвижных частей в полости рта, благодаря чему решается задача образования индивидуализированных и четко отличающихся друг от друга шумов. Этим можно объяснить и их повсеместное (или почти повсеместное) распространение в мире.

Столь же всеобщим является и сибилантный ряд согласных. Автору настоящей работы известен всего лишь один язык без сибилантного ряда — это восточный нуэр в Судане. От апикальных с распластанным языком и от гуттуральных со сжатым в комок языком сибиланты отличаются желобчатой формой языка, благодаря чему поток воздуха приобретает особое направление, вызывающее специфический акустический эффект. Поскольку верхняя и нижняя части резонирующего полого пространства при сибилантах и апикальных примерно сходны, эти два локальных ряда обнаруживают известное родство и при известных обстоятельствах во многих языках объединяются в один ряд.

Помимо указанных выше широко распространенных четырех локальных рядов, в отдельных языках имеются еще и другие основные ряды. Одним из них является л а т е р а л ь н ы й, выступающий в качестве особого локального ряда во многих североамериканских и некоторых африканских языках (зулу, педи, гереро, сан-

¹ Акустический эффект, который при этом возникает, вызывается в лабиальном ряду — главным образом ударом воздушной струи о мягкую, широкую, но относительно короткую поверхность губ; в апикальном ряду — резонансом полого пространства, ограниченного снизу распластанным языком, а сверху и сзади твердым и мягким небом, в гуттуральном ряду — резонансом полого пространства, образуемого снизу и сзади округленной верхней поверхностью сжатого в комок языка и нижними зубами, а сверху — верхними зубами, твердым небом и при определенных обстоятельствах — передней частью мягкого неба.

даве и т.д.)¹. Промежуточное положение между гуттуральным и лабиальным занимает тот ряд, который обычно именуют «лабиовелярным». Насколько нам известно, самостоятельно он встречается только в так называемых суданских языках и, видимо, в некоторых японских диалектах. Он характеризуется одновременной лабиальной и гуттуральной смычкой; поэтому мы предпочли бы называть его л а б и о г у т т у р а л ь н ы м. Промежуточное положение между гуттуральным и апикальным рядами занимает п а л а т а л ь н ы й ряд, представленный во многих языках мира. В большинстве языков его можно рассматривать как основной ряд; однако в некоторых языках он выступает по отношению к гуттуральному и апикальному рядам в качестве члена одномерной оппозиции. Различна в разных языках и фонетическая реализация палатального ряда². Наконец, в качестве основного ряда, равноправного с другими основными рядами, следует рассматривать и ларингальный ряд по крайней мере в отношении ряда тех многих языков, где он встречается. Таким образом, помимо четырех универсальных (или почти универсальных) основных рядов (лабиального, гуттурального, апикального и сибилантного), есть еще четыре других, менее распространенных ряда: латеральный, лабиогуттуральный, палатальный и ларингальный.

Фонологическое понятие локального ряда не следует смешивать с фонетическим понятием места образования. Так, например, в чешском языке звонкий ларингальный *h* и глухой гуттуральный *x* (*ch*) являются членами нейтрализуемой оппозиции; это противоположение совершенно аналогично противоположению «звонкий — глухой». Но, с другой стороны, *x* противопоставит *k* как член

¹ Характерным для этого ряда является образование резонирующего пространства по бокам языка (почему латеральные согласные можно назвать «язычно-щечными звуками»). Язык при этом может иметь как распластанную форму с направленным вперед кончиком языка, так и сжатую в комок форму с поднятой в средней или задней части ротовой полости спинкою языка. Для латеральных как самостоятельного локального ряда все это фонологически несущественно. Но в языках, где нет самостоятельного латерального ряда, наличие латеральной резонирующей полости у отдельных звуков оказывается несущественным, и тогда эти звуки выступают как реализация фонем апикального или гуттурального ряда.

² Характерным, во всяком случае, всегда остается сжатый в комок язык и переднее место образования. Акустически можно выделить несколько типов палатальных: «более *kj*-образные», «более *tj*-образные», палатальные, занимающие промежуточное положение между создающими «*ki*-образный» и «*ti*-образный» эффект звуками, ассимилированные палатальные и т.д. Ср. E. Š r á m e k, *Le parler de Boboščica en Albanie*, «Rev. d. Ét. Sl.», XIV, 1934, стр. 184 и сл. Обстоятельную фонетическую классификацию дает О. Брок (O. B r o c h, *Slavische Phonetik*, § 15, стр. 20—22).

одномерной пропорциональной оппозиции ($x : k=s : c-\check{s} : \check{c}$). Следовательно, чешское h относится не к особому ларингальному ряду, которого в этом языке и не существует, а к гуттуральному ряду, для которого существенным с точки зрения чешской фонологической системы является только неучастие губ и кончика языка¹. В гренландском эскимосском² «партнерами» спирантов являются смычные того же локального ряда: $s-c$, $x-k$, $\check{x}-q$, $f-p$; и только латеральный спирант λ не имеет «партнера» в соответствующем смычном. Но, поскольку, с другой стороны, апикальный смычный t не имеет однозначного соответствия в спиранте, его следует считать «смычным партнером» латерального спиранта λ ; это значит, что движение воздушной струи по бокам языка при образовании λ является несущественным признаком в этом языке; релевантной оказывается только его апикальная артикуляция. Примеры подобного рода можно было бы приумножить: Об особом латеральном, палатальном или ларингальном ряде в фонологическом смысле можно говорить только тогда, когда соответствующие фонемы не образуют пропорциональной одномерной оппозиции ни с одной фонемой другого локального ряда. Там, где (как в приведенных выше примерах) согласные разного места образования противостоят друг другу как члены одномерной оппозиции, и там, где эта оппозиция пропорциональна аналогичным отношениям между фонемами одного локального ряда (чеш. и слов. $h-x = z-s = \check{z}-\check{s}$, гренл. $t-\lambda = p-f = k-x = q-\check{x} = c-s$), там оба члена данной оппозиции следует причислить к одному локальному ряду. С этим не следует смешивать те случаи, когда два локальных ряда относятся друг к другу как члены одномерной оппозиции.

б) Эквивалентные близкородственные ряды

Каждый из перечисленных выше основных рядов противостоит любому другому основному ряду как член многомерной оппозиции. Однако в определенных языках вместо некоторых основных рядов встречаются два ряда, которые относятся друг к другу как члены одномерной эквивалентной оппозиции. Вместо одного-единственного лабиального ряда, который характеризуется участием

¹ Ср. N.S. Trubetzkoy, Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen, «Miletič-Festschrift», 1933, стр. 267 и сл.; а о словацком $h = L'$. Novák, Fonologia a študium slovenčiny, «Spisy jazykového odboru Matice slovenskej», II, 1934, стр. 18.

² Ср. William Thalbitzer, A phonetical study of the Eskimo language, «Meddelelser om Grønland», XXXI, стр. 81.

нижней губы, возможны два ряда: билабиальный и лабиодентальный; оба они являются лабиальными и вместе с тем отличными друг от друга рядами. Так обстоит, например, дело в литературном немецком, где билабиальный ряд представлен фонемами *b*, *p*, *m*, а лабиодентальный — фонемами *w*, *f*, *pf*. Более ярким примером служит язык шона (Родезия), где в билабиальном ряду смычные *p*, *b* противостоят спланту *β*, а в лабиодентальном ряду смычные (аффрикаты) *p̣*, *ḅ* — спланту *v*¹. Во многих языках единственный апикальный ряд, для которого характерно участие кончика языка, замещается двумя рядами, один из которых характеризуется более высоким, а другой — более низким положением кончика языка. В одном случае эти два ряда реализуются в виде противоположения «ретрофлексного» апикального и «плоского»², в другом — в виде противоположения «альвеолярного» и «интердентального»³ и в третьем, наконец, — в виде противоположения «дентального» и «переднепалатального»⁴. В любом случае, однако, отношение остается одним и тем же: в первом ряду кончик языка приподнят несколько выше, чем во втором. Многие языки вместо одного гуттурального ряда, для которого характерным является участие в артикуляции спинки языка, имеют два дорсальных ряда: передний (преддорсальный) и задний (постдорсальный). Этим отличаются многие североамериканские языки (например, квакиутл, тлингит, хайда), эскимосский, алеутский и так называемые палеоазиатские языки: чукотский (луораветланский), коряцкий (нымыланский), камчадалский (ительменский), гиляцкий (нивхский), кетский (енисейско-остяцкий), а также все кавказские наречия. Возможен и другой случай, когда, как, например, в тигре (Абиссиния)⁵, друг другу противопоставлены лабиализованный и нелабиализованный гуттуральные ряды. Один-единственный сибилантный ряд может быть замещен свистящим и шипящим рядами. Такое «расщепление» сибилантного ряда особенно широко распространено в европейских языках: английском, французском, немецком, ита-

¹ Ср. Clement M. D o k e, A comparative study in Shona phonetics, Johannesburg, 1931.

² Например, во многих африканских языках, таких, как суахили (диалект мамбара), гереро и т.д. (см. С. Meinhof, Grundriß einer Lautlehre der Bantusprachen, Berlin, 1910), а также в ряде языков Индии как арийских, так и дравидийских.

³ Например, в нуэр и динка (Судан); ср. J.P. Crazzola, Outline of Nuer grammar (Linguist. Bibliothek «Anthropos», XIII) и A.N. Tucker, The comparative phonetics of Suto-Chuana group of Bantu-languages, London, 1929.

⁴ Например, в чешском или в венгерском (см. ниже).

⁵ Ср. J. S c h r e i b e r, Manuel de la langue Tigraï, Wien, 1887.

льянском, венгерском, албанском, румынском, литовском, латышском, во всех славянских языках. Это явление широко распространено и в других частях света. Наконец, ларингальный ряд, который характеризуется пассивным укладом всех органов в полости рта, может быть замещен двумя рядами: собственно ларингальным и фарингальным; примером могут служить язык сомали, семитские и некоторые северокавказские языки.

Что касается палатального ряда, то в некоторых языках он является членом одномерной оппозиции по отношению либо к апикальному, либо к дорсальному ряду; в этом случае его следует рассматривать либо как «апикальный ряд с кончиком языка, направленным вниз», либо как «передний дорсальный ряд». Одномерный характер такой оппозиции объективно доказывается ее нейтрализацией. В чешском, словацком, венгерском и сербохорватском, где противоположение дентальных и палатальных нейтрализуется, оба этих ряда можно рассматривать как результат «расщепления» апикального ряда. В центрально-китайском диалекте Сянтань (провинция Хунань), где противоположение веллярных и палатальных в определенных положениях (перед *и, а, i, ä, ī*) нейтрализуется¹, оба ряда следует рассматривать как результат «расщепления» дорсального ряда.

Во всех рассмотренных выше случаях речь идет, таким образом, о расщеплении основного ряда на два «близкородственных», которые относятся друг к другу как члены одномерной оппозиции, а к прочим локальным рядам — как члены многомерной оппозиции. Однако следует подчеркнуть, что о расщеплении основного ряда речь может идти только в случае, если этого требует контекст всей системы. Очень часто место образования спирантов не совпадает с местом образования соответствующих смычных. Так, например, в новогреческом имеются, с одной стороны, билабиальные, постдентальные, дорсальные и сибилантные смычные (*π, τ, κ, τσ*), а с другой стороны, лабиодентальные, интердентальные, дорсальные и сибилантные спиранты (*φ, θ, χ, σ, β, δ, γ, ζ*). Выходит, таким образом, что по месту образования смычные соответствуют спирантам лишь в дорсальном и сибилантном рядах. Но поскольку отношения *κ:χ* и *τσ:σ* параллельны отношениям *π:φ* и *τ:θ*, то неполное совпадение места образования спирантов *φ, θ* с местом образования соответствующих им смычных *π, τ* является фонологически несущественным. «Расщепления ряда» здесь нет, но зато

¹ Ср. Е.Н. и А.А. Драгуновы, К латинизации диалектов Центрального Китая, «Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук», 1932, № 3, стр. 239 и сл.

несколько шире трактуется понятие места образования: вместо «билабиального» и «лабиодентального» рядов мы говорим здесь просто о «лабиальном» ряде (характеризующемся участием нижней губы), а вместо «постдентального» и «интердентального» рядов — об «апикальном» ряде (характеризующемся участием кончика языка). Однако во французском языке, где лабиодентальные спиранты *f*, *v* и билабиальные смычные *p*, *b* с фонетической точки зрения произносятся примерно так же, как новогреческие *φ*, *β*, *π*, *μ*, говорить об одном лабиальном ряде все же нельзя: ведь в системе согласных французского языка нет такой пары фонем, где противоположение «спирант : смычный» выступало бы в чистом виде (то есть примерно так, как в новогреческом: *χ* : *κ*, *σ* : *τσ*)! Следовательно, для французского языка необходимо принять два локальных ряда: билабиальный и лабиодентальный; оба они относятся друг к другу как члены одномерной оппозиции, оставаясь вместе с тем различными рядами¹.

Почему происходит расщепление основного ряда на близкородственные ряды? Существует ли какой-либо артикуляторный или акустический признак, служащий целям дифференциации основного ряда на два близкородственных? Или, может быть, каждая пара близкородственных рядов имеет свой особый дифференциальный признак? Как нам кажется, здесь играют роль два акустических дифференциальных признака, которые распределяются по разным рядам. Многие ряды расщепляются на «яркие» и «тусклые» согласно классификации и терминологии Р. Якобсона. Особенно отчетливо это противоположение проявляется у фрикативных (спирантов) соответствующих рядов; при этом яркий спирант воспринимается на слух лучше, чем соответствующий ему тусклый. Так, например, яркий лабиодентальный *f* является более внятным, чем тусклый билабиальный *p*, яркий фарингальный *ħ* более внятен, нежели тусклый ларингальный *h*, яркий заднеязычный *χ* воспринимается на слух лучше, чем тусклый переднеязычный *x*, и, наконец, яркий *š* более внятен, чем тусклый *s* (хотя последний в свою очередь более внятен, нежели все прочие перечисленные выше

¹ На том же основании следует говорить о противоположении смычных и спирантов во французском языке: одни места образования связаны здесь с полным сближением соответствующих органов в полости рта (а именно положения *p*, *t* и *k*), другие — с неполным сближением (а именно положения *s*, *š* и *ħ*); однако степень сближения во французском языке нельзя отрывать от места артикуляции. Поэтому классификацию согласных фонем французского языка, данную Г. Гутенемом, мы считаем спорной (см. его «*Éléments de phonologie française*», Strasbourg, 1935, стр. 41 и сл.).

тусклые спиранты)¹. Это, однако, не объясняет всех случаев расщепления основного ряда на близкородственные. Расщепление апикального ряда происходит в результате изменения объема и формы двух резонирующих полостей, одна из которых лежит перед местом образования данного ряда, а другая — позади него. Расщепление гуттурального ряда на велярный и палатальный происходит ввиду изменения длины передней резонирующей полости; то же можно сказать и о расщеплении гуттурального ряда на собственно гуттуральный и лабиализованно-гуттуральный. Поскольку удлинение резонирующей полости акустически выражено понижением характерного тона, а укорочение той же полости — повышением этого тона, то возникает возможность за дифференцирующий признак принять относительную высоту характерного тона. Это, однако, могло бы быть справедливым лишь в отношении расщепления гуттурального ряда. Что же касается апикального ряда, то здесь дело обстоит не так просто, поскольку в данном случае мы имеем дело с двумя резонирующими полостями (передней и задней), удлинение и укорочение которых происходят несогласованно. При этом с акустической точки зрения, помимо объема, здесь играет роль также и форма резонирующей полости. Очевидно, к решению проблемы можно приблизиться путем рассмотрения предельного случая, а именно так называемых ретрофлексных (именуемых также «церебральными» или «какуминальными») в их отношении к альвеолярным или постдентальным. Акустически ретрофлексный можно определить как п о л ы й з в у к; обычные дентальные противопостоят ему по акустическому впечатлению как п л о с к и е з в у к и. Однако следует заметить, что то же самое отношение «полого» к «плоскому» существует и между лабиализованно-гуттуральными и собственно гуттуральными согласными (наряду с отмеченным выше различием по характерному тону). К этому же дифференцирующему признаку (конечно, не столь четко) могут быть сведены и противоположения велярных и палатальных («заднепалатальных»), «дентальных» и «дентально-палатальных», а также, возможно, альвеолярных и интердентальных.

Следовательно, во всех случаях, где основной ряд расщепляется на два близкородственных ряда, дифференциальным признаком этих рядов, видимо, является либо противоположение «яркого» и «тусклого», либо противоположение «полозвучащего» и «плоскзвучащего». Оба противоположения являются эквиполентными.

¹ Отсюда ясно, что даже там, где не наблюдается расщепления основных рядов, спиранты лабиального ряда реализуются как f, а гуттурального ряда — как x (например, в голландском).

Оппозитивное отношение между лабиальным, апикальным, дорсальным, сибилантным, ларингальным, латеральным, палатальным и лабиовелярным рядами является многомерным (и, сверх того, гетерогенным). Расщепление основных рядов дает два близкородственных ряда, которые относятся друг к другу как члены одномерной оппозиции: лабиодентальный — билабиальный, заднеязычный — переднеязычный и т.д. Имеются, однако, случаи, когда основной ряд расщепляется не на два, а на три ряда, причем эти ряды относятся друг к другу как члены г р а д у а л ь н о й оппозиции. Такие случаи исключительно редки. Нам известны только следующие примеры: а) в трех североамериканских языках — цимшиан, чинук и хупа — имеются три гуттуральных ряда: задневелярный, передневелярный и (задне)палатальный¹; б) в двух северокавказских языках — кабардинском² и удинском³ — имеются три сибилантных ряда: ряд «s», ряд «š», ряд «ṣ̌»; последний фонетически занимает промежуточное положение между первыми двумя рядами; к тому же типу принадлежит, очевидно, и нижнелужицкий язык, в котором наряду с s и š имеется еще звук ṣ̌, занимающий промежуточное положение между первыми двумя звуками⁴. Легкую i-образную окраску среднего сибилантного ряда в кабардинском и нижнелужицком можно рассматривать как сопутствующий фонологически несущественный признак; в этом случае к данному типу можно было бы причислить табасаранский (Дагестан)⁵ и шона (Родезия)⁶, хотя в этих языках промежуточный сибилантный ряд имеет u-образную и ü-образную окраску⁷. Как мы видим, число примеров крайне невелико. Разумеется, картина выглядела бы совершенно иначе, если бы сюда можно было причислить третью группу языков с градуальным расщеплением основного апикального ряда на три близкородственных. Многие языки, которым известно фонологическое противоположение ретрофлексных и плоских или альвеолярных и интердентальных апикальных обладают, кроме того, палатальным рядом. При многозначном характере палатальных не исключена возможность трактовки трех рядов (ретрофлексного, плоского и палатального или альвеолярного, интерденталь-

¹ См. «Bulletin of the Smithsonian inst. Bureau of ethnology», XL.

² Ср. Н. Яковлев, Таблицы фонетики кабардинского языка, «Труды подразделения исследования северокавказских языков при Институте востоковедения» I, 1923.

³ Ср. A. Schiefner, Versuch über die Sprache der Uden, St. Petersburg, 1863. А. Дирр, Удинская грамматика, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XXXIII, 1904.

⁴ Ср. К.Е. Мукке, Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, Leipzig, 1891, стр.151 и сл.

⁵ Ср. N.S. Trubetzkoy, Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen «Caucasica», VIII

⁶ Ср. Clement M. D o k e, A. Comparative study in Shona phonetics, Johannesburg 1931

⁷ Впрочем, не исключено, что шипящий ряд в шона является не близкородственным рядом для двух других сибилантных рядов, а самостоятельным п а л а т а л ь н ы м рядом.

ного и палатального) как различных ступеней подъема или опускания кончика языка. Объективно это можно было бы показать только там, где противоположение палатального и одного из двух апикальных рядов было бы нейтрализуемым и, следовательно, одномерным. Но, как кажется, ничего похожего нет ни в соответствующих африканских языках (гереро, нуэр, динка), ни в новоиндийских и дравидийских языках. Что же касается древнеиндийского (санскрита), где противоположение «палатальных», «дентальных» и «церебральных» в определенных положениях нейтрализуется, то следует заметить, что противоположение это присуще не только апикальным, но и сибилантам, вследствие чего его скорее надо трактовать как пучок тембровых корреляций (см. ниже). Таким образом, область градуальных расщеплений основного ряда можно считать весьма ограниченной.

е) Ряды с дополнительной артикуляцией

Во многих языках основные и близкородственные ряды распадаются еще на таких два ряда, которые относятся друг к другу как члены п р и в а т и в н о й оппозиции; поскольку эта оппозиция является не только привативной, но и пропорциональной, она в конечном счете оказывается корреляцией. Артикуляция здесь заключается в том, что в одном локальном ряду (а именно немаркированном) органы речи занимают нормальное для данного основного и близкородственного ряда положение, тогда как в другом локальном ряду (а именно маркированном) то же самое положение органов речи сочетается еще с особой д о п о л н и т е л ь н о й р а б о т о й тех органов (или их частей), которые не участвуют непосредственно в основной работе. Акустическим следствием этого является либо определенная окраска (своего рода вокалический характерный тон), либо шелкающий шум. Таким образом, все корреляции, возникающие из противопоставления д о п о л н и т е л ь н ы х рядов соответствующим им основным и близкородственным рядам, подразделяются на тембровые и авульсивные.

а) В случае консонантной т е м б р о в о й корреляции к локальному ряду (основному или близкородственному) присоединяются две противоположные «окраски», одна из которых является «нейтральной» (то есть немаркированной). Поскольку такое присоединение повторяется во многих (иной раз даже во всех) локальных рядах, соответствующие «окраски» абстрагируются от отдельных локальных рядов и мыслятся независимыми от них. Различается несколько типов тембровых корреляций в зависимости от того, какая окраска является признаком корреляции.

Пожалуй, наиболее распространенной является к о р р е л я ц и я п а л а т а л и з а ц и и, то есть противоположение согласного с нейтральной окраской и согласного, имеющего i-образную

(или j-образную) окраску. В качестве единственной тембровой корреляции она встречается в гаэльском, польском, литовском, русском, украинском, молдавском, мордовском, японском и других языках¹. Область распространения ее внутри консонантной системы, однако, не везде одинакова: в японском и литовском она охватывает все локальные ряды, а в украинском и мордовском — только апикальный и сибилантный ряды. Отдельные языки, в которых эта корреляция встречается, весьма отличаются друг от друга также и в отношении фонетической реализации палатализованных согласных. Однако принцип всюду остается одним и тем же; палатализованный согласный имеет i(или j)-образную окраску, которая сочетается с другими признаками этого согласного, тогда как соответствующий ему непалатализованный согласный лишен этой окраски; i-образная окраска палатализованного согласного возникает благодаря подъему средней части языка к твердому нёбу, чтобы особенно резко оттенить это противоположение, задняя часть языка при образовании непалатализованных согласных часто приподнимается к мягкому нёбу².

Это смещение языка вызывает нередко вторичные изменения в артикуляции, в результате чего палатализованные согласные иногда отличаются от соответствующих им непалатализованных не только «окраской», но и особыми артикуляторными признаками. Однако с точки зрения фонологической системы данного языка все эти вторичные различия в артикуляции несущественны, хотя они-то чаще всего и поражают иностранца. Противоположение палатализованных и непалатализованных оказывает часто сильное влияние и на реализацию окружающих гласных; иностранец порой замечает только комбинаторные варианты гласных, совершенно не воспринимая тембровых различий согласных. Однако это является aberrацией слуха, которая, впрочем, наблюдается довольно часто и при восприятии других тембровых корреляций согласных. В языке, где есть корреляция палатализации, в любом случае самым существенным признаком является «окраска» (тембр) согласного. Среди всех прочих артикуляторных признаков во внимание принимаются только признаки, общие данному согласному и его «партнеру». Из этого, между прочим, следует, что в таком языке палатальный ряд едва ли возможен как автономный: он обычно и трактуется как «палатализованный апикальный» или как «палатализованный гуттуральный». В нашем исследовании «Polabische Studien» мы допустили существование в полабском языке, с одной стороны, кор-

¹ Ср. Р. Якобсон, К характеристике евразийского языкового союза, Париж, 1931, где перечисляются евразийские (то есть восточноевропейские и североазиатские) языки с корреляцией палатализации, а также TCLP, IV, стр. 234 и сл., и Actes du IVème Congrès international de linguistes.

² Хорошее фонетическое описание процесса палатализации дает А. Томсон; см. «Записки ист.-фил. відділу Укр. АН», XIII—XIV, 1927, стр. 253—263.

редянии палатализации, а с другой стороны, автономного палатального ряда. Такое допущение было ошибочным. Противоположение гуттуральных *k*, *g* и палатальных «*ħ*», «*ǰ*» в полабском подвергалось в определенных положениях нейтрализации (*k* и *g* не встречались перед гласными переднего ряда, а «*ħ*» и «*ǰ*» — перед согласными и в исходе слова), а так как в других локальных рядах господствовала корреляция палатализации, то полабские палатальные можно рассматривать как «палатализованные гуттуральные» (и, таким образом, фонологически записывать так: *g'uNspa* «десна», *g'olü* «дело», *K'ostü* «често», *K'omä* «тьма», *k'arl* «муж», *k'edä* «где», *g'öga* «гора», *k'ün* «конь» и т.д.).

От простой корреляции палатализации следует отличать эмфатическую корреляцию палатализации, которая встречается в ряде языков восточного Кавказа (чеченском, ингушском, бацбийском, лакском, удинском)¹. Как кажется, при эмфатической палатализации сокращение резонирующей надставной трубы достигается главным образом путем поднятия гортани, которое сопровождается продвижением языка вперед. Благодаря особому положению гортани во время артикуляции эмфатического палатализованного согласного возникает специфический «хриплый» шум трения, который распространяется и на окружающие гласные; благодаря своеобразному смещению языка окружающие гласные приобретают более высокий тембр и, видимо, более открытое произношение: *i* имеет склонность произноситься как *e*, а — как *æ*, *u* — как *ö*. Иностранец склонен замечать только эти побочные явления; он слышит после согласного хриплый ларингальный глайд и хриплое, более высокое и открытое произношение окружающих гласных. Однако для фонологической системы данного языка все эти вторичные явления несущественны: основной здесь является лишь специфическая окраска согласного (которую иностранец начинает замечать лишь после длительной выучки).

Как уже говорилось, в языках с простой корреляцией палатализации палатальный ряд не может быть автономным, поскольку он неизбежно расценивается как «палатализованный апикальный» или «палатализованный гуттуральный». Подобным же образом и в тех языках, где есть корреляция эмфатической палатализации, надгортанный ряд расценивается как «палатализованный ларингальный».

От эмфатической корреляции палатализации необходимо отличать эмфатическую корреляцию веларизации, которая играет большую роль в семитических языках, осо-

¹ Cp. N.S. T r u b e t z k o y, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, «Caucasica», VIII.

бенно в арабском. Арабские «эмфатические» согласные характеризуются «набуханием» корня языка, что вызывает одновременное смещение гортани. Противоположение «эмфатических» и «неэмфатических» согласных имеет место в апикальном, гуттуральном, сибилантном и ларингальном рядах. Во всех случаях оно сопровождается особым смещением места произношения (артикуляционной базы): «эмфатические» апикальные не только веляризованы (в указанном выше смысле), но и альвеолизованы в противоположность постдентальным неэмфатическим апикальным; у эмфатических сибилантов кончик языка поднят выше, чем у соответствующих неэмфатических; эмфатические гуттуральные являются заднеязычными и даже увулярными, тогда как неэмфатический *k* является переднеязычным или палатальным, а его звонкий «партнер» в известных египетско-суданских диалектах — «периферийно-палатальным» (*gandpalatal*); наконец, эмфатические ларингальные представляют собой скорее фарингальные, тогда как соответствующие им неэмфатические — чисто глоттоларингальные¹. Однако эти дополнительные различия по месту произношения принимать во внимание не следует, поскольку в фонологической системе арабского языка эмфатически-веляризованные согласные образуют замкнутую категорию, противостоящую категории неэмфатических согласных. Есть, однако, одно обстоятельство, связанное с корреляцией эмфатической веляризации в арабском языке, которое остается неясным. Дело в том, что она охватывает не все согласные данного ряда:

неэмфатические	t d ð ð n k g - s z š ž ʔ h - b f m r l
эмфатические	t ^α d ^α - ð ^α - q γ x s ^α z ^α - - - ḥ ḥ - - - -

К тому же она не нейтрализуется. Отсюда — возможность различного подхода к фонемам *q*, *γ*, *x* (их можно рассматривать и как члены «эмфатически гуттурального» ряда и как особый глубоковелярный [или увулярный] ряд) и к фонемам *ḥ*, *ḥ* (их можно рассматривать и как «эмфатические ларингалы» и как особый фарингальный ряд). Но, поскольку в отношении апикальных и сибилантов подобного сомнения не возникает, очевидно, что и в отношении гуттуральных и ларингалов следует допустить возможность корреляции по признаку эмфатической веляризации и поэтому обозначать *x*, *q*, *γ*, *ḥ*, *ḥ* как *x^α*, *q^α*, *γ^α*, *ḥ^α*, *ḥ^α*. В тех языках, где имеется консонантная тембровая корреляция, все одномерные противоположения локальных рядов, которые допускают такую

¹ Cp. W H T. Gardner, The phonetics of Arabic, Oxford, 1925

трактовку, должны квалифицироваться как привативные по линии тембровой корреляции.

Гораздо проще и яснее обстоит дело с корреляцией лабиальной, которая является единственной тембровой корреляцией в ряде северокавказских языков (кабардинском, цахурском, рутульском, лезгинском, агульском, арчинском, кубачинском), в квакиутл (Северная Америка)¹, возможно, также в некоторых африканских языках (мы имеем в виду банту). В языке квакиутл эта корреляция распространяется только на два гуттуральных ряда. В тех северокавказских языках, которым известна эта корреляция, она тоже обнаруживается преимущественно в переднем и заднем гуттуральном рядах, но здесь она не ограничивается, однако, только этими рядами, а распространяется на апикальные в кабардинском и лезгинском языках и на апикальные, а также на два сибилантные ряды в цахурском, рутульском и агульском языках, а в арчинском языке, кроме того, еще и на латеральный ряд.

Различные тембровые корреляции легко объединяются в пучки. Нам известны только такие пучки, которые образуются в результате соединения корреляции палатализации с корреляцией лабиализации. Они встречаются в адыгейском, убыхском, абхазском, дунганском, корейском, бирманском. Такие пучки наличествуют далеко не во всех рядах. Так, например, в адыгейском языке только свистящий ряд имеет три тембровые разновидности (*s*, *s'*, *s°*); шипящий ряд знает лишь одну корреляцию палатализации, а оба гуттуральных и апикальный ряды характеризуются одной корреляцией лабиализации (лабиальный, латеральный и ларингальный ряды тембровых различий не имеют совсем)². В литературном абхазском языке оба гуттуральных и шипящий ряды имеют три тембровые разновидности, тогда как свистящему ряду присуща лишь корреляция палатализации, апикальному и ларингальному — лишь корреляция лабиализации, а лабиальный ряд совсем не проводит различий по тембру³. В бирманском языке три тембровых класса (*p*, *p'*, *p°*) присущи лишь лабиальному ряду, прочие ряды (апикальный, гуттуральный, сибилантный и палатальный) имеют только одну корреляцию лабиализации⁴. Однако в корейском в обеих тембровых корреляциях, видимо, участвуют все ло-

¹ Ср. Franz Boas в «Bull. of the Bureau for American ethnology», XL.

² Ср. Н.Ф. Яковлев, Краткая грамматика адыгейского (кхачского) языка для школы и самообразования, 1930

³ Ср. Gerhard Deeters, Der abchasische Sprachbau, «Nachr. v. d. Ges. d. Wiss. zu Göttingen, phil.-hist. Kl.», Fachg. III, № 2, 1931, стр. 290 и сл.

⁴ Ср. J. R. Firth в «Bull. of the School of Oriental studies», VIII, стр. 532—533.

кальные ряды; прозрачность системы усиливается в этом языке нейтрализацией всего пучка корреляций¹. Во всех рассмотренных до сих пор случаях объединение корреляций палатализации и лабиализации в итоге дает самое большое трехчленный пучок. Однако в бзыбском диалекте абхазского языка шипящие имеют четыре тембровых класса (нейтральный, простой палатализованный, простой лабиализованный и *i*-образный лабиализованно-палатализованный). Аналогичный случай, видимо, наблюдается в описанном Шумахером языке киньярванда (из группы банту): четыре тембровых класса различаются здесь в билабиальном и, как кажется, в шипящем ряду (в апиальном и свистящем ряду возможны лишь три тембровых класса, а в лабиодентальном — лишь два: *f*—*f'*, *v*—*v'*)².

Иного рода пучок тембровых корреляций можно предположить для древнеиндийского языка. Так как любое сокращение надставной трубы акустически отражается в усилении верхних парциальных тонов, а следовательно, в более светлой окраске звука, то, очевидно, характерный тон «дентального» смычного и сибилантов в древнеиндийском должен был быть выше характерного тона «церебральных» и ниже характерного тона «палатальных». С другой стороны, нейтрализуемым, а следовательно, одномерным, было не только противоположение «дентальных» и «палатальных», но также противоположение дентальных и церебральных. Таким образом, можно предполагать, что в этом случае существовала корреляционный пучок. Противоположение «дентальных» и «палатальных» смычных (*t*—*c*, *th*—*ch*, *d*—*j*, *dh*—*jh*), а также *s* и *ç* следовало бы расценивать как корреляцию палатализации (так же как, например, в украинском или мордовском). Напротив, противоположение «дентальных» и «церебральных» смычных (*t*—*ç*, *th*—*çh*, *d*—*ç*, *dh*—*çh*), носовых (*n*—*ñ*) и фрикативных (*s*—*ç*) следовало бы рассматривать как особую «корреляцию церебрализации»: сущность «церебральной» фонемы состояла бы в этом случае в удлинении надставной трубы (то есть пространства между наиболее поднятой точкой языка и ротовым раствором) в результате оттягивания и отгибания назад языка и соответствующего понижения характерного тона соответствующих согласных. Весь этот пучок имеет, конечно, определенно градуальный характер. Вопрос о том, в какой мере тембровый пучок,

¹ Ср. А.А. Холодович, О латинизации корейского письма, «Советское языкознание», I, 1935, стр. 147 и сл. Сочетания «согласный + w» здесь следует трактовать монофонематически.

² Наоборот, отношения, сложившиеся в японском диалекте Нагасаки, следует объяснять иначе. В этом диалекте имеются четыре типа гуттуральных, веллярный палатальный, лабиализованно-веллярный и лабиализованно-палатальный. Но поскольку корреляция лабиализации в этом диалекте отсутствует в других локальных рядах, тогда как корреляция палатализации охватывает все ряды, то лабиализованные гуттуральные (которые звучат почти как лабиальные) следует принимать за автономный близкородственный ряд («лабиовеллярный»), в рамках которого как и в прочих рядах, находит себе место корреляция палатализации

имевшийся в древнеиндийском, может быть принят и для других языков, приходится пока оставить открытым. Здесь многое зависит от того, является ли одномерным противоположение «дентальных» и «палатальных» в соответствующем языке. Одномерность же может быть объективно выявлена лишь в том случае, если будет показано, что такое противоположение нейтрализуется.

б) *Авульсивная корреляция* распространена в гораздо более ограниченной географической зоне, и в этой зоне она свойственна только немногим языкам. Она встречается лишь в некоторых южных языках банту (наиболее распространен из них зулу), далее в генетически изолированных готтентотском и бушменском (тоже языках Южной Африки) и, наконец, в сандаве (область *Килиматинде* в Танганьике), который ни географически, ни генетически не связан с указанными выше языками.

Фонетическая сторона щелкающих звуков в настоящее время изучена достаточно хорошо. Мы обладаем хорошими инструментально-фонетическими работами и исчерпывающими описаниями. Совсем недавно вышла специальная монография, которая всесторонне рассматривает проблему щелкающих¹. Автор ее Роман Стопа, подробно рассматривая фонетическую природу этих звуков, выдвигает ряд гипотез об их происхождении, о происхождении языка вообще, но совершенно не затрагивает вопроса о месте этих фонем в фонологической системе соответствующих языков. Весьма ценной является небольшая статья Пинара², не проясняя, как и предыдущая работа, фонологическую сторону вопроса, она, однако, содержит новый, надежный и весьма важный фонетический материал. Образцовой является недавно вышедшая в свет работа Бича³, в которой фонетическая и отчасти фонологическая сущность щелкающих освещена по-новому. Благодаря этой выдающейся работе мы располагаем ныне абсолютно надежным описанием фонетики готтентотского языка в целом (а именно всех его основных диалектов: нама, дамара, гриква, корана). Среди других перечисленных выше языков фонетически лучше всего исследован зулу. основополагающее исследование фонетики этого языка, предпринятое Клементом Доком⁴, хотя и не является фонологическим в нашем смысле этого слова, однако позволяет без большого труда вывести фонологическую систему этого языка.

Имеющиеся материалы по сандаве дают возможность определить в общих чертах (во всяком случае в отношении согласных)

¹ Roman Stopa, Die Schnalze, ihre Natur, Entwicklung und Ursprung, «Prace Komisji Językowej», № 23, Kraków, 1935.

² P. de V. Pienaar, A few notes on phonetic aspect of clicks, «Bantu studies», March, 1936, стр. 43 и сл.

³ D. M. Beach, The phonetics of the Hotentot language, Cambridge, 1938.

⁴ Clement M. Doko, The phonetics of Zulu language, «Bantu studies», II, 1926 (Special number).

фонологическую систему этого языка¹. То же можно сказать и о фонетическом описании группы судо-чуана, предпринятом Такером². Несколько хуже обстоит дело с бушменским, то есть как раз с тем языком, который обычно считают «шелкающим языком» *par excellence*. Исключительно важным источником здесь являются богатые записи Вильгельма Генриха Блика³. Однако непоследовательная транскрипция бушменских звуков весьма затрудняет (и даже делает почти невозможным, во всяком случае без помощи и разъяснений соотрудницы выдающегося исследователя бушменов) построение фонологической системы этого языка. Хотя Мериджи⁴ и внес в эту неразбериху известный порядок, но достичь полной ясности ему так и не удалось.

Проблема, встающая перед фонологией при рассмотрении шелкающих звуков африканских языков, может быть сформулирована следующим образом: что представляет собой противоположение шелкающих и нешелкающих звуков в этих языках: является ли оно противоположением по месту образования или же противоположением по способу преодоления преграды? Фонетисты, которые занимались изучением физиологической природы шелкающих, понимали и рассматривали специфические признаки этих звуков с точки зрения способа их образования. Способ образования этих звуков (шелчок) сопоставлялся и сравнивался с другими способами образования (инспирацией, имплозией, эйективностью и т.д.), и все это (правда, в общем плане) безотносительно к системе согласных соответствующего языка. Фонолог же обязан рассмотреть положение шелкающих фонем в фонологических системах соответствующих языков. Такое рассмотрение приводит к следующим результатам: в зулу, где существуют апикальные, палатальные и латеральные шелкающие, наряду с ними мы находим апикальные, палатальные и латеральные нешелкающие. Если на время отвлечься от шелкающих звуков, то придется констатировать, что в каждом локальном ряду (в том числе в апикальном, палатальном и латеральном) имеется звонкий согласный, рекурсивный смычный, глухой придыхательный смычный и носовой⁵. *Mutatis mutandis* те же противоположения обнаруживаются и в трех «шел-

¹ См. стр. 177 и сл.

² A. N. Tucker, *The comparative phonetics of Suto-Chuana group of Bantu-languages*, London, 1929.

³ W. H. Bleek und L. C. Lloyd, *Specimens of Bushman folklore*, London, 1911.

⁴ P. Meriggi, *Versuch einer Grammatik des Ham-Buschmannischen*, «*Zeitschrift f. Eingeborenen-sprachen*», XIX.

⁵ Помимо этого, в отдельных рядах есть также глухие спиранты, а в лабиальном ряду — «имплозивный» звонкий.

кающих» рядах: в каждом ряду мы имеем шелкающий со звонким (слабым) приступом, шелкающий с сильным приступом (= гортанная смычка), шелкающий с воздушным приступом и, наконец, назализованный шелкающий. При этом противоположения различных видов шелкающих звуков являются смыслоразличительными. Таким образом, апиальные, палатальные и латеральные шелкающие образуют в этом языке особые ряды, параллельные соответствующим рядам нешелкающих. В бушменском языке, где имеются те же четыре типа шелкающих (со звонким слабым приступом, с глухим сильным приступом, с воздушным приступом и с назализацией), соответствующие им нешелкающие согласные характеризуются теми же четырьмя способами артикуляции; следовательно, и здесь между апиальными и палатальными шелкающими и нешелкающими наблюдается полный параллелизм рядов. Сходные отношения можно установить и для языка сандаве, как это будет показано ниже. Такое отношение между «рядами шелкающих» и «рядами нешелкающих», присущее языку зулу, видимо, вообще является типичным для всех языков, обладающих шелкающими. Если бы разница между «шелкающей» и «нешелкающей» артикуляциями заключалась только в противоположении инспирации (вдоха) экспирации (выдоху), то причислять это различие к противоположениям по месту образования, разумеется, было бы невозможно. Однако фонетические исследования последнего времени показали, что образование шелкающих предполагает во всех случаях особый уклад языка. Помимо основной смычки, образуемой либо губами, либо передней частью языка и создающей различные типы шелкающих (лабиальные, дентальные, ретрофлексные, палатальные, латеральные), каждый шелкающий имеет еще дополнительную, так называемую «подпирающую» смычку, которая всегда велярна, то есть образуется посредством подъема задней части спинки языка к мягкому нёбу. Таким образом, сущность шелкающих заключается в наличии двух смычек, одна из которых должна быть велярной, а другая — образованной в любом месте передней части ротовой полости. Посредством всасывающего движения воздух разрежается в полости, заключенной между этими двумя смычками. При размыкании передней смычки воздушная струя извне устремляется в эту промежуточную безвоздушную полость, и в этот момент размыкается задняя велярная смычка. С фонетической точки зрения все указанные особенности шелкающих одинаково важны, но с фонологической точки зрения наиболее существенным является наличие велярной смычки наряду со смычкой иного рода (лабиальной, апиальной, палатальной и т.д.) и вызванное этим специфическое изменение фор-

мы языка (а следовательно, и формы всей резонирующей полости рта). Это позволяет рассматривать различие между шелкающей и нешелкающей артикуляциями как противоположение по месту образования, точнее, как противоположение основных рядов и рядов с дополнительной артикуляцией. Поскольку это противоположение логически привативное и обнаруживается в нескольких локальных рядах той же системы, его можно назвать «авульсивной корреляцией».

Наличие велярной «подпирающей смычки», естественно, вызывает смещение места артикуляции передней части языка. Отсюда порой значительные трудности в соотношении шелкающего ряда с определенным нешелкающим рядом. В бушменском нешелкающие согласные распадаются на лабиальный, апикальный, дорсальный, палатальный, сибилантный и ларингальный ряды; что же касается шелкающих, то они распадаются на шпоский апикальный, «церебральный», палатальный и латеральный ряды. На первый взгляд, таким образом, авульсивную корреляцию можно обнаружить лишь в апикальном и палатальном рядах. Однако весьма вероятно, что о «церебральных» шелкающих бушменского языка можно сказать то, что Бич (цит. раб., стр. 81) говорит о соответствующих фонемах готтентотского языка: загибание кончика языка является здесь факультативным и несущественным. В этом случае существенным для реализации так называемых «церебральных» шелкающих по сравнению с «дентальными» и «палатальными» оказывается их некоторая смещенность назад, в результате чего в передней части ротовой полости образуется относительно большое «полое» (не заполненное языком) пространство. Таким образом, отношение между «дентальными» и «церебральными» шелкающими можно сравнить с отношением между апикальными и гуттуральными нешелкающими; по отношению к гуттуральному ряду «церебральные» шелкающие можно рассматривать как ряд с дополнительной артикуляцией. Система шелкающих готтентотского языка так, как она описана Бичем, может быть вкратце представлена в следующем виде: в этом языке имеются два ряда шелкающих взрывных: в одном ряду передняя часть ротовой полости заполнена вплоть до зубов языком («дентально-альвеолярный ряд», по Бичу; «палатальный ряд» у прежних исследователей); в другом ряду в передней части рта образуется полое пространство («альвеолярный ряд», согласно Бичу; «церебральный ряд» у прежних исследователей). Помимо этих двух «взрывных» рядов, в данном языке имеются еще два «аффрикативных» ряда, находящиеся друг с другом в тех же отношениях, что и «взрывные» ряды: в одном («дентальном») передняя часть ротовой полости заполнена языком, а в другом («латеральном») не заполнена. При размыкании передней смычки в «взрывном» ряду язык просто отрывается от неба, тогда как в «аффрикативных» рядах он постепенно пропускает ток воздуха: в «дентальном» ряду — спереди, в «латеральном» ряду — с боков. Ясно, что противоположение взрывных рядов и «аффрикативных» не является локальным. Таким образом, в готтентотском фактически имеется только два локальных ряда шелкающих, один из которых характеризуется полным заполне-

нием передней части полости рта, а другой — отсутствием этого заполнения. Нещелкающие согласные подразделяются в готтентотском языке на лабиальные, апикальные (включая сюда сибиланты), гуттуральные и ларингальные. Лабиальные и ларингальные, очевидно, не участвуют в авульсивной корреляции. Что же касается прочих рядов, то нещелкающие апикальные соответствуют «щелкающим с заполненной передней частью ротовой полости», а нещелкающие гуттуральные — «щелкающим с незаполненной передней частью ротовой полости». Таким образом, и в готтентотском языке щелкающие и нещелкающие локальные ряды находятся между собой в коррелятивных отношениях.

С авульсивной корреляцией следует поставить в связь другого рода ряды с дополнительной артикуляцией, а именно корреляцию полной гуттурализации и корреляцию лабиовеляризации. Эти корреляции встречаются в некоторых языках банту, а именно в группе шона и в соседнем с ней языке венда¹. Корреляция полной гуттурализации характеризуется противоположением невеларизованных согласных и таких согласных, у которых, помимо основной, наблюдается дополнительно гуттуральная артикуляция, то есть подъем спинки языка к мягкому нёбу. Подъем спинки языка может быть настолько значительным, что возникнет веларная смычка (так, как правило, обстоит дело в диалекте зезуру центрального шона); подъем может быть менее значительным, в результате чего образуется лишь веларное сужение (что характерно для других восточных и центральных диалектов шона, в частности для подгруппы каранга). В диалекте зезуру эта корреляция свойственна билабиальным и палатальным.

Корреляция лабиовеляризации представляет собой сочетание корреляции полной гуттурализации с корреляцией лабиализации. Во всех восточных и центральных диалектах шона она свойственна апикальным, палатальным (помимо корреляции полной гуттурализации) и обоим сибилантным рядам. На иностранца полностью гуттурализованные и лабиовеляризованные согласные производят впечатление группы согласных (pk, ck, tkw, skw или px, cx, txw, cxw). Однако их следует расценивать как простые фонемы, поскольку языки, которым они присущи, не терпят скоплений согласных. Если мы сравним щелкающие звуки с полностью гуттурализованными (или лабиовеляризованными) согласными, то убедимся, что они отличаются лишь фонетически, а отнюдь не фонологически. Элемент всасывания, на первый взгляд столь характерный для щелкающих, на самом деле является всего лишь особым способом

¹ Clement M. D o k e, A comparative study in Shona phonetics, Johannesburg, 1931, стр. 109, а также 110—119, и палатограммы, стр. 272—273.

размыкания передней смычки и гораздо менее существен для определения места щелкающих в фонологической системе, чем наличие «подпирающей веллярной смычки»; но последняя (хотя, быть может, и менее энергичная) присуща также и полностью гуттурализованным (соответственно лабиовелляризованным согласным в зуру и в других восточных и центральных диалектах шона).

В заключение можно сказать, что локальные признаки способны образовывать весьма сложные системы противоположений. Основные ряды относятся друг к другу как члены многомерных гетерогенных оппозиций. Однако во многих языках некоторые из этих основных рядов расщепляются на два близкородственных ряда, которые относятся друг к другу как члены одномерной эквиполентной оппозиции, а к другим (основным или близкородственным) рядам той же системы — как члены многомерной оппозиции. Наконец, каждый локальный ряд может расщепляться на ряды, относящиеся друг к другу как члены (фактически или логически) привативной оппозиции. В той мере, в какой подобное расщепление охватывает несколько локальных рядов той же консонантной системы, возникает либо тембровая, либо авульсивная корреляция.

2) Согласные фонемы вне локальных рядов

Во многих, а возможно, и в большинстве языков существуют согласные, которые не входят в локальные ряды (или по крайней мере стоят вне коррелятивных локальных рядов). К таким фонемам относятся в большинстве случаев «плавные» и «h». Однако не следует обобщать это положение, ибо иногда как плавные, так и h включаются в локальные ряды. Выше мы уже упоминали о гиляцком (нивхском) языке, где г следует рассматривать как звонкий длительный апикального ряда¹. В эскимосском (юйтском) языке, где г является увулярным и нераскатистым, оно занимает в постдорсальном ряду то же место, что и w в лабиальном ряду, а ү в преддорсальном ряду; среди апикальных это место занимает l, которому соответствует глухой спирант λ; в результате мы получаем следующую систему²:

p	t	k	q	c
φ	λ	x	χ	s
w	l	γ	г	
(m)	(n)	(ŋ)	(ñ)	

¹ Cp. стр. 81.

² Cp. William Thalbitzer, A phonetical study of the Eskimo language, «Meddelelser om Grønland», XXXI, стр. 81.

В языках, имеющих всего лишь один плавный, а также палатальный локальный ряд, *w* можно рассматривать как лабиальный сонант, *y* — как палатальный сонант, а единственный плавный — как апикальный сонант. Однако справедливость данной концепции можно доказать только в тех случаях, когда она поддерживается функционированием системы или грамматическими чередованиями. Так, например, обстоит дело в менде (Сьерра-Леоне), где *l* является единственным плавным, а *t* грамматически чередуется с *l*, и это чередование обнаруживается в тех же условиях, что и чередование *p* ~ *w*, что дает право вывести пропорцию $t : l = p : w$ ¹. В чичева, где единственный плавный реализуется то как *ɾ*, то как *l*, этот плавный после присоединения префикса *m* или *p* заменяется согласным *ɟ*; в тех же условиях *y* замещается согласным *j*, а *w* — согласным *b*². В случаях подобного рода мы имеем объективное доказательство того, что «единственный плавный» принадлежит к апикальному ряду. Однако там, где подобного рода доказательства отсутствуют, принадлежность единственного плавного к тому или иному локальному ряду всегда остается сомнительной. Довольно часто можно наблюдать, что в языках, имеющих больше двух плавных, по крайней мере один из двух плавных нередко принадлежит к тому или иному локальному ряду. Так, например, в сербохорватском (штокавский диалект) отношение *l* : *ʎ* явно аналогично отношениям *n* : *ɲ*, *t* : *ɕ*, *d* : *ʧ*; из этого следует, что *l* надо относить к «дентальному» ряду, а *ʎ* — к «палатальному». Таким образом, вне локальных рядов остается только *ɾ*; о тамильском языке см. ниже, стр. 160 и сл.

Большинство языков мира имеет всего два плавных. Лишь в очень редких случаях их удается включить в тот или иной локальный ряд³; обычно они находятся вне локальных рядов. Они образуют одномерную оппозицию, которую можно расценивать как ло-

¹ Ethel Aginsky, A grammar of Mende language (Language dissertations [Lang. Soc. of America], № 20, 1935).

² Ср. Mark H. Watkins, A grammar of Chichewa, a Bantu language in British Central Africa (Language dissertations [Lang. Soc. of America], № 24, 1937).

³ Выше мы уже указывали на гилияцкий (нивхский) и эскимосский (юйтский). В некоторых языках банту один плавный является нормальным (альвеолярным) *l*, а другой — ретрофлексным *ɭ* (иногда имеющим «г-образный» характер). В таких языках оба плавных часто поддаются включению в локальные ряды; так, например, обстоит дело в суахили (диалект момбеца), где ретрофлексный ряд противопоставлен плоскому апикальному ряду, далее в педи, где ретрофлексное *ɭ* явно принадлежит к апикальному, а дентальное *l* — к латеральному ряду. О системе согласных в этих языках см. Carl Meinhof, Grundriß einer Lautlehre der Bantu-Sprachen, Berlin, 1910.

гически привативную: отношение $г : l$ можно интерпретировать либо как отношение «раскатистого к нераскатистому», либо как отношение «нелатерального к латеральному». В таком языке, как итальянский, где $г$ всегда реализуется как раскатистый вибрант, наиболее вероятно первая интерпретация, тогда как в немецком, где «нераскатистые» разновидности звука $г$ встречаются довольно часто как реализация фонемы $г$, единственно возможной является вторая интерпретация. Но если противоположение $г-l$ в данном языке не подвергается нейтрализации, оно остается лишь логически привативным. При этом противоположение $г-l$ во всех случаях является локальным, а не модальным, даже в таких языках, как немецкий, где $г$ является «нелатеральным» плавным, а l — «латеральным». В самом деле, с фонологической точки зрения латеральную артикуляцию можно рассматривать как локальный признак только в том случае, если она свойственна многим фонемам, прочие дистинктивные признаки которых сходны с модальными признаками фонем других основных или близкородственных рядов той же системы (как это наблюдается, например, в педи, сандаве, тлингит, чинук, адыгейском, аварском и др.). Но в тех языках, где имеется только одна латеральная фонема и где эта фонема является членом одномерной оппозиции по отношению к фонеме $г$, не входящей в локальный ряд, латеральную артикуляцию (то есть свободный, без трения ток воздуха, выдыхаемого между «боком» языка и «боковой стенкой» ротовой полости) следует рассматривать как особый способ преодоления преграды. Многозначный характер латеральной артикуляции, который доставляет столько трудностей для фонетической систематики, в плане фонологической систематики представляет собой нечто совершенно очевидное, тем более что с фонологической точки зрения все сводится к тому, чтобы понять, какая фонема противопоставлена данной латеральной фонеме и какой характер имеет это противопоставление.

Что касается фонемы h , то она в большинстве языков является «неопределенной согласной фонемой вообще», во многих же других языках она входит в состав того или иного локального ряда: либо в «гуттуральный» (который в этом случае характеризуется неучастием кончика языка и губ), либо в особый ларингальный ряд. Эта последняя возможность реализуется там, где в той же системе имеется ларингальный взрывной (гортанный смычный), образующий вместе с h одномерную оппозицию. В датском языке, где h появляется только в тех фонетических позициях, в каких (глухие) непридыхательные слабые b, d, g противопоставляются придыхательным сильным p, t, k , фонема h вступает в точно та-

кое же оппозитивное отношение с невоздушным приступом, в каком находятся фонемы *p, t, k* по отношению к фонемам *b, d, g*¹. Таким образом, здесь можно выделить ларингальный ряд, в составе которого *h* будет являться «придыхательным» (или «сильным»). В немецком же языке, где отношение между *h* и невоздушным приступом не имеет аналогии с отношением, существующим между *p, t, k* и *b, d, g* (в положении между гласными *h* является звонким, а *p, t, k* — глухими; в исходе слова *h* не встречается, тогда как *p, t, k* представляют в этом положении архифонему нейтрализуемых оппозиций *p—b, t—d, k—g*), *h* следует рассматривать как «неопределенную» фонему, не входящую ни в один локальный ряд. То же самое наблюдается и во многих других языках.

Б. Модальные признаки (или признаки способа преодоления преграды)

а) Типы преград и модальные корреляции первой степени

Как уже говорилось (см. стр. 99 и сл.), характерная особенность согласных заключается в образовании преграды и преодолении ее. В связи с этим общепринятое деление согласных на взрывные фрикативные (или спиранты) и сонанты следует рассматривать как классификацию по типам или характеру преград. Наибольшая преграда присуща взрывным, более слабая — ф р и к а т и в н ы м и самая слабая — с о н а н т а м (самая слабая степень преграды у сонантов может приближаться к «отсутствию преграды» — что характерно для гласных, — не достигая, однако, никогда этого положения). Взрывные являются м г н о в е н н ы м и, тогда как фрикативные и сонанты — д л и т е л ь н ы м и; с другой стороны, взрывные и фрикативные в противоположность сонантам, или звучным, могут быть названы шумными. Между этими тремя ступенями преград возможны, таким образом, следующие пять одномерных противоположений: а) сонант — шумный, б) мгновенный — длительный, в) взрывной — фрикативный, г) фрикативный — сонант, д) взрывной — сонант. Перечисленные оппозиции являются логически привативными; если в системе данного языка они к тому же оказываются пропорциональными (иными словами, если они обнаруживаются во многих локальных рядах), то каждое из

¹ Cp. A. M a r t i n e t, La phonologie du mot en danois, Paris, 1937 (= BSL, XXXVIII, 1937, 2).

этих противоположений дает начало особой корреляции, которую можно назвать модалной корреляцией первой степени

Корреляция звучности (сонантности), или одномерное и пропорциональное противоположение сонантов и шумных, очевидно, возможна лишь в тех языках, где противоположение взрывных и фрикативных фонологически несущественно. Ярким примером этого может служить тамильский язык¹.

Этот язык имеет пять шумных согласных, которые реализуются по-разному в зависимости от фонетического окружения: в начале слова как придыхательные смычные (p^h , t^h , $ʈ^h$, k^h , $ç^h$), в середине слова, после гласных, как спiranты (β , δ , δ — как звонкие, χ , ξ — большей частью как глухие), после носовых как звонкие смычные (b , d , $ɖ$ g , z) и после $ɾ$ как глухие непридыхательные смычные (p , t , $ʈ$, k , $ç$). Противоположения шумных звонких и глухих, придыхательных и непридыхательных, а также смычных и спiranтов регулируются здесь, таким образом, фонетическим окружением и фонологически несущественны. Фонологическая сущность пяти рассмотренных фонем тамильского языка заключается в том, что все они, с одной стороны, входят в какой-либо локальный ряд, а с другой стороны, являются шумными. Каждый из этих шумных имеет соответствие в виде сонанта: лабиальному P противопоставлено w , плоскому апиальному T противопоставлено l , ретрофлексному апиальному T — ретрофлексное l , палатальному сибиллянту \dot{C} — сонант y . Что же касается гуттурального K , то ему, видимо, противостоит здесь сонант R (« l » в транскрипции Фирта) Фирт описывает реализацию этой фонемы следующим образом: « l » — это «длительный нешумный согласный с призвуком неопределенного гласного заднего ряда; при его произношении вся масса языка оттягивается назад, а по бокам ее образуется щель, язык становится плотным, сжатым и тупым, сближаясь с средней частью твердого нёба» (XVI) И только фонема $ɾ$ находится вне локальных рядов: в тамильском языке нет ни одной фонемы, которой она была бы противопоставлена как член одномерной оппозиции². Итак, в тамильском языке мы имеем дело с к о р р е -

¹ J R Firth, A short outline of Tamil pronunciation (дополнение ко второму изданию книги Ardens, Grammar of Common Tamil), 1934

² Это особое положение $ɾ$ в системе согласных тамильского языка способствует тому, что $ɾ$ оказывается единственной сонантной фонемой, после которой могут следовать другие согласные (p , t , k , n) и которая возможна не только после гласных, но и после согласных (а именно после t) Хотя после l и возможны p и v , но как кажется, только в заимствованных словах, например *geulivee* «железная дорога»

ляцией звучности (или корреляцией сонантности, если только принять, что *w* и *y* тоже являются сонантами), которая охватывает всю систему согласных, за исключением *г*. Другие примеры аналогичного рода нам неизвестны. Обычно же сонанты либо стоят вне локальных рядов и образуют сами по себе особый класс фонем, будучи противопоставлены друг другу как члены одномерной оппозиции, а другим согласным как члены многомерной оппозиции, либо же включаются в систему локальных рядов лишь частично, вступая в одномерные отношения с соответствующими классами шумных.

Одномерное противоположение мгновенных и длительных предполагает, что противоположение фрикативных и сонорных не имеет фонологического значения; это противоположение в чистом виде встречается, по-видимому, крайне редко: во всяком случае, мы не знаем ни одной консонантной системы, которая была бы построена по этому принципу. Правда, имеются языки, где (ротовые) сонанты образуют вместе со спирантами класс длительных фонем, который во всех или в большей части локальных рядов противопоставлен классу мгновенных. Необходимо заметить, однако, что эта корреляция выступает только (по крайней мере в известных нам случаях) в связи с другими корреляциями, причем либо мгновенные, либо длительные, либо и те и другие делятся на глухие и звонкие или на слабые и сильные и т.д. Ср., например, приведенные выше консонантные системы эскимосского (куйтского) (стр. 156) и гиляцкого (нивхского) (стр. 78) языков. Эта корреляция (которую можно назвать корреляцией длительности или, наоборот, корреляцией мгновенности) является, таким образом, во всех случаях только членом пучка корреляций

Корреляции звучности (сонантности) и мгновенности встречаются редко. Гораздо чаще три вида преград (взрывные, спиранты и сонанты) противоположаются друг другу попарно, причем такие противоположения охватывают, как правило, лишь часть системы согласных.

Корреляцией сближения, или смычности, мы называем противоположение смычных и спирантов, свойственное нескольким локальным рядам одновременно. В немецком языке эта корреляция присуща дорсальным, лабиодентальным и сибиллянтам типа «*s*» (*k—ch*, *pf—f*, *tz—ss*). В польском, чешском, словацком и украинском эта корреляция охватывает гуттуральный и сибиллянтные ряды, в сербохорватском и венгерском она известна только обоим сибиллянтным рядам (сербохорватский: *c—s*, *ǰ—ž*, *ć—š*, венгерский: *cs—s*, *dzs—zs*, *c—sz*, *dz—z*), в албанском, поми-

мо обоих сибилантных рядов (с—s, «x»—z, «ç»—«sh», «xh»—«zh») она присуща также лабиальным (p—f, b—v) и апикальным (t—«th», d—«dh»); в новогреческом она охватывает все локальные ряды (π—φ, τ—θ, κ—χ, τσ—σ) и т.д. В английском языке противоположение смычных и спирантов свойственно, бесспорно, шипящим (ç—š, ž—ž); что же касается апикальных и лабиальных, то здесь не совсем все ясно: английские t и d произносятся с довольно высоко поднятым кончиком языка; при энергичном несколько аффрицированном придыхании начального t можно услышать š-образный отступ; в противоположность этому плоские апикальные спиранты θ и ð («интердентальные») произносятся при довольно низком положении кончика языка; равным образом p, b являются «билабиальными», а f, v — «лабиодентальными». Несомненно, что в отношении места образования лабиальные и дентальные спиранты новогреческого и албанского языков также не совпадают полностью с соответствующими им смычными, однако в двух других локальных рядах совпадение оказывается полным (албанские ряды s и š, новогреческие ряды χ и σ), что побуждает рассматривать смычные и спиранты и в лабиальном и в дентальном рядах как члены корреляции; в этом сказывается «принудительный характер системы». Кроме того, в новогреческом противоположения p—f, t—θ, k—x нейтрализуемы, а члены этих противоположений участвуют в грамматических чередованиях. Поскольку в английском языке описанных явлений не наблюдается (аффрицированная аспирация у начальных t и p особо подчеркивает фонетическое отличие их от θ и f по месту образования), можно сомневаться в том, действительно ли противоположения t, d—θ, ð и p, b—f, v следует понимать как «противоположения сближения»¹. Аналогичные сомнения возникают и в отношении многих других языков. Следует, однако, сказать, что в большинстве случаев картина бывает предельно ясной и что корреляция сближения как таковая является одной из самых распространенных в языках всех частей света, хотя и редко встречающейся во всех локальных рядах.

Что же касается одномерного противоположения сонантов и фрикативных, то оно встречается крайне редко. В чешском отношении подобного рода имеют место между согласными r и ř, в зулу и пуэбло (Таос) — между l и l². В ряде языков аналогичное

¹ Во всяком случае английское h нельзя понимать как спирант (в этом отношении правы Кемп Мейлон и А. Мартине, а не Б. Трика). О французском см. выше, стр. 142.

² По Д. Трейджеру («Maître Phonétique», 3ème série, № 56).

отношение, видимо, существует между w и β (или v); однако в каждом отдельном случае необходимо прежде всего выяснить, действительно ли w является согласным, а не комбинаторным вариантом гласного u ; если отбросить сомнительные случаи, то остается всего несколько языков, в которых «лабиальный сонант» противопоставлен «звонкому лабиальному спиранту» (лезгинский [кюринский], педи, чичева и некоторые другие). Мы не знаем ни одного примера, где палатальный сонант был бы противопоставлен звонкому палатальному спиранту¹. Случаи, когда два согласных действительно отличались бы друг от друга наличием и отсутствием шума трения, являются, таким образом, крайне редкими. Видимо, нет ни одного языка, в котором это противоположение принимало бы форму корреляции, охватывающей несколько локальных рядов.

Что касается противоположения сонантов и смычных, то оно существует как корреляция прежде всего в тех языках, где совсем нет спирантов, например в восточном диалекте нуэр (Судан), где пяти звонким смычным b, d, \bar{d} (интердентальное), g, j противопоставлено такое же количество сонантов, а именно w, l, r, γ, y ²; среди этих сонантов w, γ и y , очевидно, противопоставлены смычным b, g, j как члены одномерной оппозиции, а r и l , видимо, входят в оба близкородственных апикальных ряда. Однако одномерные противоположения сонантов и смычных известны и другим языкам. В сербохорватском (штокавский диалект) существует пропорция $b : v = \bar{d} : l = \bar{d} : [lj]$, а в тех черногорских диалектах, где праславянское x отразилось в виде звонкого велярного длительного без заметного шума трения³, эта пропорция увеличилась еще на один член $g : \dot{\gamma}$. В датском, точнее, в литературном датском, слабые b, d, g , с одной стороны, и длительные v, \bar{d}, γ — с другой, противопоставлены друг другу как члены пропорциональной оппозиции. Так как v, \bar{d}, γ произносятся здесь почти без шума трения, а их сочетание с предшествующим гласным просодически равно долгому слогоносителю (точнее так же, как сочетания «гласный + r или l » и «гласный + m или n »), то эти фонемы с точки зрения фонологи-

¹ В тех северочакавских диалектах хорватского языка, где, согласно А. Беличу и М. Малецкому, j , восходящий к праславянскому j (например, $jaje$ «яйцо»), отличается от j иного происхождения (например, $\dot{z}aja$ «жажда»), первое j с фонологической точки зрения является не согласным, а комбинаторным вариантом гласного i в непосредственном соседстве с другими гласными.

² Ср. A. N. Tucker, цит. работа.

³ Ср. R. Bošković, O prirodi, razvitku i zamjenicima glasa h u govorima Crne Gore, «Juž. Fil.», XI, 1931, стр. 179 и сл.

ческой системы датского языка можно рассматривать как сонанты¹. Таким образом, и здесь речь идет о корреляции, которая охватывает все слабые смычные и часто сонанты. Поскольку смычные и сонанты как с точки зрения акустической, так и с точки зрения артикуляторной являются максимально полярными типами, то эту корреляцию можно назвать (консонантной) корреляцией контраста. Следует заметить, что во всех приведенных выше случаях промежуточная (фонетическая) ступень между смычными и сонантами — а именно (звонкие и слабые) спиранты — отсутствует; в восточном нуэр нет вообще ни одного спиранта; в сербохорватском и датском спиранты отсутствуют по крайней мере в тех локальных рядах, которые принимают участие в «корреляции контраста». И это вполне понятно: ведь только при таком условии противоположение смычных и сонантов может быть одномерным.

б) Модальные корреляции второй степени

Из всего сказанного выше должно быть ясно, что корреляции, возникающие из одномерных противоположений различных степеней преград, относительно редко охватывают всю систему согласных. Обычно некоторое число согласных фонем не участвует в этих корреляциях, вступая в те или иные одномерные отношения с другими согласными, образованными с помощью однотипной преграды. Одномерные противоположения между согласными, характеризующимися одним и тем же типом преграды (и одним и тем же локальным рядом), образуют особого рода корреляции, которые можно назвать модальными корреляциями второй степени, чтобы отличить их от модальных корреляций первой степени, возникающих в результате противоположения друг другу трех типов преград.

В любой коррелятивной паре, входящей в состав модальной корреляции второй степени, оба члена оппозиции должны быть согласными, образованными путем преодоления однотипной преграды. Однако, с другой стороны, модальная корреляция второй степени, теоретически говоря, не связана с каким-либо определенным

¹ Правда, А. Мартине (A. Martinet, La phonologie du mot en danois) рассматривает датские *v*, *ð*, *γ* как спиранты; однако он неправ, ибо эти фонемы ведут себя в датском так же, как *g*, *l*, *j*. Подлинными спирантами в этом языке являются лишь *f* и *s*. Но поскольку они не противопоставлены смычному и являются единственными представителями соответствующих локальных рядов (*f* — лабиодентального, *s* — сибилантиного), то их спирантный характер является фонологически несущественным. Об отношении *v*—*f* ср. А. Мартинет, цит. работа, стр. 38.

типом преграды: в разных языках она может быть при любом типе преграды.

Мы выделяем шесть типов модальных корреляций второй степени:

Корреляция напряженности, то есть противоположение сильных (*fortes*) и слабых (*lenes*). В этой оппозиции крепость преграды и необходимая для ее преодоления сила (давление воздушной струи) должны соответствовать друг другу: если благодаря напряжению мускулатуры рта усиливается преграда, то соответственно усиливается и давление воздушной струи, и наоборот, если мускулатура органов речи расслабляется, то соответственно ослабевает и давление воздушной струи.

Корреляция интенсивности (или динамическая корреляция) представляет собой несколько иного рода отношение между крепостью преграды и силой давления воздушной струи: при расслаблении мускулатуры органов речи напор воздушной струи оказывается слишком сильным, откуда краткость и возможная аспирация «слабого» члена оппозиции; при напряжении мускулатуры органов речи давление воздушной струи едва справляется со своей задачей, откуда относительная долгота, отсутствие придыхания и затрудненное преодоление преграды в «сильном» члене оппозиции.

Корреляция звонкости, то есть противоположение глухих и звонких.

Корреляция придыхания, то есть противоположение придыхательных и непридыхательных (постольку, поскольку фонологически существенным является лишь придыхание, а не другие признаки).

Корреляция рекурсии, то есть противоположение согласных, образуемых с помощью воздушной струи, подаваемой из легких, и согласных, образуемых массой воздуха, скопившейся над закрытой голосовой щелью и выталкиваемой поршнеобразно толчком закрытой гортани¹.

Корреляция размыкания, то есть противоположе-

¹ Для наименования этих согласных были предложены разные термины. Чаще всего их называют «согласными с гортанной смычкой»; однако этот термин является несколько двусмысленным, поскольку гортанная смычка тоже может быть самостоятельной фонемой и поскольку она свойственна не только данным согласным. По этим же причинам не следует принимать и термин «смычно-гортанные» (*glottokklusive*), который употребил автор настоящей работы в статье «Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen» («Caucasica», VIII). Предложенный Н.Ф. Яковлевым (в его «Таблицах фонетики кабардинского языка») термин «согласные с надгортанной экспирацией» тяжеловесен и недостаточно четко вы-

ние смычных, характеризующихся взрывным размыканием, и смычных, характеризующихся невзрывным размыканием¹.

В качестве седьмой модальной корреляции второй степени можно было бы, пожалуй, упомянуть корреляцию преаспирации и, то есть противоположение согласных с придыхательной имплозией и согласных без этой имплозии. Такое противоположение наблюдается в некоторых американских языках (например, в языках фокс, хопи); однако не ясно, как следует трактовать «преаспирированные» согласные в этих языках: как одну фонему или как сочетание фонем (то есть как h + согласный)².

Во всех модальных корреляциях второй степени речь идет о противоположении «сильных» и «слабых» согласных.

Корреляции	Сильный член оппозиции	Слабый член оппозиции
Напряженности	Сильные	Слабые
Интенсивности	Тяжелые	Легкие
Звонкости	Глухие	Звонкие
Придыхания	Придыхательные	Непридыхательные
Рекурсии	Инфраглоттальные	Рекурсивные
Размыкания	Эксплозивные	Иньективные

ражает сущность этих согласных. Гораздо лучше отражает эту сущность термин «эффективные согласные», употребляемый английскими фонетистами (особенно африканистами); под этим подразумевают энергичное поднятие закрытой гортани, которая «выталкивает» наподобие поршня находящийся над ней воздух. Это же самое имел в виду и автор настоящей работы, когда в 1922 г. в своей статье в BSL, XXIII, он предложил называть рассматриваемые согласные «рекурсивными» (впрочем, так они назывались и раньше в русских работах по кавказским языкам). Этот термин употребляется в настоящее время также в индологической литературе; сначала его использовал Р.Л. Тарнер (см. «Bull. of the School of Orient. Stud.», III, стр. 301 и сл.) (однако, как кажется, в отношении «инъективных» смычных), а затем также индийский лингвист Сунити Кумар Чаттерджи (см. его «Recursives in New-Indo-Aryan», Publ. by the Linguistic society of India, Lahore, 1936).

¹ Под этим подразумеваются такие смычные, которые английские фонетисты называют «инъективными». При образовании этих звуков вслед за имплозией смыкаются голосовые связки и гортань опускается вниз, благодаря чему воздух в надгортанной полости между ротовой и гортанной смычками разрежается; вслед за этим происходит размыкание ротовой смычки; однако без помощи экспирации, а лишь за счет активной работы соответствующих органов в полости рта воздушная струя устремляется наружу в полость рта, но тотчас же выталкивается наружу наступающим нормальным выдохом.

² Л. Блумфилд трактует преаспирированные согласные языка фокс как сочетания (hp, ht, hk, hč). См. «Notes on the Fox language» (см. «International Journal of American Linguistics», III, стр. 219 и сл.). В хопи перед преаспирированными согласными (ʔp, ʔt, ʔk, ʔk_o, ʔq, ʔc) невозможны долгие гласные; из этого по законам данного языка, очевидно, следует заключить, что и здесь «преаспирированные» нужно рассматривать как сочетания согласных.

Вопрос о том, какой из двух членов модальной корреляции второй степени — «сильный» или «слабый» — является немаркированным, может быть в конечном счете решен объективно лишь на основе наблюдения над функционированием конкретной фонологической системы. Все же любой модальной корреляции свойственна, так сказать, «естественная» немаркированность; она присуща тому члену оппозиции, артикуляция которого минимально отклоняется от нормального дыхания. Само собой разумеется, что противоположный ему член оппозиции является тем самым маркированным. С этой общей, или «естественной», точки зрения маркированным членом в корреляции напряженности оказывается сильный согласный, в корреляции интенсивности — тяжелый, в корреляции звонкости — звонкий, в корреляции придыхания — придыхательный, в корреляции рекурсии — рекурсивный, в корреляции размыкания — инъективный. Приняв все сказанное во внимание, в большинстве сомнительных случаев можно определить фонологическую природу модальной корреляции второй степени. В том языке, где звонкие слабые и глухие сильные являются членами нейтрализуемой оппозиции, архифонема которой представлена в нейтрализуемой позиции глухим сильным, мы имеем дело с корреляцией звонкости; это означает, что с фонологической точки зрения существенным здесь оказывается лишь противоположение звонких и глухих, тогда как различие между напряженностью и ненапряженностью ротовой мускулатуры становится сопутствующим, фонологически не существенным фактором. В языках, где рекурсивный слабый противопоставлен придыхательному сильному, мы имеем дело с корреляцией рекурсии, если представителем архифонемы в позиции нейтрализации выступает придыхательный сильный и т.д. И только в случае, когда данная фонологическая система содержит прямые указания на иное («нестественное») распределение маркированности и немаркированности между членами оппозиции, только в этом случае можно отказаться от «естественного» способа рассмотрения.

Из этих общих соображений следует, что в русском, польском, литовском, чешском, словацком и других языках, где глухие сильные функционируют в позиции нейтрализации как архифонемы, имеет место корреляция звонкости. Наоборот, в саамском (лапландском), где архифонема нейтрализуемой модальной корреляции второй степени представлена в начале слова слабыми, мы, очевидно, имеем дело с корреляцией напряженности. Точно так же обстоит дело и в верхненемецком, где нет ни звонких, ни придыхательных шумных и где единственным средством дифференциации шумных согласных является напряженность. Но там, где

сочетается между собой ряд дифференциальных признаков и где та или иная корреляция не нейтрализуется, а также там, где характер нейтрализации не содержит никаких указаний на маркированный или немаркированный характер членов оппозиции, точное определение природы модальной корреляции второй степени по существу невозможно. Так, английские *p, t, k* перед ударными гласными являются придыхательными, а в остальных случаях — непридыхательными глухими сильными; наоборот, *b, d, g* всегда являются звонкими слабыми; корреляция нейтрализуется, с одной стороны, перед шумными (причем представитель архифонемы обусловлен внешним образом), а с другой стороны, после *s* (архифонема в этом случае представлена глухим слабым, то есть звуком, занимающим промежуточное положение между обоими членами оппозиции). Поэтому мы не можем сказать, какая корреляция существует в английском языке: корреляция напряженности или корреляция звонкости. *Mutatis mutandis* то же самое действительно и в отношении литературного немецкого, французского, венгерского, сербохорватского и других языков, где глухие сильные противопоставляются звонким слабым и где способ нейтрализации этих противоположений ничего не говорит об их характере. Равным образом не вполне ясно положение дел в датском языке; правда, корреляция звонкости здесь ни при чем, поскольку все шумные в этом языке являются глухими, но так как придыхательные сильные противопоставляются здесь непридыхательным слабым, а последние в позиции нейтрализации представляют архифонему, то не известно, с какой корреляцией мы имеем дело — с корреляцией придыхания или с корреляцией напряженности. В ачумави, как свидетельствует Ульдалль («Intern. Journ. of American Linguistics», VIII, 1933, стр. 74), оба класса смычных противопоставлены друг другу, причем первый класс реализуется в виде придыхательных глухих, а второй — то в виде звонких, то в виде глухих слабых, то в виде рекурсивных. Аналогичные отношения присущи очень многим языкам, и в таких случаях, очевидно, предпочтительнее, не уточняя, называть корреляцию просто модальной корреляцией второй степени, а члены такой корреляции именовать просто «сильным» и «слабым». Все гораздо яснее там, где при наличии одной и той же преграды фонологически различаются более чем два типа преодоления ее. Понятно, что и в этом случае не исключена некоторая неопределенность, по крайней мере относительно компонентов коррелятивного пучка.

Дифференциация однородных по преграде фонем на модальные корреляции второй степени оказывается тем значительней, чем уже преграда. Это говорит о том, что смычные, как правило,

распадаются на большее число классов, чем фрикативные, а фрикативные — на большее число классов, чем сонанты. Конечно, это не правило, а лишь общая тенденция.

а) В консонантных системах с двумя ступенями преград, как, например, в восточном нуэр, о котором шла речь выше, смычные по линии модальной корреляции второй степени распадаются на два класса (b—p, d—t, d—t, g—k, ʃ—c), тогда как сонанты образуют всего лишь один класс (w, r, l, ɣ, y; m, n, ŋ, ɹ). Во многих языках, где представлены все три типа преград, смычные распадаются на два модальных класса, тогда как фрикативные и сонанты образуют только один класс: так, например, обстоит дело в датском (смычные: b—p, d—t, g—k; фрикативные: f, s; сонанты: r, l, j, v, δ, ɣ; m, n, ŋ); в языке майя (Юкатан) (смычные: p—p', t—t', c—c', č—č', k—k'; ʔ; фрикативные: s, š, h; сонанты: m, n, w, l, j)¹; в ненецком (юрако-самоедском) (смычные: b—p, d—t, g—k, c, ʔ; фрикативные: s, h; сонанты: m, n, ŋ, ɹ, w, l, r, j)²; в ламба (смычные: b—p, d—t, g—k, ɸ—t, фрикативные: f, s, ʃ; сонанты: m, n, ŋ, ɹ, r, l, v)³ и т.д. В других языках фрикативные распадаются на те же два модальных класса, что и смычные, тогда как сонанты не знают такой дифференциации. Это, быть может, наиболее распространенный тип консонантных систем: в Европе он встречается в английском, французском, голландском, русском, немецком, литовском, латышском, польском, белорусском, украинском, словацком, чешском, венгерском, румынском, сербохорватском, болгарском, итальянском и др.⁴, нередко его можно встретить и в других частях света. Наоборот, трудно найти язык, в котором бы не только смычные и фрикативные, но и сонанты распадались на одни и те же модальные корреляции второй степени. Там, где каждая из трех типов преград распадается на два модальных класса, там либо модальная корреляция второй степени оказывается нео-

¹ Ср. Benjamin Lee Whorf, The phonetic value of certain characters in Maya writing, «Papers of the Peabody museum of American archeology and ethnology Harvard University», XIII, 1933, № 2, сноска 3.

² Ср. Г. Н. Прокофьев, Ненецкий (юрако-самоедский) язык, «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 13.

³ Ср. Clement M. D o k e, A study of Lamba phonetics, «Bantu studies», July, 1928.

⁴ Трудно сказать, относится ли к этому типу также новогреческий. Здесь все зависит от того, как рассматривать в этом языке звонкие смычные b, d, g: как отдельные фонемы или как комбинаторные варианты. Внутри слова они возможны лишь после носовых — позиция, в которой не может быть ни ʔ, т, x, ни звонких фрикативных β, δ, ɣ. Внутри слова b, d, g появляются только в заимствованных словах; определить же, в какой мере последние органически вошли в новогреческий язык, довольно трудно.

динаковой для каждого типа преграды (например, в шотландско-гаэльском диалекте острова Барра, где смычные распадаются на два модальных класса в корреляции придыхания, фрикативные — на два модальных класса в корреляции звонкости и сонанты — на два модальных класса в корреляции интенсивности)¹, либо по крайней мере сонанты имеют иной тип корреляции, чем смычные и фрикативные (например, северный албанский диалект Шкодер, где корреляция звонкости дифференцирует смычные и фрикативные, а корреляция интенсивности — сонанты)². Среди известных нам языков одна и та же модальная корреляция, а именно корреляция звонкости, присуща во всех трех типах преград только ирландскому; этот язык имеет еще и ту примечательную особенность, что его сонанты участвуют не только в корреляции звонкости, но и в корреляции интенсивности, в связи с чем число модальных классов у сонантов превышает число модальных классов у шумных³.

В тех консонантных системах, где смычные и фрикативные распадаются на два модальных класса, теоретически в каждом локальном ряду (содержащем как смычные, так и фрикативные) должно быть четыре шумных. Так оно фактически и есть во многих языках, как, например, в упомянутом выше северном албанском диалекте Шкодер. Тем не менее локальные ряды с корреляцией сближения очень часто представлены не четырьмя, а тремя шумными. Так обстоит, например, дело в чешском, где *dz*, *dž* и *g* встречаются только в заимствованных словах: *p—b*, *t—d*, *t'—d'*, *f—v*, *k—ch—h*, *c—s—z*, *č—š—ž*. Те же отношения свойственны и чакавскому диалекту сербохорватского языка (*p—b*, *t—d*, *č—dž*, *f—v*, *k—x—γ*, *c—s—z*, *č—š—ž*), эрзя-мордовскому (*p—b*, *t—d*, *t'—d'*, *k—g*, *c—s—z*, *c'—s'—z'*, *č—š—ž*)⁴, верхнелужицкому (*p—b*, *t—d*, *č—dž*, *k—x—h*, *c—s—z*, *č—š—ž*), киньярванда (*p—b*, *t—d*, *k—g*, *c—s—z*, *č—š—ž*, *ř—f—v*)⁵ и т.д.

Таким образом, мы имеем здесь дело с таким явлением, которое повторяется во многих генетически не связанных между собой языках и которое, следовательно, должно иметь более глубокие корни. К данному типу принадлежит и голландский язык, в кото-

¹ Carl H. Borgström, *The dialect of Barra in the Outer Hebrides*, «Norsk Tidsskr. for Sprogvid.», VIII, 1935.

² Cp. G.S. Lowman в «Language», VIII, 1932, стр. 271—293.

³ Cp. Alf. Sommerfelt, *The dialect of Torr Co. Donegal*, I, Christiania, 1922.

⁴ Cp. Д.В. Бубрих, *Звуки и формы эрзянской речи*, М., 1930, а также N.S. Trubetzkoy, *Das mordwinische phonologische System verglichen mit dem Russischen* (Charisteria Guilelmo Mathesio), Praha, 1932, стр. 21 и сл.

⁵ Cp. P.P. Schumacher в «Anthropos», XXVI.

ром единственный локальный ряд, имеющий корреляцию сближения (а именно дорсальный), является вместе с тем единственным рядом, где нет смычного слабого¹. Можно предполагать, что во всех этих случаях корреляция сближения объединяется с модальной корреляцией второй степени, образуя «трехчленный пучок». Фонемой, которая, так сказать, «связывает» весь этот пучок, является сильный фрикативный. Однако имеются и иного рода пучки, состоящие из соединения корреляции сближения с модальной корреляцией второй степени. Новоавестийский определенно имел корреляцию сближения $p-f$, $t-\theta$, $k-x$, $\acute{c}-\acute{s}$. Но он обладал также и модальной корреляцией второй степени, определить которую более точно не представляется пока возможным (это была, вероятно, корреляция звонкости). Как бы там ни было, смычка или сближение (образование щели) были фонологически несущественными для слабых членов этой корреляции, ибо в начале слова они выступали как смычные, а в интервокальном положении — как фрикативные. Их, таким образом, можно рассматривать как «слабые» члены как по отношению к p , t , k , \acute{c} , так и по отношению к f , θ , x , \acute{s} (лишь отношение $s-z$ в ряду s было однозначным, поскольку здесь отсутствовал соответствующий сильный смычный). В марийском языке сибилантные локальные ряды имеют трехчленный пучок ($c-s-z$, $\acute{c}-\acute{s}-\acute{z}$, $\acute{c}-\acute{s}-\acute{z}$), а прочие ряды состоят из двух фонем, одна из которых является сильным смычным, а другая — слабым фрикативным ($p-\beta$, $t-\delta$, $k-\gamma$); после носовых все указанные противоположения во всех рядах нейтрализуются, причем в качестве представителей архифонем в данной позиции выступают слабые смычные; в начале слова противоположение $p-\beta$ сохраняется, а противоположения $t-\delta$ и $k-\gamma$ нейтрализуются, причем представителями архифонем выступают t , k , тогда как сибилантные ряды представлены в этой позиции как сильными смычными, так и сильными фрикативными ($c-s$, $\acute{c}-\acute{s}$, $\acute{c}-\acute{s}$). Таким образом, в упомянутом языке подлинная корреляция сближения существует, видимо, только в сибилантных рядах, тогда как в других рядах смычный характер сильного члена противоположения и фрикативный характер слабого члена следует расценивать как нечто второстепенное: в этих локальных рядах (а именно в лабиальном, апикальном и дорсальном) речь как будто идет о «шумных вообще», дифференцируемых лишь по линии модаль-

¹ В немецком языке положение сложнее: в лабиодентальном и сибилантном рядах нет слабого смычного ($pf-f-w$, $tz-ss-s$), а в дорсальном ряду — слабого фрикативного ($k-g-ch$).

ной корреляции второй степени. В некоторых словенских диалектах наряду с трехчленными пучками $c-s-z$, $\check{c}-\check{s}-\check{z}$, $k-x-\gamma$ в других локальных рядах имеются пары фонем, одна из которых является глухим смычным, а другая — звонким фрикативным ($p-\beta$, $t-\delta$). В исходе слова звонкие фрикативные заменяются глухими, в результате чего корреляция сближения проявляется во всех рядах в чистом виде: $p-f$, $t-\theta$, $k-x$, $c-s$, $\check{c}-\check{s}$. Следовательно, для лабиальных и дентальных шумных фонологически значимой является лишь корреляция сближения; корреляция же звонкости является значимой лишь для обоих фрикативных сибилантных рядов и для дорсального ряда: таким образом, в данном языке наблюдается крайне редкий случай, когда фрикативные имеют больше модальных классов, нежели смычные.

Все это говорит о том, что хотя корреляция сближения и является модальной корреляцией первой степени, однако во многих языках она близко соприкасается с модальной корреляцией второй степени, что, возможно, является необходимой предпосылкой для «формирования пучков».

Консонантные системы, в которых отдельные типы преград дифференцируются посредством ряда модальных корреляций, не так уж редки. Правда, европейские языки (за исключением нескольких диалектов) для каждого типа преграды имеют, как правило, самое большее одну модальную корреляцию второй степени, причем порой трудно решить, что следует принять за признак корреляции. Но во многих языках других географических зон (равно как и в некоторых европейских диалектах) сюда присоединяется еще вторая модальная корреляция второй степени. При этом и в подобных случаях сохраняется тенденция к более сильной дифференциации «более узких типов преград».

б) Языки, в которых имеются две модальные корреляции второй степени у взрывных и нет ни одной корреляции подобного рода у фрикативных и сонантов, представлены во всех частях света. Можно указать, например, на китайский диалект Сянтань (провинция Хунань) (смычные: $b-p-p^h$, $d-t-t^h$, $g-k-k^h$, $\check{g}-\check{k}-\check{k}^h$, $z-c-c^h$; фрикативные: x , χ , s ; сонанты: m , n , η , υ)¹ и хайда (смычные: $b-p$, $d-t-t'$, $g-k-k'$, $\check{g}-\check{k}-\check{k}'$, $z-c-c'$, $\lambda-\lambda-\lambda'$; фрикативные: x , \check{x} , s , \check{s} , h ; сонанты: m , n , η , w , l , j)². К этому же типу

¹ Ср. Е. Н. и А. А. Драгуновы, К латинизации диалектов Центрального Китая, «Изв. АН СССР. Отдел. обществ. наук», № 3, 1932, стр. 239 и сл.

² Ср. R. J. Swanton в «Bull. of the Bureau of American ethnology», № 40, стр. 210 и сл.

принадлежит и древнегреческий (с одной стороны, π—β—φ, τ—δ—θ, κ—γ—χ; с другой стороны — σ, ρ, λ, μ, ν). В других языках смычные имеют две модальные корреляции, а фрикативные — только одну, тогда как сонанты вовсе не дифференцированы в отношении этих корреляций. В качестве примера можно привести цаконский диалект современного греческого языка (где геминированные смычные стали придыхательными, что дает следующую систему: b—p—p^h, d—t—t^h, g—k—k^h, z—c; v—f, δ—θ, γ—x, z—s, ž—š; r, l, r, l, m, n, η)¹ грузинский (b—p—p', d—t—t', ġ—k—k', z—c—c', ž—č—č', k; γ—x, z—s, ž—š, v, r, l, m, n), тибетский (b—p—p^h, d—t—t^h, g—k—k^h, z—c—c^h, ž—č—č^h, ʒ—h; z—s; ž—š, m, n, η, p, v, j, r, l)², амхарский (b—p—p', d—t—t', g—k—k', ġ—k—k', ž—č—č'; z—s, ž—š, m, n, p, r, l, w, y)³, чичева в северо-восточной Родезии (b—p—p^h, d—t—t^h, g—k—k^h, ž—č—š^h, z—c, ʒ—p; z—s, v—f; m, n, η, p, w, l, γ)⁴ и т.д.

Другие языки имеют две модальные корреляции второй степени как в ряду смычных, так и в ряду фрикативных, тогда как сонанты не участвуют ни в одной из этих корреляций. К данному типу принадлежит, например, кабардинский: b—p—p', d—t—t', g—k—k', z—c—c', k—k', ʒ—h; ž—š—š'; v—f—f', l—l—l' (+γ—x, γ—x, z—s, ž—š, h)⁵. В бирманском смычные и фрикативные имеют две модальные корреляции второй степени, а сонанты — только одну из них: b—p—p^h, d—t—t^h, g—k—k^h, j—k—k^h, z—s—s^h (+δ—θ); m—m', n—n', η—η', l—l', y—y' (+w)⁶. Все эти случаи подтверждают правило, согласно которому более узкие преграды имеют тенденцию к большей дифференциации на корреляции второй степени. Исключение из этого правила мы встречаем в языке цимшиан, где сонанты имеют те же две модальные корреляции, что и смычные,

¹ Cp. G. P. A l a g n o s t o p o u l o s, *Tsakonische Grammatik*, «Texte und Forschungen zur Byzantinisch-Neugriechischen Philologie», № 5, Berlin — Athen, 1926.

² Cp. H. A. J a s c h k e, *Tibetan grammar*, изд. 2-е (Trübners Collection of simplified grammars, VIII, 1883).

³ Cp. Marcel C o h e n, *Traité de langue Amharique*, «Travaux et mémoires de l'institut d'ethnologie», XXIV, Paris, 1936, стр. 30 и сл.

⁴ Mark Hanna W a t k i n s, *A grammar of Chichewa, a Bantu language* (Language dissertations Ling. Soc. of America), № 24, 1937. Уоткинс описывает фонему ʒ как особого рода фрикативный, однако по своему положению в системе она является смычной (слабой аффрикатой?).

⁵ Cp. Н. Ф. Я к о в л е в, *Таблицы фонетики кабардинского языка*, М., 1932. Корреляцию по лабиализации у дорсальных мы не принимаем здесь во внимание.

⁶ Cp. J. R. F i r t h, *Alphabet and phonology in India and Birma*, «Bull. of the school of Oriental studies», 1936, стр. 533. Тембровую корреляцию мы не принимаем во внимание.

тогда как фрикативные не дифференцируются ни по одной из этих корреляций: $b-p-p'$, $d-t-t'$, $g-k-k'$, $\dot{g}-k-k'$, $\ddot{g}-k-k'$, $z-c-c'$, $x, \dot{x}, \ddot{x}, s, h$; $l-l'-l'$, $w-w'$, $y-y'$, $m-m'$, $n-n'$, r^l .

Приведенные выше примеры (число которых легко можно приумножить), видимо, показывают, что во всех системах, где смычные (или шумные) дифференцируются по линии модальных корреляций второй степени, одна из этих корреляций является либо корреляцией придыхания, либо корреляцией рекурсии, тогда как другая — либо корреляцией напряженности в своем чистом виде, либо «сплавом» корреляции напряженности с корреляцией звонкости (глухой сильный — звонкий слабый). Если мы примем во внимание то, что немаркированный член корреляции рекурсии обычно реализуется как придыхательный (чтобы резче подчеркнуть его противоположность рекурсивному, артикулируемому с закрытой голосовой щелью и, следовательно, с очень небольшим количеством воздуха), то обнаружим близкое родство, существующее между корреляцией придыхания и корреляцией рекурсии: они отличаются друг от друга только тем, что маркированным в одной корреляции оказывается «сильный» член оппозиции, а в другой — «слабый» член, что выявляется фонетически в увеличении «силы» (путем энергичного давления воздушной струи, иными словами, путем придыхания) или «слабости» (путем уменьшения давления воздушной струи благодаря смыканию голосовой щели). Сочетаясь с корреляцией напряженности (или с корреляцией звонкости), корреляция придыхания или рекурсии образует трехчленный пучок, члены которого создают градуальный ряд. Если один из компонентов этого пучка представляет собой корреляцию придыхания, то «средним» членом градуального ряда оказывается непридыхательный глухой сильный ($d-t-t^h$), если же один из компонентов пучка является корреляцией рекурсии, тогда «средним» членом градуального ряда оказывается слабый (глухой или звонкий) с инфраглоттальной экспирацией ($t-d-t'$). Во всех языках, где эти трехчленные пучки свойственны только смычным и где другие типы преград дифференцируются лишь по линии корреляции второй степени, последняя присуща одновременно и смычным (чаще всего это — корреляция звонкости, слитая с корреляцией напряженности)².

¹ Ср. Franz Boas в «Bull. of the Bureau of American ethnology», XL, стр. 291.

² В языке шона (семейство банту в Родезии) смычные объединяются в трехчленный пучок: «глухой — звонкий эксплозивный — звонкий инъективный» ($p-b-b^v$, $t-d-d^v$), фрикативным же свойственна только корреляция звонкости; сонантам модальные корреляции вообще не известны (ср. Clement M. Doke, A comparative study in Shona phonetics). В принципе эта система по своей структуре

в) Языки, имеющие более двух модальных корреляций второй степени для одного типа преграды, встречаются крайне редко. В восточнокавказских языках Дагестана и западных диалектах адыгейского корреляции напряженности (или корреляции звонкости) сочетаются с корреляцией рекурсии и с корреляцией интенсивности. Смычные имеют все три корреляции, которые в разных языках образуют разные пучки: в аварском из пяти членов, правда не во всех рядах (например, $g-k-K-k'-K'$, но $d-t-t'$), в лакском из четырех членов ($d-t-T-t'$) и т.д. Корреляция интенсивности у фрикативных встречается во всех языках Дагестана, за исключением лезгинского (кюринского) и рутульского; в корреляции звонкости противоположение смычных и фрикативных в этих языках большей частью фонологически несущественно, а корреляция рекурсии совершенно чужда фрикативным¹. С другой стороны, в западных диалектах адыгейского четырехчленный пучок присущ смычным ($d-t-t'-T$ и т.д.), тогда как у фрикативных фонологически существенной оказывается как корреляция звонкости, так и корреляция рекурсии (в сибилантных рядах, видимо, также корреляция интенсивности)².

Характерным для всех этих языков является неучастие сонантов во всех трех указанных модальных корреляциях второй степени³. Таким образом, в языках Северного Кавказа проявляется уже упоминавшаяся тенденция к градации числа модальных классов в зависимости от типа преграды. Сочетание корреляции звонкости (или корреляции напряженности) с корреляцией рекурсии и корреляцией придыхания, должно быть, существует в дакота (язык семейства сиу в Северной Америке)⁴. У смычных эти три корреляции образуют

не отличается от той системы, которая рассматривалась выше. То же можно сказать и о системе согласных языка «фульфульде».

¹ Подробнее см. N.S. Trubetzkoy, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, «Caucasica», VIII.

² Ср. N. Jakoviev, Kurze Übersicht über die tscherkessischen (adyghischen) Dialekte und Sprachen, «Caucasica», VI, 1930, стр. 1 и сл., а также N.S. Trubetzkoy, Erinnerungen an einen Aufenthalt bei den Tscherkessen des Kreises Tuapse, там же, II, стр. 5 и сл.

³ Наше предположение о том, что сонанты табасаранского языка принимают участие в корреляции интенсивности («Caucasica», VIII стр. 25 и сл.), было ошибочным. В действительности здесь мы имеем корреляцию геминации, на что обратил мое внимание Моррис Сводеш.

⁴ Ср. Boas и Swanton в «Bull. of the Bureau of American ethnology», XL, стр. 380. Более ранние исследователи языка дакота не отмечали в нем корреляции придыхания; это, очевидно, свидетельствует о том, что придыхание в языке дакота весьма слабое. Слабое придыхание характерно также для немаркированного члена корреляций рекурсии и интенсивности в северокавказских языках. Поэтому возможно, что в дакота речь идет не о корреляции придыхания, а о корреляции интенсивности.

четырёхчленный пучок ($b-p-p^h-p'$, $d-t-t^h-t'$, $g-k-k^h-k'$ и неполный пучок $\check{c}-\check{c}^h-\check{c}' = \check{z}-\check{z}^h-\check{z}'$ в диалекте понка), но корреляция придыхания фрикативным неизвестна ($z-s-s'$, $\check{z}-\check{s}-\check{s}'$, $\gamma-x$), а сонанты вообще не участвуют ни в одной из модальных корреляций (m , n , w , y , l). В синдхи у смычных корреляции звонкости, придыхания и способа размыкания образуют пятичленный пучок ($p-p^h-b-b^h-b'$, $t-t^h-d-d^h-d'$, $k-k^h-g-g^h-g'$, $c-c^h-f-f^h-f'$ и неполный пучок $t-t^h-d-d^h$), фрикативные имеют лишь корреляцию звонкости ($f-v$, $s-z$ и некоррелятивные \check{s} , h , x), а сонанты вообще не имеют модальных корреляций второй степени¹. Число примеров на сочетание трех (и даже четырех) модальных корреляций второй степени в пределах одной и той же преграды можно было бы, вероятно, увеличить. Однако не подлежит никакому сомнению, что подобного рода случаи крайне редки.

В заключение рассмотрим несколько интересных примеров, показывающих, как иной раз общий контекст системы настолько изменяет природу корреляции, что в результате возникает совершенно новая корреляция.

В восточном бенгальском языке имеются (по крайней мере в начале слова) три консонантные корреляции: корреляция звонкости, корреляция придыхания и корреляция рекурсии; корреляция придыхания ограничена только смычными, корреляция звонкости — только шумными, а корреляция рекурсии охватывает все типы преград: $p-b-p'-b^h-p^h$; $t-d-t^h-d^h-t^h$; $\check{t}-\check{d}-\check{t}^h-\check{d}^h-\check{t}^h$; $k-g-k^h-g^h-k^h$; неполно: $c-\check{z}-c'-\check{z}'$, $f-v-f'$; $x-\gamma$, $\check{s}-\check{s}'$, s ; $m-m^h$; $n-n^h$; $r-r^h$; $l-l^h$ ². Сибилянтный ряд, таким образом, является здесь единственным рядом без придыхательного смычного. Если принять во внимание, что для s нет соответствующего ему рекурсивного (в противоположность f и \check{s}), то можно предположить, что s является придыхательным сибилянтного ряда. Таким образом, в восточном бенгальском в сибилянтном локальном ряду корреляция придыхания заменяется, видимо, корреляцией сближения (что, заметим, между прочим, верно и с диахронической точки зрения).

Если в отношении восточнобенгальского предложенное толкование является только возможным, то в других языках приравнивание противоположения придыхательных и непридыхательных к противоположению фрикативных и смычных оказывается совершенно очевидным. Так, например, обстоит дело в языке пуэбло (Таос)³. Здесь мы имеем корреляции звонкости ($b-p$, $d-t$, $g-k$, $l-l'$), корреляции рекурсии (только у смыч-

¹ Cp. R. L. Turner, The sindhi recursives or voiced stops preceded by glottal closure, «Bull. of the school of Oriental studies», III, стр. 301 и сл.

² Cp. Suniti Kumar Chatterjee, Recursives in New-Indo-Aryan (Publ. by the Linguistic Society of India), Lahore

³ Cp. G. L. Trager, $\delta\alpha$ lɛŋgwiʃ əv $\delta\alpha$ pweblow əv Táos [nuw meksikow], «Le Maître Phonétique», 3ème série, № 56, стр. 59 и сл.

ных: $p-p'$, $t-t'$, $k-k'$, $s-s'$), далее корреляции сближения и придыхания, которые, однако, исключают друг друга, в результате чего корреляция придыхания возможна только в лабиальном и апикальном рядах ($p-p'$, $t-t'$), а корреляция сближения — только в гуттуральном, лабиализованном гуттуральном и сибилантном рядах ($k-x$, $k-\chi$, $s-s$). Можно предположить, что здесь речь идет не о двух различных, а об одной-единственной корреляции; причем один из членов этой корреляции характеризуется энергичной смычкой, для размыкания которой требуется весь запас выдыхаемого воздуха, тогда как выдыхаемой воздушной струе другого члена противопоставляется весьма слабая преграда, которая в зависимости от характера локального ряда может быть либо слабой смычкой, либо щелью. Такую корреляцию можно скорее всего отождествить с корреляцией интенсивности, и тогда язык пуэбло имел бы корреляции звонкости, рекурсии и интенсивности.

Весьма своеобразной и поучительной выглядит система согласных языка сандаве (Восточная Африка). Отто Демпвольф, который описал этот язык¹, дает следующий перечень согласных: а) звонкие слабые b , d , g , z , λ (латеральная аффриката); б) «полузвонкие слабые», которые, по Демпвольфу, следует отождествить с « b^v », « d^v » и др. языка фуль и таким образом рассматривать как «инъективные» (b^v , d^v , g^v); в) сильные непридыхательные p , t , k , s , λ (латеральная аффриката); г) сильные придыхательные p^h , t^h , k^h (последний только в одном-единственном слове); д) сильные рекурсивные k^r , s^r , λ^r ; е) сильные рекурсивные со «сжатогортанным отступом» k^3 , λ^3 (возможно, что это лишь варианты k^r , λ^r); ж) глухие щелинные f , x , s , l , h ; з) носовые m , n , η и u) плавные g , l , w , y . Помимо того, в сандаве имеются еще щелкающие, которые мы не рассматриваем. Достаточно просмотреть этот перечень, чтобы заметить, что противоположения сильных в группах в и г возможны только в лабиальном и дентальном рядах, тогда как противоположения типов д и в — лишь в сибилантном и латеральном рядах. Кроме того, легко заметить сходство обоих противоположений: в том и другом случае звук, произносимый с помощью небольшой массы выдыхаемого воздуха, противопоставляется звуку, произносимому с помощью гораздо большей массы выдыхаемого воздуха; в парах $p-p^h$, $t-t^h$ этот результат достигается незначительным раскрытием голосовой щели при произнесении одного из членов противоположения и широким раскрытием ее при произнесении другого члена противоположения; в парах $s-s^r$, $\lambda-\lambda^r$ тот же результат достигается благодаря тому, что при произнесении одного из членов противоположения голосовая щель полностью закрыта, а при произнесении другого члена — нет. В гуттуральном ряду противоположение $k-k^r$ принадлежит к той же корреляции, и если k^h и k^3 действительно являются особыми фонемами (о чем по материалам О. Демпвольфа судить нельзя), тогда k^h является усилением k , а k^3 — усилением k^r (что касается λ^3 , то его следует, очевидно, трактовать так же, как k^3). Если мы перейдем к сла-

¹ «Die Sandawe» («Abhandlungen des Hamburger Kolonialinstituts», XXXIV, 1916).

бым, то увидим, что b, d, g произносятся с экспирацией, а b^h, d^h, g^h — без экспирации; это противополoжение можно, таким образом, подвести под ту же формулу, что и противополoжения p—p^h, t—t^h и k—k^h, c—c^h, λ—λ^h: с одной стороны, полная, беспрепятственная экспирация, с другой стороны, наличие препятствия, отсутствие полной экспирации. Следовательно, в сандаве как у сильных, так и у слабых имеется особого рода корреляция, сущность которой состоит в противополoжении смычных с полной (беспрепятственной) экспирацией и смычных с неполной экспирацией. Фрикативные, носовые и плавные не участвуют ни в этой, ни в какой-либо другой модальной корреляции второй степени. Что касается шелкающих, то они делятся на звонкие, глухие, придыхательные, глухие с «твердым» приступом и назализованные, но имеют (по крайней мере глухие) противополoжения по отмеченному выше признаку «полная экспирация — неполная экспирация»¹. По локальному признаку шелкающие в сандаве, согласно Демпвольфу, подразделяются на «латеральные», «дентальные» и «церебральные». Связь шелкающих латеральных с латеральными λ, λ, λ' очевидна. Согласно Демпвольфу, «дентальные» шелкающие с «твердым» приступом акустически напоминают ts¹; равным образом «церебральные» рекурсивные шелкающие акустически трудно отличить от k³ (цит. раб., стр. 10). Поэтому «дентальные» шелкающие следовало бы включить в сибилантный ряд, а «церебральные» — в гуттуральный (это предполагает, что для «гуттуральных» в языке сандаве фонологически существенным является не определенная часть или определенная форма языка, а лишь соприкосновение определенной части нёба со спинкой или с загнутой назад частью языка). Таким образом, система согласных этого языка может быть представлена в виде таблицы (см. таблицу на стр. 179; с сохранением транскрипции Демпвольфа)².

В заключение рассмотрим еще систему согласных готтентотского языка. Благодаря превосходной работе Д.М. Бича³ мы обладаем в настоящее

¹ С фонетической точки зрения шелчок совершенно не зависит от дыхания (а следовательно, от экспирации). Но в сандаве шелкающие звуки никогда не употребляются изолированно; они, как правило, сопровождаются либо звонким отступом (который факультативно чередуется с особого рода g), либо придыханием, либо твердым отступом. И так как все эти сочетания встречаются и в начале слова, где, помимо этого, никакие сочетания согласных невозможны, то их следует расценивать как одну фонему. В «дентальном» и «латеральном» рядах придыхательный шелкающий факультативно чередуется с сочетанием «шелкающий + k», в «церебральном» ряду (который мы называем гуттуральным) придыхательный шелкающий реализуется исключительно как сочетание «шелкающий + k».

² При этом не учитываются консонантные различия по характерному тону: все шумные, кроме лабиальных, выступают в сандаве в двух разновидностях: лабиализованной (dw, kw, sw, λw и т.д.) и нелабиализованной.

³ «The phonetics of the Hottentot language», Cambridge, 1938. Мы ограничиваемся здесь диалектом нама (с которым в существенных чертах совпадает диалект бергдама).

Согласные		Ла-биаль-ные	Апи-каль-ные	Гуттуральные		Сибиллянты		Латеральные		Ла-рин-галь-ные	Вне ло-кальных рядов
				простые	шел-кающие	простые	шел-кающие	простые	шел-кающие		
Смычные	звонкие	Полная экспл.	b	d	g	!	dz	/	<u>d</u>	//	·
		Неполная >	b	d	g						
	глухие	Полная >	ph	th	k, kh	!h	ts	/h	<u>t</u>	//h	(h)
		Неполная >	p	t	k', k ³	!	ts'	/'	<u>t'</u> , <u>t'</u>	//'	'
Фрикативные		f	—	x		s		<u>s</u>		h	
Носовые		m	—	ñ	!n	n ¹	/n	—	//n	—	
Плавные		w	—	—		—		l		—	у, г

¹ В положении после начального носового из согласных возможны лишь гоморганные, беспрепятственно экспирируемые звонкие смычные. Так, в начале слова встречаются сочетания mb, ng, ndz, но не nd. Это говорит о том, что n принадлежит не к апикальному, а к сибиллянтному ряду.

время надежными сведениями о числе фонем в этом языке и о существенных особенностях их фонетической реализации. Остается лишь установить взаимоотношения этих фонем. Готтентотский язык (точнее, диалект нама) имеет в лабиальном ряду всего один смычный и один носовой, в ларингальном ряду всего один смычный и один спирант. На первый взгляд апикальный ряд имеет как будто ту же структуру, что и лабиальный ($t : p = r : m$), а сибилантный ряд — ту же структуру, что и ларингальный ($s : z = \dot{z} : h$). Однако это впечатление обманчиво, во-первых, потому, что сибилантный смычный (аффриката) сильно аспирирован, тогда как все прочие смычные в нама являются глухими слабыми без (или почти без) придыхания, во-вторых, потому, что гуттуральный ряд в нама до известной степени противоречит данной выше трактовке других локальных рядов. В самом деле, этот гуттуральный ряд обладает не только смычным k (который реализуется как глухой слабый без придыхания) и спирантом x , но и сильно придыхательной аффрикатой kx . Ясно, что отношение $kx : x$ тождественно отношению $s : z$. Но как понимать тогда отношение $k : kx$? Что является фонологически существенным в этой паре фонем: противоположение эксплозивного и аффрикаты или противоположение смычного придыхательного и смычного непридыхательного? Придыхание нельзя объяснить как фонетическое следствие аффрицирования, тогда как аффрицирование объясняется довольно просто как фонетическое следствие энергичного придыхания. Поэтому правильнее будет рассматривать kx (точнее kxh) в качестве придыхательного сильного, а аффрицирование — как фонетическое явление, несущественное в фонологическом отношении. Но поскольку отношение « kx » : x в нама, очевидно, следует приравнять к отношению « s (= tsh)» : z , то аффрицирование s (= tsh) равным образом нужно считать фонологически несущественным. Иными словами, « s » (= tsh) является сильно придыхательным и так же относится к слабому t , как « kx » к k . Это значит, что нет никаких оснований для выделения в языке нама особого сибилантного ряда: он имеет лишь апикальный ряд, в составе которого придыхательные и фрикативные реализуются как сибиланты, тогда как непридыхательные глухие и носовые выступают как несибилантные смычные. В фонологической транскрипции « kx » и « ts » следует передавать через k^h , t^h ; с фонологической точки зрения между нама и корана (где эти фонемы действительно реализуются как неаффрицированные аспирированные взрывные) здесь нет никакой разницы. Результат, к которому мы пришли, можно изложить следующим образом: нама имеет в нешелкающих согласных: а) корреляцию придыхания; б) корреляцию сближения; в) резонансную назальную корреляцию; при этом корреляция придыхания и корреляция сближения отсутствуют в лабиальном ряду и совпадают в ларингальном ряду (поскольку h можно с одинаковым успехом рассматривать и как ларингальную аспиранту и как ларингальный спирант); что же касается назальной корреляции, то она имеется лишь в лабиальном и апикальном рядах. Вне корреляции находится «один-единственный плавный» g . Отсюда следующая схема:

p	t	k	ɔ	+ r
—	tʰ	kʰ	h	
—	s	x		
m	n	—	—	

Что же касается шелкающих согласных, то мы уже видели, что в готтентотском языке в авульсивной корреляции принимают участие лишь апикальный и гуттуральный ряды¹. Было также отмечено, что шелкающие подразделяются на взрывные (plosive) и аффрикативные (affricative). Оставим пока в стороне это противополжение и рассмотрим различные типы преодоления преграды в каждом локальном ряду шелкающих согласных. Согласно Бичу, способов преодоления преграды в языке нама насчитывается пять: а) «слабый незвонкий веларный взрывной» (the weak unvoiced velar plosive type) (стр. 82 и сл.); б) «сильный незвонкий веларный аффрикативный» (the strong unvoiced velar affricative type) (стр. 83 и сл.); в) «глоттальный взрывной» (the glottal plosive type) (стр. 84 и сл.); г) «глоттальный фрикативный» (the glottal fricative type) (стр. 86 и сл.); д) «носовой» (the nasal type) (стр. 87 и сл.). Ясно, что носовые шелкающие соответствуют носовым нешелкающим; правда, говорить о полном соответствии можно только в отношении переднеязычного ряда, поскольку гуттуральный ряд нешелкающих в языке нама не имеет носовых, но явления симметрии подобного рода нередки в фонологической системе нама, где шелкающие фонемы в общем весьма дифференцированы. Не составляет труда интерпретация и прочих типов. Типы в и г характеризуются тем, что при их произношении размыкаются как передняя, так и задняя (иными словами, как «основная», так и «подпирающая») смычки и лишь затем появляется выдох, необходимый для артикуляции гласного и сопровождаемый сильным приступом (ɔ) в случае в и воздушным приступом в случае г. Ясно, что тип в соответствует непридыхательным смычным, а тип г — придыхательным смычным. В типах а и б выдох наступает после размыкания основной смычки, но еще до размыкания «подпирающей» смычки, в результате чего после специфического всасывающего или шелкающего звука слышится k в типе а и hɔ в типе б, которые звучат, почти как обычные k и kx. Но поскольку, как мы уже видели, «kx» является придыхательным, то между типами а и б существует точно такое же отношение, как между типами в и г. Но как понимать отношение а : в и б : г? Из описания Бича следует, что в «глотталь-

¹ Для таких языков, как готтентотский, было бы, пожалуй, целесообразно заменить термин «апикальный» термином «переднеязычный», а термин «гуттуральный» термином «заднеязычный», учитывая те противополжения, которые господствуют в соответствующих рядах шелкающих звуков.

ных типах» *в* и *г* размыкание обеих смычек завершается гораздо быстрее, а появление выдоха (экспирации) наступает гораздо позже, чем в «велярных типах» *а* и *б*. Общая длительность щелкающих типа *а* должна быть меньше длительности щелкающих типа *в* (см. цит. раб., стр. 117), так что задержка экспирации в конечном счете оказывается решающей для акустического эффекта¹. Следовательно, отношение между типами *а* и *в* в соответствии с типами *б* и *г*, очевидно, можно рассматривать как корреляцию интенсивности, причем типы *а* и *б* с ускоренным наступлением выдоха следует трактовать как «слабые» члены, а типы *в* и *г* с замедленным наступлением выдоха — как «сильные» члены этой корреляции². Сложнее всего фонологическая интерпретация противоположения щелинных «взрывных» и «аффрикативных». Мы уже видели, что у нещелкающих звуков аффрикаты являются лишь фонетической реализацией придыхательных, и поэтому противоположение *k* : «*kx*» (или *t* : «*ts*») соответствует противоположению *а* : *б* или *в* : *г* у щелкающих. Но это не имеет никакого отношения к противоположению взрывных и аффрикативных щелкающих, ибо типы *а*, *б*, *в* и *г* имеют как во взрывном, так и в аффрикативном ряду. Спрашивается, нельзя ли сопоставить противоположение взрывных и аффрикативных щелкающих с корреляцией сближения у нещелкающих? Конечно, параллелизм является не полным. Подлинный «щелинный» или «фрикативный» в тех фонетических условиях, какие предполагают образование щелчка, произнести невозможно. Любой щелкающий, безусловно, должен начинаться со смычки, и это всегда следует иметь в виду как нечто само собой разумеющееся. В таком случае остается лишь противоположение между внезапным (эксплозивообразным) и фрикативообразным размыканием, которое, конечно, похоже на противоположение смычки и щели. «Дентальные» аффрикативные щелкающие имеют *ts*-образный оттенок и могут поэтому рассматриваться как щелкающий коррелят *s*. Связь «латеральных» аффрикативных щелкающих с *x* менее очевидна, так же как связь «взрывных» «альвеолярных» (или «церебральных») щелкающих с *k*. Но поскольку подлинный велярный щелкающий в общем невозможен, то здесь речь идет только об относительном сходстве. И если мы примем во внимание, что место образования шума трения у латеральных щелкающих находится гораздо глубже, чем у дентальных щелкающих, то данное отношение можно будет, пожалуй, сравнить с тем, какое существует

¹ Бич ничего не говорит о том, каково соотношение типов *б* и *г* по линии длительности; он лишь отмечает, что щелкающие этих двух типов имеют большую длительность, чем щелкающие типа *а*.

² В корреляции интенсивности «слабые» члены оппозиции (то есть легкие согласные), естественно, являются немаркированными; в корреляции придыхания то же самое следует сказать о непридыхательных согласных. С этим согласуется то, что Бич рассматривает щелкающие типа *а* как «самые простые» («the simplest clicks of Hottentot», стр. 83) и не снабжает их в своей транскрипции диакритическим знаком.

между s и x¹. Однако если даже принять интерпретацию, которую мы даем аффрикативным щелкающим готтентотского языка, то все равно в системе фонем останется известная асимметрия: тогда как «лингвальные» ряды нещелкающих обладают всего лишь одним фрикативным (s или x), соответствующие ряды щелкающих имеют пять аффрикат, дифференцированных по линии резонансной назальной корреляции и по линии пучка, содержащего корреляции придыхания и

Согласные			Лабильные	Переднеязычные		Заднеязычные		Ларингалы		
				простые	щелкающие	простые	щелкающие			
Смычные	непридыхательные	легкие	p	t	≠k	k	!k	Не обозначено		
		тяжелые							≠	!
	придыхательные	легкие	—	ts	≠x	ʔx	!x			
		тяжелые							≠h	!h
Фрикативные	непридыхательные	легкие	—	δ	/k	x	//k	h		
		тяжелые							/	//
	придыхательные	легкие							/x	//x
		тяжелые							/h	//h
Носовые	Взрывные		m	n	≠n	—	!n	—		
	Аффрикативные								/n	//n

+r

¹ Можно было бы спросить, почему же тогда заднеязычные аффрикативные щелкающие дают при церебральном положении языка латеральное, а не «фронтальное» размыкание. Нам кажется, что такая реализация была бы мало выразительной акустически и могла бы привести к смещению с переднеязычным аффрикативным или с заднеязычным взрывным рядами щелкающих. Латеральное размыкание, таким образом, кажется нам единственно возможным решением фонетической проблемы реализации заднеязычного щелкающего фрикативного.

интенсивности. Приведенная на стр. 183 таблица призвана проиллюстрировать нашу интерпретацию консонантной системы нама. В ней мы используем практическую латинскую транскрипцию, предложенную Бичем, транскрипцию, в которой различные шелкающие изображаются диграфами. Из этой таблицы видно, насколько многозначна здесь категория аффрикат¹.

Этих примеров, очевидно, достаточно, чтобы составить представление о многообразии консонантных систем, проистекающем из сочетания разных модальных корреляций второй степени.

е) Корреляция геминации как модальная корреляция третьей степени

Само собой разумеется, что модальные корреляции второй степени могут считаться таковыми лишь постольку, поскольку оба члена противоположения являются однофонемными. В таком языке, как украинский, очень часто встречаются группы, состоящие из звонкого согласного и звонкого придыхания. Но поскольку длительность такой группы превышает длительность одного согласного и так как она либо распределяется по двум слогам (*під горою* «под горой», *від-городити* «отгородить»), либо разложима этимологически (*з-годити-ся* «пригодиться»), то ее следует рассматривать не как реализацию одной фонемы, а как реализацию группы фонем (d + h, z + h); это значит, что в украинском языке не может быть и речи о корреляции придыхания. Во многих языках имеются еще так называемые геминированные согласные. Они отличаются от «простых», или «негеминированных», большей длительностью и очень часто также более энергичной артикуляцией, что напоминает корреляцию интенсивности. Однако в положении между гласными геминированные согласные распределяются по двум слогам таким образом, что их приступ присоединяется к предыдущему слогу, а отступ — к последующему. Кроме того, эти согласные обнаруживаются только в тех положениях, где данный язык допускает группы согласных; на окружающие звуки они оказывают то же воздействие, что и группы согласных, и в общем ведут себя в языке так же, как группы согласных. Все эти признаки указывают на их многофонемную значимость, побуждая интерпретировать геминаты как сочетания из двух одинаковых со-

¹ Другая особенность состоит в том, что апикальный и гуттуральный ряды как единственные ряды «лингвальных» звуков образуют одномерную оппозицию, которая к тому же нейтрализуется: k и kx не могут предшествовать i, a t и ts в этом положении следует рассматривать как «лингвальные смычные вообще».

гласных¹. Это очевидно без пространных объяснений в отношении тех языков, где геминированные согласные появляются т о л ь к о на стыке морфем, как, например, в русском или польском (за исключением заимствованных слов). Однако в языках, где геминированные согласные появляются не т о л ь к о в этой позиции (например, в санскрите), и особенно в языках, где они н и к о г д а не встречаются на стыке морфем (например, в японском), геминированные согласные занимают промежуточное положение между фонемой и группой фонем. С точки зрения этих языков геминаты являются особыми согласными, которые отличаются от прочих согласных тем, что их начало и конец фонологически представляют собой два отдельных момента, тогда как у всех прочих согласных начало и конец фонологически совпадают в одной точке.

Таким образом, в ряде языков существует особая к о р р е л я ц и я г е м и н а ц и и, признаком которой является раздельное существование начала и конца согласных (в противоположность совпадению начала и конца). Ясно, что эта корреляция не может быть включена в состав модальных корреляций второй степени, ибо ее признак в корне отличается от признаков, свойственных шести перечисленным выше корреляциям (см. гл. IV, 4Бб). Следовательно, корреляцию геминации следует определить как «модальную корреляцию т р е т ь е й с т е п е н и».

Если модальные корреляции второй степени предполагают существование отдельных типов преград, то корреляция геминации, как правило, присуща отдельным классам модальных корреляций второй степени. В отдельных языках эта корреляция охватывает все классы, однако в очень многих языках она ограничивается лишь некоторыми определенными классами. Например, противоположение геминированных и негеминированных в некоторых дагестанских языках (табасаранском, агульском, лакском, даргинском, кубачинском, арчинском и андийском) свойственно только сонантам²; в японском языке оно известно только носовым и глухим шумным³, в древнегреческом (ионийско-аттическом) — всем со-

¹ Ср. N.S. Trubetzkoy, Die phonologischen Grundlagen der sogenannten «Quantität» in verschiedenen Sprachen, «Scritti in onore di Alfredo Trombetti», Milano, 1936, стр. 167 и сл.; его же, Die Quantität als phonologisches Problem (Actes du IVème Congrès international de linguistes, Copenhague, 1938); Morris Swadesh, The phonemic interpretation of long consonants, «Language», XIII, 1937, стр. 1 и сл.

² Ср. N.S. Trubetzkoy, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, «Caucasica», VIII.

³ Ср. О. Плетнер и Е. Поливанов, Грамматика японского разговорного языка, М., 1930, стр. 150.

гласным, за исключением звонких (*mediae*), в корейском — только сонантам и слабым смычным и т.д.¹

Существуют языки, в которых вообще нет модальных корреляций второй степени, но имеются модальные корреляции первой степени, с одной стороны, и корреляция геминации — с другой. К таким языкам принадлежит, например, тамильский, о котором уже шла речь выше; в нем корреляция геминации охватывает все сонанты (за исключением г и R) и все шумные²; далее, мансийский (вогульский)³, хантыйский (остяцкий)⁴ и некоторые другие языки. Собственно говоря, к этому же типу надо бы причислить и финский язык; поскольку финское *g* возможно только в группе «ng», которую с точки зрения фонологической системы финского языка следует рассматривать как реализацию геминированного дорсального носового, то есть как *ŋ* (*hanko* «вилы»: род. ед. *hango* = *lintu* «птица»: род. ед. *linnu* = *kampa* «гребенка»: род. ед. *kampa* и т.д.), то противоположение *t*—*d* (где, впрочем, «*d*» не является настоящим смычным) оказывается хотя и одномерным, но изолированным, так что в финском в конечном счете вообще нет модальных к о р р е л я ц и й второй степени. Но в то же время все финские согласные (за исключением *j*, *v*, *d*, *h*, не встречающихся в конце слога) участвуют в корреляции геминации⁵.

Отношение между корреляцией геминации и корреляцией интенсивности в разных языках складывается по-разному. Поскольку маркированные члены корреляции интенсивности очень часто имеют большую длительность, чем немаркированные члены (причем в некоторых языках это различие в длительности является даже обязательным), то между корреляцией интенсивности и корреляцией геминации обнаруживается большое сходство⁶. Разница между обеими корреляциями состоит прежде всего в том, что геминированные согласные появляются т о л ь к о в таких позициях, где в данном языке встречаются также группы согласных, тогда как «тяжелые» согласные (то есть маркированные члены корреляции

¹ Ср. А. Холодович, О латинизации корейского письма, «Советское языкознание», I, стр. 147 и сл.

² Ср. R.J. Firth, цит. раб.; геминированные шумные реализуются при этом как непродыхательные глухие смычные (с долгой смычкой), иными словами, так же, как в сочетании «г + шумный», с тем лишь отличием, что смычка в первом случае более длительная.

³ Ср. В.Н. Чернецов в «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 171.

⁴ Ср. В.К. Штейниц, там же, стр. 201.

⁵ Ср. Morris Swadesh в «Language», XIII, стр. 5.

⁶ Это сходство часто усиливается еще и благодаря тому, что геминированные смычные являются непродыхательными, а соответствующие им негеминированные, — наоборот, продыхательными: ср., например, тамильский, арчинский и др.

интенсивности) возможны не только в этих позициях. Так, например, в лакском II, III встречаются лишь между гласными (позиция, в которой возможны также и различные группы согласных: «плавный+согласный», «согласный + плавный», «носовой+согласный», «согласный+носовой»), тогда как «тяжелые» согласные p', t', k', k'; c', č', x', ħ', s', š' обнаруживаются не только в этой позиции, но и в начале слова (где невозможны группы согласных)¹. Равным образом наблюдается и такой сложный случай, когда корреляция интенсивности и корреляция геминации образуют коррелятивный пучок, с трудом поддающийся анализу. Так, например, обстоит дело в саамском (лопарском). Здесь группы согласных встречаются только между гласными; только в этой позиции можно встретить и «долгие» согласные, которые, таким образом, следует рассматривать как геминаты. Но эти «долгие» согласные имеют различные фонологически значимые ступени долготы. В приморском диалекте саамского языка Мааттивоуно² геминированные согласные имеют две смыслоразличительные ступени долготы. Эти же две ступени долготы свойственны также и группам согласных. При большей степени длительности первый член консонантной группы является сверхдолгим и сильным, а динамическое слоговое ударение — восходящим; наоборот, при меньшей степени длительности динамическое слоговое ударение оказывается либо равным, либо нисходящим, а первый член консонантной группы — кратким и слабым. Ясно, что противоположение между более долгим и более кратким первым членом консонантной группы может быть только противоположением по интенсивности, а не противоположением по геминации. И поскольку отношения силы (интенсивности) и длительности в геминированных согласных в данных саамских (лопарских) диалектах являются точно такими же, как в группе согласных, то «более долгие» геминаты следует расценивать как «тяжелые», а «более краткие» — как «легкие»; в саамском диалекте Мааттивоуно отношение между формами, им. п. ед.ч. boTtu «куст» и род.-вин. bottu в точности соответствует отношению им. п. ед.ч. luNtu «пыж» и род.-вин. p. luntu («тяжелые» согласные транскрибируются заглавными буквами). В других саамских диалектах фонологически различаются не два, а три типа консонантных групп: группы, в которых «тяжелым» является первый компонент, группы, в которых «тяжелым»

¹ Cp. N.S. Trubetzkoy в «Caucasica», VIII.

² Cp. Paavo Ravila, Das Quantitätssystem des seelappischen Dialekts von Maattivoono, Helsinki, 1932; прекрасное фонетическое (отнюдь не фонологическое) описание.

является второй компонент, и, наконец, группы, в которых оба компонента являются «легкими». Перед группами первого рода возможны только сверхкраткие гласные, перед группами второго рода различаются краткие и полудолгие гласные, а перед группами третьего рода — полудолгие и долгие гласные. В упоминаемых саамских (лопарских) диалектах различают также три типа геминатов, которые оказывают подобное же влияние на количество предшествующего гласного и которые, таким образом, должны расцениваться как Tt, tT и tt; Pp, pP и pp и т.д.¹ В этом и других подобных случаях интенсивность геминированного согласного не остается, стало быть, неизменной: начало и конец такого согласного противопоставлены друг другу по интенсивности. В саамском (лопарском) эта разница в интенсивности сопровождается градацией общей длительности геминированного согласного (Tt является более долгим, чем tT, а tT — более долгим, чем tt). Но с фонологической точки зрения это несущественно и к тому же необязательно. По-видимому, есть языки, где разница в интенсивности между приступом и отступом геминированного согласного не оказывает влияния на общую длительность этого согласного. Так, очевидно, обстоит дело в языке гвеабо (Либерия)², о котором мы уже упоминали выше. В нем различают три типа геминатов: первый тип отличается от двух других несколько большей краткостью, но прежде всего своей более «легкой», то есть менее энергичной, артикуляцией (в транскрипции Сепира: 'b, 'd, 'm, 'n, 'p, 'w, 'y); второй тип (по Сепиру: 'B, 'D, 'G, 'GW, 'GB, 'DJ, 'V, 'Z, 'M, 'N, 'Ń) отличается от третьего (по Сепиру: "B, "D, "DJ, "W, "Y и т.д.) лишь распределением интенсивности, в чем участвует равным образом и последующий гласный. Здесь, таким образом, как и в саамском (лопарском), имеет место сочетание корреляции геминации с корреляцией интенсивности.

Итак, отграничить корреляцию геминации от корреляции интенсивности не слишком трудно. Гораздо труднее бывает решить,

¹ Так, видимо, обстоит дело в диалекте инари. Хотя фонологическую систему этого диалекта нельзя вывести из прославленного своей фонетической точностью описания Франса Эймэ (Frans Äimä, *Phonetik und Lautlehre des Inarilappischen*, «Mém. de la Soc. Finno-Ougrienne», XLII и XLIII), но, как кажется, ее можно вывести из собранных и обработанных Пааво Равилой текстов (Paavo Ravila, *Reste lappischen Volksglaubens*, «Mém. de la Soc. Finno-Ougrienne», XLVIII).

² Cp. E. Sapir, *Notes on the Gweabo-language of Liberia*, «Language», VII, 36 и 37, а также N.S. Trubetzkoy в «*Scritti in onore di Alfredo Trombetti*», Milano, 1936, стр. 169 и сл.

что существует в данном языке: корреляция геминации или же так называемая корреляция усечения слога. Эта проблема будет рассмотрена нами в своем месте в связи с просодическими признаками.

В. Резонансные признаки

К резонансным признакам в системе согласных принадлежит, собственно говоря, только противоположение носовых и «ротовых» согласных. Обычные носовые характеризуются, как известно, ротовой смычкой при опущенном мягком нёбе. Таким образом, по отношению к смычным они являются членами одномерной оппозиции. В большинстве языков противоположение смычных и носовых является не только одномерным, но и пропорциональным, поскольку оно обнаруживается по крайней мере в двух локальных рядах: лабиальном и апикальном ($d-n=b-m$). В тех немногих языках, где нет лабиальных, дорсальный (или гуттуральный) носовой существует в качестве самостоятельной фонемы, что опять-таки создает пропорцию $t-n=k-\eta$. Так, например, обстоит дело в алеутском (унанганском)¹, хупа² и часта-коста (Chasta-Costa)³. Из известных нам языков только в тлингит имеется изолированно стоящее противоположение смычного и носового ($d-n$), поскольку в этом языке n является единственным носовым, а ряд лабиальных отсутствует вовсе⁴.

Так как противоположение смычных и носовых во всех языках (за весьма немногими исключениями) является одномерным и пропорциональным и может рассматриваться как привативное, то его следует считать корреляцией. Эта н а з а л ь н а я к о р р е л я - ц и я существует почти во всех языках, нейтрализуется она редко. Ярким примером нейтрализации данной корреляции в исходе слова служит селькупский (остяко-самоедский) язык⁵: в этом языке противоположение смычных и носовых в исходе слова фонологически несущественно; одно и то же слово может иметь в исходе то глухой смычный, образуемый в полости рта, то соответствующий ему носовой; таким образом, в указанном положении m и p (n и t , η и

¹ Ср. В. Иохельсон, Унанганский (алеутский) язык, «Языки и письменность народов Севера», III, стр. 130 и сл.

² Ср. Pline Earle Goddard в «Handbook of Americ. Ind. languages», I.

³ Ср. E. Sapir, там же, II, 9

⁴ Ср. John R. Swanton в «Bull. of the Bureau of Americ. ethnology», XL.

⁵ Точнее — тазовский диалект этого языка. См. Г.Н. Прокофьев, Селькупская (остяко-самоедская) грамматика, Л., 1935, стр. 5, 22 и сл.

к) оказываются факультативными вариантами архифонемы, тогда как в других положениях *m*, *n*, *ŋ*, с одной стороны, и *p*, *t*, *k* — с другой, различаются как особые фонемы.

В принципе каждый локальный ряд, за исключением ларингального, может иметь свой особый носовой. Правда, различение носового апикального ряда и носового сибилантного ряда возможно только в том случае, если различие между ними обнаруживается не только в форме языка, но и в месте касания его с нёбом и если это различие выражено достаточно четко. В качестве примера можно привести язык гвсабо, носовые которого распадаются на пять локальных рядов (лабиальный, апикальный, палатальный, лабиовелярный и сибилантный, причем апикальному ряду соответствует *ŋ*, а сибилантному, — по-видимому, *n*)¹. Однако, как правило, сибилантный ряд не имеет особого носового, если только этот ряд при ближайшем рассмотрении не оказывается сибилантно-палатальным или палатально-сибилантным. Число языков, где каждый локальный ряд, за исключением чисто сибилантного и ларингального, имеет особый носовой, весьма велико; такие языки имеются и в Африке (язык нуэр и др.), и в Азии (тамильский, корейский, китайский), и в Америке (эскимосский [юитский]). Однако встречаются и такие языки (притом тоже во всех частях света), где только часть локальных рядов имеет свои особые носовые. Весьма примечательно то обстоятельство, что во многих из этих языков назальная корреляция не уживается в одном локальном ряду с корреляцией сближения; иными словами, в одном локальном ряду эти корреляции исключают одна другую. Так, например, в чешском и словацком языках назальная корреляция имеется в лабиальном, апикальном и палатальном рядах (*p—m*, *t—n*, *t'—ñ*), а корреляция сближения — в гуттуральном и обоих сибилантных рядах (*k—ch*, *s—s*, *š—š*); аналогичное соотношение обнаруживают из европейских языков верхнелужицкий (*p—m*, *t—n*, *ć—ń* ~ *k—ch*, *s—s*, *š—š*) и чакавско-хорватский, из африканских языков — чичева (*p—m*, *t—n*, *k—ŋ*, *ć—ŋ* ~ *s—s*, *ř—ř*)², из американских языков — цимшиан (диалект *насс*: *p—m*, *t—n* ~ *k—x*, *ḳ—x̣*, *ḳ—x̣*, *s—s*)³, чинук (*p—m*, *t—n* ~ *k—x*, *ḳ—x̣*, *ḳ—x̣*, *s—s*, *č—š*, *λ—ł*)⁴, квакиутл (*p—m*, *t—n* ~ *k—x*, *ḳ—x̣*, *s—s*, *λ—ł*)⁵, тонкава (*b—m*, *d—n* ~ *g—x*,

¹ Cp E Sapir в «Language», VII, стр. 37.

² Cp Mark Hanna Watkins, A grammar of Chichewa (Language Dissertations, № XXIV).

³ Cp Franz Boas в «Handbook of American Indian languages», I, стр. 289.

⁴ Cp Franz Boas, там же, стр. 565.

⁵ Cp Franz Boas, там же, стр. 429.

ġ—x, c—s, ʃ—h)¹, из кавказских языков—аварский (p—m, t—n ~ k—x, q—x, č—š, λ—t)², лакский и др. Все выглядит так, как если бы сквозь все локальные ряды проходило противоположение мгновенных и длительных, реализующееся, однако, в одних рядах в корреляции сближения, а в других — в назальной корреляции: ведь носовые являются сонантами и, следовательно, длительными. В некоторых из этих языков можно также наблюдать своеобразное переплетение корреляции сближения с модальной корреляцией второй степени, о чем мы говорили выше (стр. 170—171); так обстоит дело, например, в чешском и верхнелужицком языках (p—b—m ~ k—x—γ). В языке чичева корреляция придыхания обнаруживается только в тех рядах, где существует назальная корреляция, и отсутствует там, где есть корреляция сближения. То же явление повторяется и в языке пуэбло (Таос) (p—p^h—m, t—t^h—n ~ k—x, k^o—x^o, c—s)³. Всего этого, однако, недостаточно, чтобы установить какие-то законы или хотя бы структурные типы. Пока следует отказаться и от объяснения описанных выше явлений.

Во всяком случае, необходимо решительно подчеркнуть, что взаимная несовместимость назальной корреляции и корреляции сближения ни в коем случае не является всеобщим явлением и характерна лишь для небольшого числа языков. Во многих языках обе корреляции либо уживаются в одном и том же локальном ряду (например, k—x—ŋ, t—θ—n и т.д.), либо же вообще отсутствуют в отдельных рядах (например, в литовском, где гуттуральный ряд содержит только два смычных k, g и ни одного носового и фрикативного).

Носовой далеко не всегда является членом одномерной оппозиции по отношению к определенному смычному, образующемуся в полости рта. Так, например, в хупа, часта-коста (Chasta-Costa) и алеутском⁴ m оказывается единственной лабиальной фонемой. Имеются языки, в которых палатальному носовому нет соответствия в палатальном смычном; примером могут служить словенский, французский и другие языки. Возможно, что в письменном словенском палатальный носовой nj является членом одномерной и пропорциональной оппозиции по отношению к палатальному lj (p : j = n : l, возможно, также = m : v). Но во французском дело

¹ Ср. Harry Hoijer, *Tonkawa, an Indian language of Texas* (reprinted from «Handbook of American Indian languages», III, 3).

² Ср. N.S. Trubetzkoy, «Caucasica», VIII.

³ Ср. C.L. Trager в «Le Maître phonétique», 3 série, № 56, 59 и сл.

⁴ Ср. В. Иохельсон, цит. работа.

обстоит иначе. Здесь палатальный носовой (пишется gn), очевидно, противопоставлен только j (пишется i, y, hi, ill) как член одномерной оппозиции, причем противоположение p—j во французской фонологической системе является, видимо, изолированным (если только его не связывать с противоположением m—v)¹. Так или иначе факты такого рода показывают, что носовые могут образовывать корреляции не только со смычными, но и с неносовыми сонантами.

В тех языках, где существуют только два носовых (обычно m и n), они противопоставлены друг другу как члены одномерной оппозиции, параллелизм которой с b—d, p—t не очень ярко выражен как раз благодаря ее одномерному характеру; ведь m и n являются единственными носовыми, тогда как p и t не являются единственными глухими, а b и d — единственными звонкими. Благодаря этому обстоятельству связь между фонемами m—n и фонемами p—t (или b—d и т.д.) ослаблена, и отношение m—n иной раз обнаруживает тенденцию стать привативным, причем m оказывается в таком случае маркированным, а n — немаркированным членом оппозиции. Во многих языках оппозиция m—n нейтрализуется в исходе слова (причем в качестве заместителя архифонемы выступает n); сюда относятся древнегреческий, чакавский, хорватский, итальянский, финский, аварский², лакский³, японский и другие языки. В этих же языках данная оппозиция нейтрализуется также внутри слова перед согласными, причем представитель архифонемы обусловлен внешне: он приспосабливается к локальному ряду следующего согласного. Так, в некоторых языках в известных положениях возникает носовой согласный с неопределенной локализацией — фонема, которая фонологически характеризуется лишь минимальной преградой.

Такие носовые согласные без определенного локального признака (как результат нейтрализации оппозиции в исходе слова или перед согласным) встречаются также в тех языках, которые в дру-

¹ Здесь не совсем все ясно. Во всяком случае противоположение p—j во французском языке более четко выражено и несет большую функциональную нагрузку, чем противоположение n и какого-нибудь неносового. Ср Gougenheim, *Elements de phonologie française*, 1935, стр. 44 и сл.

² Ср П. К. Услар, *Этнография Кавказа*, ч. I (Языкознание, вып. 3 Аварский язык), Тифлис, 1889, 9.

³ Там же, ч. I, вып. 4 Лакский язык, Тифлис, 1890, 7. Услар дополнительно указывает на то, что в положении перед b конечное n произносится как m, и замечает при этом «Впрочем, это, быть может, обман слуха, потому что туземцы сами не уверены в своем произношении», — характерная черта при нейтрализации смыслоразличительной оппозиции.

В этих положениях различают не только *m* и *n*, но и другие носовые и в которых, следовательно, отдельные носовые соотносятся друг с другом как члены многомерной оппозиции; это наблюдается, например, в тамильском, где в положении перед гласными различаются пять носовых фонем (*m*, *n*, *ɲ*, *ɳ*, *ɳ̃*), а в положении перед шумными эти различия отсутствуют, так как носовой всегда равняется на локальный признак шумного (*mb*, *nd*, *ɲd*, *ɳd*, *ɳ̃d*). В некоторых северокайтайских диалектах в положении перед гласным точно так же различаются четыре носовых (*m*, *n*, *ɲ*, *ɳ*), противоположения которых нейтрализуются в исходе слова, причем носовой в этом положении реализуется как *ɲ* после гласных заднего ряда и как *n* после гласных переднего ряда. Таким образом, во всех этих случаях речь идет о нейтрализации многомерных противоположений между *v* с *e* и *m* и носовыми; лишь благодаря этому и становится возможной нейтрализация, только благодаря этому и возникает архифонема, которая способна отличаться от всех прочих фонем, встречающихся в этой позиции, своими специфическими фонологическими признаками.

Как уже говорилось, специфическими признаками «неопределенного» носового (или носовой архифонемы) являются носовой резонанс и сонантность (то есть минимальный характер прегалы). Благодаря этому такая архифонема приближается к назализованному глаголу. И действительно, между «неопределенным» носовым и назализованным гласным очень часто существует тесная связь. Нередко назализованные гласные являются не самостоятельными фонемами, а лишь комбинаторными вариантами группы «гласный + неопределенный носовой»; так, например, обстоит дело в подавляющем большинстве польских диалектов, где неопределенный носовой (*ɕ* внешне обусловленной реализацией) возможен лишь перед смычными, а назализованные гласные — лишь перед фрикативными. С другой стороны, в польском литературном языке (так же как в португальском), где назализованные гласные встречаются не только перед фрикативными, но и в исходе слова, они («*ẽ*», «*ã*», то есть *ē*, *ō*) являются, видимо, самостоятельными фонемами, комбинаторными вариантами которых перед смычными можно было бы в таком случае считать сочетание «*e*, *o* + неопределенный (гоморганный) носовой». Там, где слогаобразующие носовые равняются в своей реализации на локальные признаки следующего согласного (как это имеет место в многочисленных африканских и некоторых южноамериканских языках), там мы с одинаковым успехом можем говорить как о неопределенном слогаобразующем носовом, так и о неопределенном назализованном гласном.

Носовые — это всегда сонанты, то есть согласные с минимальной преградой, даже если при их образовании полость рта совершенно закрыта: проход воздушной струи через нос, возможный благодаря опусканию небной занавески, «обесценивает», если так можно выразиться, ротовую смычку. Однако есть языки, где носовые с полной ротовой смычкой фонологически отличаются от носовых с неполной ротовой смычкой; как известно, считают, что такое противоположение имело место в древнеирландском, где *m* и *n* с полной смычкой, должно быть, отличались от ослабленных (ленированных) *m*, *n* с неполной смычкой¹. Во всяком случае, подобные языки встречаются редко. В некоторых других языках необходимо отличать подлинную назальную корреляцию от *п о л у н а з а л ь н о й* *к о р р е л я ц и и*, или корреляции назализации согласных. В этих языках обычные смычные противостоят, с одной стороны, обычным носовым, с другой стороны — смычным с назализованной имплозией и неназализованной эксплозией. Такие полуназальные смычные производят акустическое впечатление группы из очень короткого носового и смычного; они могут существовать в качестве самостоятельных фонем лишь в том случае, если в данном языке они фонологически отличаются, с одной стороны, от обычных (неносовых) смычных, а с другой стороны — от сочетания «носовой + смычный». В качестве примера можно привести язык фуль, где полуназализованные *d̥*, *b̥*, *g̥*, *ʃ̥* как самостоятельные фонемы наряду с неносовыми *d*, *b*, *g*, *ʃ* противостоят подлинным носовым *n*, *m*, *ŋ*, *ɲ* и группам фонем с носовыми *nd*, *mb*, *ng*, *ɲʃ*². Тогда как подлинные носовые являются со-

¹ В известных нам описаниях живых языков такие случаи не встречаются. В Йоруба (Южная Нигерия) назализованные *ũ* и *Ẅ* являются, видимо, лишь (факультативными?) вариантами палатальных и лабиовелярных носовых (ср. *D. Westerman* and *Ida C. Ward*, *Practical phonetics for students of African languages*, London, 1933).

В некоторых словенских диалектах имеется в качестве самостоятельной фонемы назализованное *ǰ* (восходящее к праславянскому палатальному *ɲ*, в литературном словенском — *nj*); ср. *A. Isačenko*, *Les parlers slovènes du Podjunje en Carinthie*, «Revue des Études Slaves», XV, 1935, стр. 57; но, кроме этого *ǰ*, данные диалекты не имеют другого палатального носового с полной ротовой смычкой, к которому это *ǰ* выступало бы в качестве члена одномерной оппозиции.

² Ср. *D. Westerman*, *Handbuch der Ful-Sprache*, Berlin, 1909, стр. 197; *Henri Gaden*, *Le poular, dialecte peul du Fouta Sénégalais* (= *Collection de la Revue du Monde musulmal*, t. I, Paris, 1913), 2. Интересно, что на границе морфем столкновение *m* и *b* дает геминированное *bb*, а не *b̥* или *mb* (*H. Gaden*, цит. раб., 8, 9, 15, 1); наоборот, столкновение фонем *l*, *d*, *t*, *b* с *b̥*, *d̥*, *g̥*, *ʃ̥* дает сочетания *mb*, *nd*, *ng*, *ɲʃ* (там же, 9, § 15, стр. 6). Противоположения *b̥*, *d̥*, *g̥*, *ʃ̥* — *b*, *d*, *g*, *ʃ* нейтрализуются после носовых (представители архифонемы: *b*, *d*, *g*, *ʃ*), с другой стороны, противоположения *m*, *n*, *ŋ*, *ɲ* — *b̥*, *d̥*, *g̥*, *ʃ̥* нейтрализуются перед *b*, *d*, *g*, *ʃ* (представители архифонемы: *m*, *n*, *ŋ*, *ɲ*).

нантами и, следовательно, длительными, «полуносовые» можно рассматривать как мгновенные. Отношение $\underline{b} : m$ и т.д. может быть приравнено к отношению «мгновенный : длительный». В языке, где существует такое отношение, m, n, η, d следует определять как «носовые длительные», а $\underline{b}, \underline{d}, \underline{g}, \underline{j}$ — как «носовые мгновенные»: фонологически назальный характер этих мгновенных уменьшается благодаря неносовой эксплозии в той же мере, в какой уменьшается смычный характер аффрикат вследствие фрикативного характера их отступа. В чичева имеются не только звонкие $\underline{b}, \underline{d}, \underline{g}, \underline{z}, \underline{z}$, но и глухие полуносовые $\underline{p}, \underline{t}, \underline{k}, \underline{s}, \underline{c}$, а также полуносовые фрикативные $\underline{v}, \underline{f}, \underline{z}, \underline{s}$; таким образом здесь все типы преград и все виды их преодоления представлены в назализованной и неназализованной форме. Аналогичные отношения принимаются и для некоторых других африканских языков; если, однако, «полуносовым» согласным не противостоят соответствующие сочетания обычных носовых с неносовыми согласными, то не может быть и речи о консонантной корреляции назализации.

Корреляция назальности и соответственно корреляция назализации, видимо, является единственной резонансной корреляцией согласных. При описании языков, имеющих различного рода вокалические «корреляции мутности», часто утверждается, что различие в качестве голоса обнаруживается не только при произношении гласных, но также и при произношении согласных. Однако, насколько можно судить по этим описаниям, речь здесь, видимо, идет лишь о комбинаторных вариантах согласного, находящегося рядом с соответствующими мутными гласными.

5. Просодические признаки

А. Слогносители

В подавляющем большинстве языков смысловозначительные просодические признаки присущи лишь гласным. Отсюда проистекает стремление причислять эти признаки к вокалическим и рассматривать их в одном ряду с другими вокалическими признаками. Автор настоящих строк действительно встал на этот же путь в одной из своих прежних работ¹. Подобное воззрение оказалось, однако, ошибочным. Просодические признаки присущи не гласному как таковому, а с л о г у. Часть фонем, из которых состоит слог, может быть иррелевантной в просодическом отношении. Как пра-

¹ TCLP, I, стр. 50 и сл.

вило, такими фонемами являются согласные. Однако «неслогообразующими» могут быть и гласные. С другой стороны, в ряде языков есть слоги, не имеющие ни одной гласной фонемы, вследствие чего просодическую функцию принимает на себя согласный элемент слога; в таких случаях обычно говорят о «слогообразующих» согласных. Наконец, известные просодические признаки могут быть присущи целой группе фонем (будь то «гласный + гласный» или «гласный + согласный»). Просодические признаки следует, таким образом, рассматривать не как признаки гласного в одном ряду со степенями раствора или тембром, а как признаки определенной части слога, причем в разных языках эта часть слога должна определяться по-разному¹.

Ту часть слога, которая, по законам данного языка, является носителем смысловозначительных просодических признаков, мы будем называть слогоносителем. В зависимости от языка слогоносителем может быть: а) гласный, б) многофонемная группа гласных, в) согласный, г) многофонемная группа «гласный + согласный». Нет ни одного языка, в котором гласные не функционировали бы в качестве слогоносителя. В большинстве языков мира гласные являются единственно возможными слогоносителями слога. В таком языке, как древнегреческий, помимо гласных, слогоносителями являются также группы гласных фонем (αι, οι, ει, ου, ου, ευ, υι); в сербохорватском слогоносителями являются гласные и плавный г, во многих африканских языках (например, ламба, эфик, ибо) — гласные и «гоморганный носовой», в зулу — гласные и носовой m (но не в положении перед губными), в ганецких говорах чешского — гласные и плавные г, l. Гласные, многофонемные группы гласных и плавные l, г выступают в качестве слогоносителей в словацком языке (менее явно — в чешском). Группа «гласный + сонант» является слогоносителем, видимо, только в тех языках, где эту же функцию выполняют многофонемные группы гласных; именно так обстоит дело в датском, литовском, латышском, сиамском. Все четыре возможных типа слогоносителей (гласные, согласные, многофонемные группы гласных и группы «гласный + носовой») сосуществуют в некоторых китайских диалектах (например, в пекинском).

Следует заметить, что среди согласных только так называемые сонанты, то есть носовые и плавные, засвидетельствованы в качестве самостоятельных слогоносителей или в качестве членов сло-

¹ Ср. N.S. Trubetzkoy, *Anleitung zu phonologischen Beschreibungen*, Brno, 1935, стр. 21 и сл.

гообразующей группы «гласный + согласный». Что же касается вопроса, следует ли рассматривать фонетически «слоγοобразующий» согласный как одну фонему, то ответ на него зависит главным образом от того, известен ли данному языку неопределенный гласный, реализация которого может восприниматься в форме вокалического элемента, почти неизбежно связанного со «слоγοобразующим» согласным. Выше мы уже говорили, что на этом основывается различие между однофонемной трактовкой «г» в сербохорватском *srce* «сердце» и многофонемной трактовкой «äг» в болгарском *sräce* «сердце». Языки, использующие «слоγοобразующий» согласный в качестве однофонемного слогоносителя, не имеют в своей фонологической системе «неопределенного» гласного. Это правило справедливо для всех перечисленных выше языков; исключения нам не известны.

Если слогоносителем таких слов пекинского диалекта китайского языка, как *l*¹ «два», явно является плавный (который, вслед за Фреем¹, можно, очевидно, трактовать как *l*), то определение слогоносителей в таких словах того же диалекта, как *s*⁴ «четыре», *š*² «камень», *ž*⁴ «день», *s*² «десять» и т.д., представляет определенные трудности. При особенно отчетливом произношении здесь слышится особого рода гласный с очень малой степенью раствора; язык при произношении этого звука продвинут вперед гораздо больше, чем при произношении *i*; в результате, воспринимая данный звук, мы слышим своего рода фрикативный, напоминающий жужжание. Факультативным вариантом этого звука являются слоγοобразующие *z* или *ž*; довольно часто (особенно в безударном исходе слова) эта фонема вообще не реализуется. В самом Пекине эта фонема встречается только после сибилантов (*s*, *s*^h, *s*, *š*, *š*^h, *š* и *ž*). Ее транскрибируют обычно знаком *i*. Фрей называет ее нулевым гласным (*voyelle zéro*, 128); отсюда происходит, возможно, стремление находить в таком слове, как *si* «четыре», слоγοобразующее *s*. Но так как в самом Пекине сочетание сибиланта с обычным *i* невозможно, то *i* скорее следует рассматривать как комбинаторный вариант *i* после сибиланта. В других китайских диалектах этот «жужжащий» (гингивальный) гласный возможен не только после сибилантов; некоторые диалекты, например диалект Сянсян (провинция Хунань), различают даже два таких гласных: передний и задний. Способ реализации подобного гласного во всех случаях зависит от предшествующего согласного; в указанных диалектах такой гласный можно

¹ В «Bulletin de la Maison Franco-Japonaise», VIII, 1936, № 1, стр. 126 и сл. Такие примеры, как китайское (пекинское) *l*¹ «два», говорят против упомянутого выше взгляда Л. Ельмслева (к которому, видимо, склоняется и Б. Грнка; см. TCLP, VI, стр. 62); согласно ему, однофонемное слово может состоять только из гласного: ведь в противоположность немецкому *s!*, французскому *tr!*, русскому *s!* *с!* китайское *l*¹ «два» является не междометием, а вполне нормальным числительным.

считать «неопределенным». Примечательно, что в этих диалектах, насколько нам известно, нет слогообразующих плавных.

Одна и та же фонема в пределах одного языка может выступать то в качестве слогоносителя, то в «неслогообразующей» функции. Как правило, эти две функции обусловлены контекстом. В чешском, например, *l* и *g* считаются слогообразующими, если они следуют после согласного и если после них нет гласного; во всех прочих положениях они являются неслоговыми. Однако существуют языки, в которых «способность к слогообразованию» выступает как смысло-различительный признак и в которых, таким образом, она совсем не обусловлена звуковым окружением. Сюда принадлежит, например, письменный сербохорватский, где *g* и *i* в положении между согласным и гласным в одних словах выступают как слогообразующие, в других — как неслогообразующие: *g*lose «горлышко» (трех-сложное), *g*roza «ужас» (двухсложное); *pi*em (пишется: *pijem*) «пью» — *pi*ena (пишется: *pjena*) «пена». То же самое можно наблюдать и в положении между гласным и согласным; однако здесь все зависит от наличия морфологической границы между гласным и *g*: *z*ardati «заржаветь» — *var*nica «искра»; *z*aimati «занимать» — *z*ajmiti «одалживать». В старочешском в положении между согласными *g*, *l* в одних словах были слогообразующими, в других — неслогообразующими; такие слова, как *m*rtv \acute{y} «мертвый», *p*ln \acute{y} «полный», в стихах считались двусложными, а такие, как *k*rvi «крови», *s*lza «слеза», — односложными. Здесь можно говорить об особой к о р р е л я ц и и с л о г о о б р а з о в а н и я. Подобного рода случаи являются, однако, крайне редкими; чаще слоговой или неслоговой характер звука регулируется автоматически звуковым окружением.

Различного рода специфические отношения возникают там, где слоговой или неслоговой характер звука обусловлен внешними причинами. В письменном немецком языке *i* не встречается перед гласными; в противоположность этому *j* наблюдается только перед гласными. Здесь, таким образом, *i* и *j* являются не двумя фонемами, а комбинаторными вариантами одной фонемы¹. Но наряду с этим краткое *i* противопоставлено в данном случае *i* долговому, при-

¹ Однако это справедливо лишь в отношении письменного языка в его сценическом произношении. В диалектах же, а также в литературном произношении с диалектной окраской *i* и *j* являются разными фонемами. Так, например, обстоит дело в тех диалектах, где *ii* перешло в *i* и где, следовательно, возможно сочетание *ji* (*ji*nger = *j*unger, *ji*dish = *j*udisch), а также в северонемецком, где *j* является лишь комбинаторным вариантом спиранта *y* (перед гласными переднего ряда соответственно после гласных заднего ряда).

чем это противополoжение является смысло­различительным (Mitte «середина» — Miete «знаем», wіg «путаный» — wіg «мы», Rіb «трещина» — Rіes «стопа (бумаги)»); j всегда краткий. Следовательно, когда i находится в положении перед гласными, противополoжение по количеству нейтрализуется. То же самое наблюдается и в других языках с позиционно-обусловленным слоговым характером фонем: последние обладают просодическими признаками только в таких положениях, где они выступают в качестве слогоносителей. Сложный случай мы имеем в болгарском: в положении между гласными здесь возможно лишь j, а не сло­гообразующее i; после же согласных j не встречается; в этом положении находим лишь i, которое может быть либо ударным, либо безударным (например, životo «живой» — živôtât «жизнь», nie «мы» — čëmitat «чернота», vărvi «идет» — kràvi «корова»). В начале слова перед гласными допустимо лишь j, но не i, а перед согласными — лишь i, а не j; в последнем случае i может быть либо ударным, либо безударным (например, imat «имею» — imàne «имущество, добро»). Однако в исходе слова после гласного, а также между гласным и согласным может быть либо j, либо у д а р н о е i; безударное i в этом положении исключено (например, moj «мой» — moi «мои», dvòjka «двойка, пара» — dvoica «двое»). В этом положении, следовательно, противополoжение по акцентуации замещается противополoжением по сло­гообразованию. Таким образом, болгарские i и j нужно рассматривать как две фонемы, которые относятся друг к другу как члены нейтрализуемой оппозиции¹.

¹ В языках, где слогоносителями являются гласные с однофонемной значимостью, различие между гласными и согласными можно было бы определить следующим образом: гласные — это такие фонемы, которые могут функционировать в качестве слогоносителей, а согласные — это такие фонемы, которые не могут выступать в качестве слогоносителей. Такое определение может дать повод к дальнейшим заключениям. Поскольку нет ни одного языка, в котором гласные не выступали бы в качестве слогоносителей, то их можно было бы определить как фонемы, функционирующие в качестве слогоносителей либо в своих основных вариантах, либо в качестве маркированных членов корреляции сло­гообразования, а согласные — как фонемы, неслогообразующие в своих основных вариантах (или как немаркированные члены корреляции сло­гообразования). Такого определения придерживается Р. Якобсон. Однако это вызывает много возражений. Во-первых, не всегда можно дать объективное определение основному варианту. Во-вторых, слогоноситель возможен лишь в тех языках, где существуют смысло­различительные просодические признаки. В таких же языках, как армянский или грузинский, где просодических признаков нет, «слог» является не фонологической, а фонетической категорией, для определения которой необходимо привлечь понятие «гласного»; сам же слог ни при каких обстоятельствах не может служить базой для определения гласного. Таким образом, приведенное выше определение различия между гласными и согласными остается в силе.

Б. Слог и мора. Фонологическая интерпретация количества

Из сделанного выше обзора возможных слогоносителей следует, что они могут быть либо однофонемными, либо многофонемными. В одних языках существуют лишь однофонемные слогоносители, в других наряду с однофонемными возможны также многофонемные слогоносители. Спрашивается, однако, не следует ли рассматривать так называемые долгие слогоносители как геминаты? На этот вопрос нельзя дать одинакового для всех языков ответа; каждый язык должен быть исследован особо. Само собой разумеется, что при этом можно выделить ряд типов¹.

а) «Долгие» слогоносители следует, очевидно, рассматривать как сочетание фонем (то есть как геминированные слогоносители) в тех языках, в которых между началом и концом такого слогоносителя может пролегать морфологическая граница. В финском языке так называемый партитив имеет окончание а или ä: talo «дом» — taloa; в словах, имеющих в исходе а или ä, в этом случае удлиняется конечный гласный: kukka «цветок» — kukkaa, leipä «хлеб» — leipää. Так называемый иллатив образуется с помощью п при одновременном удлинении конечного гласного основы: talo «дом» — taloon, kylä «деревня» — kylään. В лакском языке maγiγ является множественным числом от maγi «крыша», но множественное число от существительного zunttu «гора» будет zuntū. В этом же языке перфект с объектом первого и третьего классов от глагола itan «пускать» имеет форму iutra, от глагола qaqaп «сушить» — qauqpa, а от глагола utan «класть» — ūtra. Во всех этих случаях долгие гласные следует рассматривать как сумму двух кратких гласных того же качества; такая интерпретация может быть распространена на все долгие гласные указанного языка.

б) Ту же трактовку долгих слогоносителей как «односложной группы из двух одинаковых слогоносителей» можно предложить и для языков, в которых долгие слогоносители в функционирующей системе данного языка допускают ту же интерпретацию, что и многофонемные дифтонги. В некоторых центральных словацких говорах и в словацком литературном языке существует так называ-

¹ Cp. N.S. Trubetzkoy, Die phonologischen Grundlagen der sogenannten Quantität in den verschiedenen Sprachen, «Scritti in onore di Alfredo Trombetti», Milano, 1936 и его же доклад на IV Международном конгрессе лингвистов в Копенгагене (1938), а также R. Jakobson, Über die Beschaffenheit der prosodischen Gegensätze, «Mélanges offerts à J. van Ginneken», Paris, 1937, стр. 25 и сл.

емый ритмический закон, согласно которому долгий слогоноситель непосредственно после долгого слога становится кратким. Это сокращение долготы имеет место не только после слогов с долгим гласным или долгим плавным, но и после слогов с основными дифтонгами *ie*, *uo* (пишется *ō*), *ia*, *iū*; в свою очередь данные дифтонги после слога с долгим слогоносителем (или дифтонгом) замещаются краткими гласными¹. Здесь, таким образом, долгие гласные и многофонемные дифтонги *ie*, *ou*, *ia*, *iū* ведут себя совершенно одинаково, из чего следует, что долгие слогоносители обладают значимостью односложной группы, состоящей из двух одинаковых гласных.

в) Та же трактовка долгих слогоносителей применима и к языкам, где при разграничении слов (см. ниже) долгие приравниваются к двум кратким. В качестве общеизвестного примера можно привести латинский язык классической эпохи: словоразграничительное ударение в этом языке не могло падать на последний слог слова; оно всегда приходилось на предпоследнюю мору предпоследнего слога, то есть или на предпоследний слог, если он долгий, или на третий слог от конца, если предпоследний слог краткий. При этом закрытый слог с конечным согласным считался долгим. Долгий гласный, таким образом, приравнивался в латинском к двум кратким гласным или «краткому гласному + согласный».

Аналогичные правила характеризуют также и среднеиндийский, однако без ограничений, касающихся последнего слога слова: последний слог всегда безударен, а ударение падает на ближайший к концу слова «долгий» слог, причем «долгими» считаются не только слоги с долгим слогоносителем, но и слоги, содержащие группу «[краткий] гласный + согласный». В народном арабском ударение падает на последний слог лишь в том случае, если он завершается группой «долгий гласный + согласный» или группой «краткий гласный + два согласных», из чего вытекает, что долгие гласные просодически приравниваются к группе «краткий гласный + согласный»². В полабском ударение падает на слог, содержащий «предпоследнюю мору» слова, иначе говоря, либо на последний слог слова, если он долгий, либо на предпоследний слог, если последний слог краткий; при этом долгими считаются только такие слоги, которые со-

¹ В противоположность этому «нисходящие» дифтонги в словацком трактуются иначе: здесь слогоносителем является только первый гласный дифтонга, причем он подпадает под воздействие ритмического закона только тогда, когда оказывается долгим. Нисходящие дифтонги с кратким первым гласным (например, *aj*, *au*) трактуются как сочетания краткого гласного с согласным и не вызывают сокращения долгих гласных в ближайших слогах. Ср. R. Jakobson, *Z fonologie spisovné slovenštiny*, «Slovenská miscellanea», Bratislava, 1931, стр. 156 и сл.

² H. W. T. Gairdner, *The phonetics of Arabic*, «The American university of Cairo Oriental studies», 1925, стр. 71.

держат долгий слогоноситель или двухфонемный дифтонг *ou, ou, ai, ai*¹. В южном пайуте (группа шошон юто-ацтекской семьи языков) главное ударение падает на вторую мору слова (если только эта мора не принадлежит последнему слогу), а второстепенное ударение — на все четные моры (то есть на четвертую, шестую и т.д.), причем долгие гласные и дифтонги считаются двухмерными, а краткие гласные — одномерными слогоносителями². В тубатулабал (юто-ацтекская семья языков) главное ударение падает на последнюю мору слова, а второстепенное ударение — на вторую, четвертую и т.д. моры, начиная с конца слова по принципу ямбического ритма³. В северо-восточном диалекте майду (калифорнийская группа языковой семьи пенути) главное ударение, видимо, всегда падает на вторую мору слова, причем слоги с долгим гласным, дифтонгом, а также закрытые слоги с кратким гласным считаются двухмерными, а открытые слоги с кратким гласным — одномерными⁴. Во всех этих случаях долгий слогоноситель приравнивается к двум кратким.

2) Двухчленная значимость долгих слогоносителей отчетливо прослеживается в языках, которые различают фонологически два типа ударения в долгих слогоносителях. При этом фонетическая природа ударений безразлична. Существенным является скорее то, что начало и конец долгого слогоносителя различаются просодически, и это различие фонологически значимо; при этом безразлично, каким типом ударения — музыкальным или динамическим — выделено (или не выделено) начало и конец слогоносителя: начало может быть выделено одним типом ударения, а конец — другим. К данному типу принадлежат, например, литовский, сло-

¹ N.S. Trubetzkoy, «Polabische Studien» («Sitzungsber. Akad. Wien», CCXI, стр. 126 и сл.).

² Edward Sapir, Southern Paiute, a Shoshonean language, «Proceedings of the American Academy of arts and sciences», 65, № 1-3, стр. 37.

³ Charles P. Vögeli n, Tübatulabal Grammar, «Univ. of California publ. in Amer. archeol. and ethnol.», 34, № 2, стр. 75 и сл. При этом в долгих слогах ударной может быть только первая мора; если второстепенное ударение, согласно ямбическому правилу, падает на вторую мору долгого гласного, то оно переходит на первую мору этого гласного, но и тогда последующие второстепенные ударения распределяются опять-таки с интервалами в одну мору.

⁴ Все сказанное вытекает из анализа материалов, опубликованных Роландом Диксоном в «Handbook of American Indian languages», 1, стр. 683 и сл. (редкие отклонения от этой схемы объясняются весьма просто). Как кажется, второстепенные ударения в майду распределяются по тому же принципу, что и в пайуте; там, где Р. Диксон отмечает два ударения в слове, второе всегда приходится на «четные» моры (например, *kuíú'nanamaá't* «к вечеру», *basá'kómōscū'mdi* «на конце палки»). В отдельных случаях Диксон слышал только второстепенное ударение (ср. такие написания, как *úni'di*, *aká'nas*, *átsōia áá'nkano*, *sámō'estodi* и т.д.). Отметим, между прочим, что северо-восточный диалект майду граничит и с диалектом пайуте.

венский и другие языки. Очень часто в таких языках указанные два типа ударения обнаруживаются также в многофонемных слогоносителях (то есть в дифтонгах, в группах из гласных и сонантов); таким образом, долгие слогоносители явно приравниваются к группе из двух фонем, как это имеет место в литовском, сямском, японском и т.д. Правда, такое уподобление друг другу долгих и двухфонемных слогоносителей не обязательно всегда имеет место. В северокитайском различаются долгие и краткие слоги: краткие бывают либо высокими, либо низкими, долгие — или высокими, или низкими в своей последней части; монофтонги и дифтонги ведут себя одинаково не только в долгих, но и в кратких слогах. Если долгие слоги северокитайского трактовать как двухмерные, а краткие — как одномерные, то надо признать, что в этой фонологической системе имеются также многофонемные дифтонги, равные одной мере. Здесь, таким образом, существует известное несоответствие между просодическим и фонематическим членением слога¹. Что касается бирманского, где также имеются дифтонги в слогах из одной меры, то в нем картина не совсем ясна, ибо многофонемный характер дифтонгов не может быть доказан.

д) Сказанное о языках, обладающих двумя типами ударения на долгих слогоносителях, может быть с успехом повторено и относительно языков, в которых долгие слогоносители имеют то, что обычно называют «толчком» (датск. *stød*). Причем совершенно неважно, состоит ли он в полной смычке или только в сильном сужении голосовой щели. Существенным является то, что благодаря такой артикуляции долгий слогоноситель разделяется на две части². Распадение долгих слогоносителей в этих языках на два типа, в одном из которых имеет место перерыв между началом и концом, а в другом — такой перерыв отсутствует, с одной стороны, и отсутствие подобного противоположения в кратких слогоносителях, с другой стороны, со всей очевидностью показывает, что наличие начала и конца как двух отдельных моментов представляется существенным только для долгих слогоносителей. В тех языках, где противоположение «наличие толчка — отсутствие толчка»

¹ Впрочем, во многих северокитайских диалектах «краткий низкий тон» реализуется как нисходящий, а «краткий высокий» — как восходящий. Соответственно «долгий тон с высоким концом» является двувершинным (то есть нисходяще-восходящим), а «долгий тон с низким концом» — восходяще-нисходящим. Поэтому долгие слоги в просодическом отношении все же следует приравнивать к сочетанию из двух кратких слогов. Ср. Е.Д. Поливанов и Н. Попов-Татива. Пособие по китайской транскрипции, М., 1928, стр. 90 и сл., а также Е.Д. Поливанов, Введение в языковедение для востоковедных вузов, Л., 1928, стр. 118 и сл.

² Ср. R. Jakobson, TCLP, IV, стр. 180 и сл.

присуще долгим слононосителям, это же противоположение обнаруживается и в дифтонгах и в группе «гласный + сонант», что, безусловно, доказывает двучленность долгих слононосителей. К такому типу принадлежат, например, датский, латышский и другие языки.

Во всех упомянутых до сих пор языках долгие слононосители могут рассматриваться как «геминированные». Их долгота, или точнее — их «растяжимость», в противоположность «нерастяжимости» кратких слононосителей является внешним выражением их двучленности, то есть того, что их начало и конец не совпадают в одной точке, а ощущаются как два отдельных момента. Согласно Р. Якобсону, который обобщил условия двучленности, такую трактовку долгих слононосителей нужно распространить вообще на все языки, имеющие долгие основные дифтонги, даже если эти языки и нельзя подвести ни под один из пяти перечисленных выше типов. Наличие односложных основных дифтонгов с бифонематической значимостью могло бы с такой точки зрения служить шестым критерием, позволяющим определять двучленный характер долгих слононосителей¹. Такая гипотеза представляется нам несколько сомнительной: одного наличия многофонемных основных дифтонгов недостаточно для доказательства того, что долгие монофтонги тоже должны трактоваться как односложные группы, состоящие из двух одинаковых гласных. Подобный взгляд можно объективно доказать лишь в том случае, если долгие монофтонги действительно трактуются в данном языке так же, как многофонемные дифтонги (наш тип *б*, см. выше). Там, где этого нет, там нет и объективных оснований для того, чтобы прописывать долгим слононосителям значимость геминат. В разговорном чешском (центральная Чехия) долгие гласные невозможны в начале слова, но дифтонг *ou* в таком положении возможен: *ouřad* «власть», *oučet* «счет» и т.д., напротив, в письменном чешском в начале слова возможны долгие гласные (например, *úl* «улей»), но не дифтонги. В фонологической системе чешского, видимо, нет указаний на то, что *ou* следует приравнивать к долгому гласному.

Таким образом, есть языки, где долгие слононосители расцениваются как моносиллабические группы, состоящие из двух качественно тождественных кратких слононосителей. В таких языках растяжимость, то есть способность к протяжному произношению долгих слононосителей, является лишь внешним выражением их двучленности. Но двучленный (или в более общем виде — многочленный) характер может быть выражен и иначе. Во многих африканских и американских языках голосовые регистры часто используются в качестве смысловозначительного средства. Как правило,

¹ «Mélanges van Ginneken», стр. 32 и сл.

каждый слог имеет определенную музыкальную высоту. Но часто начало слога по высоте не совпадает с его концом. Высота изменяется в пределах слога. В результате получаются слоги музыкально-восходящие, нисходящие, нисходяще-восходящие и т.д., причем все эти просодические типы обладают смыслоразличительной значимостью. В отношении некоторых языков, имеющих просодическую систему подобного рода, исследователи определенно заявляют, что слоги, в которых начало не совпадает с концом по высоте, являются более долгими, чем слоги с «ровным» тоном (так обстоит, например, дело в эфик)¹. Однако в большинстве случаев исследователи не указывают на это, и такое умалчивание нельзя приписать простой небрежности. Скорее следует предположить, что в большинстве языков, имеющих развитую «систему тонов», просодическая многочленность слогиносителей выражается не их длительностью, а лишь изменениями высоты тона внутри слогиносителей. Может даже случиться, что в таком языке оба типа фонетической реализации «многочленности» сосуществуют друг возле друга: двучленные (геминированные) слогиносители, имеющие одну и ту же высоту тона в обеих частях, реализуются в виде долгих гласных (или слогиобразующих сонантов) «ровного тона», тогда как двучленные (геминированные) слогиносители, имеющие разную высоту тона в обеих частях, реализуются в виде кратких гласных (или слогиобразующих сонантов) «неровного» (то есть восходящего или нисходящего) тона².

Геминированную, или в более общем виде — многочленную, значимость долгих слогиносителей можно назвать «арифметическим пониманием количества», а языки, в которых обнаруживается такое понимание, — «моросчитающими языками» (поскольку минимальная просодическая единица в таких языках не всегда совпадает со слогом).

Этим языкам противопоставляются «слогосчитающие» языки, где просодические единицы всегда совпадают со слогом и где долгий

¹ Ср. *Ida C. Ward, The phonetic and tonal structure of Efik, Cambridge, 1933, стр. 29: «a vowel on a rising or a falling tone is generally longer than on a high or low level tone» («гласные с восходящим или нисходящим тоном являются, как правило, более долгими, чем гласные с ровным высоким или ровным низким тоном»)*

² Возможно, так обстоит дело в диалекте *gè* языка эве. Слоги «неровного» тона в этом диалекте, по-видимому, всегда являются краткими, даже когда они возникают в результате стяжения, например *eléy i* «он идет» (из *e le, 'e y i*). Долгие же слоги, вероятно, всегда характеризуются ровным тоном; по крайней мере такое впечатление создается при чтении описания этого диалекта Вестерманном и Уорд (см. *D. Westermann and Ida C. Ward, Practical phonetics for students of African languages, стр. 158–166*), а также примеров и образцов текста, приведенных в этой работе.

слононоситель (если только он вообще существует) должен расцениваться как целостная единица, а не как сумма ряда более дробных единиц. К этому типу принадлежат прежде всего языки с исключительно однофонемными слогоносителями, как, например, венгерский, ганацкий диалект чешского, чеченский (дифтонги которого частично однофонемны, а частично должны рассматриваться как «гласный + j или w» и где, кроме того, в качестве слогоносителей выступают лишь гласные, а j и w фонологически отличаются от i и u). Мы включаем в эту группу также языки, в которых существуют многофонемные дифтонги, но в которых эти дифтонги ведут себя не так, как долгие слогоносители (например, разговорный и письменный чешский). Наконец, такие языки, как немецкий, английский и голландский, тоже следует причислить к слогосчитающим (см. ниже).

Противоположение долгого и краткого слогоносителя всегда логически привативно. Поскольку это противоположение превращается в фактически привативное, благодаря тому, что оно может быть нейтрализованным, краткие слогоносители в моросчитающих языках, как правило, являются немаркированными, а долгие — маркированными. В словацком (точнее, в письменном словацком и в некоторых диалектах центральной Словакии) за долгим или дифтонгическим слогоносителем может следовать только краткий слогоноситель; в финском перед гласным может быть только краткий гласный (например, ед. ч. *puu* «дерево» — партитив. мн. ч. *puita*); в латинском языке перед конечным согласным, за исключением s, может стоять только краткий гласный, в пракрите (то есть в среднеиндийском) в закрытом слоге может наличествовать только краткий гласный; в хорватско-чакавском диалекте Нови перед слогом с долгим нисходящим ударением может быть только краткий гласный; в словенском (и в народном арабском Египта) в безударных слогах возможны только краткие гласные; в ламба (один из языков банту в Северной Родезии) и в ганда (Восточная Африка) в исходе слова могут быть только краткие гласные и т.д. Таким образом, в качестве признака корреляции здесь выступает гениация слогоносителя.

Слогосчитающие языки в этом отношении не столь едины. В чешском, где (как в разговорном языке средней Чехии) в начале слова имеются только краткие гласные, краткие слогоносители можно, пожалуй, рассматривать как немаркированные, а долготу (и соответственно растяжимость) долгих слогоносителей — как признак корреляции. Однако если принять во внимание, что долгота является «фактором интенсивности» и что в чешском (так же как в других

языках этого типа, например, в венгерском, чеченском и др.) никакие другие факторы интенсивности не обладают смысловозначительной функцией¹, то мы будем склонны скорее рассматривать интенсивность как признак корреляции, а долготу (соответственно растяжимость) — только как способ реализации интенсивности.

Совсем иную картину мы имеем в таких языках, как немецкий, голландский и английский. Интенсивность реализуется здесь в виде свободного экспираторного («динамического») ударения. Противопоставление по количеству в открытом исходе слова нейтрализуется. Кроме того, в конечных открытых слогах под ударением возможны лишь долгие гласные. Поэтому-то немаркированным членом корреляции здесь следует считать не краткие, а долгие слогиносители. Здесь, таким образом, речь может идти только о противоположении нормальных полноартикулируемых гласных, с одной стороны, и усеченных гласных, артикуляция которых прерывается приступом последующего согласного, — с другой. При этом «резкое усечение слога» является признаком корреляции. В «к о р р е л я ц и и у с е ч е н и я с л о г а» длительность представляет собой лишь выражение полной и беспрепятственной артикуляции гласного, а краткость — выражение усечения конечной фазы артикуляции гласного последующим согласным.

Впрочем, язык, которому свойственна корреляция усечения слога, не обязательно должен быть слогосчитающим. Весьма специфический тип связи этой корреляции с просодической корреляцией геминации наблюдается в языке хопи (особенно в диалекте Мишонгнови в Аризоне), который принадлежит к юто-ацтекской семье языков. Мы заимствуем сведения об этом языке из частного письма Бенджамена Уорфа, которому мы выражаем здесь глубокую благодарность. В хопи нет ни дифтонгов, ни многосложных групп гласных, ни фонологических движений тона, ни морфологической разложимости долгих гласных. Правило, согласно которому главное ударение должно падать на вторую мору слова (если только эта мора не входит в состав последнего слога), имеет ныне лишь историческое значение, поскольку в настоящее время оно не распространяется больше на все грамматические категории и поскольку теперь больше не различаются первоначально одномерные и первоначально многомерные неударные слоги. С точки зрения современного состояния языка просодические отношения следует понимать совершенно иначе. Специфичным для этого языка является наличие у гласных (которые оказываются единственными слогиносителями) трех ступеней количества, притом со смысловозначительной функцией, например *pās* «очень» — *pas* «поле» — *pās*

¹ В названных языках экспираторное усиление («динамическое ударение») закреплено за первым слогом и выполняет, таким образом, делимитативную, а не смысловозначительную функцию.

«тихий» (также *tēva* «орех» — *teva* «бросать», *qāla* «лезвие» — *qāla* «крыса», *sive* «сосуд» — *sīve* «древесный уголь» и т.д.). Там, где противоположения по количеству нейтрализуются (а именно перед так называемыми преаспирированными смычными ^hp, ^ht, ^hk, ^hḳ, ^hq, ^hs), в качестве представителя архифонемы выступает не краткая и не долгая, а средняя ступень количества. Из этого следует, что в таких рядах, как *ā—a—ā*, речь идет не о двух градуальных, а о двух привативных оппозициях, немаркированным членом которых является гласный средней длительности. Это подтверждается и тем случаем, при котором нейтрализуются не обе, а лишь одна из двух оппозиций. Противоположение *ā—a* нейтрализуется в открытых конечных слогах под ударением (точнее, под второстепенным ударением), и в этой позиции *ā* невозможно. Другими словами, в хопи, так же как и в немецком, голландском и английском, краткие гласные употребляются лишь перед согласными. Это, видимо, указывает на то, что краткие в данном языке являются лишь выражением «резкого усечения слога» и что такие пары, как *ā—a*, *ē—e*, образуют здесь корреляцию усечения слога¹. Что же касается противоположений *a—ā*, *e—ē* и т.д., то в многосложных словах они имеют место лишь в открытых слогах как внутри, так и в исходе слова (последнее, правда, гораздо реже)². В закрытых слогах многосложных слов это противоположение нейтрализуется, и представителем архифонемы выступает гласный средней длительности. Такое ограничение, впрочем, известно лишь в моросчитающих языках (японском, среднеиндийском и др.); оно основывается, очевидно, на приравнивании согласного, прикрывающего слог, к просодической мере (*ā = at*) и на установлении максимально возможного числа мер в слоге³. По этой причине противополо-

¹ Об этом говорит и еще одна особенность реализации гласных в языке хопи. Мы уже указывали (при рассмотрении английского вокализма, см. стр. 134 и сл.), что языки с корреляцией усечения слога имеют особую склонность к реализации полноартикулируемых гласных в виде скользящих дифтонгов. Нечто подобное, по-видимому, имеет место и в хопи: максимально низкая и максимально узкая гласная фонема реализуется здесь в средних по длительности и долгих слогах как *ou*, а в кратких слогах как *U*.

² Долгие гласные в такой позиции хотя и редко, но все же встречаются. Б.Л. Уорф пишет: «...three lengths do not occur in a wordfinal vowel... If such a vowel is accentuated, its length is medium, with a very few cases of long» («...три ступени долготы не встречаются в открытом исходе слова... Если такой гласный оказывается ударным, его длительность оказывается средней, лишь в очень редких случаях — долгой») (подчеркнуто нами).

³ Правда, нейтрализация противоположения долгих и среднедолгих гласных в закрытых слогах в языке хопи связана с известными ограничениями. Во-первых, слоги, прикрываемые *y*, *w*, трактуются как открытые (то есть перед прикрывающими слог *y*, *w* все три количества гласного различаются), во-вторых, все три количества различаются также и в односложных словах типа «согласный + гласный + согласный». Можно предположить, что прикрывающие слог *y* и *w* трактуются здесь как особые слоги (*yí*, *wí*?) и что односложные слова (вроде приведенных выше *rās* «очень», *ras* «поле», *rās* «тихий») понимаются как двусложные.

жение «средних по длительности» гласных и «долгих» гласных следует рассматривать как просодическую оппозицию геминации. Фонологически «долгие» гласные в этом языке двухморны, а «средние» гласные одноморны, так что различие между \bar{a} и a (или между \bar{i} и i и т.д.) состоит в числе мор; что же касается противополжения «кратких» и «средних» гласных, то в хопи оно основывается не на числе мор (ибо оба типа гласных одноморны), а на усечении слога (то есть на способе примыкания последующего согласного). Таким образом, в хопи имеет место своеобразная связь корреляции усечения слога с просодической корреляцией геминации¹.

И в некоторых других языках находят три и даже больше ступеней количества у слогоносителей со смыслоразличительной функцией, но без достаточных на то оснований. Как правило, здесь количество смешивают с движением тона. Так, хорватский грамматист Ш. Старчевич в начале XIX в. утверждал, что в его родном языке слоги под ударением якобы имеют три ступени количества: кроме «краткого ударения», иллирийский (так в то время называли хорватский) будто бы имеет еще «несколько протяжное» ударение и «полностью протяжное». Но если мы проверим примеры, приведенные Старчевичем, то увидим, что он называет «несколько протяжным» длительно нисходящий акцент, а «полностью протяжным» длительно восходящий акцент². Выходит, таким образом, что противополжение по движению тона (нисходящий — восходящий) он истолковал как противополжение по количеству (краткий — долгий), или, лучше сказать, основным посчитал явление вторичного порядка, несущественное с фонологической точки зрения (а именно несколько большую длительность слога с восходящей интонацией)³.

Видимо, явление того же порядка наблюдается и в северном албанском (гегском), где обычно насчитывают три количественные ступени в слоге под ударением (краткую, долгую и сверхдолгую)⁴ и где в действительности «долгота» — «сверхдолгота» противопоставлены друг другу как члены мелодической оппозиции, которую и следует рассматривать как единственно существенную с фонологической точки зрения⁵. В эстонском

¹ Что касается экспираторного ударения, то в языке хопи главное ударение падает на первый слог в двусложных словах и на первый или второй слог в более чем двусложных словах. Первое второстепенное ударение приходится на первый или второй слог после слога, выделенного главным ударением (в зависимости от типа грамматической категории), а все прочие второстепенные ударения распределяются с интервалом в один слог каждое. В совершенно безударных слогах (то есть в слогах, не выделенных ни главным, ни второстепенными ударениями) корреляции усечения слога и геминации нейтрализуются, причем безударные гласные обладают несколько меньшей длительностью по сравнению с ударными гласными средней длительности.

² Ср. Stjepan Ivšić в «Rad. Jugoslov. Akad.», CXLIV, стр. 67—68.

³ Ср. R. Jakobson в TCLP, IV, стр. 168.

⁴ Так в конечном итоге у Ловмана (см. G. S. Lowman, The phonetics of Albanian, «Language», VIII, 1932, стр. 286).

⁵ Ср. Boh. Havránek, Zur phonologischen Geographie, «Archives Néerlandaises de Phonétique Expérimentale», VII—IX, 1933, стр. 29, сноска 7.

языке гласные первого слога различают четыре ступени количества, при этом корневой слог большинства существительных (например, *riima* «молоко», *tuul* «ветер» и т.д.) имеет в родительном падеже вторую ступень количества, в партитиве — третью, в иллативе — четвертую. Но при более пристальном рассмотрении оказывается, что параллельно изменению ступени количества изменяется также и движение тона в слогоносителе: вторая ступень количества имеет явно нисходящую мелодию, третья — ровную (при резком и крутом понижении тона на следующем слоге), четвертая — нисходяще-восходящую (с динамическим ударением на восходящей части). И поскольку дифтонгические корневые слоги (например, *roeg* «сын») в указанных формах обнаруживают не количественные, а только соответствующие им интонационные (мелодические) различия¹, то позволительно считать эти различия в движении тона фонологически существенными, а количественные различия — лишь сопутствующим явлением фонетического характера². Разные исследователи указывают на наличие более чем двух ступеней количества в слогоносителе также для некоторых диалектов саамского (лопарского) языка. В действительности же саамский язык является «моросчитающим языком» (поскольку долгие гласные встречаются в нем лишь в тех положениях, в каких встречаются явно двуфонемные дифтонги), и ему известно только фонологическое противоположение одноморных и двухморных слогоносителей. Но, как уже указывалось (см. стр. 187), в этом языке корреляция консонантной геминии и корреляция консонантной интенсивности образуют соединение, имеющее характер пучка, причем геминированные согласные здесь более долгие, чем негеминированные, а тяжелые согласные — более долгие, чем легкие (в диалектах же нисходящие геминированные являются более долгими, чем восходящие геминированные). Фонетическая же длительность гласных находится здесь в обратном отношении к фонетической длительности следующих согласных, из чего вытекает наличие в разных саамских диалектах от пяти до восьми различных ступеней вокалической длительности. Однако это чисто фонетическое явление: фонологически перед каждым типом согласных имеется только два смыслоразличительных типа слогоносителей: один одноморный и другой двухморный (впрочем, в некоторых диалектах такое противоположение нейтрализуется перед тяжелыми геминированными согласными).

¹ Хорошее фонетическое описание эстонского языка дает Е.Д. Поливанов (см. «Введение в языкознание для востоковедных вузов», Ленинград, 1928, стр. 197—202). Что касается тех случаев, где родительный, партитив и иллатив дифференцируются с помощью различных ступеней количества согласных в исходе основы (например, *tykk* «кусок», род п *tykke* — со второй, партитив *tykki* — с третьей и иллатив, *tykki* — с четвертой ступенью количества в долгом *k*), то надо заметить, что и здесь участвует не только одно количество, но и распределение интенсивности согласного («нисходящая», «ровная», «восходящая» геминия), с одной стороны, и соотношения в высоте тона между слогами основы и слогом окончания — с другой стороны.

² В эстонском языке подлинно «квантитативным» (в арифметическом смысле) следует считать лишь противоположение кратких (то есть одноморных) гласных и некратких (то есть двухморных) гласных.

Таким образом, во всех случаях, когда в слогоносителе якобы различаются три или больше ступеней количества, мы имеем дело с ошибочной интерпретацией (если отвлечься от стоящего особняком языка хопи, где наблюдается своеобразное сочетание просодической корреляции геминации и корреляции усечения слога). Тем не менее в некоторых моросчитающих языках с фонологическими различиями регистра, помимо слогоносителей, состоящих из одной и двух мор, обнаруживаются слогоносители, содержащие три и четыре моры. Число мор выражается тогда главным образом распределением высоты тона внутри слога, но возможно, что в некоторых из этих языков большее число мор в слоге проявляется также в его большей длительности, причем эту длительность следует, очевидно, рассматривать как сопутствующее явление, несущественное с фонологической точки зрения.

В. Просодические различительные признаки

а) Введение

Исследование просодических отношений в количественном плане позволяет, таким образом, заключить, что минимальной просодической единицей в одних языках является слог (точнее, слогоноситель), в других — м о р а; соответственно этому все языки можно подразделить на слогосчитающие и моросчитающие. Под п р о с о д е м о й мы понимаем минимальную просодическую единицу данного языка, иными словами, слог в слогосчитающих языках и мору в моросчитающих языках.

Все просодические признаки можно подразделить на признаки различительные и признаки примыкания. Различительные признаки способствуют различению просодем как таковых, тогда как признаки примыкания характеризуют не сами просодемы, а способ их примыкания к последующему фонологическому элементу.

Различению просодем в слогосчитающих языках способствует интенсивность, а в моросчитающих языках — высота тона. Там, где дифференциация просодем выполняет лишь смыслоразличительную (дистинктивную) функцию, там каждая просодема обладает своим собственным различительным признаком, так что в слове, которое состоит из ряда просодем, все они могут быть либо одинаковыми в отношении этого признака, либо различными в различной последовательности. Иначе говоря, в слогосчитающих языках этого типа слоги многосложного слова могут быть либо все интенсивными (например, чешск. *fikání* «разговор»), либо все неинтенсивными (например, чешск. *lopata* «лопата»), либо в различной последовательности интенсивными и неинтенсивными (например, чешск. *kabátek* «пиджак», *zásada* «принцип», *znamení* «знак»,

mámení «обман», roǎdný «аккуратный», bídáci «негодяй» и т.д.); равным образом в моросчитающих языках такого типа моры с различной высотой тона могут следовать в составе слова в самой различной последовательности; например, в языке ибо: ʔo'si'si «палка», ʔn'ke_ta «собака», ʔi_ji_ji «муха», ʔn_ka'ta «разговор», ʔo_ʔo'ma «апельсин», ʔan'wen_ta «москит», ʔn_ne_ne «птица», ʔo_to_bo «бегемот», ʔn'de'de «мотовило», ʔe'ti'ti «средний», ʔu'do_do «паук» и т.д.¹ Однако в тех языках, где дифференциация просодемы выполняет не только смысловозначительную функцию, просодемы распределяются так, что в каждом слове лишь одна просодема выделяется среди прочих своим различительным признаком, тогда как все прочие просодемы в том же слове характеризуются противоположным различительным признаком; например, в таком слогиносчитающем языке, как русский, в слове «самовар» интенсивным является только третий слог, в слове «бумага» — только второй, в слове «патока» — только первый, все же прочие слоги этих слов являются неинтенсивными; в таком моросчитающем языке, как литовский, «высокой» является лишь первая мора первого слога в слове lóva ('lo.o.va) «кровать», лишь вторая мора первого слога в слове lóstas (.lo'ostas) «род», лишь первая мора второго слога в слове lošéjas (.loo'še.ejas) «игрок», лишь вторая мора второго слога в слове lovỹs (.loovi'is) «корыто»; все же прочие моры в этих словах являются «низкими». Дифференциация просодемы выражается в таких случаях в основном путем удлинения вершинного слога в слогиносчитающих языках и путем повышения тона на вершинной море в моросчитающих языках; к этому присоединяются еще другие факторы, прежде всего экспираторное усиление вершинной просодемы, которому очень часто сопутствует повышение тона вершинного сл о г а и соответственно удлинение вершинной м о р ы. Фонологически существенным является здесь только общее выделение вершинной просодемы, иначе говоря, тот факт, что эта просодема выделяется среди всех прочих, тогда как средства, с помощью которых достигается это выделение, находятся в ведении фонетики. Кульминативное (вершинообразующее) выделение называется обычно «ударением» или «акцентом», и нет никаких оснований заменять эти термины другими. Коррелятивные противоположения «ударных» и «безударных» просодемы мы называем к о р р е л я ц и е й у д а р е н и я, а коррелятивное противоположение, сложившееся в моросчитающих языках путем выделения

¹ Cp. I d a C. W a r d, An introduction to the Ibo language, Cambridge, 1935, стр. 38—41.

или невыделения с помощью ударения одной из мор двухмерного слогоносителя, мы называем мелодической корреляцией. Например, противоположение «нисходящей» (Stoßton) и «восходящей» (Schleifton) интонации в литовском и т.д.

Следовательно, просодические различительные противоположения можно подразделить на кульминативные (вершинообразующие) и некульминативные. К кульминативным принадлежат корреляции ударения и как ее разновидность мелодическая корреляция. К некульминативным различительным противоположениям принадлежит в слогосчитающих языках просодическая корреляция интенсивности, а в моросчитающих языках тоническая или регистровая корреляция. Это общее членение исходит из понятия *просодемы*. В слогосчитающих языках, где просодема тождественна слогоносителю, дифференциация просодемы может, естественно, выступать лишь в форме ударения и удлинения. Но в моросчитающих языках к мелодической, регистровой корреляциям и корреляции ударения присоединяется еще одно различительное противоположение, а именно просодическая корреляция геминации, то есть различие между одноморными и двухморными слогоносителями. Эта корреляция, являясь неотъемлемой приметой моросчитающих языков, может сочетаться с другими различительными признаками. Там, где она выступает самостоятельно (то есть без мелодической, регистровой корреляции и без корреляции ударения), ее легко спутать с просодической корреляцией интенсивности, как, впрочем, и консонантную корреляцию геминации иной раз лишь с большим трудом удается отличить от консонантной корреляции интенсивности.

б) Просодические корреляции интенсивности и геминации

О просодических корреляциях интенсивности и геминации уже говорилось выше (стр. 200). Было приведено пять признаков, которые позволяют определить, при каких условиях долгий слогоноситель является двухморным, а противоположение долгих и кратких слогоносителей — тем самым просодической корреляцией геминации. Где эти признаки отсутствуют, там нет никаких оснований понимать долгий слогоноситель как двухморный и там противоположение долгих и кратких слогоносителей следует рассматривать как корреляцию интенсивности. Уместно заметить, что (некульминативная) корреляция интенсивности является относительно редкой; во всяком случае просодическая корреляция геминации встречается гораздо чаще (впрочем, то же отношение наблюдается также между консонантными корреляциями интенсивности и геминации).

Мы уже упоминали, что долгота не является единственно возможным фонетическим средством выражения просодической гениации (двухморности) и что в ряде языков число мор в одном слононосителе выражается не длительностью, а движением тона в слононосителе.

в) Регистровая корреляция

Такое просодическое явление, как смысловозначительные противоположения по регистру, абсолютно чуждо европейским языкам. Однако вне Европы оно широко распространено. Его не следует только путать с так называемым музыкальным ударением. В тех языках, которым известны смысловозначительные противоположения по регистру, каждый слог, или, лучше сказать, каждая мора (ибо все эти языки являются моросчитающими) характеризуется не только своими фонемами, но и определенной относительной высотой тона или регистром. Если в языках с так называемым музыкальным ударением каждое слово должно иметь музыкальную вершину, то в языках со смысловозначительными противоположениями по регистру в этом нет никакой необходимости: многосложное слово может состоять или сплошь из музыкально высоких мор, или исключительно из музыкально низких мор, или из высоких и низких мор в любой последовательности. Высота тона каждой моры зависит только от значения. Так, например, в лонкундо (Бельгийское Конго) имеем: *_bɔ_kɔ_ŋɔ* «спина» ~ *_bɔ_kɔ_ŋɔ* «песок» ~ *_bɔ_kɔ_ŋɔ* «имя»; *_lɔ_ko_lo* «плоды пальмы» ~ *_lɔ_ko_lo* «заклинание» и т.д.¹ Как в других языках, грамматические формы одного и того же слова могут отличаться друг от друга изменением фонем (например, нем. *siech* ~ *sah*, *verbinden* ~ *verbanden* ~ *verbunden*, франц. *allez!* ~ *allait* ~ *alla*, русск. им.п. *вино* ~ род.п. *вина* ~ дат.п. *вину* ~ предл. п. *вине*; *ляг!* ~ *лѣг*, им. п. мн. ч. *коровы* ~ дат.п. ед.ч. *корове*), так и в языках со смысловозначительным движением тона грамматические различия зачастую зависят только от высоты тона отдельных мор, например в лонкундо: *_a_tə_o_tə* «ты сегодня не убил» ~ *_a_tə_o_tə* «ты вчера не убил»; в эфик² все глагольные корни состоят из двух мор, причем обе являются либо высокими, либо низкими или же первая выступает как низкая, а вторая — как высокая (например, аорист I-го лица ед. ч. *-N'ke-te* «я думаю», *-N_do_ri* «я кладу», *-N_fe'he* «я бегу»); однако в сослагательном

¹ G. Hulstaert, Les tons en Lonkundo (Congo Belge), «Anthropos», XXIX.

² Ida C. Ward, The phonetic and tonal system of Efik, Cambridge, 1933.

наклонении все корни в первой мере приобретают высокий тон, а во второй — низкий: 1-е лицо ед.ч. $\bar{N}^{\text{ke}}_{\text{re}}$, $\bar{N}^{\text{do}}_{\text{ri}}$, $\bar{N}^{\text{fe}}_{\text{he}}$); в языке ибо¹ отношение между определяемым и определяющим (например, существительное — прилагательное, глагол — объект и т.д.) выражается путем повышения тона на последней мере определяемого и на первой мере определяющего и т.д.

Рассматривая более пристально языки со смысловозначительным движением тона, мы замечаем, что все они фонологически различают два или три регистра. Два регистра имеют лонкондо (Бельгийское Конго), ачумави (Сев. Америка)², три — эфик, ибо, ламба³ и т.д.

Встречающиеся в литературе указания на большее число регистров при ближайшем рассмотрении оказываются ошибочными, во всяком случае с фонологической точки зрения. Так, например, Агинская утверждает, что описанный ею язык менде обладает якобы четырьмя регистрами⁴. Правда, она добавляет при этом, что самый низкий из них (обозначаемый ею цифрой 1) можно опустить сколь угодно ниже в зависимости от степени эмфазы. При ближайшем рассмотрении материала оказывается, что «первый» (то есть самый низкий) регистр встречается у глагольных форм, а не у существительных, местоимений и прилагательных, тогда как «четвертый» (то есть самый высокий) регистр в противоположность первому очень часто встречается у существительных, местоимений и прилагательных, но никогда — у глагольных форм. Решение этой загадки кроется в тексте, приведенном в конце грамматики: «первый» регистр употреблен в этом тексте девять раз и все девять раз в конце предложений перед точкой: (38) $ve_3 la_1$, (61) $li_2 la_3 a_1$, (77) $ye_3 e_1$, (167) pa_1 «там»; ср. (81) pa_2 «там» внутри предложения, (176) $gbe_3 e_2 nga_1$, (189) = (224) $h\bar{u}_1$ «в»; ср. (87) $h\bar{u}_2$, (142) $h\bar{u}_2$, (175) $h\bar{u}_2$, (197) $h\bar{u}_2$, (203) $h\bar{u}_2$, (214) $h\bar{u}_2$ «в, внутри» предложения. Следует, таким образом, признать, что в менде, так же как в эве, эфик, ибо и др., существуют лишь три регистра с различительной функцией, причем в конце предложения высота тона всех слов падает: все регистры в этой позиции понижаются на одну ступень (что, однако, не меняет относительной высоты их тона внутри слова), и самый низкий регистр приобретает необычное для него в других условиях понижение. Такой низкий тон затрагивает глагольные формы, поскольку они, как правило, занимают последнее место в предложении⁵. Для языка зулу изве-

¹ Ida C. Ward. An introduction to the Ibo language, Cambridge, 1935

² Ср. H.J. Uldall, A sketch of Achumawi phonetics, «Intern. Journ. for American Linguistics», VIII, 1933, стр. 73 и сл.

³ Ср. Clement M. Dore, A study of Lamba, «Bantu studies», July, 1928, стр. 5 и сл.

⁴ Ср. Ethel G. Aginska, A grammar of the Mende language (Language dissertations publ. by the Linguistic Soc. of America, № 20, стр. 10).

⁵ На это указывает, по-видимому, сам автор работы, поскольку он при анализе текста говорит по поводу слова (77) $ye_3 e_1$, что основа его должна была бы звучать $ye_3 e_2$, и что «lower tonal pattern here due to final position in sentence».

стный исследователь южноафриканских языков Клемент Док указывает девять регистров¹. Однако, по-видимому, на высоту тона слогоносителя зачастую оказывают влияние окружающие согласные и высота тона соседних слогов. Конечно, отвлечься от этих внешних влияний и определить число регистров со смыслоразличительной функцией в каждой позиции весьма нелегко. К сожалению, сам Док этого не проделал, и так как он не приложил к своему исследованию перечня слов, то читатель лишен возможности проделать эту работу за автора. Однако из материалов К. Дока видно, что число регистров со смыслоразличительной функцией в зулу сводится, по всей вероятности, не к девяти, а к трем. К. Док выделяет различные «тональные типы» (ядра) слов. Трехсложные слова, например, распадаются на шесть таких тональных типов. Типы I, II, III и VI характеризуются низким регистром («9») последнего слога, тогда как типы IV и V — средним регистром этого слога. В типе I первый слог ниже второго (в зависимости от обстоятельств первый слог может быть нисходящим, второй — восходящим), но оба слога выше третьего. В типе II второй слог либо является таким же низким, как и третий, либо несколько выше его, но только в самом начале (то есть имеет нисходящий рисунок от регистра «8» к регистру «9»), тогда как первый слог значительно выше двух других. Тип III характеризуется резко нисходящим (иногда восходяще-нисходящим) движением тона во втором слоге и относительно высоким первым слогом. В типе VI первый слог выше второго, а оба они значительно выше третьего. Тип IV характеризуется почти одинаковой средней высотой тона в первом и третьем слогах, второй же слог является нисходящим («2» — «4» или «3» — «5»). В типе V первый слог выше третьего, а оба они выше второго. Те же типы тонов обнаруживаются и у двусложных, четырехсложных и т.д. слов. Из составленного К. Доком довольно длинного попарного перечня слов, в котором один член пары отличается от другого только высотой тона (соответственно движением тона), следует, что перечисленные слова принадлежат к двум разным «тональным типам». Так, например, слово, три слога которого имеют регистры «5», «3» и «9» (= тональный тип I), может отличаться от «равнофонемного» слова либо регистрами «2», «7» и «4» (= тональный тип V), либо регистрами «3», «3» — «8» и «9» (= тональный тип III) и т.д., но только не регистрами «4», «2» и «9», поскольку в этом случае второе слово тоже оказалось бы принадлежащим к «тональному типу I». Иными словами, в зулу смыслоразличительная функция присуща не девяти регистрам, а лишь тональным типам. Но тональные типы являются всего лишь тем или иным сочетанием трех ступеней высоты. Следовательно, и в зулу мы находим систему из трех тональных ступеней или смыслоразличительных регистров. Приведем еще один пример. Язык гвеабо (Либерия), о котором у нас неоднократно шла речь, имеет, согласно данным Э. Сепира, четыре регистра со смыслоразличительной функцией². Что речь здесь идет о действительно смыс-

¹ Cp. Clement M. D o k e, The phonetics of Zulu language, «Bantu studies», II, July 1926 (Special Number)

² «Language», VII, 1931, стр. 33 и сл.

лоразличительных единицах (а не о фонетических вариантах, как в случае с девятью регистрами языка зулу), отчетливо видно из приведенных Э. Сепиром примеров. Однако на стр. 35 мы обнаруживаем, что в гвеабо существует особая корреляция регистра, причем «чистые» гласные имеют так называемый «нормальный», или «второй», регистр, тогда как прочие три регистра характерны для «сиплых», или «нечистых», гласных. Так как чисто музыкальное различие между «вторым» («нормальным») и «третьим» («средним») регистром не должно быть очень значительным и «нормальный» регистр, как правило, связан с чистым, а «средний» в противоположность этому — с нечистым («сиплым») образованием голоса, то противоположение «нормального» и «среднего» регистров следует рассматривать как фонологически несущественное явление, сопутствующее противоположению чистого и нечистого («сиплого») образования голоса. С другой стороны, как «высокий», так и «низкий» регистры в гвеабо связаны, как правило, с нечистым образованием голоса, и поэтому последнее для (крайних) регистров является чем-то само собой разумеющимся и фонологически несущественным. Таким образом, гвеабо имеет не четыре, а три тональных регистра с фонологической функцией: высокий, средний и низкий и, кроме того, у гласных среднего регистра — «корреляцию сиплости». При этом чистые гласные характеризуются несколько более высоким тоном, чем соответствующие им «сиплые». Из этого следует, что пока мы не имеем ни одного надежного примера, который свидетельствовал бы о существовании языка с более чем тремя тональными регистрами со смысловозначительной функцией¹.

Объяснение этого факта следует искать в свойствах самих оппозиций по регистру. Очевидно, абсолютная высота тона в этом случае не играет никакой роли. Ибо, как совершенно правильно замечает У. Ердман², язык создан не только для людей с абсолютным слухом. Но и понятие относительной высоты и тона тоже нуждается, как правильно усмотрел тот же Ердман, в значительных ограничениях; ведь то, что для женского голоса

¹ Этому не противоречит такая система регистров, которая представлена в готтентотском языке нама (ср. D. M. V e a s h, *The phonetics of the Hottentot language*, Кар. IX, стр. 124—143), где хотя и имеются три регистра, но в каждом регистре различаются восходящий и нисходящий «тоны». Восходящий высокий тон предполагает, очевидно, движение от высокого регистра к еще более высокому; равным образом нисходящий низкий тон (который, впрочем, оказывается подлинно нисходящим лишь в двусложных словах, а в остальных случаях является «ровным») предполагает движение от низкого регистра к еще более низкому. В действительности здесь каждый регистр следует представлять себе не в виде точки, а в виде линии, по которой происходят оба тональных движения. Примечательно также, что эти движения охватывают лишь очень небольшой интервал: для восходящего высокого тона и нисходящего среднего тона — интервал в один тон, для восходящего низкого тона и нисходящего высокого тона — интервал в полтона (ср. таблицу у Бича, цит. раб., стр. 131, а также 141); и только восходящий средний тон имеет интервал в одну терцию (четыре полтона) и представляет собой действительно движение от среднего к высокому регистру.

² Ср. O G j e r d m a n, *Critical remarks on intonation research*, «Bull. of the school of Oriental studies», III, стр. 495 и сл.

является «низким», для мужского голоса оказывается «высоким», тем не менее противоположения по регистру свойственны всем членам данного языкового сообщества, и каждый слушатель сразу понимает, какой «тон» имеет в виду говорящий, даже если он никогда раньше не слышал своего собеседника. Наконец, Ердман совершенно правильно подчеркивает, что язык создан не только для того, чтобы говорить громко, но и для того, чтобы разговаривать шепотом. Из этого шведский фонетист, по-моему, с полным основанием делает вывод, что в противоположениях по регистру существенными являются качественные изменения гласного и голоса, связанные с изменением высоты тона. Если согласиться с этим положением Ердмана, то мы, возможно, найдем объяснение и фонологической двух- или трехступенчатости противоположений по регистру. Ибо точное различение большого числа тонов, хотя бы только с помощью сопутствующих качественных нюансов голоса, при шепоте невозможно, а при громкой речи доступно лишь особо музыкальным людям. В противоположность этому любой человек по качеству гласного и по голосу говорящего сразу узнает, как он говорит: в нормальном («среднем») регистре или же нормальным для него является более высокий или низкий голос. Из всего этого вытекает, как кажется, возможность существования максимум трех регистров.

Иной раз нелегко определить, с чем мы имеем дело: с корреляцией регистра или же с корреляцией движения тона. Там, где слог в низком тоне находится между двумя слогами с высоким тоном (как в трехсложном типе V языка зулу или в приведенном выше слове *_a'ta_о'та* из языка лонкундо), можно не сомневаться в наличии корреляции регистра, поскольку корреляция движения тона предполагает словесное ударение, то есть такое положение, когда какой-либо слог или мора в составе слова «выделяется» на фоне других. Однако для тех языков, где слова, как правило, состоят не более чем из двух мор, этот критерий отпадает. Однако практически даже эти языки содержат известные признаки, позволяющие принять однозначное решение. Южнокитайский (например, кантонский диалект) у двухмерных слогиносителей различает шесть «тонов», а именно: низкий—ровный, высокий—ровный, низкий—нисходящий, высокий—нисходящий, низкий—восходящий, высокий—восходящий¹. Ясно, что эту систему тонов можно понять лишь при допущении системы из трех регистров (таким образом, слог *faŋ*, имеющий в зависимости от «тона» шесть значений, следовало бы трактовать следующим образом: *faŋ* «доля», *fañ* «спать», *fañ*

¹ Cp Daniel Jones and Kwong Tong Woo, A Cantonese phonetic reader (Univ. of London Press), а также Liu Fu, Études, expérimentales sur les tons du chinois, Paris — Peking, 1925, теперь еще Jaime de Angulo в «Le Maître phonétique», 3ème série, № 60, 1937, стр. 69

«порошок», ɤɑŋ «сердиться», ɤɑŋ «делить», ɤɑŋ «жечь»). Отсюда и два «кратких» (одномерных) тона следует трактовать не как ударный и неударный, а как «высокий» и «низкий». Наоборот, в северо-китайском, где имеются только четыре тона (два долгих, то есть двухмерных, и два кратких, то есть одномерных), нет никакой необходимости допускать существование регистров: здесь существует «ударение», которое в двухмерных словах выделяет либо первую, либо вторую мору, а в одномерных словах — либо имеется наличие, либо отсутствует.

г) Корреляция ударения

В этом разделе, посвященном смысловозначительным функциям звука, речь может идти только о так называемом свободном ударении, то есть о таком ударении, положение которого внутри слова не обусловлено внешне и с помощью которого при случае можно дифференцировать значения слов (например, русск. *мука* — *му́ка*). Ударение можно определить как *в е р ш и н о о б р а з у ю щ е е* *в ы д е л е н и е* просодемы. Фонетически это выделение реализуется разными путями: с помощью экспираторного усиления, с помощью повышения высоты тона, с помощью удлинения, с помощью тщательной и энергичной артикуляции того или иного гласного или согласного. Для языков со свободным ударением фонологически существенным является, во-первых, то, что такое выделение в каждом слове происходит лишь в одном-единственном месте, причем данная просодема (соответственно данная часть слова) превалирует над всеми прочими просодемами данного слова, а не эти последние превалируют над ней, и, во-вторых, то, что в словах с одинаковым числом просодем выделение не обязательно падает на одну и ту же просодему, в результате чего оказываются возможными такие пары слов, которые отличаются друг от друга только местом вершины.

Свободное ударение принимает в разных языках весьма различные формы. Весьма существенным при этом оказывается различие между слогосчитающими и моросчитающими языками. Проще всего, пожалуй, обстоит дело в тех слогосчитающих языках, где корреляция ударения является единственной корреляцией просодического характера: в Европе к таким языкам относятся русский, украинский, румынский, болгарский, новогреческий, итальянский, испанский, португальский. В некоторых из этих языков ударные гласные оказываются продленными, а безударные — как количественно, так и артикуляционно редуцированными. Сложнее обстоит дело в тех слогосчитающих языках, которым, помимо сво-

бодного ударения, свойственна еще просодическая корреляция при-
мыкания, а именно корреляция усечения слога. Здесь, таким обра-
зом, перекрещиваются две просодические корреляции. Каждая из
них в своей фонетической реализации обнаруживает известное от-
ношение к длительности звука, поскольку ударный слогоноситель
является более долгим, чем неударный, а полноартикулируемый —
более длительным, чем усеченный. К этому присоединяется еще
наличие грамматически обусловленного второстепенного ударения,
которого, видимо, никогда не бывает в слогосчитающих языках
без корреляции усечения слога, и это весьма усложняет просоди-
ческую картину.

В моросчитающих языках со свободным ударением вершинооб-
разующим может быть либо одномерный слог, либо первая мора
двухмерного слога, либо, наконец, последняя мора двухмерного
слога. Здесь, таким образом, «краткие» (одномерные) слоги рас-
падаются на ударные и безударные, а «долгие» (двухмерные) сло-
ги — на нисходяще-ударные, восходяще-ударные и безударные.
Обычно в таких случаях принято говорить, что краткие имеют «одно
ударение», а долгие — «два типа ударения». Противоположение
между двумя типами ударения на двухмерном слоге можно рас-
сматривать как противоположение по движению тона или как к о р -
р е л я ц и ю д в и ж е н и я т о н а. Здесь мы имеем дело с прива-
тивной оппозицией. Следовательно, один из двух типов движения
тона является «немаркированным»; наряду с четко выраженной
неравномерной (нисходящей или восходящей) реализацией он
может иметь в качестве факультативного варианта также «ровное
движение тона». Какой из этих двух типов движения тона является
немаркированным, зависит исключительно от характера того или
иного языка.

Кроме языков с пятью типами слогов (одномерный ударный,
одномерный безударный, двухмерный безударный и два типа двух-
мерных ударных), есть языки всего лишь с четырьмя типами сло-
гов, в которых либо все ударные слоги являются двухмерными
(например, словинский говор кашубского)¹, либо все безударные
слоги являются одномерными (например, в словенском языке).

Таким образом, во втором случае получается система из одно-
мерных слогов с низким тоном, одномерных слогов с высоким
тоном, двухмерных слогов с положительным движением тона и
двухмерных слогов с отрицательным движением тона; в первом
случае получается система из одномерных (всегда безударных)

¹ Cp. F. Lorentz, *Slovinzische Grammatik*, St. Petersburg, Akad. der Wiss., 1903,
а также N.S. Trubetzkoy в TCLP, I, стр. 64.

словов, двухмерных слогов с выделением одной (первой или второй) части, двухмерных слогов с выделением другой части и двухмерных слогов без выделения обеих частей. Ясно, что н е в ы д е л е н и е обеих частей двухмерного слога по существу равносильно р а в н о м е р н о м у выделению обеих частей двухмерного слога: словинский просодический инвентарь, таким образом, в принципе идентичен просодическому инвентарю эстонского языка, о котором уже шла речь выше (стр. 210). Но может случиться и так, что двухмерный слог с равномерным выделением обеих мор фонологически противостоит двухмерному слогу без выделения обеих мор; тогда обе моры окажутся в оппозитивных отношениях к восходящим и нисходящим двухмерным слогам. Так возникают системы с шестью просодически различными типами слогов, которые представлены, например, в некоторых китайских диалектах.

Моросчитающие языки со свободным ударением необязательно должны иметь корреляцию движения тона. Существуют такие моросчитающие языки, которые характеризуются свободным ударением и в которых тем не менее долгий (двухмерный) слононоситель отмечен одним типом ударения. Наиболее надежным из известных нам примеров является датский язык, с одной стороны, и упоминавшийся выше язык хопи — с другой. Видимо, не случайно, что в этих двух языках свободное ударение сосуществует с просодической корреляцией примыкания (корреляция толчка в датском и корреляция усечения слога в хопи).

Как уже говорилось, вершинообразующее выделение может отмечать обе моры двухмерного слога. В отдельных (впрочем, весьма редких) случаях вершинообразующее выделение распространяется на всю группу следующих друг за другом мор, не считаясь с границами слога. Такие случаи засвидетельствованы в западнояпонских диалектах¹. В говоре Киото такой ряд слогов (мор) с высоким тоном может быть только в начале слова; он захватывает, таким образом, основу и иногда просодически несамостоятельный суффикс, примыкающий к ней непосредственно, например: *uši* «корова», им. *ušiġa* (но лимитатив *ušiġaġe*). Однако в говоре Тоса такой ряд мор с высоким тоном может занимать любое место в слове, например *asāġa* «конопля» (им.) и т.д. Из приведенных Е.Д. Поливановым (цит. раб., стр. 135 и сл.) образцов текста явствует, что подобные ряды мор с высоким тоном иной раз могут быть весьма длинными (до семи мор)². Такие состоящие из многих просодичес-

¹ Ср. Е.Д. Поливанов, Введение в языкознание для востоковедных вузов, Л., 1928, стр. 120 и сл.

² Ср. R. Jakobson в TCLP, IV, стр. 172 и сл.

ких единиц вершины засвидетельствованы, правда, лишь в очень немногих языках мира. В слогосчитающих языках они, во всяком случае, немислимы.

Если вершинообразующее выделение, как только что было показано, может охватить иной раз целый ряд следующих друг за другом мор, то, спрашивается, не может ли оно затронуть только определенную часть моры? Возможны ли при свободном ударении одномерные различия в движении тона со смыслоразличительной функцией? Мы полагаем, что на эти вопросы следует ответить отрицательно. Там, где такое противоположение по движению тона в пределах одной моры имеет место, там оно оказывается реализацией противоположения ударных и безударных мор. Следующие два примера особенно характерны в этом отношении. Упомянутый выше западнояпонский говор Киото отличает равномерное охватывающее всю мору ударение (Поливанов обозначает его значком Г слева от соответствующей моры) от нисходящего одномерного ударения (Поливанов обозначает его значком ^ над соответствующим гласным).

Примеры: [a Γsa «конопля» — [asâ «утро», [ka Γme «ваза» — [kamê «черепашка», [ku Γzi «ветошь» — [kuzû «мука арроурт» и т.д. И вот оказывается, что равномерное выделение моры в данном говоре обнаруживается либо в начале слова, затрагивая в этом случае первую мору слова или целый ряд мор, либо же оно падает на последнюю мору слова и в таком случае может исчезнуть перед словом, начинающимся с ударной моры; факультативно оно может еще отмечать конечный слог длинного слова с ударным первым слогом (ср. Е.Д. П о л и в а н о в, цит. раб., стр. 136, прим. 16 и 20, к Га [tamani Γ wa и [koku] Γmocu] Γwo). Такое равномерное ударение на последней море основы с неначальным ударением обязательно при присоединении так называемых суффиксов с низким тоном (например, суффикса адитива -mo; ср. формы [çot Γto Γmo ki:

[de Γmo, nan Γde Γmo в приводимых Поливановым образцах текстов); при присоединении просодически нейтральных суффиксов к основе с неначальным ударением равномерное ударение переносится на конечный слог (то есть слог суффикса) целого слова, например: [a Γsa «конопля» — им. [asa Γpa. Все эти факты доказывают, что равномерное ударение имеет смыслоразличительную значимость лишь на первой море (соответственно ряде мор) слова, в остальных же положениях оно выполняет лишь делимитативную функцию. Напротив, одномерное нисходящее ударение падает только на второй слог определенных основ и сохраняется здесь независимо от того, какой суффикс присоединяется (ср. в приведенных выше текстах такие слова, как madôwo, arâsimahen, hayêsimahen). Другими словами, последнее обладает точно такой же функцией на втором слоге, какой обладает равномерное ударение на первом слоге слова. Таким образом, краткое нисходящее ударение в говоре Киото следует

рассматривать как комбинаторный вариант смысловоразличительного высокого тона на непервой мере слова. В противоположность этому равномерное одномерное ударение на непервой мере (поскольку она не является последним членом многосложной вершины слова) следует трактовать как комбинаторный вариант отсутствия тона с функцией пограничного сигнала: оно указывает на границу между безударной морфологической единицей и следующей за ней единицей, начинающейся с безударной меры. В китайском диалекте Цзиньчжоу два так называемых кратких тона северокитайского языка реализуются таким образом, что «второй» оказывается восходящим, а «четвертый» — нисходящим. В этом случае речь идет всего лишь о реализации «одномерного выделения» и «одномерного невыделения». Это видно из того, что в том же диалекте «первый» двухмерный тон, при котором обычно начало выделяется, а конец нет, реализуется как восходяще-нисходящий, а «третий» тон, который обычно характеризуется выделением конечной части при отсутствии такового в начальной части, произносится как нисходяще-восходящий¹.

«Свобода» ударения не всегда безгранична. Ограничения встречаются как в слогосчитающих, так и в моросчитающих языках со свободным ударением. В лезгинском (кюринском), арчинском и некоторых других слогосчитающих языках восточного Кавказа ударение может падать либо только на первый, либо только на второй слог слова, и это ограничение действительно также для такого моросчитающего языка, как язык хопи. В новогреческом и итальянском (которые принадлежат к слогосчитающим языкам) ударение может падать только на один из трех последних слогов слова. В древнегреческом (ионическо-аттическом) ударение тоже падало только на один из трех последних слогов слова. Но поскольку древнегреческий был моросчитающим языком, то формула ударения была несколько более сложной. Согласно Р. Якобсону, правило аттического ударения может быть сформулировано следующим образом: интервал между ударной морой и конечной морой слова не может выходить за пределы одного слога². Поэтому такие сочетания, как $\acute{\circ} \circ \circ$ (στέφανος) и $\acute{\circ} - \circ$ (δέδωκα), были возможны, а такие сочетания, как $\acute{\circ} \circ -$ (где между ударной и конечной морями оказывался бы один слог + одна мора), невозможны. В латышском языке ударение падает всегда на первый слог; но при этом долгие слононосители в указанном положении характеризуются наличием корреляции движения тона, иными словами, здесь может выделяться только одна из первых двух мер слова и только

¹ Ср. Е. Д. Поливанов, цит. раб., стр. 118 и сл., а также Е. Д. Поливанов и Н. Попов-Татива. Пособие по китайской транскрипции, М., 1928, стр. 90 и сл.

² Ср. R. Jakobson, Z zagadnień prozodji starogreckiej, «Prace ofiarowane Kaz. Wóycickiemu», Wilno, 1937, стр. 73—88.

при условии, если она относится к первому слогу. В эстонском языке, где, как уже говорилось, в первом слоге слова различаются, помимо краткого, еще три долгих ударения (ступени долготы) — нисходящее, ровное и восходящее, — действует по существу то же правило, что и в латышском. Но здесь в отдельных заимствованных словах с кратким первым слогом второй становится ударным, так что с точки зрения современного состояния языка выделение может приходиться не только на две моры первого слога, но и вообще на одну из двух первых мор слова (независимо от того, принадлежат они к одному и тому же слогу или к разным). В так называемых моносиллабических языках, где слово (точнее, морфема)¹ может иметь не менее одной моры и не более двух мор в пределах одного слога, уже одно только это обстоятельство налагает ограничения на свободу ударения (в той мере, в какой она вообще существует в этих языках): сюда принадлежат, например, северокитайский², сиамский, бирманский и др.

Языки, характеризующиеся наличием фонологически значимой корреляции (свободного) ударения, вовсе не обязаны выделять ударением какую-либо просодему в каждом слове. Даже независимо от неударных проклитических и энклитических словечек, которые имеются почти в каждом языке и с точки зрения их грамматической функции «несамостоятельны», во многих языках существуют грамматически вполне «нормальные» самостоятельные слова без ударения. Такие слова могут принимать особое ударение лишь факультативно, в составе словосочетания, причем подобное ударение должно расцениваться как комбинаторный вариант отсутствия тона, выполняющий разграничительную функцию. Так, в древнегреческом языке «акут» последней моры слова реализуется в определенных словосочетаниях и в определенных положениях слова в предложении. Во всех же других случаях он замещается «грависом», то есть отсутствием тона. Точно так же в западнояпонском говоре Киото ровное ударение на последней море многосложного слова является лишь комбинаторным вариантом отсутствия тона (ср. выше, стр. 222). В литературном словенском языке в тех словах, которые не имеют ни одного двухмерного слога, ударение несет на себе последний (одномерный) слог; если этот слог является открытым, то ударение может факультативно оттягиваться на предпоследний (равным образом одномерный) слог. Статистика распределения ударений в словенской поэзии показывает, однако, что краткие ударные слоги ве-

¹ Ср А. Иванов и Е. Поливанов, Грамматика современного китайского языка, М., 1930

² Но не южнокитайский! Ср сказанное выше о кантонском диалекте (стр. 218)

дут себя как безударные¹, и это, естественно, вытекает из того обстоятельства, что место кратких ударных слогов в слове не свободно, а регулируется внешними факторами; в результате оно не способно дифференцировать слова с одинаковой квантитативной структурой².

Подобным же образом можно истолковать и особенности ударения в тех штокавских диалектах, которые лежат в основе сербохорватского литературного языка. Станным в этих диалектах является уже одно только наличие двух типов краткого ударения. Ведь всюду, где краткие слононосители отмечены различиями в движении тона, одно из двух «кратких ударений» должно рассматриваться как (комбинаторная или некомбинаторная) реализация безударности, отсутствия тона³. В сербохорватском литературном языке положение вещей таково, что подлинно «свободное» ударение является восходящим как в кратких, так и в долгих слогах, причем начало последующего слога совпадает по высоте тона с концом ударного слога. Это соучастие соседнего слога является безусловно необходимым моментом в фонетической реализации свободного ударения в сербохорватском языке. Таким образом, свобода ударения ограничена здесь тем, что оно не может падать на последний слог слова. За вычетом этого свободного («восходящее») ударение может занимать любое место в многосложных словах как в долгих, так и кратких слогах. Многие пары слов различаются только местом этого ударения, например: *málina* «малина» — *malina* «малость», *pjevačica* «кукушка» — *pjevāčica* «певица», *razložiti* «судить» — *razlōžiti* «разлагать», *imānje* «приход» — *imánje* «собственность» и т.д. При этом место такого ударения в слове совершенно не зависит от контекста. Иначе обстоит дело с так называемыми кратким и долгим нисходящими ударениями. В противоположность «восходящему», которое характеризуется почти исключительно музыкальными свойствами и (в той мере, в какой оно падает не на первый слог) не связано со сколько-нибудь значительным экспираторным усилием, «нисходящее» ударение является по преимуществу экспираторным. Нисходящее движение тона более или менее отчетливо распознается лишь при наличии долготы в слоге, имеющем это ударение; «краткое нисходящее» ударение в противоположность этому очень часто реализуется лишь в виде экспираторного усиления при ровном движении тона в относительно низком регистре. Если слоги, следующие за «восходящим» ударением, звучат довольно громко, то слоги, следующие за «нисходящим» ударением, произносятся совсем тихо, почти шепотом, благодаря чему со всей отчетливостью проявляется громкость, то есть экспираторная сила «нисходящего» ударения. Но что особо характеризует «нисходящее» ударение в противоположность «восходящему», так это его связанность. «Нисходящее» ударение в сербохорватском литературном языке может падать только на первый слог слова или соответственно тес-

¹ Ср. A. V. I s a ě n k o, Der slovensche fünffußige Jambus, «Slavia», XIV, стр. 45 и сл., особенно 53

² Р. J a k o b s o n в TCLP, IV, стр. 173 и сл.

³ Ср. Р. J a k o b s o n, цит. раб., стр. 174.

ного словосочетания. Если «восходящее» ударение сохраняет свое место в слове независимо от фразового контекста, то «нисходящее» ударение первого слога слова исчезает, как только это слово вступает в тесную связь с предшествующим словом: *jàgisa* «яровая пшеница» — *za jàgicu* «за яровую пшеницу», но *jāgisa* «козочка» — *zā jàgicu* «за козочку»; *prèdati* «переходить» — *ne prèdati* «не переходить», но *prèdati* «пугаться» — *nè predati* «не пугаться» и т.д. Таким образом, «нисходящее» ударение в сербохорватском литературном языке (как краткое, так и долгое) является всего лишь комбинаторным вариантом отсутствия тона, выполняющим делимитативную функцию: оно указывает на то, что данное слово (на первый слог которого оно падает) не образует тесного единства с предшествующим словом. Тем самым становится понятным также, почему прежние грамматики сербохорватского языка не давали никаких указаний относительно «краткого нисходящего» ударения, а для «долгого нисходящего» ударения использовали тот же самый диакритический значок, что и для безударного долгого¹.

В рассмотренных выше случаях слова без смысловозначительного ударения противопоставались словам со смысловозначительным ударением на каком-либо слоге или мере. С другой стороны, мы установили, что в отдельных языках (например, в западно-японских диалектах) выделение с помощью ударения может охватывать целый ряд следующих друг за другом просодем, причем этот выделенный с помощью ударения ряд просодем при случае составляет целое слово (например, в говоре Киото *ʔusigaʔ* «корова» — им. и род. п.). Теперь можно еще представить себе язык, который имел бы всего два типа слов: слова с выделением всех просодем, с одной стороны, и слова без выделения просодем — с другой. Такие языки, видимо, существуют на самом деле: сюда, по нашему мнению, следует отнести описанный Е.Д. Поливановым говор деревни Миэ (префектура Нагасаки)². Правда, сам Е.Д. Поливанов говорит не о выделенных и невыделенных, а об окситонных и баритонных словах, считая характерным для первых восходящее, а для последних нисходящее движение тона. Однако из его описания вытекает, что в многосложных «баритонных» словах гласные (особенно *i*, *u*) часто реализуются как глухие, а в исходе слова иной раз даже совершенно выпадают (*kjta* «север», *kjku*, *kjku* «слышать», *hasj*, *has* «мост»), тогда как в «окситонных» словах это невозможно; далее из его описания видно, что восходящее движе-

¹ Подробнее об этом см. в основополагающем исследовании Р. Якобсона «Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagnaphonologie», TCLP, IV, стр. 164 и сл., особенно 176 и сл.

² Е.Д. Поливанов, Введение в языкознание для востоковедных вузов, Л., 1928, стр. 70 и сл.

ние тона не всегда затрагивает всю последнюю мору «окситонных» слов, что эта мора часто завершается нисходящим движением тона, а при эмфазе оказывается даже ниже предпоследней моры. Поэтому мы полагаем, что фонологически существенным для двух типов слов в говоре деревни Миэ является не противоположение по движению тона, а противоположение общего выделения и общего невыделения слова в целом. Это противоположение существует здесь как в односложных, так и в многосложных словах.

Если, как было показано выше, отдельные языки со свободным ударением могут иногда иметь слова, лишенные ударных слогов, то, с другой стороны, некоторые другие языки в отдельных словах имеют и е с к о л ь к о ударных слогов, причем, само собой разумеется, вершинообразующим следует считать только один из этих слогов, тогда как прочие характеризуются или второстепенными тонами, или второстепенными ударениями. Здесь, разумеется, имеются в виду лишь фонологически значимые ударения. В самом деле, в любом языке со свободным ударением безударные слоги не все одинаково слабые или одинаково низкие. Во многих языках динамическая или хроматическая градация безударных слогов регулируется все же совершенно автоматически наличием определенного ритма чаще всего так, что просодемы, являющиеся четными (в ту или другую сторону) по отношению к вершинной просодеме, оказываются несколько более выделенными, чем нечетные просодемы, или же так, что последний или первый слог слова принимает на себя второстепенное ударение. Все эти явления не имеют никакой значимости с фонологической точки зрения. Существуют, однако, языки, в которых место второстепенных ударений регулируется не автоматически, а «этимологически» и, таким образом, оказывается фонологически значимым. Так, например, сложные слова в немецком языке, помимо основного ударения, имеют еще второстепенное ударение на каждом корневом слоге (*Eisenbahn* «железная дорога», *Höhschule* «высшее учебное заведение»), причем сопредельные префиксы и суффиксы ведут себя как корневые слоги (*ünternéhmen* «предпринимать», *Jüdentüm* «еврейство», *Bötschäft* «посольство» и т.д.). Свобода немецкого ударения, иными словами, способность главного ударения дифференцировать своим местом разные слова, существует лишь в рамках оппозиции «главное ударение — второстепенное ударение» (например, *übersetzen* «переправлять(ся)» — *übersetzen* «переводить»). Аналогичные отношения господствуют и в других германских языках (поскольку они имеют «свободное» ударение), тогда как романским, славянским и балтийским языкам, имею-

щим свободное ударение, этимологическое второстепенное ударение неизвестно. Зато это явление широко распространено в ряде американских языков (например, в хопи, пуэбло [Таос] и др.). Так как из всех современных индоевропейских языков германские языки в большей мере, нежели другие, обнаруживают пристрастие к сложным словам, а американские языки со своей стороны известны своим «полисинтетизмом», то активное использование основосложения можно, пожалуй, рассматривать как предпосылку существования второстепенных ударений со смыслоразличительной функцией. Все это явление в целом следовало бы рассмотреть в связи с общим учением о вершине слова.

В заключение несколько замечаний по поводу фонетической реализации ударения. В принципе ударение в моросчитающих языках связано с повышением тона, а в слогосчитающих языках — с удлинением его. Однако повышение тона в ударном слоге происходит наряду с удлинением и экспираторным усилением и в слогосчитающих языках. Ведь во многих слогосчитающих языках ударные и безударные слоги почти не отличаются друг от друга по длительности. И наоборот, в некоторых моросчитающих языках различия в движении тона в ударных слогах имеют скорее экспираторный, нежели музыкальный характер; во многих из этих языков ударные слоги (или моры) оказываются продленными. В северокашубском и литовском языках безударные двухмерные слогоносители произносятся короче, чем ударные («полудолгие»). В дифтонгических слогоносителях литовского языка в нисходящем тоне первый компонент дифтонга имеет большую длительность, чем второй, а в восходящем тоне, наоборот, длительность первого компонента меньше длительности второго. В эстонском языке реализация различий в движении тона в монофтонгических слогоносителях связана с градациями количества. Все эти случаи показывают, что реализация вершинообразующего выделения просодемы не обязательно совпадает с противоположениями, характерными для невершинообразующей дифференциации просодем (совершающейся в морях с помощью тона, а в слогах с помощью интенсивности). Здесь можно установить лишь одно правило: если в данном языке свободное ударение существует наряду с невершинообразующей дифференциацией просодем, то для реализации ударения нельзя использовать те же средства, что и для дифференциации. Это правило проливает свет на просодические отношения в сербохорватском литературном языке. Из сказанного выше следует, что свободное ударение в данном языке реализуется почти исключительно путем повышения тона ударного слога¹. Но, с другой сто-

¹ То, что ударный слог при этом является не просто высоким по тону, а (по крайней мере в большинстве случаев) восходящим, может, видимо, найти свое объяснение в «синтагматической фонологии», а именно в стремлении по возможности четче отделить свободное ударение от разграничивающего акцента. Хотя самым существенным для последнего является именно экспираторная сила, но он является нисходящим, поскольку имеет еще и музыкальную сторону.

роны, литературный сербохорватский вовсе не относится к моросчитающим языкам. В нем нет ни одного из тех шести признаков, благодаря которым опознается моросчитающий язык (наличие различий по движению тона типа *vgāta* «шеи» — *vgāta* «дверь» ничего не доказывает, поскольку то же самое различие имеется и в кратких слононосителях; ср. *jāgīca* «козочка» — *jaigica* «яровая пшеница»). Это значит, что литературный сербохорватский язык следует считать слогосчитающим. И если свободное ударение в нем реализуется почти исключительно как музыкальное, то причиной этого, по всей вероятности, является существование в этом языке наряду со свободным ударением невершинообразующей дифференциации просодем (= слононосителей), которая, как и в любом слогосчитающем языке, реализуется в виде просодической корреляции интенсивности. Впрочем, другие примеры сосуществования свободного ударения и корреляции по признаку невершинообразующей дифференциации нам не известны.

Г. Просодические признаки примыкания

а) Корреляция «толчка»

Просодические противоположения по признаку примыкания распадаются на корреляции преломления тона, или (что лучше) «толчка», и корреляции усечения слога. Те и другие корреляции рассматривались нами выше (стр. 203, 207) в другой связи; теперь мы должны познакомиться с ними несколько ближе.

Прежде всего необходимо предостеречь от смешения корреляции «толчка» с родственными ей фонетически, но совершенно иными в фонологическом плане явлениями. Не всякое соединение гласного с полной или неполной гортанной смычкой следует считать «гласным с толчком» в плане рассматриваемой нами сейчас корреляции. В тех языках, где гортанно-смычный является особой фонемой, такое соединение следует рассматривать как сочетание фонем (иными словами, как группу из двух фонем). В этих языках звукоряд *aʔa* является двухсложным. Корреляция «толчка» отсутствует далее в таких языках, как *ачумави*, где особый «толчок» («реартикуляция») автоматически появляется там, где вторая мора двухмерного гласного имеет иной регистр, чем первая мора¹; в этом случае «толчок» представляет собой явление чисто фонетического порядка, сопутствующее изменению регистра внутри двухмерного слононосителя. Нет подлинной корреляции «толчка» и в таких языках, как бирманский, где обе «краткие», то есть одномерные «тонемы» в противоположность обеим «долгим» «тонемам» завершаются гортанной

¹ Ср. H. J. Uida II, A sketch of Achumawi phonetics, «Intern. Journ. of Amer. Lingu.», VIII, 1933, стр. 75 и 77.

смычкой. Последняя является более энергичной в высоком кратком тоне, чем в низком, и ее, таким образом, следует рассматривать просто-напросто как сопутствующий сигнал «одномерности»¹.

За исключением этих и им подобных случаев, у нас все еще останется значительное число языков с подлинной просодической корреляцией «толчка». В ряде языков такая корреляция оказывается возможной лишь у двухмерных слогиносителей; в других языках она обнаруживается как у двухмерных, так и у одномерных слогиносителей; однако, видимо, нет ни одного языка, в котором корреляция «толчка» была бы связана лишь с краткими (одномерными) слогиносителями, не затрагивая при этом долгих (двухмерных) слогиносителей. Точно так же нам не известны и языки с одной корреляцией «толчка» без просодических различий по количеству. А поскольку различия по количеству в связи с корреляцией «толчка» должны расцениваться как корреляция геминации, то естественно, что корреляция «толчка» может иметь место только в языках с просодической корреляцией геминации, иными словами, в моросчитающих языках.

Для двухмерных слогиносителей корреляция «толчка» сводится к противоположению по способу связи двух «мор». В слогиносителе с «толчком» первая часть отделяется от второй (полной или неполной) смычкой голосовой щели; в результате возникает акустическое впечатление двух следующих друг за другом звуков или внезапного перехода от нормального голоса к шепоту в пределах одного звука. В слогиносителе без «толчка» мы наблюдаем обратное явление: постепенный и непосредственный переход от начальной части к конечной без сколько-нибудь заметного перерыва. Что касается одномерных слогиносителей, то корреляция «толчка» сводится здесь к противоположению по способу связи слогиносителя с последующим согласным: в этом случае одномерный слогиноситель (то есть, как правило, краткий гласный) либо отделяется от последующего согласного полной гортанной смычкой (и, следовательно, полным перерывом голоса), либо же примыкает к нему непосредственно². Таким образом, у двухмерных слогиносителей «толчок» оказывается внутри слогиносителя, а у одномерных —

¹ Cp. J. R. Firth, Notes on the transcription of Burmese, «Bull. of the School of Orient. stud.», VII, стр. 137 и сл.

² Такие краткие гласные с «толчком» имеются, между прочим, в некоторых датских наречиях; проф. Кристен Мёллер (Орхус), родной диалект которого имеет эту особенность, любезно привел мне несколько слов с этой особенностью. У меня сложилось впечатление, что общая длительность кратких гласных и следующего за гортанной смычкой перерыва в голосе почти равна длительности обычных долгих. У двухмерных слогиносителей с «толчком», судя по тому, как их произносит Мёл-

в конце его; в обоих случаях слогоносители, имеющие «толчок», противопоставляются слогоносителям без какого-либо перерыва голоса, будь то внутри или в конце гласного. Здесь, таким образом, во всех случаях речь идет о способе примыкания моры к следующему за ней элементу — ко второй ли море двухмерного слогоносителя (то есть долгого гласного, дифтонга или сочетания гласного с сонантом) или к согласному, находящемуся вне слогоносителя; иными словами, здесь речь идет о том, как происходит примыкание: непосредственно или с помощью резкого «толчка», внезапного рассечения.

б) Корреляция усечения слога

Совершенно очевидно, что корреляция усечения слога тоже относится к категории просодических противопоставлений по способу примыкания. Ведь по существу эта корреляция является не чем иным, как противопоставлением так называемого сильного и слабого примыканий вокалического слогоносителя к следующему согласному. Если при этом гласный с сильным примыканием оказывается короче гласного со слабым примыканием, то мы имеем всего лишь фонетическое явление вторичного порядка. При сильном примыкании согласный появляется в тот момент, когда процесс произнесения гласного еще не достиг кульминационного пункта в его обычной восходяще-нисходящей артикуляционной кривой. При слабом примыкании артикуляция гласного завершается полностью еще до приступа согласного. Сильное примыкание как бы «отсекает» конец гласного, в результате чего «усеченный» гласный должен быть короче обычного, неусеченного гласного. Корреляция усечения слога покоится, таким образом, на привативной оппозиции, немаркированным членом которой является «неусеченный» полноартикулируемый гласный без сильного примыкания к последующему согласному. Отсюда становятся ясными и результаты нейтрализации этой корреляции: она нейтрализуется в исходе слова или перед гласным, причем, само собой разумеет-

лер, перерыва не слышно, зато слогоноситель явно распадается на две части: громкую и тихую, причем граница между ними резко очерчена; их общая длительность равным образом почти совпадает с длительностью обычных (то есть не сопровождающихся «толчком») долгих. Аналогичную картину рисует нам Лаури Кеттунен для ливского языка (см. его работу «Untersuchungen über die livische Sprache» в «Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis», VII, 3, Tartu, 1925, стр. 4 и сл. и особенно приложенные кимограммы). Поучительны также наблюдения Р. Экблума над латышской прерывистой интонацией («Die lettischen Akzentarten», Uppsala, 1933, стр. 23 и сл., 42, 47 и сл.).

ся, что в этой позиции могут появляться лишь (фонетически долгие или полудолгие) полноартикулируемые гласные (так обстоит дело в английском, голландском, немецком, норвежском, шведском, шотландско-гаэльском, хопи и других языках). О том, что долгота гласного оказывается при этом фонологически несущественной, можно заключить из случаев, где архифонема реализуется в виде краткого гласного с слабым примыканием, например в безударных слогах немецкого языка (*le-béndig*, *Ho-lúnder*, *sprazieren*, *Ka-pi-tán* и т.д.).

Если корреляция «толчка» присуща лишь моросчитающим языкам, то связь корреляции усечения слога с членением языков на моросчитающие и слогосчитающие менее очевидна. Немецкий, голландский и английский языки, в которых корреляция усечения слога господствует в слогах как с главным, так и с второстепенным ударением, являются явно слогосчитающими языками, поскольку они не имеют ни одного свойственного моросчитающим языкам признака. Однако язык хопи, где корреляция усечения слога тоже обнаруживается в слогах с главными и второстепенными ударениями, является моросчитающим языком. Корреляция усечения слога обнаруживается здесь только в одномерных слогоносителях (= в гласных с главным и второстепенным ударением), тогда как в двухмерных слогоносителях эта корреляция отсутствует; в результате корреляция усечения слога и просодическая корреляция геминации образуют здесь трехчленный пучок: «одномерный слогоноситель с сильным примыканием» — «одномерный слогоноситель без сильного примыкания» — «двухмерный слогоноситель (без сильного примыкания)». В безударных слогах весь этот пучок нейтрализуется.

Связь корреляции усечения слога с просодической корреляцией геминации, имеющая характер пучка, видимо, существует также и в норвежском языке. Хотя К. Боргстрём, которому мы обязаны превосходным фонологическим описанием норвежского письменного языка¹, и утверждает, что «норвежскому литературному языку чуждо членение слогоносителя на моры» (цит. раб., стр. 261), мы, однако, считаем возможным сомневаться в этом. Наличие смысловразличительных мелодических противоположений в данном языке (например, *ly'se* «свет» с восходящим тоном — *ly'se* «светить» с нисходяще-восходящим тоном) свидетельствует о моросчитающем характере языка. Правда, эта мелодическая корреля-

¹ Carl Borgrstrom, Zur Phonologie der norwegischen Schriftsprache, «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», IX, 1937, стр. 250 и сл. Среди фонетических описаний юго-восточнонорвежских просодических систем следовало бы особо выделить образцовую по своей ясности и точности работу Олафа Брока «Rhythm in the spoken Norwegian language» (Philological society transactions), 1935, стр. 80-112.

для наблюдается не только у долгих, но и у кратких гласных, что как будто тоже служит существенным доводом в пользу отстаиваемого Боргстрёмом взгляда. Однако это препятствие легко устранить. К. Боргстрём совершенно правильно указывает на то, что ударные слогиносители норвежского языка являются базой для корреляции усечения слога и что ударные слоги в этом языке объективно всегда долгие, «поскольку они содержат либо краткий гласный и долгий согласный, либо долгий гласный и краткий согласный» (цит. раб., стр. 264 и сл.). С другой стороны, Боргстрём признает, что в ударных слогах с «кратким» (то есть «усеченным») гласным мелодика затрагивает не только гласный, но и следующий за ним согласный; «при кратком гласном с последующим глухим согласным создается впечатление, что часть мелодического рисунка дана лишь намеком, без голосового тона и что тем не менее противоположение явственно сохраняется; если же согласный является звонким (например, *bøppler* «крестьяне», *bøppler* «бобы»), то часть мелодического рисунка явно приходится на согласный» (стр. 261). Носителем тона, таким образом, оказывается либо полноартикулируемый гласный, либо дифтонг, либо сочетание «усеченного» гласного с имплозией следующего согласного, которым может быть не только сонант, но и шумный (последнее обстоятельство является особенностью шведско-норвежского типа). Все эти три типа ударных слогиносителей можно рассматривать как *д в у х м о р н ы е*; об их двухморном характере свидетельствует корреляция движения тона. Все три упомянутых типа двухморных слогиносителей присущи также и безударным слогам, но здесь, кроме того, имеются и *о д н о м о р н ы е* слогиносители, то есть «краткие» гласные без сильного примыкания к последующему согласному (цит. раб., стр. 265 и сл.). Таким образом, в норвежском языке имеет место та же комбинация четырех возможных типов слогов («безударный одноморный», «безударный двухморный», «двухморный ударный с маркированным мелодическим рисунком», «двухморный ударный с маркированным мелодическим рисунком»), что и в северокашубском, но только в сочетании с корреляцией усечения слога. Последняя в норвежском языке возможна лишь внутри двухморного слогиносителя, поскольку конец этого слогиносителя совпадает либо с концом полноартикулируемого гласного, либо с приступом последующего согласного, сильно примыкающего к предшествующему гласному. Сочетание корреляции усечения слога с просодической корреляцией геминации дает, таким образом, и здесь трехчленный пучок, структура которого, однако, оказывается иной, чем в языке хопи, поскольку корреляция усечения слога в данном случае свойственна не одноморным слогиносителям, как в хопи, а двухморным. Что касается шведского, то здесь, видимо, наблюдаются те же фонологические просодические отношения, что и в норвежском, правда, с несколько иной фонетической реализацией¹.

¹ Ср. W. Stalling, *Das phonologische System des Schwedischen*, Nijmegen, 1934 — работа с явно ошибочным названием, дающая исчерпывающее, но совсем не фонологическое, а чисто фонетическо-инструментальное исследование шведской интонации.

Не всегда легко решить, какой тип корреляции присущ данному языку: корреляция усечения слога или консонантная корреляция геминации. В таких языках, как финский, венгерский или тамильский, где противоположение долгих и кратких гласных фонологически значимо как перед негеминированными, так и перед геминированными согласными, о корреляции усечения слога не может быть и речи. Но в отношении итальянского языка этот вопрос можно было бы поставить, ибо в нем ударные гласные перед гласными или перед простыми интервокальными согласными всегда долгие, а перед геминированными согласными — всегда краткие. Но поскольку противоположение геминированных и негеминированных согласных существует здесь не только после ударных, но и после безударных гласных, причем безударные гласные в положении перед негеминированными согласными не превышают по долготе такие же гласные в положении перед геминированными согласными, то ясно, что консонантную корреляцию геминации в итальянском языке следует рассматривать как нечто автономное, а не как нечто такое, что только сопутствует корреляции усечения слога. С другой стороны, ударные гласные в этом языке являются краткими не только перед геминированными согласными, но и перед всеми сочетаниями согласных (кроме сочетания «согласный + г, w, j») и в исходе слова. Следовательно, различия гласных по количеству в итальянском языке обусловлены внешне и долготу ударных гласных перед негеминированными согласными (а также перед сочетанием «согласный + г, w, j») и перед разносложными гласными следует рассматривать как комбинаторные варианты: о корреляции усечения слога в итальянском языке не может быть и речи.

Напротив того, в языках, которым свойственна корреляция усечения слога, противоположение геминированных согласных негеминированным представляет собой нечто второстепенное, фонологически несущественное. В этих языках по существу можно говорить не о геминированных, а лишь о сильно примыкающих согласных, относительно большая длительность которых является лишь фонетическим следствием их сильного примыкания к предшествующему гласному.

Д. Фразоразличительные просодические противоположения

Если различительные признаки гласных и согласных используются лишь для различения слов, то просодические признаки служат не только для дифференциации значения слов, но и для различения значения целых словосочетаний и фраз. Эту функцию выполняют мелодика (фразовая интонация), изменения регистра, фразовое ударение и паузы.

При нынешнем состоянии наших знаний не представляется возможным говорить о «фонологии фразы» с той же определенностью и обстоятельностью, с какой мы говорим о фонологии слова.

Материалы крайне ограничены и, как правило, ненадежны. В имеющихся описаниях по «фразовой фонетике» в большинстве случаев не проводится никаких различий между экспликативной, экспрессивной и апеллятивной функциями звуков. Но даже там, где такое различие намечается, оно проводится далеко не последовательно. При этом описания, как правило, преследуют чисто практические цели: они большей частью предназначены для актеров, лекторов, чтецов, а для них, как известно, строгое разграничение экспликативной и апеллятивной функции не имеет почти никакого значения. Все эти неблагоприятные обстоятельства весьма затрудняют изучение роли просодических противопоставлений в экспликативной фонологии предложения¹. Вот почему мы вынуждены ограничиться здесь лишь отдельными соображениями по этому вопросу.

Прежде всего необходимо строго различать, служат или нет просодические противопоставления, используемые в данном языке, для дифференциации предложений, одновременной для различения слов. Там, где фразоразличительные противопоставления не выполняют никакой словоразличительной роли, их использование не нуждается ни в каких особых ограничениях. Там же, где фразоразличительные противопоставления являются одновременно и словоразличительными, из переплетения обеих функций и подчинения одной функции другой порой возникают весьма сложные отношения.

а) Фразовая интонация

Поскольку в большинстве европейских языков совершенно отсутствуют интонационные словоразличительные противопоставления², «интонация» в этих языках является исключительно фразоразличительным средством. Для этой цели, как правило, используются восходящее и нисходящее движение тона. При этом восходящее движение тона чаще всего выполняет «предупредительную» функцию, сигнализируя о том, что предложение еще не завершено, тогда как нисходящему движению тона присуща «завершающая» функция. Обычно как тот, так и другой тип движения тона

¹ Ср. S. Karcevskij, Sur la phonologie de la phrase, TCLP, IV, стр. 188—228

² Словоразличительная корреляция движения тона в европейских языках присуща только норвежскому, шведскому, литовскому, латышскому, северокашубскому (словинскому), словенскому, сербохорватскому, североалбанскому (герскому) и, кроме того, отдельным немецким и голландским диалектам. Ср. R. Jakobson, Sur la théorie des affinités phonologiques (Actes du IV Congrès international de Linguistes. Copenhagen, 1938)

реализуется в последнем слове перед паузой, ибо только в этом месте возникает необходимость сигнализировать о том, завершено предложение или нет.

В тех языках, которым известны интонационные словоразличительные противоположения, эти противоположения по необходимости преобразуются соответствующим образом перед паузой, выступая тем самым в качестве подчиненного момента по отношению к фразовой интонации. Так, например, в шведском языке, где интонационные словоразличительные противоположения характеризуются совокупным мелодическим рисунком как собственно ударных, так и послеударных слогов, этот мелодический рисунок реализуется по-разному в зависимости от характера фразовой интонации: слог, который несет на себе главное ударение (в случае если он не является последним), имеет в словах с «грависом» нисходящее, а в «акутовых словах» ровное (или слегка восходящее) движение тона; но послеударные слоги имеют в словах с «грависом» в случае «предупредительной» фразовой интонации восходящее, а в случае «завершающей» фразовой интонации восходяще-нисходящее движение тона, тогда как в «акутовых словах» эти слоги имеют слегка нисходящее движение тона в случае «предупредительной» фразовой интонации и круто и глубоко нисходящее движение тона при «завершающей» фразовой интонации¹. В чакавско-хорватском диалекте Кастава, где в двухмерном ударном слоге фонологически различаются две разновидности движения тона, нисходящая интонация на конечном слоге всегда остается нисходящей независимо от характера фразовой интонации; но этимологически долгая восходящая интонация на последнем слог в случае «предупредительной» фразовой интонации остается действительно восходящей лишь в положении перед паузой (или тогда, когда данное слово является особо подчеркнутым), в середине же предложения (то есть не перед паузой) и в словах неподчеркнутых она реализуется как длительно ровная, а в случае «завершающей» фразовой интонации она превращается перед паузой в нисходящую; правда, из существующего описания, принадлежащего поэту Анте Дукичу, нельзя понять, совпадают или все же различаются в этом положении обе «длительные» интонации; что же касается «краткой» интонации на одномерном конечном слоге, движение тона которого не существенно для различения слов, то она является восходящей в случае «предупредительной» фразовой интонации и нисходящей в случае «завершающей» фразовой ин-

¹ Ср цитированную выше работу Сталинга «Das phonologische System des Schwedischen», Nijmegen, 1934.

тонации¹. К сожалению, у нас нет удовлетворительных материалов (не говоря уже о систематических описаниях) по фразовой интонации в других европейских языках, которым известна словоразличительная корреляция движения тона. Еще хуже исследована фразовая интонация неевропейских языков, особенно языков со словоразличительной регистровой корреляцией. Уже приведенный выше материал по языку менде показывает, какие осложнения могут возникнуть в таких языках благодаря вхождению мелодического рисунка слова в мелодический рисунок предложения. В языке менде, как известно, тонический регистр всех мор последнего слова в предложении понижается на одну ступень, что, очевидно, связано с особым типом нисходящей фразовой интонации, завершающей предложение.

Помимо «предупредительной» и «завершающей» фразовой интонации, имеется еще п е р е ч и с л и т е л ь н а я интонация, которая отличается от интонаций двух первых типов и выполняет смысловозначительные функции. Смысловозначительное противопоставление перечислительной и предупредительной интонаций обнаруживается особенно наглядно в таких языках, как русский, где так называемое именное предложение является абсолютно нормальным синтаксическим образованием: ср. «люди, звери, птицы...», с одной стороны, и «люди — звери» — с другой.

Во всех иных случаях, где для европейских языков принимались особые фразовые интонации, наблюдается смешение двух функций — экспликативной и экспрессивной (или апеллятивной), — ибо различия, которые достигались благодаря этим якобы фразоразличительным интонациям, касались не понятийного, а эмоционального содержания фраз и словосочетаний. Не исключено, само собой разумеется, что в каких-нибудь «экзотических» языках обстоятельства складываются иначе. Однако данными о фразовой интонации в этих языках необходимо пользоваться с величайшей осторожностью, поскольку исследователи, как правило, не только не различали трех бюлеровских функций, а вдобавок еще умудрялись в сфере экспликативной функции путать словоразличительные и фразоразличительные интонационные противопоставления. Необходимо подчеркнуть, что в языках со словоразличительными регистровыми противопоставлениями, регистровые (а следовательно, и интонационные) различия используются для образования грамматических форм так же, как, например, в немецком языке для этой цели используется чередование гласных (как восходящее к древнему аблауту, так и возникшее благо-

¹ Ср. Ante Dukić, Marija devica, čakavska pjesma, Zagreb, 1935, где дано краткое описание просодической системы диалекта поэта, а также A. Belić, O rečenjnom akcentu u kastavskom govoru, «Juž. Fil.», XIV, 1935, стр. 151 и сл., с богатым собранием примеров из разных поэтических произведений Анте Дукича.

даря умлауту). И если в таких случаях, как нем. *gib ~ gab, geben ~ gaben, Bruder ~ Brüder* и т.д., вокалические противоположения следует понимать в качестве словоразличительных, а не фразоразличительных, то и в таких случаях из языка фанте (ашанти), как *ʔə_hwe* «он смотрит» ~ *ʔə_hweˀ* «он смотрел», речь идет лишь о словоразличительных противоположениях по интонации, а не о «*syntactic tones*», как это, к сожалению, утверждает-ся в ценном университетском пособии Вестерманна и Уорд¹.

б) Фразоразличительные регистровые противоположения

С фразовыми интонациями не следует смешивать фразоразличительные регистровые противоположения. Так как словоразличительные регистровые противоположения неизвестны большинству языков мира, то ничто не препятствует использованию противоположений этого рода для различения предложений. Тем не менее большинство языков либо вовсе не использует эту возможность, либо использует ее весьма ограниченно.

В очень многих языках предложения, содержащие полный вопрос (в противоположность предложениям, содержащим частичный вопрос), характеризуются восходящей интонацией, которая отличается от интонации, выполняющей «предупредительную» функцию, как правило, только более высоким регистром голоса, причем восходящая интонация приходится обычно только на тот член предложения, который стоит под вопросом². В этом случае высота регистра способствует таким образом различению вопросительного и незаконченного повествовательного предложений; ср. нем. *Er soll kommen?* «Он должен прийти?» и *Er soll kommen... und sich selbst überzeugen* «Ему нужно прийти... и самому убедиться»; или русск. *Он любит играть в карты?* и *Он любит играть в карты..., но только не на деньги.*

Понижение регистра ниже нормального уровня наблюдается обычно в так называемых вводных предложениях, а также у вводных слов, стоящих вне связи с предложением (обращения и т.д.); ср. такие предложения, как *Я не могу прийти, — сказал он, — так как я занят по дому* или *С удовольствием, господин доктор* и т.д. (см. С. Карцевский, цит. раб., стр. 217 и сл.)³. Такое понижение

¹ D Westermann und Ida C. Ward, *Practical phonetics for students of African languages*, London, 1933, стр. 178.

² О вопросительной интонации в разных языках см. P. Kretschmer, *Der Ursprung des Fragetons und Fragesatzes*, «*Scritti in onore die Alfredo Trombetti*», Milano, 1936, стр. 29 и сл.

³ Как известно, уже в «Ригведе» вводный вокатив характеризуется низким тоном.

голоса дает возможность отличать вводные предложения от обычных. При этом, однако, понижение голоса никоим образом не является единственным признаком вводного предложения: наоборот, оно, как правило, во всех случаях связано с особой «ровной» (не восходящей и не нисходящей) интонацией и убыстренным темпом речи.

Следовательно, фразоразличительные изменения (чередования) регистра в европейских языках, как кажется, никогда не являются абсолютно самостоятельными, они во всех случаях связаны с определенной фразовой интонацией. Независимое изменение регистра наблюдается только там (мы имеем при этом в виду европейские языки), где этот регистр выполняет аппелятивную и экспрессивную функции. Этим и объясняется относительно слабое использование данного средства для фразоразличения.

в) Фразовое ударение

Экспираторное усиление ударного слога во многих языках используется также для дифференциации предложений. В этих целях то слово, которое должно быть выделено по смысловым соображениям, получает экспираторное усиление. В тех языках, где место экспираторного ударения не выполняет словоразличительных функций, дело обстоит относительно просто. Например, в таком предложении чешского языка, как *Tvoje sestra přinesla knihu* «Твоя сестра принесла книгу», любое из четырех слов можно выделить путем усиления ударения на первом слоге, благодаря чему в значение предложения привносятся четыре разных оттенка (твоя, а не моя; твоя сестра, а не мать; принесла, а не забыла или еще что-нибудь в этом роде; книгу, а не какую-либо другую вещь). Все прочие слова в этом случае получают более слабое ударение на первых слогах; так всякий раз образуется двухступенчатая иерархия ударений: основное ударение и такое число второстепенных ударений, сколько в предложении имеется слов. И только там, где главное предложение связано с придаточным (или с рядом придаточных), может возникнуть несколько более сложная, трехступенчатая градация. Во всех случаях, однако, речь идет о градациях экспираторного усиления.

Фразовое ударение в немецком языке также отличается только степенью усиления. Подчинение словесного ударения фразовому ударению происходит путем противопоставления более сильного ударения более слабому. Это осложняется, однако, тем, что некоторые сложные слова, помимо главного ударения, несут еще второстепенное ударение. Фундаментальное отличие немецкого язы-

ка от чешского не столь велико, как это можно было бы думать. В чешском языке место ударения в слове не выполняет никакой смыслоразличительной функции; смыслоразличительную роль играет место главного ударения в предложении; в немецком же языке место главного ударения может дифференцировать лишь сложные слова (*übersetzen* «переправляться», *übersetzen* «переводить»), при этом основную роль здесь играет противоположение главного и второстепенного ударения; но то же противоположение сохраняет свое значение и для немецкого предложения. Следовательно, в немецком языке сила ударения зависит от значения предложения (сочетания с л о в) и от значения сложного слова (сочетания о с н о в).

Совершенно иначе обстоит дело в таких языках, как русский, где словесное ударение абсолютно свободно в полном смысле этого слова (даже в простых словах) и где противоположения по месту ударения используются в полную меру в лексических целях, а второстепенное ударение фонологически несущественно. В русском языке сила ударения зависит от значения предложения: смысл предложения может меняться благодаря усилению ударения на одном определенном слове и ослаблению его на прочих словах. Слова, не затронутые фразовым ударением, не обнаруживают, как правило, какого-либо экспираторного усиления этимологически ударного слога. Эти слоги, однако, продолжают отличаться от этимологически неударных, с одной стороны, тем, что они несколько более длительны, с другой стороны, тем, что гласные таких слогов не подвергаются качественно редукции. Таким образом, можно сказать, что фонологически существенными в русском языке являются: для словесного ударения количественные и качественные различия между гласными ударных и безударных слогов, а для фразового ударения экспираторные различия в силе между ударными слогами отдельных слов¹. Русское словесное ударение является единственным: русскому языку неизвестно смыслоразличительное второстепенное ударение в сложном слове. Но в предложении основное и второстепенное ударения различаются: «*Ива́н пойдѐт*» (с второстепенным ударением на подлежащем), *Иван пойдѐт* (без второстепенного ударения), *Ива́н пойдѐт* (с главным ударением на подлежащем и второстепенным ударением на сказуемом). Следовательно, фразовое ударение в рус-

¹ В изолированном слове в русском языке ударный слог не только полновесен (нередуцирован) количественно и качественно, но и гораздо сильнее, нежели безударный. Это происходит, однако, потому, что такое изолированное слово следует рассматривать как самостоятельное предложение.

ском языке отличается от словесного ударения по существу. Ничего подобного нет в немецком языке. Смыслоразличительные второстепенные ударения присущи в немецком языке как предложению, так и слову; ударение здесь лишено каких-либо объективных признаков, которые были бы релевантными либо только для предложения, либо только для слова.

Этих немногих примеров, пожалуй, достаточно, чтобы показать, насколько различной может быть трактовка фразового ударения в разных языках¹.

в) Фразовые паузы

Пауза является, пожалуй, единственным фразоразличительным средством, которое не имеет точного соответствия в словоразличительных просодических признаках, если только не пытаться приравнять противоположение «наличие паузы — отсутствие таковой» корреляции «толчка».

Во всяком случае пауза является таким же просодическим средством, как и все прочие фразоразличительные средства, и может быть включена в состав признаков примыкания. Фразовые паузы, как правило, являются средством разграничения отдельных предложений или их отрезков и выполняют, таким образом, преимущественно делимитативную функцию. Однако нередко «наличие паузы — отсутствие таковой» играет и смыслоразличительную роль; ср. русск. *русский|армянин|и грузин*, с одной стороны, и *русский армянин|и грузин* — с другой стороны.

д) Общие замечания

В заключение можно сказать, что, хотя для различения предложений используются те же звуковые признаки, что и для словоразличительных просодических корреляций, фразоразличительные средства тем не менее принципиально отличны не только от просодических, но и от всех других словоразличительных средств. Это принципиальное отличие состоит в том, что фонемы и словоразличительные просодические признаки никогда сами по себе не являются языковыми знаками; они представляют собой лишь часть языкового знака. Фонема *t* сама по себе не является знаком, она ничего не значит и ничего не обозначает, она является лишь частью различных языковых знаков (слов, морфем), таких, например, как *Mann, Mutter, Mist, dumme, dem,*

¹ Ср. A. Belicé, *L'accent de la phrase et l'accent du mot*, TCLP, IV, стр. 183 и сл.

immer и т.д. Наоборот, фразоразличительные средства являются самостоятельными знаками; «предупредительная» интонация о б о з н а ч а е т, что предложение еще не завершено, понижение регистра о б о з н а ч а е т, что данный отрезок речи не связан ни с предыдущим, ни с последующим и т.д. В этом отношении фразоразличительные элементы можно сравнить с делимитативными и кульминативными средствами языка¹.

б. Аномальные смыслоразличительные элементы

Многие языки, помимо нормальной фонологической системы, обладают рядом фонологических элементов особого рода, которые выполняют совершенно специфические функции.

Сюда прежде всего принадлежат «чужие звуки», то есть фонемы, заимствованные из фонологической системы другого языка, встречающиеся главным образом в заимствованных словах, что особо подчеркивает иноземный характер соответствующего слова. В немецком литературном языке (особенно в его южной разновидности) к таким звукам относятся назализованные гласные и звонкая параллель к ξ , в чешском — фонема g , в сербохорватском — фонема ξ ($d\check{z}$) и т.д. Следует иметь в виду, что эти чужие фонемы обычно произносятся не совсем так, как в том языке, откуда они заимствованы; они, как правило, приспосабливаются к фонетической системе языка, который их заимствует. Так, например, ξ в немецком языке (особенно в Вене) совсем не является звонким; это самый обычный глухой слабый, поскольку верхненемецкому чужды звонкие шумные. И, наоборот, чешское g является самым настоящим звонким смычным, хотя во многих случаях оно должно передавать глухой слабый g верхненемецкого. Кроме того, можно установить, что такие «чужие звуки», коль скоро они проникли в другой язык, не всегда произносятся там, где им полагается быть. Ведь они являются знаками иноземного характера слова и поэтому могут оказаться в таком слове, которое ощущается как иностранное; при этом совершенно не принимается во внимание, оправданы они в данном случае или нет. Так, например, заимствованное слово *Telephon* произносится в Вене очень часто с назализованным гласным o (*telefō*), а чехи заменяют k на g в таких заимствованных словах, как *plakat*, *balkon* и т.д.² Часто ощущение инородного характера какого-либо слова исчезает, и тогда чужие звуки инкорпорируются в фонетическую систему того языка, который их заимствовал. Может даже случиться, что такая фонема входит в состав вновь образуемых слов в данном языке. Так, например, обстоит дело с фонемами f , f' в русском языке; первоначаль-

¹ Ср. R. Jakobson в «Mélanges offerts à Jacques van Ginneken», Paris, 1937, стр. 26 и сл. и в «Bull. du cercle ling. de Copenhague», II, 1936—1937, стр. 7.

² Ср. V. Mathesius, K výslovnosti cizích slov v češtině, «Slovo a slovesnost», I, стр. 36 и сл. и Zur synchronischen Analyse fremden Sprachguts, «Engl. Stud.», 1925, стр. 21—35.

чально они встречались лишь в заимствованных словах, ныне же их можно обнаружить и в таких словах, как *простофиля*, *фифайка*, которые не являются заимствованиями. Но в силу того что «акклиматизация» чужих звуков наступает сравнительно поздно, простор для их использования ограничивается арготическими выражениями. Следовательно, эти фонемы сохраняют все же особую функцию: они свидетельствуют об иноземном характере того или иного слова, а также о той особой экспрессивности фамильярного характера, которая свойственна арготическому словарю.

Фонемы с особыми функциями встречаются далее в междометиях, ономотопеях и в тех словечках, с которыми обращаются к домашним животным, когда их подзывают, манят и т. д. Эти слова вообще не выполняют экспликативной функции в собственном смысле и образуют, таким образом, совершенно особый раздел словаря, для которого обычная фонологическая система оказывается недействительной. Даже в европейских языках есть такие звуки, которые используются только в подобного рода словах; ср. междометие, передаваемое графически знаками *хм*, шелкающие звуки типа *тц-тц-тц-*, которыми погоняют лошадей, губное *пррр*, которым останавливают лошадь, или междометие *бррр*, имитирующее озноб, дрожь и т. д. В некоторых «экзотических» языках такие экстранормальные фонемы весьма многочисленны. Так, например, языки банту обладают целым рядом слов, обозначающих крики, походку и т. п. зверей, причем во многих случаях едва ли можно говорить о звукоподражаниях в собственном смысле этого слова (например, рев льва изображается слоговым палатальным *р*). И в этих словах мы находим особого рода фонемы, которые нигде больше в этих языках не встречаются. В сказках индейцев такелма, персонажами которых являются звери, в речах гризли (североамериканского серого медведя) к каждому слову префигируется глухой латеральный спирант — звук, который в языке такелма нигде больше не встречается!

У. Типы нейтрализации смыслоразличительных противоположений

1. Общие замечания

Отдельные языки отличаются друг от друга не только составом фонем и просодических средств, но и применением этих смысло-различительных элементов. В немецком языке имеется фонема η (ng), но употребляется она только в исходе и середине слова, причем не в положении перед «определенными» гласными. Та же фо-

¹ E S a p i r, The Takelma language of South, Western Oregon, «Handbook of American Indian languages», II, 8 и прим. 2.

нема в эвенкийском (тунгусском) языке возможна во всех положениях, то есть не только в исходе и середине слова, но и в начале его, притом перед всеми гласными. Но фонема г, которая в немецком языке употребляется в начале, середине и исходе слова, в эвенкийском языке невозможна в начале слова. Подобного рода ограничения в применении определенных фонем наблюдаются во всех языках мира, являясь столь же характерными для фонологии отдельных языков и наречий, как и различия в составе фонем.

В этом отношении весьма важными являются правила нейтрализации фонологических оппозиций. Нейтрализация имеет место лишь в определенных положениях, и следовательно, в таких положениях число фонем меньше, чем в других положениях. Это значит, что, помимо общей системы фонем и просодических признаков, имеются еще частные системы, которые действительны только для определенных положений и которые содержат только часть фонологических средств, представленных в общей системе фонем и просодических средств. Правила нейтрализации варьируют от языка к языку, от наречия к наречию. И все же можно обнаружить определенные типы, к которым в конечном итоге сводятся все возможные случаи нейтрализации в различных языках и наречиях¹.

Прежде всего необходимо различать два типа нейтрализации: нейтрализацию, обусловленную контекстом, и нейтрализацию, обусловленную структурой; первая возникает в зависимости от окружающих фонем определенного рода, вторая — независимо от них, но в зависимости от определенного положения в слове. Кроме того, следует различать регрессивную и прогрессивную нейтрализации в зависимости от того, где нейтрализация происходит: после «чего-то» или перед «чем-то». Эта классификация не является исчерпывающей, поскольку иногда нейтрализация оказывается как регрессивной, так и прогрессивной или же ни той и ни другой.

2. Типы нейтрализации, обусловленной контекстом

Нейтрализация, обусловленная контекстом, распадается на диссимилятивную и ассимилятивную в зависимости от того, расподобляются или уподобляются определенные фонемы в отношении релевантности тому или иному при-

¹ Ср. N.S. Trubetzkoy, Charakter und Methode der systematischen phonologischen Darstellung einer gegebenen Sprache, «Archives Néerlandaises de Phonétique Expérimentale», VIII-IX, 1933 и Die Aufhebung der phonologischen Gegensätze, TCLP, VI, стр. 29 и сл.

знаку «контекстной фонемы». Так как в этом случае все сводится, как правило, к утрате определенного фонологического признака, то становится ясно, что диссимилятивная нейтрализация имеет место только рядом с такими фонемами, которые обладают данным признаком, а ассимилятивная нейтрализация только рядом с такими фонемами, у которых этот признак отсутствует.

А. Диссимилятивная нейтрализация

В диссимилятивной нейтрализации следует различать ряд разновидностей. «Контекстные фонемы», рядом с которыми нейтрализуется фонологическая оппозиция, могут иметь либо сам данный фонологический признак, либо только фонологически ему родственный. Далее контекстная фонема может обладать данным (или ему родственным) признаком либо только положительно, либо как положительно, так и отрицательно; это значит, что нейтрализация может иметь место по соседству либо только с маркированным, либо как с маркированным, так и немаркированным членом той же самой или родственной ей (привативной) оппозиции. Это ведет к выделению четырех возможных типов диссимилятивной нейтрализации.

а) Нейтрализация фонологической оппозиции происходит рядом с обоими членами этой же самой оппозиции. В очень многих языках противоположение звонких и глухих шумных нейтрализуется рядом как с звонкими, так и с глухими шумными (причем представитель архифонемы «обусловлен внешне», то есть тождествен в отношении участия голоса контекстной фонеме); так, например, обстоит дело в сербохорватском: ср. *srb* «серб» — *srpski* «сербский» — *srkinja* «сербиянка»; *poručiti* «поручать» — *poručba* «поручение» и т.д. Во французском языке противоположение назализованных и неназализованных гласных нейтрализуется перед всеми гласными, как назализованными, так и неназализованными (в качестве представителя архифонемы функционируют в этом случае неназализованные гласные как немаркированные члены этой оппозиции).

б) Фонологическая оппозиция нейтрализуется рядом с маркированным членом этой оппозиции, сохраняясь, однако, рядом с немаркированным членом. Так, например, в словацком языке противоположение долгих и кратких гласных нейтрализуется после слога с долгим слогоносителем (в качестве представителя архифонемы в этом случае выступают немаркированные краткие гласные). Редкий случай этого рода имеет место в санскрите: про-

тивоположение дентального и «церебрального» п нейтрализуется здесь после церебрального ζ (притом не только в непосредственном соседстве с ζ , но и в том случае, когда ζ отделено промежуточным гласным, лабиальным или гуттуральным согласным), но сохраняется не только после нецеребрального s , но и после других церебральных согласных (d , dh , t , th).

в) Фонологическая оппозиция нейтрализуется рядом с обоими членами родственной фонологической оппозиции. «Родство» при этом вытекает из изложенной выше систематики фонологических оппозиций. Примером может служить лезгинский (кюринский), где противоположение лабиализованных и нелабиализованных согласных нейтрализуется как перед, так и после узких гласных (u , \ddot{u} , i), поскольку эти гласные являются членами тембровой оппозиции «лабиальный — нелабиальный», тогда как широкие гласные a , e в этой оппозиции участия не принимают¹.

г) Фонологическая оппозиция нейтрализуется рядом с маркированным членом родственной оппозиции, сохраняя свою фонологическую значимость рядом с немаркированным членом этой оппозиции. Примером могут служить японский, литовский и (восточно)болгарский, где противоположение палатализованных и непалатализованных согласных фонологически значимо лишь перед гласными заднего ряда и нейтрализуется перед гласными переднего ряда (выбор представителя архифонемы в этом случае обусловлен в болгарском языке внутренними причинами, в литовском — внешними, в японском перед e — внутренними, перед i — внешними). В мордовском языке противоположение палатализованных апикальных и плавных и непалатализованных ($t-t'$, $d-d'$, $n-n'$, $r-r'$, $l-l'$) нейтрализуется после гласных переднего ряда (выбор представителя архифонемы обусловлен внешне)². В восточнокавказских языках, где наличествует консонантная корреляция лабиализации (цахурский, рутульский, арчинский, агульский, даргинский, кубачинский), эта корреляция нейтрализуется перед лабиализованными гласными (выбор представителя архифонемы обусловлен внутренне)³. Во французском языке противоположение назализованных и неназа-

¹ Cp. N.S. Trubetzkoy, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, «Caucasica», VIII.

² Cp. Д.В. Бубрих, Звуки и формы эрзянской речи, М., 1930, 4.

³ Cp. N.S. Trubetzkoy, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, «Caucasica», VIII.

лизованных гласных нейтрализуется перед носовыми согласными (то есть перед маркированными членами консонантной корреляции назализации), по крайней мере внутри морфемы перед *m* (перед *n* имеется лишь одно исключение *enpiu*). В приморском саамском (лопарском) диалекте Мааттивоуно, так же как в диалекте инари и в некоторых других, противоположение долгих (двухмерных) и кратких (одномерных) гласных нейтрализуется перед долгими геминированными согласными¹.

Иногда нейтрализация оппозиции рядом с маркированным членом оппозиции служит доказательством «родства» этих двух оппозиций. Так, например, в штокавско-скавских говорах сербохорватского языка апликальные и сибиллянтные локальные ряды согласных «расщеплены», то есть представлены каждый двумя рядами, так что вся система согласных принимает следующий вид:

(p)	t	ć	(k)	c	č
(b)	d	đ	(g)	{dz}	{dž}
(m)	n	ñ			
(v)	l	ļ			
				s	š (h)
				z	ž

Противоположение рядов *t* и *ć* является одномерным, но эквиполентным. Таковым же является противоположение рядов *c* и *č*. Обе эти эквиполентно-одномерные оппозиции являются нейтрализуемыми; нейтрализация обусловлена контекстом: противоположение *t* и *ć* нейтрализуется перед *t* и *ć* (тип *a*), противоположение *s* и *š* — перед *č* (тип *b*). Но, помимо этого, противоположение *s(z)* и *š(ž)* нейтрализуется перед *ć* (причем в качестве представителя архифонемы выступает либо *š*, *ž*, либо особые промежуточные звуки *š̃*, *ž̃*). Это обстоятельство свидетельствует о том, что с точки зрения фонологической системы данных говоров противоположение рядов *t* и *ć* «родственно» (но не тождественно) противоположению обоих сибиллянтных рядов. В восточнобаварских говорах (например, в Вене) противоположение *i*, *e*, *äi* и *ü*, *ö*, *äü* (восходящих к *il*, *el*, *eil* и соответственно к *ül*, *öl*, *äül*) возможно во всех положениях, кроме положения перед плавными: перед *g* возможны лишь *i*, *e*, *äi*, а перед *l* — только *ü*, *ö*, *äü*. Эта нейтрализация вокалического противоположения лабиализации перед плавными (исторически возникшая благодаря тому, что сочетания *lg* в немецком языке не существовало) вызвала родство между оппозицией *i—ü* (*e—ö* и т.д.), с одной стороны, и оппозицией *g—l* — с другой стороны. С точки зрения названных говоров *g* можно определить как вы-

¹ Cp. Paavo Ravila, Das Quantitätssystem des seelappischen Dialektes von Maattivuono, Helsinki, 1931.

сокий, а I — как низкий плавный. Следовательно, «родство» отдельных оппозиций внутри определенной фонологической системы не всегда можно вывести из одних общих соображений.

Б. Ассимилятивная нейтрализация

При ассимилятивной контекстно-обусловленной нейтрализации члены оппозиции теряют тот признак, на основании которого они противопоставляются по-соседству с такими фонемами, у которых этот признак отсутствует. Так, например, в восточном марийском противоположение глухих смычных (р, t, k, с, ć, ě) и звонких спирантов (β, δ, γ, z, ź, ź) нейтрализуется после носовых (причем в качестве представителя архифонемы выступают особые, возможные только в данном положении звонкие смычные b, d, g, ʒ, ʒ̣, ʒ̣̣)¹. Ведь носовые не являются ни глухими, ни спирантами и не обладают, таким образом, теми признаками, которые характерны для оппозиций шумных согласных марийского языка. С другой стороны, однако, они являются согласными, которые связаны с голосовым тоном и полной смычкой в полости рта. Нейтрализация противоположения t- и т.д. после носовых осуществляется таким образом, что архифонема теряет дифференциальный признак шумного (ибо шумные в марийском языке являются либо глухими смычными, либо фрикативными), оставаясь при этом отличной от носового, поскольку она не приобретает характерной черты носового — назальности.

Как явствует из этого примера, контекстная фонема при ассимилятивной нейтрализации должна иметь какие-то общие черты с членами нейтрализуемой оппозиции. В каком-то отношении она должна быть ближе к ним, чем к другим фонемам той же системы. Однако признак, который разделяет члены нейтрализуемой оппозиции друг от друга, должен быть полностью чужд контекстной фонеме.

Мы уже упоминали, что степень раствора является специфическим признаком гласного. Ассимилятивная нейтрализация противоположений по раствору может, следовательно, иметь место только перед такими согласными, которые в каком-либо отношении обнаруживают большее родство с гласными, чем все прочие согласные, оставаясь при этом согласными. В литературном немецком сюда принадлежит фонема η(ŋ), перед которой противоположения ü—ö и u—o фактически нейтрализуются (в качестве пред-

¹ Ср марийские тексты, опубликованные, например, Odon V e k e, Texte zur Religion der Osttscheremissen, «Anthropos», XXIX, 1934.

ставителя архифонемы в этом случае выступают «крайние» члены этих градуальных оппозиций: \ddot{u} и u): как сонант и язычный звук η является более близким к гласным, чем все прочие согласные немецкого языка. Во многих языках и диалектах известные различия в степени раствора нейтрализуются перед носовыми или перед плавными (или более узко: перед носовыми и плавными, входящими в тот же слог, что и гласный); это объясняется тем, что носовые и плавные в большей мере приближаются к гласным, нежели все остальные согласные, не превращаясь при этом в гласные, то есть не приобретая смыслоразличительных признаков по степени раствора. Чтобы вызвать ассимилятивную нейтрализацию различий по признаку раствора, контекстная фонема должна в каком-либо отношении быть более родственной гласному, чем все прочие согласные. Носовые и плавные как раз и удовлетворяют этому условию, поскольку они образуются при наличии минимальной преграды и таким образом в минимальной степени обладают специфически консонантными признаками. К гласным можно, однако, приблизиться также и с другой стороны: по координате, на которой откладываются места образования согласных. В полабском, например, противоположение между \ddot{u} и \ddot{o} нейтрализовалось перед гуттуральными, лабиальными и палатализованными согласными (представителем архифоном в этом случае, естественно, выступал гласный \ddot{u}): если мы примем во внимание, что гуттуральные характеризуются артикуляцией спинки языка, лабиальные — участием губ, а палатализованные согласные — продвижением массы языка вперед, то станет очевидным, что именно эти локальные ряды наиболее близки к лабиализованным гласным переднего ряда.

Рассматривая вокализм английского языка, мы видели, что для полноартикулируемых гласных фонем «стандартного английского языка» характерным является фонологическое противоположение центробежного и центростремительного направлений полной артикуляции. Эта специфическая вокалическая оппозиция нейтрализуется перед g (при этом архифоному представляют центростремительные фонемы u^2 , ɔ^2 , a^2 , α^2 , e^2 , ɪ^2): из всех английских согласных g ближе всего стоит к гласным, будучи при этом лишено специфических вокалических признаков: способа примыкания и направленности полной артикуляции.

В. Ассимилятивно-диссимилятивная нейтрализация, обусловленная контекстом

Под ассимилятивно-диссимилятивной нейтрализацией, обусловленной контекстом, мы понимаем любое сочетание ассимиля-

тивной нейтрализации с диссимилятивной. Если, например, в болгарском, литовском и полабском противополoжение палатализованных и непалатализованных согласных нейтрализуется в положении перед всеми согласными, то здесь имеет место ассимилятивно-диссимилятивная нейтрализация, обусловленная контекстом, ибо перед теми согласными, которые сами являются членами корреляции палатализации, нейтрализация этой корреляции является, очевидно, диссимилятивной; перед теми же согласными, которые не принимают участия в корреляции палатализации, нейтрализация этой корреляции является ассимилятивной. Более сложный, но весьма поучительный пример ассимилятивно-диссимилятивной нейтрализации, обусловленной контекстом, дает нам лезгинский (кюринский) язык¹. В этом языке консонантная корреляция интенсивности имеет место лишь у глухих (нерекурсивных) смычных: тяжелые и легкие глухие противопоставлены здесь друг другу в положении перед ударными гласными. Это противополoжение, однако, нейтрализуется:

а) после слога, состоящего из «глухого нерекурсивного смычного + узкий гласный» (представителем архифонемы выступает тяжелый глухой): kit'áb «книга»;

б) после слога, состоящего из «глухого спиранта + узкий гласный» (представителем архифонемы является тяжелый глухой): fit'ë «покрывало»;

в) после слога, состоящего из «глухого рекурсивного смычного + гласный» (представителем архифонемы является легкий глухой): š'utàg «блохи»;

г) после слога, состоящего из «глухого смычного + открытый гласный» (представителем архифонемы является легкий глухой): gatùp «бить».

Очевидно, нейтрализация в первом случае является диссимилятивной, а во всех остальных случаях — ассимилятивной. Начальные согласные предшествующего слога во втором, третьем и четвертом случаях всегда имеют нечто общее с нерекурсивными глухими смычными: во втором случае — глухость, в третьем случае — глухость и образование смычки, в четвертом случае — образование смычки. С другой стороны, эти согласные не принимают участия в корреляции интенсивности, и нейтрализацию этой корреляции рядом с ними следует поэтому рассматривать как ассимилятивную. Однако после таких слогов, которые начинаются с сонантов (т, л, м, н, w, j), или со звонких фрикативных (v, g, z, ž,

¹ Cp N S Trubetzkoy Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, «Caucasica», VIII

у), или же завершаются гласным исходом, противоположение между тяжелыми и легкими глухими смычными сохраняется. И это объясняется именно тем обстоятельством, что ни сонант, ни звонкий фриктивный, ни гласный не имеют общих признаков с глухими смычными (за исключением инфраглоттальной экспирации, которая, однако, является слишком общим признаком). Ср. *güq-èdin* «пепла» (род.п.) — *güq-ün* «посылать», *mekü* «другой» — *tak-âl* «серп», *jatüg* «нижняя часть ноги» — *jat-äg* «воды», *akâ* «отверстие печи» — *ak-ün* «видеть», *γuscâr* «бог» — *γelc-in* «саней» (род.п.) и т.д. В том же языке противоположение рекурсивных и нерекурсивных смычных нейтрализуется перед предупредительным узким гласным, за которым следует какой-нибудь шумный (причем в качестве представителя архифонемы выступает нерекурсивный смычный); но это же противоположение сохраняется перед открытыми предупредительными гласными (например, *kašâr* «тяжелые вздохи» — *k'ašâr* «кузнечные молоты»): не подлежит никакому сомнению, что, обладая специфическими вокалическими признаками в минимальной степени, безударные узкие гласные приближаются к согласным.

3. Типы нейтрализации, обусловленной структурой

Нейтрализация, обусловленная структурой, может быть центробежной и редуktивной.

А. Центробежная нейтрализация

При центробежном типе нейтрализации фонологическая оппозиция нейтрализуется на границах слова или морфемы, то есть либо только в начале слова, либо только в исходе его, либо тут и там одновременно. Так, например, противоположение глухих и звонких согласных нейтрализуется в эрзя-мордовском только в начале слова, в русском, польском, чешском и т.д. — только в исходе слова, а в киргизском (раньше называвшемся кара-киргизским) — как в начале, так и в исходе слова¹. В литературном немецком противоположение сильных и слабых согласных нейтрализуется в исходе слова, а противоположение двух *s* (звонкого слабого *s* и глухого сильного *s*), кроме того, в начале слова. В баварско-австрийских говорах противоположение сильных и сла-

¹ Ср. П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, СПб., 1894, I, 24.

бых нейтрализуется не в исходе, а только в начале слова. В литературном немецком, голландском, английском, норвежском и шведском противоположение долгих (полноартикулируемых) и кратких (усеченных) гласных нейтрализуется в исходе слова (причем в качестве представителя архифонемы выступает полноартикулируемый гласный); в чешском (среднебогемском) разговорном языке противоположение долгих (тяжелых) и кратких (легких) гласных нейтрализуется в начале слова (причем архифонема представлена краткими гласными). В литовском противоположение ударных гласных с восходящей и нисходящей интонацией нейтрализуется в исходе слова (причем в качестве представителя архифонемы выступают гласные с восходящей интонацией). В большинстве языков с консонантной корреляцией геминации эта корреляция нейтрализуется как в начале, так и в исходе слова.

Б. Редуктивная нейтрализация

Под *редуктивной* нейтрализацией мы понимаем нейтрализацию фонологического противоположения во всех слогах слова, за исключением слога, образующего фонологическую вершину слова. Этот вершинный слог в большинстве случаев характеризуется «ударением» (то есть экспираторным усилением или музыкальным повышением). Здесь можно выделить два типа:

а) Место вершинного слога является свободным и может выполнять смыслоразличительную функцию. В этом случае слог всегда является «ударным», иными словами, здесь налицо вершинообразующая дифференциация просодем. При этом известные фонологические оппозиции проявляются лишь в ударных слогах, а во всех безударных слогах нейтрализуются. Так, например, в южновеликорусском в безударных слогах нейтрализуются противоположения о—а, е—і, в болгарском и новогреческих диалектах — противоположения о—и и е—і, в словенском — противоположение долгих (двухмерных) и кратких (одномерных) гласных, в яунтальском (юнском) говоре словенского языка в Каринтии — вокалическое противоположение назализации и т.д. и т.п. Во всех этих случаях нейтрализация осуществляется в обоих направлениях — как перед, так и после ударного слога. Но нет недостатка в примерах и на одну только прогрессивную (предударную) или одну только регрессивную (послеударную) нейтрализацию. В сербохорватском литературном языке вокалические противоположения по количеству нейтрализуются п е р е д слогом, стоящим под главным ударением. В лезгинском (кюринском), как мы уже говорили, противоположение рекурсивных и нерекурсивных смычных нейтрализуется перед узкими гласными в преду-

дарных слогах, продолжая сохраняться в послеударных слогах. Но в том же языке противоположение лабиализованных и нелабиализованных согласных, а также тяжелых и легких глухих нейтрализуется перед п о с л е у д а р н ы м и г л а с н ы м и.

б) Место вершинного слога не является свободным; оно связано с границей слова; иными словами, вершина во всех словах приходится либо на начальный, либо на конечный слог. В этом случае известные фонологические противоположения обнаруживаются лишь в вершинном слоге, нейтрализуясь во всех прочих слогах. В шотландском диалекте острова Барра¹ противоположение *e* и *æ*, с одной стороны, и корреляция придыхания у согласных, с другой стороны, нейтрализуются во всех слогах, кроме начального. В чеченском противоположение рекурсивных и инфраглоттальных согласных (за исключением пары *q—q'*) и «корреляция эмфатической палатализации» равным образом значимы фонологически лишь в начале слова². В восточнобенгальском корреляции рекурсии и придыхания имеют место только в начале слова³. В уже упоминавшемся саамском (лопарском) диалекте Мааттывуоно вокалическая корреляция геминации нейтрализуется во всех непервых слогах слова, а консонантные корреляции геминации и интенсивности возможны лишь после гласного (соответственно дифтонга) первого слога. В тюркских, финно-угорских, монгольских и маньчжурских языках с так называемой «гармонией гласных» известные тембровые противоположения гласных (как правило, противоположения по положению языка, иногда противоположения по участию губ) являются в полной мере фонологически значимыми лишь в первом слоге слова. В прочих слогах эти противоположения нейтрализуются, причем выбор представителя архифонемы обусловлен внешне, иными словами, гласные непервых слогов по положению языка всегда относятся к тому же классу, что и гласные предшествующего слога. Во всех этих случаях (число которых можно было бы легко умножить) первый слог является вершинным. Гораздо реже вершинным оказывается конечный слог. Во французском, например, противоположение *é* (фонетически *e*) и *è* (фонетически *e*) выполняет смысловозначительную функцию лишь в открытом исходе слова⁴.

¹ Cp. Carl H. Borgström, The Dialect of Barra, «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», VIII, 1935.

² Cp. N.S. Trubetzkoy, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, «Caucasica», VIII.

³ Cp. S.K. Chattarjee, Recursives in New-Indo-Aryan, Lahore, 1936.

⁴ Cp. Gougenheim, Éléments de phonologie française, Strasbourg, 1935, стр. 20 и сл.

Рассматривая языки с несвободным местом вершинного слога, мы замечаем, что слог, являющийся с фонологической точки зрения вершинным, выделяется также экспираторно. Разумеется, в этом случае речь идет лишь о делимитативном (разграничивающем) ударении, лишенном смысловозначительной функции. Таким образом, фонологически вершинный слог на границе слова является лишь наиболее подходящим местом для такого ударения; связь этого слога с делимитативным ударением вовсе не является безусловно необходимой, и существует много языков, у которых место связанного делимитативного ударения не совпадает с местом несвободной фонологической вершины слова. Сюда прежде всего относятся многие тюркские языки: гармония гласных показывает, что фонологическая вершина слова приходится здесь на первый слог, между тем как делимитативное экспираторное ударение находится в этих языках не на первом, а на последнем слоге¹.

Возможно, существуют языки с фонологической вершиной, закрепленной за предпоследним слогом. Из описанной выше регистровой системы языка зулу следует, что здесь в последнем слоге различаются всего два регистра: низкий (типы 1, 2, 3 и 6) и средний (типы 4 и 5); в третьем слоге с конца различаются тоже всего два регистра: высокий (типы 2, 3, 5, 6) и средний (типы 1 и 4); в предпоследнем же слоге различаются все три регистра: высокий в типе 1, средний в типе 6 и низкий в типах 2 и 5; кроме того, здесь выделяется еще нисходящий тон (типы 3 и 4). Таким образом, в предпоследнем слоге здесь оказываются налицо такие противоположения по регистру, которые в прочих слогах нейтрализованы, благодаря чему этот слог становится фонологически вершинным. Следует заметить, что предпоследний слог в зулу (как вообще в большинстве языков банту) несет на себе также и (чисто делимитативное) экспираторное усиление².

Гораздо сложнее те случаи, где просодическое противоположение по мелодике является фонологически значимым лишь в периферийном слоге, как это мы находим, например, в латышском и эстонском. Так как мелодические различия в конечном счете сводятся к выделению отдельных мор «долгого» слононосителя, то в таких языках мы имеем дело со свободным ударением (в смысле вершинообразующей дифференциации мор). С другой стороны, однако, свобода ударения ограничена лишь обоими морями первого слога слова. От этих случаев необходимо отличать то, что мы имеем в древнегреческом. На первый взгляд кажется, что здесь противоположение между «восходящим» и «нисходящим» ударением («аку-

¹ Ср. N S Trubetzkoy в TCLP, I, стр. 57 и сл., а также R. Jakobson в «Mélanges van Ginneken», стр. 30.

² Ср. Clement M. Döke, The phonetics of the Zulu language, «Bantu studies», 1926 (Special number).

том» и «циркумфлексом») выполняет фонологическую функцию лишь в последнем слоге слова: на третьем слоге с конца циркумфлекс был невозможен, в предпоследнем слоге противоположение по мелодике регулировалось автоматически количеством последнего слога. В действительности, однако, акцент последнего слога является здесь не ударением в собственном смысле этого слова, а внешне обусловленным повышением тона последней моры: это повышение появлялось перед паузой, если слово не имело какой-либо другой высокой моры, и, кроме того, перед энклитиками, если предпоследняя мора слова не была высокой (следовательно, не только *ἀγαθός ἐστι*, но и *δῆμός ἐστι* = *démós esti* и *ἄνθρωπός ἐστι*). Таким образом, в древнегреческом языке различия в мелодике были обусловлены внешне не только в предпоследнем, но и в последнем слоге¹.

В. Центробежно-редуктивная нейтрализация, обусловленная структурой

Оба типа структурно-обусловленных нейтрализаций могут сочетаться друг с другом. В так называемых «туранских» языках можно часто наблюдать, как известные консонантные противоположения нейтрализуются в начале слова (центробежный тип), тогда как известные вокалические или просодические противоположения нейтрализуются в непервых слогах (редуктивный тип). В марийском языке консонантная корреляция звонкости нейтрализуется в начале слова, но наряду с этим в данном языке существует последовательно проведенная гармония гласных, которая, как уже говорилось, предполагает нейтрализацию вокалических тембровых противоположений в непервых слогах. В приморском саамском диалекте Мааттывуоно вокалическая и консонантная корреляции геминации, а также консонантная корреляция интенсивности нейтрализуются в непервых слогах, а консонантная корреляция напряженности — в первом слоге и т.д.².

4. Смешанные типы нейтрализации

Наконец различные типы структурно-обусловленных нейтрализаций могут сочетаться с различными типами контекстно-обусловленных нейтрализаций. В сербохорватском чакавском диалекте

¹ Ср. R. Jakobson, *Z zagadnień prozodji starogreckiej* (Prace ofiarowane Kaz. Wóycickiemu), Wilno, 1937

² Ср. Paavo Ravila, *Das Quantitatssystem der seelappischen Mundart von Maattivuono*.

Нови¹ и Кастава² противополoжение долгих (двухмерных) и кратких (одномерных) слогоносителей нейтрализуется перед слогом с нисходящим главным ударением (причем архифонема, естественно, выступает в виде краткого слогоносителя). Так как в этих диалектах нисходящее ударение является маркированным членом противополoжения по движению тона³ и так как это противополoжение имеет место только в ударных долгих слогоносителях, то здесь все сводится к нейтрализации противополoжения рядом с маркированным членом родственного ему противополoжения, то есть к диссимилятивной нейтрализации, обусловленной контекстом типа «г». Одновременно с этим здесь имеет место нейтрализация противополoжения в безударном слоге, то есть редуцирующая структурно-обусловленная нейтрализация типа «а». В адыгейском языке противополoжение максимально открытого гласного *a* и гласного среднего подъема *e* нейтрализуется в определенных положениях, причем в качестве представителя архифонемы во всех случаях выступает максимально открытое *a*. Это имеет место, во-первых, в ударном слоге, если ближайший слог содержит *e*, и, во-вторых, в начале слова, независимо от характера гласного ближайшего слога: в первом случае мы имеем диссимилятивную, обусловленную контекстом нейтрализацию типа «б», во втором случае — центробежную, структурно-обусловленную нейтрализацию. В латинском языке противополoжение *u* и *o* нейтрализовалось перед носовыми в конечном слоге (в качестве архифонемы всегда выступало *u*; ср. окончания *-um*, *-unt*): здесь имело место соединение ассимилятивной нейтрализации, обусловленной контекстом, с центробежной нейтрализацией, обусловленной структурой.

5. Последствия различных типов нейтрализации

Такие сочетания многих типов нейтрализации могут действовать в двух прямо противополoжных направлениях. С одной сторо-

¹ Ср. материалы А. Белича в его статье «Заметки по чакавским говорам» в «Известиях II отделения Акад. Наук», XIV, стр. 2 и N.S. Trubetzkoy в TCLP, VI, стр. 44, подстрочное прим. 13.

² Ср. Ante Dukić, Marija Devica, čakavska pjesma s tumačem riječi i naglasa, Zagreb, 1935.

³ Особенно отчетливо проявляется это в диалекте Кастава. Отмеченная выше (стр. 225) неединообразная реализация «восходящего» ударения в данном диалекте (в противополoжность совершенно единообразной и не зависящей от места в предложении реализации «нисходящего» ударения), возможно, указывает на то, что фонологическое содержание «восходящего» ударения является по преимуществу отрицательным, иными словами, на то, что это ударение функционирует в качестве немаркированного члена корреляции движения тона. Но тогда «нисходящее» ударение в этом диалекте должно быть маркированным.

ны, они могут ограничивать друг друга таким образом, что нейтрализуемая оппозиция практически нейтрализуется лишь в очень немногих позициях и в подавляющем большинстве позиций сохраняет свою фонологическую значимость. С другой стороны, они могут складываться, дополнять одна другую, в результате чего нейтрализуемая оппозиция оказывается способной выполнять свою смысловоразличительную функцию в весьма узких рамках. В литовском, полабском и восточноболгарском противоположение палатализованных и непалатализованных согласных обнаруживается только перед гласными заднего ряда (то есть перед фонемами, которые совершенно не обладают общими фонологическими признаками с палатализованными согласными): во всех прочих положениях корреляция палатализации в этих языках нейтрализуется; нейтрализация имеет ассимилятивно-диссимилятивный характер в положении перед согласными, диссимилятивный — в положении перед гласными переднего ряда (тип «г») и структурно обусловленный — в исходе слова.

Во многих языках можно обнаружить предпочтительное отношение к определенным типам нейтрализации или к определенным позициям в слове, где происходит нейтрализация. В определенных положениях многие фонологические оппозиции нейтрализуются, тогда как в других положениях все оппозиции сохраняются. Так появляются позиции с минимальным фонеморазличением и позиции с максимальным фонеморазличением¹. При этом никакого параллелизма между различением гласных и согласных установить не удастся. Например, в болгарском языке все гласные различаются в ударных слогах между согласными и в исходе слова, в безударных же слогах (во всяком случае, в восточноболгарском произношении) противоположения *u—o*, *i—e* и *ã (ъ)—a* нейтрализуются, в результате чего здесь различаются лишь три архифонемы (*u*, *i*, *a*); перед безударными *u*, *a* ударные гласные возможны лишь в заимствованных словах, а безударное *i* в положении после гласного является неслоговым. Что же касается согласных, то все 36 фонем этого рода (*p*, *p'*, *b*, *b'*, *m*, *m'*, *t*, *t'*, *d*, *d'*, *n*, *n'*, *k*, *k'*, *g*, *g'*, *x*, *c*, *č*, *s*, *š*, *z*, *ž*, *ć*, *dž*, *ś*, *ž*, *f*, *f'*, *v*, *v'*, *l*, *l'*, *r*, *f*, *j*) различаются перед гласными заднего ряда; но в положении перед сонантами (*l*, *l'*, *r*, *r'*, *m*, *m'*, *n*, *n'*, *v*, *v'*) и перед гласными переднего ряда (*i*, *e*) корреляция палатализации нейтрализуется. В результате в этом по-

¹ Ср. Н. Яковлев, Таблицы фонетики кабардинского языка, М., 1923, стр. 70, 80

ложении различается всего лишь 21 согласная фонема. В положении же перед шумными и в исходе слова нейтрализуется не только корреляция палатализации, но и корреляции звонкости, в результате чего в этом положении различаются уже всего лишь 14 согласных фонем (р, т, д, н, к, х, с, џ, ш, ф, л, г, ж). Таким образом, в болгарском языке нет ни одной позиции, в которой различались бы все фонемы этого языка. Причем, однако, можно установить четыре типичные позиции: позицию максимального различения гласных (под ударением между согласными), позицию максимального различения согласных (перед гласными заднего ряда), позицию минимального различения гласных (перед безударными гласными) и позицию минимального различения согласных (перед шумными и в исходе слова). Те же четыре типа позиций обнаруживаются во многих языках мира.

Наконец, есть языки, которые отдают предпочтение определенному (прогрессивному или регрессивному) направлению нейтрализации. Как кажется, это часто связано с морфонологической и грамматической структурой языка¹.

¹ Cp. N. S. Trubetzkoy, *Das mordwinische phonologische System verglichen mit dem Russischen*, «Charisteria Guil. Mathesio oblata», Praha, 1932, стр. 21 и сл.

VI. Сочетания фонем

1. Функциональная классификация фонем

Нейтрализация фонологических оппозиций является самой важной, но отнюдь не единственно важной проблемой учения о сочетании фонем. Ведь нейтрализуются лишь одни одномерные оппозиции, а они, как известно, в любой системе во всех случаях количественно уступают многомерным оппозициям. Во многих, а быть может, даже в большинстве случаев недопустимость той или иной фонемы в определенном положении не влечет за собой нейтрализации той или иной оппозиции. Тем не менее такая недопустимость определенных фонем в том или ином положении является весьма существенным фактором, который может иметь значение для типологии данной системы фонем. Это значит, что при описании любой фонологической системы необходимо со всей тщательностью перечислить все те правила, которые в каком-либо отношении ограничивают употребление отдельных фонем.

Очень часто на основании этих правил удается дать классификацию фонем, причем такая *функциональная классифи-*

¹ Cp. N S T r u b e t z k o y, Das mordwinische phonologische System verglichen mit dem Russischen, «Charisteria Guil. Mathesio oblata», Praha, 1932, стр. 21 и сл.

кация восполняет другую, полученную путем логического анализа фонологических оппозиций.

Хорошим примером здесь может служить древнегреческий (точнее, аттический диалект). В древнегреческом была всего лишь одна фонема, которая встречалась только в начале слова: это так называемое густое придыхание (*spiritus asper*)¹. Фонемы, которые могли следовать после «густого придыхания», а также начинали слово без предшествующего им «густого придыхания», являлись г л а с н ы м и. Все прочие фонемы были с о г л а с н ы м и; среди них одно р в начале слова могло встречаться лишь после «густого придыхания», тогда как все прочие согласные никогда не встречались после него. Те согласные, которые могли быть в начале слова перед р, образовали класс м г н о в е н н ы х или э к с п л о з и в н ы х; все прочие согласные были д л и т е л ь н ы м и. Среди последних только одна фонема могла предшествовать эксплозивным в начале слова: это б ы л с п и р а н т σ; все прочие длительные были с о н а н т а м и. Среди сонантов внутри слова два могли предшествовать σ; это были п л а в н ы е; два других не могли предшествовать σ; это были н о с о в ы е. Среди плавных в исходе слова могло быть только р; оно трактовалось, таким образом, как немаркированный член одномерной оппозиции р—λ. Среди носовых в исходе слова могло быть только ν; оно трактовалось, таким образом, как немаркированный член одномерной оппозиции μ—ν. Кроме того, в исходе слова могло быть еще только σ, тогда как мгновенные в этом положении не допускались. Среди мгновенных или эксплозивных лишь три фонемы могли быть после других мгновенных; это были а п и к а л ь н ы е или д е н т а л ь н ы е. Среди тех эксплозивных, которые не могли следовать после других эксплозивных, три фонемы не могли предшествовать μ, это были г у б н ы е; три же другие могли предшествовать μ; это были г у т т у р а л ь н ы е. Среди эксплозивных перед τ встречались лишь π и κ, перед θ — лишь φ и χ, перед δ — лишь β и γ. Слогу с θ, φ, χ мог предшествовать только слог с π, τ, κ, а не слог с θ; φ, χ; в этом положении, таким образом, одномерные оппозиции θ—τ, φ—π, χ—κ нейтрализовались, причем τ, π, κ в качестве немаркированных членов представляли архифонеми. Итак, этот закон выделял два класса экс-

¹ В середине слова «густое придыхание» появлялось лишь в сочетании с геминированным р, но поскольку в этой позиции такое придыхание было обязательным, то оно не выполняло смысловозначительной функции, а значит, и не было фонемой

пловивных: глухие *п, т, к* и придыхательные *ф, в, х*. Что же касается прочих эксплозивных, то в исконно греческих словах они не могли удваиваться (геминироваться), выделяясь таким образом в особый класс *звонких*. Все прочие согласные как длительные, так и мгновенные (эксплозивные) могли удваиваться (геминироваться) после гласных (причем долгие придыхательные реализовались в виде *тв, пф, кх*). В положении перед *σ* одномерные оппозиции «глухие — звонкие» и «глухие — придыхательные» нейтрализовались, в результате чего в этой позиции имелся всего лишь один-единственный тип эксплозивных, характер которых, однако, из написаний *ζ, ψ, ξ* выяснить уже невозможно.

Таким образом, из правил сочетаемости фонем получается исчерпывающая классификация древнегреческих согласных, а также строгое разграничение между согласными и гласными. Такие случаи, однако, являются относительно редкими. Есть языки, где правила сочетаемости фонем позволяют провести классификацию фонем лишь в самом зачаточном виде. Например, в бирманском языке на основании правил сочетаемости можно установить лишь два класса фонем: *гласными* и в этом языке оказываются такие фонемы, которые допустимы в исходе слова, а *согласными* — фонемы, недопустимые в этом положении. Все бирманские слова являются односложными и состоят из гласного (соответственно дифтонга, имеющего однофонемную значимость), которому может предшествовать согласный. В этих рамках осуществляются все мыслимые комбинации фонем, в результате чего из правил сочетаемости удается извлечь одно-единственное членение фонем на гласные и согласные. При этом фонемный состав бирманского языка исключительно богат: он имеет 61 согласную и 51 гласную фонему (если считать и просодические различия).

Если в таких языках, как бирманский, функциональная классификация фонем оказывается нелегким делом благодаря значительной однотипности слов и незначительному простору для комбинаторных возможностей, то в других языках четкая функциональная классификация фонем оказывается почти невозможной по прямо противоположным основаниям, а именно благодаря исключительно многообразию лексических типов и комбинаторных возможностей. Для фонологической типологии языков мира все эти особенности имеют большое значение.

2. Проблема общих законов сочетаемости фонем

В каждом языке фонемы сочетаются по специфическим для данного языка законам. Спрашивается, однако, не является ли по

260

крайней мере часть этих законов общезначимой для всех языков. Эту проблему недавно попытался разрешить Б. Трнка¹.

Попытка, предпринятая Б. Трнка, не могла полностью удалиться, поскольку он исходил из устаревшего деления фонологических оппозиций на корреляции и дизъюнкции. И все же, несмотря на это, Б. Трнка способствовал решению проблемы, высказав в упомянутой выше работе ряд плодотворных идей. Б. Трнка полагает, что можно установить общезначимый закон, согласно которому внутри одной морфемы не могут сосуществовать два члена коррелятивной пары (цит. раб., стр. 57 и сл.). В такой редакции закон явно несостоятелен. В языках с последовательно проведенной корреляцией сближения сочетания фрикативного с соответствующим смычным вполне допустимы: ср., например, польск. ścisłość «точность», w Polsce «в Польше», szczęć «щетина», jeździec «всадник», mózdzek «мозжечок»; абхаз. аџа «самка домашнего животного», цимшиан тхă'хк'det «они ели» и т.д. Во многих языках встречаются такие сочетания гласных, как *ii*, *ui*; так, например, в большей части Бургенланда (Австрия) дифтонг *ii* (например, *fuis* «нога»), восходящий к ср.-в.-нем. *uo*, отличается от дифтонга *ui* (например, *guip* «гульден»), восходящего к *ul*. В финском языке одноморфемное сочетание *yi* (= *ii*) хотя и редко, но все же употребляется; ср. *luuju* (произносится *liiju*) «свинец». Во вьетнамском (аннамском) весьма употребительны *ii* и *ui*. Ср., наконец, французские *huit* «восемь», *huile* «(растительное) масло», *nuît* «ночь», *je suis* «я есмь» и т.д. В ряде языков (правда, крайне редко) в рамках одной морфемы можно встретить сочетания двух качественно одинаковых, но количественно разных гласных; так обстоит дело, например, в хайда (ср. *žāda* «женщина», *sūs* «(он) говорит» и т.д.)², в пракрите³, где, кроме того, в пределах одной морфемы возможны сочетания неназализованных и назализованных гласных⁴. Таким образом, закон Б. Трнка оказывается недействительным даже

¹ B. T r n k a, General laws of phonemic combinations, TCLP, VI, стр. 57 и сл.

² Ср. John R. Swanton в «Handbook of American languages», I (Bureau of American ethnology bulletin, XL), стр. 211 и сл.

³ Из словаря, приложенного к работе Германа Якоби (Hermann Jacobis, *Ausgewählte Erzählungen im Māhārāshtrī*, Leipzig, 1866, стр. 87 и сл.), мы заимствовали следующие примеры: *āga* «благословение», *ṭisa* «такой», *ghara-čhāṇā* «хозяйка дома», *pāga* «горожанин», *paṇa 1)* «давать», 2) «поход», *pāva* «дерево», *pāsa* «молоко», *vāsa* «ворона»; *saṣa* «настоящее», *sāga* «океан», а также наречия времени *kaā* «когда», *jaā* «когда», *taā* «тогда», *saā* «всегда», в которых можно выделить суффикс *aā*. При этом противоположение долгих и кратких гласных в *Māhārāshtrī* (как, впрочем, и во всех пракритских диалектах) нейтрализуется: перед геминированными согласными и перед сочетанием «носовой + согласный» все гласные оказываются краткими.

⁴ Ср. из того же словаря такие слова, как *saā* «сам», *saā* «всегда», *vaāsa* «друг». Перед носовыми и смычными вокалическая корреляция назализации в пракрите нейтрализуется.

для таких оппозиций, которые сам автор признает корреляциями. Однако самым ярким примером может служить консонантная корреляция назализации, поскольку сочетания типа *mb*, *nd*, *bm*, *dn* и т.д. свойственны многим языкам мира. Б. Трнка, зная это, пытается устранить исключения подобного рода терминологической поправкой: вместо термина «корреляция» он предлагает для таких случаев термин «параллелизм» (цит. раб., стр. 59). С другой стороны, Б. Трнка устанавливает, что в отдельных языках фонемы, с точки зрения употребляющейся до сих пор фонологической терминологии, не образующие коррелятивных пар, не могут находиться рядом (в рамках одной морфемы), например фонемы *s* и *š* или чешские *n* и *ň*. Тут Б. Трнка готов назвать и эти пары фонем коррелятивными, отступая, таким образом, от принятой терминологии. Выше мы определили коррелятивную пару как привативную пропорциональную оппозицию (что по существу совпадает с определением «Проекта стандартизированной фонологической терминологии» (см. TCLP, IV, стр. 313 и сл.). Но после того как Б. Трнка отказывается считать противоположения по назализации (*b—m*, *d—n*, *g—ŋ* и т.д.) корреляцией (так же, как он отказывается, как мы уже видели, считать корреляциями противоположения по сближению, противоположения *ü—i*, *u—ü* и «противоположения по количеству») и после того, как он, с другой стороны, называет корреляцией такие эквивалентные одномерные оппозиции, как *s—š* или *n—ň*, ему остается только дать новое определение понятию «корреляция». Он это и делает на стр. 59 названной работы. Там он пишет: «It is necessary, therefore, to distinguish this kind of phonemic relationship...from correlation, which represents such a close affinity that it deprives the members of the same pair of the capacity of being contrasted, as individual phonemes, in one monomorphemic combination». Для Б. Трнка такое определение является единственно возможным: корреляцией в его понимании является такое тесное родство между двумя фонемами, которое делает невозможным их сосуществование как индивидуальных фонем в одноморфемном сочетании звуков. Однако достаточно подставить это определение под слово «корреляция» в сформулированном выше «законе» Б. Трнка, как мы заметим, что весь закон превращается в тавтологию: фонемы, которые не могут сосуществовать в рамках одной морфемы, не могут сосуществовать в рамках одной морфемы! Трнка называет свой закон «законом минимального фонологического контраста» («law of the minimal phonological contrast»; цит. раб., стр. 58). Такое наименование схватывает существо дела гораздо лучше, нежели данное им неудачное определение.

В действительности же дело заключается в том, что фонемы (лучше — фонологические единицы), которые сосуществуют в пределах одной морфемы, должны обнаруживать минимум различий. Заслуга Б. Трнка состоит в том, что он заметил этот факт. Если мы рассмотрим сочетаемость фонем под этим углом зрения, то обнаружим, что определенные сочетания фонем фактически не допускаются ни в одном языке мира. Можно выделить две группы

таких универсально недопустимых сочетаний фонем: в одну группу входят сочетания двух согласных фонем, которые отличаются друг от друга лишь модальным признаком второй степени (за исключением корреляции интенсивности)¹; в другую группу входят сочетания двух согласных фонем, отличающихся друг от друга лишь принадлежностью к двум «родственным» (то есть относящихся друг к другу как члены привативной или эквиолентной одномерной оппозиции) локальным рядам. Все прочие сочетания фонем, отличающиеся одним-единственным фонологическим признаком, оказываются возможными если не в одном, то в другом языке².

Две названные группы «универсально недопустимых» сочетаний фонем обнаруживаются чисто индуктивным путем и не подводятся ни под какую общую формулу. В каждом языке к ним присоединяются еще и другие недопустимые для данного языка сочетания фонем; это значит, что «универсально недопустимые» сочетания никогда не исчерпывают полностью систему, они образуют лишь часть системы недопустимых в данном языке сочетаний фонем. Поскольку здесь все сводится к тому, что допустимые сочетания фонем должны обнаруживать известный минимум фонологических различий между своими членами, такой минимум для каждого языка оказывается особым. В бирманском, например, таким минимумом является противоположение согласных и гласных; внутри одной морфемы здесь недопустимы как сочетания двух согласных, так и сочетания двух гласных (фонемы, изображаемые на письме в виде сочетания букв «согласный + у», «согласный + w», в действительности являются палатализованными или лабиализованными согласными; hl, hm и т. д. передают глухие l', m' и т. д., дифтонги следует трактовать как однофонемные значимости); единственно возможным одноморфемным сочетанием является группа «согласная фонема + гласная фонема». Вьетнамский (аннамский язык) допускает внутри морфемы не только сочетания типа «согласный + гласный» (и «гласный + согласный»), но и сочета-

¹ В таких языках, как эстонский, лопарский (саамский), гвеабо, где фонологически различаются легкие и тяжелые геминаты (иначе говоря, геминаты с возрастающей и убывающей интенсивностью), все сводится к одноморфемному сочетанию обоих членов коррелятивной пары, относящейся к корреляции интенсивности.

² Здесь надо особо подчеркнуть, что сочетания двух просодем, отличающихся лишь просодическим признаком, безусловно, допустимы. Такие сочетания по существу возможны лишь в моросчитающих языках и дают в итоге двухмерные или трехмерные слогиносители с нисходящей, восходящей и т. д. интонацией. Равным образом долгие гласные с «толчком» представляют собой по существу лишь сочетание из двух мор, первая из которых является маркированным, а вторая немаркированным членом корреляции «толчка».

ния из двух и трех гласных; с другой стороны, сочетания из двух согласных в нем невозможны; таким образом, в этом языке все противоположения согласных (модальные, локальные и резонансные) столь незначительны, что они не достигают требуемого минимума, тогда как вокалические противоположения выходят за пределы минимума контрастности. В ганацких (моравских) говорах чешского языка наблюдается совершенно обратное явление, поскольку здесь в пределах одной морфемы сочетания гласных отсутствуют вообще, однако допускаются разнообразные сочетания согласных. Следовательно, в каждом языке нужно искать и специально определять свой собственный минимум контрастности; всякого рода «универсально недопустимые» сочетания фонем здесь мало помогают.

Универсально допустимыми сочетаниями фонем можно, пожалуй, считать лишь группу «согласный + гласный», что и заметил Б. Трнка (цит. раб., стр. 59). Такое сочетание является логической предпосылкой существования гласных и согласных, ибо в противном случае гласный не мог бы противостоять согласному: ведь фонема существует лишь постольку, поскольку она противопоставляется другой фонеме. Как бы там ни было, язык без сочетаний типа «согласный + гласный» немислим.

Сочетания смычных с гоморганным носовым, как подмечает Трнка в указанной работе, существуют лишь в языках, которым известны сочетания «согласный + гласный». Однако поскольку сочетание «согласный + гласный» имеется во всех языках мира, то эта формулировка означает не более того, что сочетание носового с гоморганным смычным возможно лишь в некоторых языках мира. Что же касается двух других сформулированных им законов, то они вполне приемлемы.

Сформулированный Б. Трнка закон, согласно которому сочетания из двух шумных, отличающихся друг от друга лишь своей принадлежностью к разным локальным рядам (например, *pt*, *xs*, *sf*), присущи только языкам, допускающим и другие сочетания с шумными (например, *sp*, *tr*, *kl*, *rs* и т.д.), судя по рассмотренному нами материалу, соответствует действительности. Следующий закон Б. Трнка гласит: языки, допускающие сочетания согласных в начале и исходе слова, допускают сочетания согласных также внутри слова. Этот закон, по-видимому, справедлив для языков с многосложными словами. Но в языках с односложными словами сочетания согласных возможны лишь вначале (например, сиамский, где в начале слова встречаются группы «шумный + г, l»)¹ или в исходе слова; внутри же слова они исключены.

¹ Cp. Walter Trittell, Einführung in das Siamesische, «Lehrbucher des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin», XXXIV, 1930.

Таким образом, можно сказать, что обшезначимые для всех языков мира законы сочетаемости фонем, поскольку их вообще можно обнаружить индуктивным путем, действительны лишь в отношении совершенно незначительной части мыслимых сочетаний фонем и, следовательно, не могут иметь существенного значения для учения о сочетании фонем.

3. Методы учения о сочетании фонем

Из всего сказанного выше следует, что сочетания фонем подчиняются в любом языке своим особым законам или правилам, которые имеют значение только для данного языка и которые необходимо устанавливать для каждого языка отдельно. На первый взгляд многообразие комбинаторных типов исключает возможность единого подхода в этой области фонологии: ведь каждый тип языка требует своих собственных методов. В некоторых языках учение о сочетании фонем исчерпывается совсем небольшим числом правил. Мы уже приводили в качестве примера бирманский язык, в котором все слова являются односложными и состоят либо из одного гласного, либо из сочетания согласного с гласным. Но и для такого языка, как японский, где число слогов в слове неограниченно, правила сочетаемости фонем можно свести к восьми пунктам: 1) в начале слова невозможны сочетания согласных, 2) внутри слова из всех сочетаний согласных возможно лишь сочетание «N + согласный», 3) в исходе слова возможны либо гласный, либо «гласный + N (п)», 4) гласному е не могут предшествовать палатализованные согласные, 5) гласному і не могут предшествовать непалатализованные согласные, б) долгие (двухморные) гласные не могут быть ни перед геминированным согласным, ни перед завершающим слог N, 7) полугласный w встречается лишь перед а и перед о, 8) полугласный у встречается лишь перед и, о, а (у перед начальным е факультативен и в таком положении не может рассматриваться как самостоятельная фонема). В противоположность этому другие языки имеют большое число правил сочетаемости фонем. В работе Б. Трка «A phonological analysis of present day standard English»¹ перечисление правил сочетаемости фонем в английском языке занимает не менее 22 страниц (23–45). И если бы даже эти правила можно было изложить несколько короче, все равно их оказалось бы очень много.

¹ Studies in English by members of the English seminar of the Charles University, Prague, V = «Práce z vědeckých ústavů», XXXVII, 1935.

Несмотря на такое многообразие языковых типов с точки зрения правил сочетаемости фонем, единый по возможности метод в этой области фонологии не только желателен, но прямо-таки необходим, ибо только при этом условии оказывается возможным сравнение различных языковых типов, а без сравнения удовлетворительной типологии не построить. Основные принципы единого метода в этой области можно сформулировать следующим образом:

Во-первых, правила сочетаемости фонем предполагают наличие более высокой фонологической единицы, в рамках которой они действенны. Такой более высокого порядка фонологической единицей не всегда должно быть слово. Во многих языках такой единицей считается не слово, а морфема, то есть комплекс фонем, который повторяется во многих словах и притом в одном и том же (вещественном или формальном) значении. Так обстоит, например, дело в немецком языке. Внутри немецкого слова возможно почти неограниченное число различных сочетаний согласных: например, *kstst* (Axtstiel), *ksšv* (Fuchsschwanz), *pstb* (Obstbaum) и т.д. Установить здесь какие-либо правила сочетаемости фонем можно лишь с большим трудом. Напротив, фонематическая структура морфем, из которых состоят немецкие слова, довольно прозрачна и подчиняется вполне определенным правилам сочетаемости. Отсюда следует, что в отношении немецкого языка правила сочетаемости целесообразно исследовать лишь в рамках морфемы, а не в рамках слова. Первая задача учения о сочетаемости фонем в любом языке состоит, таким образом, в определении той фонологической единицы, в рамках которой целесообразнее всего изучать правила сочетаемости фонем.

Вторая задача учения о сочетаемости фонем состоит в целесообразной классификации «рамочных единиц» (слов или морфем) в зависимости от их фонологической структуры. Для таких языков, как бирманский, эта задача отпадает, ибо все рамочные единицы построены здесь совершенно одинаково. Но для такого языка, как немецкий, эта задача является чрезвычайно важной. Надо только, чтобы классификация рамочных единиц оказалась целесообразной с точки зрения учения о сочетании фонем. Так, например, в этом отношении было бы нецелесообразно делить все морфемы немецкого языка на основании их грамматических функций (то есть на префиксы, корни, суффиксы и окончания). Единственно целесообразным с точки зрения учения о сочетании фонем было бы подразделение немецких морфем на ударные и безударные: в первый класс вошли бы те морфемы, которые в составе сложного слова могут нести на себе главное или второстепенное ударение (например, *aus*, *tum*, *tier*; ср. слова *Auswahl* «выбор», *Eigentum* «соб-

ственность», *tierisch* «животный»); во второй класс вошли бы такие морфемы, которые никогда не несут ни главного, ни второстепенного ударения (например, морфемы *ge*, *st*, *ig* в таких словах, как *Gebäude* «здание», *wirfst* «бросаешь», *ruhig* «тихий» и т.д.). Ударные морфемы в немецком языке весьма многочисленны и разнообразны по своей структуре. По числу слогов, из которых они состоят, они могут быть подразделены на односложные (например, *ab*, *Axt*, *tun*, *schaft*, *schwarz* и т.д.), двухсложные (например, *Wagen*, *Abend*, *Arbeit*, *Kamel*), трехсложные (*Holunder*), четырехсложные (*Abenteuer*). В противоположность им безударные морфемы в немецком языке либо не образуют слога (например, *st* в *gibst*, *fein-st-e*), либо являются лишь односложными (например, *zig* в *vierzig*), ввиду чего дальнейшая классификация по числу слогов оказывается здесь невозможной. Целесообразнее делить неударные морфемы немецкого языка на проклитические (то есть такие, которые могут находиться только непосредственно перед акцентуемой морфемой, например *be* в *behalten* и т.д.) и энклитические (то есть такие, которые могут встречаться только после другой морфемы, например *er* и *isch* в *wählerisch*). Этому подразделению соответствуют совершенно различные фонематические структурные типы. Проклитические безударные морфемы всегда состоят из одного слога, который содержит гласный *e*; это либо «звонкий + *e*» (*be*, *ge*), либо «(согласный) + *er*» (*er*, *ver*, *zer*), либо «*e* + носовой + глухой» (*ent*, *emp*). Энклитические безударные морфемы либо вовсе не имеют гласного, либо содержат гласные *u*, *i*, *ə*; из согласных здесь возможны лишь *t*, *d*, *g*, *x*, *s*, *ʃ*, *l*, *r*, *m*, *n*, *ŋ*, причем *s*, *x*, *g* — только после *i* (*ig*, *lich*, *rich*, *isch*); *d* — только после *n* (*end*); *ŋ* — только после *u* или *i* (*Jüngling*); *s* — после *i*, *ə*, *n* или без сопровождения гласного (*nis*, *es*, *ens*, *s*, *st*); *n* — после *ə*, *i* или без сопровождения гласного (*en*, *in*, *n*); прочие (*l*, *m*, *r*, *t*) или после *ə*, или без сопровождения гласного. Из сочетания «согласный + гласный» внутри такой морфемы встречаются лишь группы «*n*, *l*, *r* + *i*» (*nis*, *lich*, *ling*, *rich*) и *t* + *ə*(*te*); из сочетаний согласных — лишь *nd*, *ns* и *st*¹. На ряд подти-

¹ Проф Р. Якобсон обратил наше внимание на то, что фонематическая структура немецких энклитических морфем связана с их грамматической функцией. Морфемы окончания либо лишены гласного, либо содержат в своем составе гласный *ə*, который в морфемах словообразования встречается лишь в сочетании с *n*, *r*, *l*; затем морфемы окончания имеют всего лишь пять согласных *s*, *t*, *n*, *m*, *ŋ* и три сочетания *ns*, *nd*, *st*. Энклитические безударные морфемы, содержащие другие фонемы или сочетания их, являются тем самым морфемами словообразования.

пов можно подразделить и основные типы ударных морфем, характеризующихся тем или иным числом слогов. Так, например, односложные ударные морфемы немецкого языка распадаются на девять подтипов в зависимости от того, что стоит в начале или исходе их: гласный, согласный или группа согласных (Ei, Kuh, Stroh, Aal, Sohn, klein, Ast, Werk, krank). У двухсложных, трехсложных и четырехсложных морфем возможно еще большее число подтипов.

После проведения членения рамочных единиц на структурные типы необходимо исследовать сочетаемость фонем внутри самих структурных типов. Само собой разумеется, что при этом должны быть рассмотрены, с одной стороны, позиции внутри данной рамочной единицы (начальная, срединная, конечная), с другой стороны, три основные формы сочетания фонем (сочетание гласных между собой, согласных между собой и гласных с согласными).

Метод, который должен быть использован при исследовании форм сочетаемости фонем, с логической необходимостью вытекает из тех вопросов, на которые собирается ответить исследователь. Первым делом необходимо установить, как и е фонемы вообще сочетаются между собой в данной позиции, а какие исключают друг друга. Во-вторых, необходимо установить, в какой последовательности эти фонемы следуют друг за другом в данной позиции. И в-третьих, должно быть указано число членов в тех сочетаниях, которые допускаются в данной позиции. В методологическом отношении нужно признать образцовым исследование фонологической структуры английских односложных слов, предпринятое Кемпом Мейлоном¹. Кемп Мейлон исследовал отдельно все сочетания фонем, которые встречаются в начале, в середине и в исходе слова, и установил для каждой из этих трех позиций троякого рода ограничения: а) ограничения в отношении участия в сочетании (restriction in membership), б) ограничения в отношении последовательности сочетаемых фонем (restriction in sequence of members) и в) ограничения в отношении числа членов сочетания (restriction in number of members). Эти три типа ограничений дают исчерпывающий ответ на те три вопроса, которые имеют значение для исследования сочетаемости фонем.

В качестве примера можно было бы исследовать сочетания согласных, имеющие место в начале ударных морфем немецкого языка.

а) Ограничения в отношении участия:

1) В этих сочетаниях могут участвовать s («ss»), z («s»), x («ch»), h и η («ng»); 2) звонкие и глухие исключают друг друга (это значит, что в од-

¹ Kemp Malone, The phonemic structure of English monosyllables, «American speech», 1936, стр. 205 и сл.

ном и том же сочетании не могут быть одновременно глухие и звонкие); 3) смычные исключают друг друга; 4) фрикативные (f, š) исключают друг друга; 5) сонанты (r, l, m, n, v) исключают друг друга; 6) фрикативные не могут сочетаться с b, d, g, þ («pf»); 7) t, d не могут сочетаться с l; 8) f не может сочетаться с смычными; 9) v («w») не может сочетаться с лабиальными и лабиодентальными; 10) s («z») не может сочетаться с r, l, s, f; 11) п сочетается только с š («sch»), k, g; 12) m сочетается только с š.

б) Ограничения в отношении последовательности:

1) Фрикативные (f, š) могут быть лишь первыми членами сочетания фонем; 2) сонанты (r, l, m, n, v) могут быть только последним членом сочетания фонем; 3) между š и v невозможен никакой другой согласный.

в) Ограничения в отношении числа членов:

1) Из трехчленных сочетаний возможны лишь štr, špr и špl; 2) Сочетания, состоящие более чем из трех членов, недопустимы.

С учетом всех этих ограничений оказывается, что в начале ударных морфем немецкого языка возможны следующие сочетания согласных: br, pr, dr, tr, gr, kr, þr, fr, šr; bl, pl, kl, pl, fl, šl; gn, kn, šn; šm; dv, (tv), (gv), kv, cv, šv; št, šp, (šk); štr, špr, špl.

Аналогичные правила сочетаемости можно вывести также для срединной и конечной позиций в ударных морфемах немецкого языка; кроме того, можно установить специальные правила для многосложных морфем. Выведенные таким образом правила должны быть сопоставлены между собой, причем может оказаться, что некоторые из них имеют более общую сферу употребления. Так, например, правила 2, 4, 6 и 9, перечисленные в пункте «Ограничения в отношении участия», оказываются пригодными не только для начала, но и для всех других позиций в морфемах немецкого языка. Отдельные правила должны получить формулировку, общую с другими правилами. Так, например, второе ограничение в отношении последовательности может быть заменено двумя правилами, имеющими силу для всех позиций в морфеме немецкого языка; а) из плавных (r, l) фонема r может быть лишь в непосредственном контакте с гласным, а l — в непосредственном контакте либо с гласным, либо с r, б) из носовых m, n могут находиться в непосредственном контакте либо с гласным, либо с плавным, а ŋ возможно только после гласного.

Лишь после того, как тем же самым методом будет исследована сочетаемость фонем во множестве языков, окажется возможным путем сопоставления различных языков, с одной стороны, создать типологию сочетаемости, а с другой — подвергнуть плодотворному обсуждению вопрос о закономерности правил сочетаемости.

4. Аномальные сочетания фонем

Правила сочетаемости накладывают на каждый язык особый отпечаток. Они характеризуют язык в не меньшей мере, чем фонемный состав. Есть языки, правила сочетаемости которых последовательно охватывают все стороны словарного состава. В таких языках даже заимствованные слова преобразуются таким образом, что начинают отвечать обычным, действующим в отношении исконных слов правилам сочетаемости фонем. В других языках, наоборот, заимствованные слова подвергаются по возможности минимальным изменениям независимо от того, противоречат они правилам сочетаемости, действующим в отношении исконных слов, или нет. Они входят в словарный состав в качестве инородного тела. К таким языкам принадлежит, например, немецкий; ср. такие слова, как Psalm «псалом», Sphäre «сфера», Szene «сцена», pneumatisch «пневматический», с «ненемецкими» сочетаниями согласных в начале слова. Правда, подобного рода слова бытуют нормально лишь в сфере технического или «ученого» словаря; попадая в обиходный язык, многие из них приспособляются к нормальным правилам сочетаемости фонем¹. И лишь при далеко зашедшем двуязычии слова с чуждыми данному языку сочетаниями фонем усваиваются разговорным языком в такой мере, что уже не ощущаются более в качестве инородного тела. Это означает, что правила сочетаемости в данном языке претерпели соответствующее изменение.

Степень несоответствия, которая наблюдается между заимствованными словами и правилами сочетаемости, действующими в данном языке, зависит от многих обстоятельств. Прежде всего она зависит от многообразия сочетаний, существующих в данном языке. Такой язык, как японский, где допускаются лишь очень немногие сочетания фонем, не может увеличивать далее число допустимых сочетаний фонем, тогда как немецкий, в котором и так существуют многочисленные и разнообразные сочетания фонем, способен присоединять к допустимым сочетаниям еще целый ряд иноязычных. Правда, некоторые основные правила нарушать все же нельзя; например, звонкий не может быть рядом с глухим; г возможно лишь в непосредственном контакте с гласным и т.д. Такое грузинское слово, как *gvč'vnis*, немец не мог бы заимствовать без изменения его фонетической стороны.

С другой стороны, при заимствовании иностранных слов большое значение имеет наличие особых сочетаний фонем на с т ы к е м о р ф е м,

¹ Слово Sport многими немцами произносится уже с начальным *š* (sch) и в этой форме уже не несет на себе отпечатка чужого слова. В Вене Sport в качестве названия марки сигарет всегда произносится с *š*.

на что совершенно правильно указал Б. Трнка¹. Такие сочетания, как *sc*, *sf*, *pn*, в немецком языке недопустимы в составе отдельной морфемы. Однако они встречаются в многоморфемных («сложных») словах на стыке морфем (например, *Auszug* «выписка», *mißfällig* «отталкивающий», *abnehmen* «отнимать»). Это облегчает сохранение *sc*, *sf*, *pn* в таких заимствованных словах, как *Szene*, *Sphäre*, *pneumatisch*, где они находятся в начале слова, так же как сохранению начальных сочетаний в *Psalm*, *Psychologie* и др. способствует наличие этих сочетаний в середине собственно немецких слов (напр., *Erbse* «горох»). С другой стороны, полное отсутствие сочетаний согласных (за исключением сочетания «N + согласный») в японском языке наблюдается не только внутри морфемы, но и на стыке морфем, что не дает возможности заимствовать иностранные слова в неизменном виде.

Все сказанное здесь об иноязычных сочетаниях фонем сохраняет свое значение и для диалектных, а также архаичных сочетаний. Письменный или литературный язык, как правило, заимствует диалектные слова лишь в преобразованном соответствующим образом виде. Диалектные слова с сочетаниями фонем, чуждыми письменному языку, оказываются в этом языке инородным телом; они характерны лишь для специальных разделов словаря. Ср., например, в немецком языке такие слова, как *Kaschperl* «петрушка», *Droschke* «пролетка», *Wrak* «обломки», *Robben* «тюлени», *Ebbe* «морской отлив» и др. Что касается слов с неупотребительными ныне сочетаниями фонем, заимствованными из старого языка, то они точно так же принадлежат специальным разделам словаря (а именно словарю поэтического или официального языка). Особую группу во многих языках образуют собственные имена (как личные, так и географические) как раз потому, что иноязычные, архаические и диалектные элементы у них сохраняются в неизменном виде и в литературном языке; ср., например, такие немецкие имена, как *Leipzig*, *Leoben*, *Altona*, *Luick*, *Treitschke*, *Pschorr* и т.д., либо содержащие необычные сочетания фонем, либо принадлежащие к редчайшим морфологическим типам². Следует, впрочем, заметить, что собственные имена и во многих других отношениях занимают особое положение в фонологической и морфологической системе.

Самую важную область аномальных сочетаний фонем составляют междометия, оноματοпейческие слова, слова, выражающие призывы, приказания, обращенные к животным, и, наконец, слова с «экспрессивной» окраской. После того что было сказано по этому поводу В. Матезиусом и Коржинском³, проблема может считаться окончательно выясненной и не нуждается в дальнейшем обсуждении.

¹ Ср. В. Трнка, TCLP, VI, стр. 60 и сл.

² Замегаим, что и здесь возможны сочетания, которые в других случаях встречаются лишь на стыке морфем: *Leipzig* — *Abzug*, *Leoben* — *beobachten*, *Luick* — *ruhig*, *Treitschke* — *Deutschkunde*, *Pschorr* — *Abschied* и т.д.

³ V. M a t h e s i u s, O výrazové platnosti některých českých skupin hláskových, «Naše řeč», XV, стр. 38 и сл., а также J. M. K o ř i n e k, Studie z oblasti onomatopoeje, «Práce z vědeckých ústavů», XXXVI, Praha, 1934 Ср. теперь еще V. S k a l i č k a, O maďarských výrazech onomatopoeických, «Sborník filologický», XI, 1937.

VII. К фонологической статистике

1. Два способа подсчета

Проблемы статистики и функциональной нагрузки фонологических элементов теснейшим образом связаны с учением о сочетаемости фонем. Статистикой звуков занимались и раньше, используя ее в различного рода практических и научных целях. Разумеется, при использовании ее в фонологических целях она должна быть соответствующим путем преобразована: подсчитывать следует не буквы и звуки, а фонемы и сочетания фонем. В специальной фонологической литературе значение статистики впервые было подчеркнуто В. Матезиусом¹.

Определенный вклад в фонологическую статистику английского языка сделал Б. Тринка в уже упоминавшейся выше работе². В.Ф. Твюддёлл подверг статистической обработке согласные фонемы и их сочетания в немецком языке³. Фонологической статистикой в общем плане занимался Д.К. Ципф⁴. Таким образом, в настоящее время мы уже не испытываем недостатка в статистических работах по фонологии. И все же число их весьма невелико, а методы, применяемые в этих работах, весьма различны. Единого фонологически-статистического метода до сих пор все еще не выработано. По этой причине мы вынуждены ограничиться лишь отдельными соображениями по данному вопросу.

В области фонологии статистика имеет двоякое значение. Она должна выявить частотность определенных фонологических элементов в данном языке (фонем, сочетаний фонем, определенных типов слов и морфем), с одной стороны, и степень функциональной загруженности этих элементов и определенных фонологических оппозиций — с другой стороны. Для решения первой задачи статистическому обследованию должны подвергаться связные тексты, для решения второй задачи — словарный состав. И в том и в другом случае учету подлежит либо только абсолютное число фак-

¹ Ср. его работы «La structure phonologique du lexique du tchèque moderne», TCLP, I, стр. 67—85 и «Zum Problem der Belastungs- und Kombinationsfähigkeit der Phoneme», там же, IV, стр. 148 и сл.

² В. Тринка, A phonological analysis of present day standard English, «Práce z vědeckých ústavů», XXXVII, 1935, стр. 45—175.

³ W.P. T w a d d e l l, A phonological analysis of intervocalic consonant clusters in modern German (Actes du IV Congrès international de linguistes à Copenhague, 1938).

⁴ G.K. Z i p f, Selected studies of the principle of relative frequency in language, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1932; и его же. Psycho-biology of language, Boston—Cambridge, Mass., Riverside Press, 1935.

тической встречаемости, либо отношение этого числа к теоретически ожидаемому числу встречающихся элементов, выведенному на основании правил сочетаемости.

2. Стилистически обусловленные и структурно обусловленные числа

Любая разновидность фонологической статистики имеет свои специфические трудности. При определении частотности данного фонологического элемента в связных текстах первостепенное значение приобретает выбор текста.

Я открываю наудачу «Теорию языка» К. Бюлера¹ и беру на стр. 23 первый попавшийся отрывок в 200 слов (от «soll es also...» до «im Schoße der Sprachwissenschaften längst», 3–28 строки сверху). Этот отрывок содержит 248 ударных морфем: 204 односложных, 37 двухсложных и 7 трехсложных. Затем я беру другой текст, содержащий то же количество слов, а именно начало первой сказки из сборника Дирра², и нахожу, что этот отрывок содержит всего лишь 220 ударных морфем, из них 210 односложных, 10 двухсложных и ни одной трехсложной. Точно такое же различие между двумя выбранными мною текстами обнаруживается и в отношении размера слов. У Бюлера я нахожу слова разной длины: от одного до девяти слогов, у Дирра — только слова в один, два и три слога; подавляющее большинство из них приходится на односложные:

	К. Бюлер		А. Дирр	
	Число слов		Число слов	
	абс.	в %	абс.	в %
Односложные	95	47,5	134	67,0
Двусложные	57	28,5	56	28,0
Трехсложные	27	13,5	10	5,0
Четырехсложные	7	3,5	—	—
Пятисложные	6	3,0	—	—
Шестисложные	6	3,0	—	—
Семисложные	1	0,5	—	—
Восьмисложные	—	0,0	—	—
Девятисложные	1	0,5	—	—
	<hr/>		<hr/>	
	200	100,0	200	100,0

Общее число слогов в данных отрывках составляет: у Бюлера 400, у Дирра 276; таким образом, средний размер слова у Бюлера — 2 слога, у Дирра — 1,4 слога. Так как носителями слога в немецком являются глас-

¹ К. В ü h l e r, Sprachtheorie, Jena, 1934.

² «Kaukasische Märchen», ausgewählt und übersetzt von A. Dirr («Die Märchen der Weltliteratur», herausg. von Friedrich von Leye und Paul Zaunert, Jena, 1920).

ные (слоговые п, г, л в безударных слогах фонологически трактуются как эп, эг, эл), то число слогов, следовательно, указывает на число гласных (400 у Бюлера и 276 у Дирра). Что же касается согласных, то в отрывке из Бюлера их насчитывается 636, а в отрывке из Дирра — 429; иначе говоря, каждое слово у Бюлера содержит в среднем 3,2 согласных, у Дирра — 2,1 согласных. Отношение числа согласных к числу гласных в обоих текстах оказывается примерно одинаковым: согласные составляют 61%, а гласные — 39% общего числа фонем. Но общее число фонем в отрывке из Бюлера выражается числом 1036, а в отрывке из Дирра — числом 705 — отношением, примерно равным 3 : 2. Не следует думать, что эта разница сгладится, если взять отрывки большего размера. Она самым тесным образом связана с различиями в стиле. Ученая, рассчитанная на довольно высокий интеллектуальный уровень слушателя речь включает длинные слова, тогда как простой, рассчитанный на довольно примитивный уровень слушателя рассказ предпочитает короткие слова. Другой особенностью немецкой ученой речи является ее насыщенность сочетаниями согласных. В обследованном отрывке из Дирра всего лишь 55 сочетаний согласных, в которых участвуют 116 фонем, то есть 27% всех согласных фонем, тогда как в обследованном отрывке из Бюлера 127 сочетаний согласных, в которых участвует в общей сложности 281 фонема, то есть 44% всех согласных фонем. Что же касается распределения этих согласных в составе слова и морфемы, то большая часть сочетаний и в том и в другом тексте приходится на стык (Дирр — 40%, Бюлер — 42%) и на исход (Дирр — 33%, Бюлер — 32%) морфем. Но совершенно иные отношения наблюдаются в начале и середине морфем: у Дирра на начало приходится 22%, а на середину лишь 5% всех сочетаний согласных, тогда как у Бюлера на начало приходится 12%, а на середину 14% всех сочетаний согласных. При этом у Бюлера в середине морфем оказываются такие сочетания, как *cj* (*Situation*), *gm* (*Dogma*), *skr* (*deskriptiv*), которые не встречаются у Дирра не только в обследованном отрывке, но и во всем сборнике сказок. Это является следствием усиленного употребления заимствованных слов, чем отличается вообще ученый язык.

Выбранные нами в качестве примера речевые стили — интеллектуализованная ученая речь и намеренно упрощенная, воспроизводящая примитив повествовательная речь — представляют собой два полюса, между которыми располагаются прочие стили, обладающие своими специфическими признаками. Каждый текст имеет какой-нибудь определенный стиль. Поставив перед собой задачу исследовать на материале какого-либо текста частотность определенного фонологического элемента в данном языке, необходимо прежде всего выяснить, какой текст является наиболее подходящим для этой цели. Проблема допускает как будто два решения: нужно выбрать или «стилистически нейтральный» текст, или отдельные отрывки из многих текстов, характеризующихся разными стилями. Оба решения, однако, являются мало удовлет-

ворительными. В самом деле: какой текст считать «стилистически нейтральным» и в какой пропорции следует брать отрывки из разностилевых текстов?

Таким образом, полное высвобождение фонологической статистики из-под влияния стилистики, стилистических типов речи кажется неосуществимой задачей. При фонологически-статистическом исследовании всегда надо учитывать специфические особенности того или иного стиля речи. Поэтому в первую очередь следует установить, какие фонологические явления стилистически обусловлены, а какие независимы от стиля. Так, мы уже видели, что по крайней мере в немецком языке длина значимых единиц (слов или морфем) и частота сочетаний из согласных стилистически обусловлены. Наоборот, частотность отдельных фонем, видимо, мало зависит от стилевых особенностей текста.

Сравним частотность употребления гласных фонем в рассмотренных выше отрывках из Бюлера и Дирра (цифры даются в процентах):

	К. Бюлер	А. Дирр
а	15	18
э	22	22
и	7	9
о	10	10
au	3	4
i	17	16,5
е, ä	18	11
ei	4	7,5
ü	3	1
ö	0,5	1
öü	0,5	0
	100	100

Незначительные различия между текстами в отношении фонем а, е, ei едва ли можно приписать стилистическим особенностям названных текстов. Возможно, что при статистическом обследовании более значительных кусков текста это различие сгладилось бы.

Следовательно, частотность употребления фонем, по крайней мере в немецком языке, видимо, не обусловлена стилистически и при вычислении этой частотности пригоден любой текст (за исключением поэзии и особо изысканной прозы, где намеренно

искусственная деформация естественной частотности рассчитана на то, чтобы вызвать специфический эффект¹. Ради осторожности, однако, следует искать для этих целей стилистически нейтральный материал. Наиболее пригодными в этом отношении оказываются записи различных разговоров² или газеты, где представлены самые разные стили (передовица, телеграмма, научно-популярная статья, официальные сообщения, спортивная хроника, экономический отдел, фельетон и т.д. и т.п.)³.

3. Предложенные интерпретации частотности фонем

Статистическому обследованию на частотность фонем подверглось пока очень небольшое число языков. Поэтому нам представляется преждевременной любая интерпретация статистических данных и обобщающие суждения по данному вопросу. Однако подобного рода попытки предпринимаются уже и теперь. Одна из таких теорий о причинах различий в частотности отдельных фонем в разных языках предложена Ван Гиннекеном⁴. Согласно этой теории, каждый человек якобы обладает унаследованной склонностью к определенным артикуляциям и инстинктивно выбирает такие слова, в которых имеются соответствующие этим артикуляциям звуки. Далее, Ван Гиннекен считает, что так как все народы возникли из смешения рас, то любой представитель того или другого народа несет в себе определенный комплекс унаследованных расовых признаков, причем этим признакам соответствуют и артикуляторные склонности. Поскольку расовые признаки одинаковы у всех представителей данного народа, то общей является и система фонем; индивидуальные же колебания в частотности фонем объясняются различиями в числовых соотношениях между расовыми признаками у отдельных представителей народа. Эта теория создана не индуктивным путем, она исходит не столько из конкретных фактов, сколько из априорных соображений. Привлекаемый фонематический материал служит здесь не для обоснования и проверки теории, а лишь для истолкования этой теории, причем истолкования эти во всех случаях остаются целиком гипотетическими: если какая-либо фонема в том или

¹ Ср. J. M u k a f o v s k ý, La phonologie et la poétique, TCLP, IV, стр. 280 и сл.

² Звуковую статистику на материале записей случайных разговоров для русского языка дает Пешковский («Десять тысяч звуков русского языка», Сборник статей, Л., 1925, стр. 167—191). Аналогичная работа имеется и для шведского языка, она проделана на основании стенографической записи выступлений в шведском парламенте. К сожалению, в обоих случаях речь идет о статистике звуков, а не фонем.

³ Ср. B. E l d r i d g e, Thousand common English words, Buffalo, 1911.

⁴ J. v a n G i n n e k e n, Ras en Taal, «Verhandl. d. Kon. Akad. van Wetensch. te Amsterdam», Aft Letterkunde, N R. XXXVI, 1935, ег о ж е, De Ontwikkelingsgeschiedenis van de systemen der menschelijke Taalklanken, Amsterdam, 1932; ег о ж е, De Oorzaken der taalveranderingen, Amsterdam, 1930, ег о ж е, La biologie et la base d'articulation, «Journ. de Psychol.», XXX, стр. 266—320.

ином языке имеет особенно высокую или особенно низкую частотность, то строится предположение, что расовые признаки данного народа в одном случае благоприятствуют, в другом — препятствуют соответствующим артикуляциям. Но ведь это является логическим *petitio principii*, ибо сперва надо еще доказать, что та или иная частотность определенной фонемы в связной речи зависит от расовых признаков говорящего. Если частотность фонем в языках негров оказывается иной, чем в языках североамериканских индейцев, то это еще далеко не свидетельствует о зависимости фонемной частотности от расовых признаков, поскольку языки негров отличаются от языков североамериканских индейцев не только разной частотностью фонем, но и составом фонем, грамматической структурой и т.д. Объективное доказательство мог бы дать лишь эксперимент, в процессе которого удалось бы изолировать исследуемые факторы от всех остальных. Следовало бы, например, рассмотреть фонемную частотность у двух лиц, принадлежащих к разным расам, но говорящих на одном языке и имеющих один уровень образования (учитывая при этом стилистически равноценные высказывания). Результаты такого эксперимента, однако, имели бы научное значение лишь в том случае, если бы эксперимент был повторен многие сотни раз на представителях разных рас и различных языков. Только тогда имело бы смысл обсуждать этот вопрос.

Другая теория частотности фонем предложена Д.К. Ципфом¹. Согласно его теории, частотность той или иной фонемы тем выше, чем проще реализация этой фонемы. Ципф, таким образом, целиком стоит на естественно-научных позициях. Это значит, что при проверке данной теории, чтобы быть последовательным, необходимо рассматривать факты с естественно-научной точки зрения. Но со строго естественно-научной точки зрения измерить степень сложности артикуляции невозможно. Звонкие смычные свидетельствуют о напряжении голосовых связок и одновременном расслаблении мускулатуры в полости рта; прямо противоположную картину дают глухие смычные: расслабление голосовых связок и напряжение в полости рта. Что здесь является более сложным? При произношении придыхательных согласных голосовая щель широко открыта, оставаясь в том же положении, какое она занимает при нормальном дыхании; при произношении же непридыхательных согласных голосовая щель в момент отступа должна принять другое положение, чтобы воспрепятствовать образованию придыхания. Но, с другой стороны, при более сильном потоке воздуха органы в полости рта оказываются, как правило, более напряженными. Таким образом, и в отношении оппозиций с участием придыхания трудно сказать, что здесь является «более сложным»: придыхательные или непридыхательные согласные. Все сказанное можно повторить в отношении любого противоположения по способу преодоления преграды. В еще меньшей мере может быть определена степень сложности в отношении противоположений по месту образования преграды. Ципф в качестве примера приводит противоположение *m—n* и, исходя из того

¹ G. K. Z i p f, *Psycho-biology of language*, стр. 68 и сл. (ср нашу рецензию в «Slovo a slovesnost», 11, 1936, стр. 252 и сл.)

обстоятельства, что во многих языках *n* встречается чаще, чем *m*, считает возможным заключить, что *m* «сложнее» *n*. Однако *m* произносится с сомкнутыми губами и опущенной нёбной занавеской; органы речи, таким образом, находятся в состоянии полного покоя (за исключением напряжения голосовых связок); произношение же *n* (помимо напряжения голосовых связок, которое является общим как для *m*, так и для *n*) связано еще и с поднятием кончика языка к зубам или альвеолам и, как правило, с соответствующим движением нижней челюсти. Следовательно, и эта теория должна быть решительно отвергнута, по крайней мере в приведенной выше редакции.

Обе рассмотренные теории являются уязвимыми главным образом потому, что они пытаются объяснить фонологические факты с помощью биологических, то есть внеязыковых причин. Впрочем, теория Ципфа может быть «изложена фонологически», на что уже указал Марсель Коэн в своей рецензии на книгу Ципфа¹. В фонологической редакции эта теория могла бы звучать примерно так: «из двух членов привативной оппозиции немаркированный член в связной речи встречается чаще, чем маркированный». В общем и целом такую формулировку можно было бы считать соответствующей действительности. Однако ее ни в коем случае не следует рассматривать как правило, не терпящее исключений. Необходимо различать нейтрализуемые и ненейтрализуемые оппозиции, а также принимать во внимание объем нейтрализуемости. В русском языке, где противоположение твердых и мягких согласных имеет место в отношении двенадцати пар, сформулированное выше правило справедливо лишь для одиннадцати пар: твердые *p, b, f, v, t, d, s, z, m, n, ɣ* фактически встречаются гораздо чаще, нежели соответствующие им мягкие: *p', b', f', v', t', d', s', z', m', n', ɣ'* (в отношении примерно 2:1). Но в отношении пары *l:l'* это правило недействительно; палатализованное *l'* в русском языке встречается чаще, чем непалатализованное (*l:l'* = 42:58). Конечно, не случайно, что оппозиция *l—l'* нейтрализуется только перед *e*, тогда как такие оппозиции, как *p—p'*, *t—t'* и т.д., нейтрализуются и в других положениях (перед апикальными, сибилантами, палатализованными лабиальными). Корреляция звонкости в русском языке нейтрализуема: в исходе слова перед паузой или перед словами, которые начинаются с сонорного, возможны только глухие шумные, благодаря чему они характеризуются как немаркированный член данной корреляции. Однако фонема *v* (а равным образом соответствующая ей мягкая *v'*) занимает особое положение: с одной стороны, она не может находиться в исходе и середине слова перед глухими шумными, заменяясь в этом случае соответствующей глухой фонемой *f*; с другой стороны, однако, перед *v* возможны глухие согласные (ср. *твой, свадьба, закваска* и др.), что совершенно исключено в отношении других звонких шумных. Иными словами, фонема *v* оказывает на другие шумные совсем не то действие, какое оказывает маркированный член корреляции звонкости. С этим связано то обстоятельство, что фонема *v* встречается примерно в четыре раза чаще, чем *f*, тогда как в других чле-

¹ Ср. Marcel Cohen в BSL, XXXVI, 1935, 10.

нах рассматриваемой корреляции звонкая фонема встречается примерно в три раза реже, чем глухая¹.

Все приведенные Ципфом примеры можно свести к предложенной выше формуле. Ибо в языках, где есть корреляция звонкости, глухие шумные являются такими же немаркированными членами, какими являются непридыхательные шумные в языках, где есть корреляция придыхания. То, что здесь речь идет не о придыхании как таковом, а об оппозитивных отношениях, свидетельствуют такие языки, как лезгинский (кюринский), в которых придыхательные смычные являются немаркированными членами корреляции интенсивности²: здесь придыхательные смычные встречаются, как правило, чаще, чем соответствующие им непридыхательные (p^h 1,8 : P 0,8; t^h 5,2 : T 2,2; k^h 8,8 : K 0,7; c^h 9,0 : C 0,1), и только у глубоковелярных отношение оказывается обратным (q^h 1,6 : Q 3,8); следует, однако, заметить, что в противоположность всем прочим оппозициям по интенсивности оппозиция q^h : Q в послелударных слогах не нейтрализуется.

Если не поджегит никакому сомнению, что различие между маркированным и немаркированным членами оппозиции, с одной стороны, и между нейтрализуемыми и ненейтрализуемыми оппозициями, с другой стороны, оказывает свое действие на частотность фонем, то столь же очевидно, что одного этого факта недостаточно для объяснения отношений частотности. В разных языках всегда имеются оппозиции, привативный характер которых не может быть доказан объективно. Так, например, корреляция звонкости является во французском языке привативной и нейтрализуемой, однако она поджегит только диссимилятивной нейтрализации, которая обусловлена контекстом (тип *a*), причем выбор представителя архифонемы обусловлен внешними обстоятельствами, в силу чего немаркированный характер какого-либо члена этой оппозиции не может быть установлен объективно³. В общем же французские глухие шумные встречаются чаще соответствующих звонких (примерно 60:40), но в каждом отдельном случае отношение оказывается разным: \dot{z} и v встречаются гораздо чаще, чем \dot{s} и f ; d и t примерно одинаково часты, тогда как в других парах (p — b , k — g , s — z) глухой встречается чаще звонкого.

4. Фактическая и теоретическая частотность

Было бы безнадежно пытаться установить строгую закономерность для фонемной частотности, поскольку эта частотность является результатом целого ряда факторов. Абсолютные цифры фактической частотности имеют лишь второстепенное значение. Ре-

¹ Помимо этого, звонкое \dot{z} встречается в русском языке чаще глухого. Это исключение, однако, не наблюдается у тех русских, которые произносят \dot{z} как $\dot{z}\dot{c}$.

² Для статистики лезгинских фонем подсчеты были произведены по сказке № 5, взятой из приложения к работе П.К. Услара, Кюринский язык, «Этнография Кавказа», стр. 291—299.

³ Ср. A. Martinet в TCLP, VI, стр. 51 и сл.

альную значимость имеет только отношение этих чисел к числам, выражающим теоретически рассчитанную частотность. Следовательно, фактическому подсчету фонем в том или ином тексте должен быть предпослан тщательный расчет теоретических возможностей (с учетом правил нейтрализации и сочетаемости). Представим себе язык, в котором определенная оппозиция согласных фонем нейтрализуется в начале и исходе слова, причем в нейтрализуемом положении выступает только немаркированный член. В таком языке немаркированный член данной оппозиции может быть, следовательно, в начале каждого слога, а, кроме того, еще в исходе слова, тогда как маркированный член может встречаться в начале каждого слога, за исключением первого. Если в таком языке среднее число слогов в слове равно α , то следует ожидать, что частотность немаркированного члена относится к частотности маркированного члена как $\alpha+1$ к $\alpha-1$. В чеченском языке, где геминированные согласные встречаются только в середине слова (как и в большинстве других языков с корреляциями геминации) и где слово состоит в среднем из 1,9 слога (по крайней мере в сказках), частотность геминированных согласных должна относиться к частотности соответствующих негеминированных как 9:29 (то есть примерно как 1:3). В действительности подсчет дает следующие цифры:

tt : t	12 : 90	(4 : 30)
qq : q	6 : 45	(4 : 30)
čč : č	25 : 59	(13 : 30)
ll : l	16 : 32	(15 : 30) ¹

Получается, таким образом, что геминированные čč и ll встречаются фактически чаще, а геминаты tt и qq реже, чем это ожидалось теоретически. В том же чеченском языке в составе смычных выделяется корреляция рекурсии; такая корреляция возможна лишь в начале слова; в середине и конце слова она нейтрализуется (в качестве представителя архифонемы выступает нерекурсивный смычный). Таким образом, маркированные члены этой оппозиции возможны лишь в начале слова; обозначив общее число слогов в тексте через β , а среднее число слогов в слове через α , получим

¹ Подсчеты производились по тексту № IV в собрании K. В о u d a, Tschetschenische Texte (= Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin, Jahrg., XXXVIII, Abt II, Westasiatische Studien, Berlin, 1935, стр. 31–35); в отношении tt, t, qq, q, čč, č подсчет производился с учетом всего текста; для ll, l были взяты только первые 300 слов.

число $\frac{\beta}{\alpha}$, выражающее частотность маркированного члена. Соответствующий немаркированный член возможен в начале каждого слога и, кроме того, в исходе каждого слова; частотность этого члена может быть выражена числом $\beta + \frac{\beta}{\alpha}$. Теоретически вычисленные частотности относятся, таким образом, друг к другу, как $\frac{\beta}{\alpha}$ к $\beta + \frac{\beta}{\alpha}$, то есть как 1 к $\alpha + 1$. Поскольку среднее число слогов в чеченском слове выражается цифрой 1,9, то отношение принимает вид 1 : 2,9. Реально же мы имеем следующие цифры:

ʈ' : t	33 : 90	(11 : 30)
k' : k	38 : 47	(24 : 30)
q' : q	21 : 45	(14 : 30)
c' : c	17 : 97	(5 : 30)
ɕ' : ɕ	5 : 59	(2,5 : 30)
p' : p	? : 27	(?) ¹

В общем фактическое отношение частот для рекурсивных и нерекурсивных смычных примерно соответствует теоретически вычисленному отношению ($114 : 365 = 0,9 : 2,9$), однако отдельные пары значительно отклоняются от теоретических расчетов, причем в обоих направлениях; но все же немаркированные члены всегда более часты, нежели маркированные.

Вычисление теоретических возможностей не всегда оказывается столь легким, как в приведенных выше примерах. Не следует, однако, бояться технических трудностей, возникающих при расчетах. Ведь цифры фактической частотности приобретают определенную значимость только путем сравнения их с цифрами в о з м о ж н о й частотности, добытой путем таких вычислений; они показывают, насколько полно используется та или иная фонема в данном языке.

При фонологически-статистическом обследовании текста необходимо принимать во внимание не только то, как часто встречается та или иная фонема вообще, но и то, как часто встречается она в определенных положениях. Если, например, немаркированный член нейтрализуемой оппозиции особенно часто встречается в нейтрализованном положении (где он представляет архифонему), то это говорит о том, что соответствующая оппозиция реализуется редко; но если данный член оппозиции особенно часто выступает

¹ Рекурсивное p в обследованных текстах не встретилось ни разу.

в релевантной позиции (чаще, чем это можно было бы ожидать теоретически), то это обстоятельство свидетельствует об особой склонности к употреблению данной оппозиции. Аналогичным образом можно было бы установить статистически и степень использования различных ненейтрализуемых оппозиций. Во многих языках мы встречаем такие положения в слове, при которых возможно лишь ограниченное число фонем и, следовательно, ограниченное число смысловоразличительных оппозиций. Фактическая частотность подобных позиций может либо превысить теоретическую, либо быть ниже ее; в зависимости от того или иного отношения этих частотностей можно заключить, сколь часто или сколь редко используется та или иная оппозиция в данном языке.

Следовательно, грубая глобальная статистика фонем должна быть заменена более тонкой, специфической статистикой, объектом которой являются уже не фонемы, а оппозиции. Ибо здесь, как, впрочем, и всюду в фонологии, нужно постоянно помнить, что подлинным объектом фонологического исследования являются не фонемы, а оппозиции.

5. Фонологическая статистика словарного состава

Из всего сказанного выше со всей очевидностью вытекает, что одного статистического обследования текстов далеко не достаточно, чтобы составить себе представление об относительной употребительности различных фонологических элементов. Такое обследование должно быть восполнено статистическим рассмотрением словарного состава. Последнее со своей стороны должно постоянно учитывать отношения фактического к теоретически возможному. В. Матезиус и Б. Трнка уже предприняли в этом направлении весьма важную попытку. Из работ В. Матезиуса со всей очевидностью вытекает важность подобного рода исследований для фонологической характеристики языков. В этом легко убедиться, если сопоставить слова ряда языков, состоящие из двух фонем. В немецком языке в начале слова допустимы 18 согласных (b, p, m, d, t, n, k, g, c, z, š, f, v, ř, h, r, l, j), а в исходе слова — 14 (p, m, t, n, k, ŋ, x, c, s, ř, f, š, r, l); все без исключения ударные гласные (10 фонем, если не различать ä и е) возможны как в начале, так и в исходе слова; недопустимы сочетания j + i, au + r, au + ŋ, eü + r, eu + ŋ, ai + r, ai + ŋ, o + ŋ, ö + ŋ. Таким образом, с теоретической точки зрения в немецком языке возможны $(18 \times 10) - 1 = 179$ слов типа «согласный + гласный» и $(14 \times 10) - 8 = 132$ слова типа «гласный + согласный» (безотносительно к слогоделению). Факти-

чески первый тип («согласный + гласный») представлен в немецком 57 словами (du, Kuh, zu, Schuh, wo, loh, roh, Bau, Tau, kau, Gau, Pfau, Vau, Sau, schau, hau, lau, rauh, die, nie, Vieh, wie, zieh, sie, hie, lieh, mäh, Tee, näh, Weh, Zeh, See, je, geh, bei, weih, zeih, sei, reih, leih, Küh', Höh', neu, scheu, Heu, Leu, Reuh', da, nah, sah, ja, названия букв: Be, Pe, De, Ha, Ka), а второй тип («гласный + согласный») — 37 словами (Uhr, Ohr, ob, Aug', Auch, aus, auf, ihr, im, in, ich, iß, er, El, Em, En, eng, Eck, ätz, es, Esch, Eid, ein, eil, Eich', Eis, Eul', euch, Aag, Aal, am, an, ach, aß, Aff', ab, Asch'). Во французском языке в начале слова могут быть 15 согласных (b, p, d, t, g, k, v, f, s, š, ž, m, n, r, l), а в исходе — 18 (b, p, d, t, g, k, v, f, z, s, š, ž, m, n, ŋ, r, l, j); что касается гласных, то в закрытых слогах их может быть 12 (u, o, ə, a, e, i, ø, y, õ, ã, ě, ø), а в открытых — 13 (те же самые + e). Сочетания типа «носовой гласный» (õ, ě, ø, ã) + m, n, ŋ, r, l, j невозможны. Теоретически в этом языке возможны $15 \times 13 = 195$ слов типа «согласный + гласный» и $(12 \times 18) - (4 \times 6) = 192$ слова типа «гласный + согласный». В действительности же первый тип представлен 142 словами, а второй — 50 словами. Иначе: в немецком языке в типе «согласный + гласный» реализуется лишь 31,8% теоретически возможных слов, а во французском языке — 73%. Что касается типа «гласный + согласный», то здесь процент реализации теоретически возможных слов в обоих языках оказывается примерно одинаковым: 28% в немецком и 26% во французском. Однако, тогда как в немецком слова этого типа составляют 40% всех односложных слов из двух фонем, во французском языке такие слова составляют лишь 26%. Мы видим, таким образом, что даже в столь узких рамках отчетливо проявляется индивидуальность каждого языка. В. Матезиус, сопоставлявший чешский с немецким в отношении использования фонологических средств, установил, между прочим, что среди слов, состоящих из двух или трех фонем, слова с начальным гласным составляют в немецком 25,2%, а в чешском только 8,2%. Далее оказалось, что немецкий предпочитает скопления согласных в исходе слова, а чешский — в его начале.

Все указанные особенности, накладывающие свой особый отпечаток на любой язык, можно выразить в числах. При таком методе исследования словарного состава в числах можно выразить и степень смысловозначительного использования («функциональной нагрузки») отдельных фонологических оппозиций и среднюю нагрузку фонем вообще. При этом оказывается, что все языки в этом отношении делятся на «бережливые» и «расточительные». В «бережливых» языках слова, отличающиеся друг от друга всего лишь

одной фонемой, весьма многочисленны, а процент реализации теоретически возможных сочетаний фонем очень высок. В «расточительных» языках наблюдается склонность отличать слова друг от друга с помощью многих фонологических средств и реализовывать лишь незначительную часть теоретически возможных сочетаний фонем.

На фоне фонологически-статистического обследования словарного запаса фонологически-статистическое исследование связного текста приобретает новый смысл. Числа, выражающие частотность, приобретают как бы двойную соотнесенность. Теперь уже речь идет о том, насколько использованы в связной речи те теоретические возможности, которые реализованы в словаре и даны в правилах сочетаемости фонем. Чем больше фонем в определенном типе слов, тем выше число теоретически возможных слов этого типа. Статистическое исследование словарного состава показывает, какой процент теоретических возможностей реализуется, иными словами, какое число сочетаний фонем данного типа обладает определенной лексической значимостью. Оно, однако, ничего не говорит о фактической частотности слов этого типа в нормальной, связной речи. Сведения об этом может дать лишь статистическое обследование текстов. Причем может оказаться, что типы слов с высоким процентом реализации теоретических возможностей менее часты, чем слова с незначительным процентом реализации. Есть ли здесь какие-либо общезначимые законы или же все языки в данном отношении различны — об этом пока ничего определенного сказать нельзя, поскольку фонологическая статистика еще очень мало этим занималась. Во всяком случае необходимо остерегаться поспешных заключений и теоретизирований в этой области.

В заключение следовало бы еще указать, что лексической статистике приходится преодолевать часто те же трудности, что и статистике текстов. Не все части словарного состава одинаковы и сопоставимы. Существуют технические выражения, известные лишь ограниченному кругу специалистов, хотя такие слова и не являются заимствованиями в обычном смысле. Следует ли привлекать подобные термины для статистики? Далее, есть слова, которые в своей литературной форме употребляются разве только в словарях, а фактически живут лишь в своем диалектном облике, поскольку они по своему значению принадлежат диалектам (различные сельскохозяйственные термины и т.п.). В каком звуковом облике должна учитываться их статистика? Подобного рода проблемы возникают перед лексической статистикой в любом языке. Для некоторых восточных литературных языков подобные вопросы оказываются прямо-таки роковыми. Во всяком случае не следует представлять себе вещи слишком упрощенно.

Учение о разграничительной, или делимитативной, функции звука¹

I. Предварительные замечания

Любой язык, помимо фонологических средств, которые служат для различения значимых единиц (семем), обладает некоторым числом средств, способствующих разграничению этих единиц. Эти две функции звука — смысловозначительную и делимитативную — необходимо строго различать. Смысловозначительная функция, безусловно, необходима; отдельные звуковые комплексы, соответствующие определенным значимым единицам, должны быть различными, чтобы не смешиваться друг с другом. Чтобы каждый из этих звуковых комплексов был в достаточной мере индивидуализован, он должен обладать определенными «звуковыми приметам», расположенными в определенном порядке. При этом каждый язык обладает лишь ограниченным количеством «примет», которые по определенным правилам сочетаются в звуковые комплексы, являющиеся носителями значений. Иначе и не может быть, ибо это вытекает из самого существа человеческого языка. Что касается внешнего разграничения значимых звуковых комплексов, то оно не является безусловно необходимым. Эти комплексы могут следовать друг за другом в непрерывном потоке речи, не нуждаясь при этом в специальном обозначении границ между ними. Большей частью мы безошибочно узнаем из совокупного контекста, где находится та или иная «звуковая примета» (реализованная фонема): в конце одного или в начале другого, следующего за первым осмысленного звукового комплекса (= слова или морфемы). Возможность недоразумений, как правило, крайне незначительна, главным образом потому, что при восприятии любого языкового выражения мы обычно уже заранее настраиваемся на определенную, ограниченную сферу понятий и принимаем во внимание только такие лексические элементы, которые принадлежат этой сфере. Если все же каждый язык имеет особые фонологические средства, которые в определенном пункте непрерывного звукового потока сигнализируют о наличии или отсутствии границ предложения, слова или морфемы, то эти средства играют всего лишь подсобную роль. Их можно было бы сравнить с сигналами

¹ Cp. N.S. Trubetzkoy, *Anleitung zu phonologischen Beschreibungen*, Brno, 1935, стр. 30 и сл.; *Die phonologischen Grenzsingale* (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, Cambridge, 1936, стр. 45 и сл.).

уличного движения. Ведь еще совсем недавно таких сигналов не было даже в больших городах, да и теперь они введены далеко не всюду. Можно ведь и вообще обходиться без них: надо быть только более осторожным и более внимательным. Поэтому-то они и устанавливаются не на всех перекрестках, а только на некоторых. Сходным образом и языковые средства разграничения встречаются обычно не всюду, где они в принципе возможны, а лишь кое-где. Разница между теми и другими заключается только в том, что сигналы уличного движения устанавливаются всегда на «особо опасных» перекрестках, тогда как распределение разграничительных средств в большинстве языков кажется совершенно случайным. Это, очевидно, связано с тем, что движение транспорта регулируется сознательно и искусственно, тогда как язык образуется и развивается органически. И тем не менее по своей психологической сущности средства разграничения в языке сходны с сигналами уличного движения: и те и другие рассчитаны на то, чтобы разрядить в соответствующих местах напряжение нашего внимания.

Все средства разграничения в языке мы называем пограничными сигналами. Их можно классифицировать с различных точек зрения. Во-первых, по их отношению к смысловозначительной функции, во-вторых, по их однородности или сложности, в-третьих, по тому, что они указывают: наличие или отсутствие границы, и, наконец, в-четвертых, по тому, какую границу они обозначают (то есть границу слова, или морфемы, или предложения). Чтобы охарактеризовать какой-либо язык, весьма важно установить, какие типы пограничных сигналов господствуют в нем и как часто они применяются; это означает, что делимитивная функция звука требует особой статистики.

II. Фонематические и афонематические пограничные сигналы

Выше, при рассмотрении структурно-обусловленных типов нейтрализации (стр. 251), нами было установлено, что в отдельных языках определенные смысловозначительные оппозиции возможны либо только в начале, либо только в исходе значимой единицы (слов или морфем) и нейтрализуются во всех прочих положениях. В этих случаях маркированные члены соответствующих оппозиций, помимо фонематических (смысловозначительных) свойств, обладают еще свойством пограничного сигнала, поскольку они появляются лишь на границах (в начале или в конце) значимой единицы. Так обстоит, например, дело с придыхательными:

смычными в шотландском (гаэльском) диалекте острова Барра, с придыхательными и рекурсивными согласными в восточнобенгальском, с рекурсивными смычными и эмфатическими палатализованными согласными в чеченском и т.д. Равным образом назализованные и долгие гласные, а также гласные среднего ряда (у, ø, э) в шотландском диалекте острова Барра и все лабиализованные гласные (ū, u, ō, o) в казымском диалекте хантыйского языка¹ являются одновременно фонемами и пограничными сигналами, поскольку они встречаются только в начальных слогах слова и фонологически противоплагаются в этом положении соответствующим немаркированным гласным. Во всех этих случаях речь идет о редуктивной нейтрализации всех корреляций в «непериферийном положении», благодаря чему вся совокупность маркированных фонем в «периферийном положении» превращается в пограничные сигналы. Может, однако, случиться, что редуктивной нейтрализации подвергаются не корреляции, а единичные привативные оппозиции фонем. Однако и в этом случае результат будет тот же: объединение смыслоразличительной функции у маркированного члена соответствующей оппозиции с делимитативной функцией (немаркированный член в этом случае, как и в рассмотренных выше, будет нести лишь смыслоразличительную функцию). Так, например, в древнегреческом противополжение придыхательного приступа (*spiritus asper*) и непридыхательного приступа (*spiritus lenis*) имело место только в начале слова. Придыхательный приступ являлся, таким образом, одновременно и фонемой и сигналом начала слова (ὄς «как» — ὄς «ухо», ἕξ «шесть» — ἕξ «из»). В западном нуэр противополжение по звонкости свойственно смычным всех локальных рядов; не нейтрализуясь в лабиальном и обоих апикальных рядах, оно подвержено редуктивной нейтрализации в гуттуральном и палатальном рядах: поэтому фонемы *g* и *ʃ* возможны только в начале слова, являясь, таким образом, одновременно и фонемами и пограничными сигналами².

Помимо этих фонематических пограничных сигналов, во многих языках имеются еще особые афонематические сигналы. Под афонематическими пограничными сигналами мы понимаем ограниченные периферийными позициями комбинаторные варианты фонемы, которая возможна и в других позициях.

¹ Ср. В.К. Штейниц, Хантыйский (остяцкий) язык, «Языки и письменность народов Севера», I, 1937, стр. 200 и сл.

² Ср. J.P. Crazzola, *Outlines of a Nuer grammar*, «Linguistische Bibliothek Anthropos», XIII, 1933

Так, например, шумные тамильского языка реализуются в начале слова как придыхательные глухие смычные (p^h , t^h , k^h), а в середине — то как звонкие, то как щелевые (при геминировании — как непридыхательные смычные)¹. Таким образом, в этом языке p^h , t^h , k^h являются только пограничными сигналами: противоположение k^h — x или k^h — g (а также p^h — v или p^h — b и t^h — δ или t^h — d) не выполняет смыслоразличительной функции, то есть используется не для различения слов, а только для их разграничения, поскольку k^h (и соответственно p^h , t^h) постоянно сигнализируют начало слова. В том же языке краткое u реализуется в конце слова в виде нелабиализованного гласного заднего ряда верхнего подъема («ш»); поскольку такая реализация в других положениях не встречается, звук ш оказывается только сигналом конца слова, а противоположение u —ш имеет делимитативную, а не смыслоразличительную функцию. В японском языке g и η относятся друг к другу как комбинаторные варианты одной фонемы, поскольку g возможно только в начале слова, а η — только в положении между гласными; таким образом, противоположение g : η в этом языке не может дифференцировать пары слов; это противоположение выполняет делимитативную функцию, поскольку g всегда указывает на начало слова. Во многих языках некоторые фрикативные реализуются в начале слова как «аффрикаты»: в верхнелужицком глухое гуттуральное фрикативное x в конце морфемы произносится как гуттуральная аффриката kx (пишется «kh»). Аналогичное явление можно наблюдать и в некоторых диалектах бурят-монгольского языка (например, в аларском говоре)², в сосвинском диалекте мансийского языка s реализуется как особого рода аффриката «с³», а в уже упомянутом западном диалекте нуэр фонема, реализующаяся всюду как f , в начале слова произносится как лабиодентальная аффриката \dot{r} (= pf). Во всех этих языках соответствующие аффрикаты являются лишь комбинаторными вариантами соответствующих фрикативных и употребляются только в качестве сигналов начала слова (или морфемы). Афонематическим пограничным знаком является далее «сильный приступ» в таких языках, как немецкий, армянский, в южных диалектах польского, богемских диалектах чешского и т.д.; это не фонема, а лишь само собой разумеющийся способ произнесения

¹ Ср J R Firth, A short outline of Tamil pronunciation (Offprint of the new and revised edition of Arden's, «Grammar of common Tamil», 1934)

² Ср Н Н П о п п е, Аларский говор, «Материалы комиссии по исследованию монгольской и тувинской народных республик», II, Л., АН СССР, 1930

³ Ср В Н Ч е р н е ц о в, Мансийский (вогульский) язык, «Языки и письменность народов Севера», I, 1937, стр. 171

гласного¹ в начале морфемы². Но в финском языке гортанная смычка является фонематическим пограничным сигналом; она встречается только после гласных в конце слова, но противостоит в этом положении «слабому отступу» (например, *vie'* «неси!», *vie* «он несет»).

Афонематическим пограничным сигналом является, наконец, так называемое «несвободное», или «связанное», ударение. Так как это ударение во всех словах с одинаковым числом слогов (или мор) во всех случаях падает на один и тот же слог (или мору), то место этого ударения не может дифференцировать значения слов. Оно свидетельствует только о том, в каком отношении к границе слова находится ударная просодема³. В подавляющем большинстве языков этого типа «связанное» (динамическое) ударение падает на первый слог слова: таковы газельский, исландский, саамский (лопарский), финский, ливский, верхне- и отчасти нижнелужицкий, чешский, словацкий, венгерский, чеченский, даргинский, лакский, ненецкий (юрако-самоедский), нганасанский (тавгийский), энецкий (енисейско-самоедский), мансийский (вогульский), якутский, монгольский, калмыцкий и прочие языки. В других языках «связанное» ударение падает на последний слог, например в армянском, тавдинском диалекте мансийского языка, в подавляющем большинстве тюркских языков, в тубатулабал (шошонская группа юго-ацтекских языков) и др. Таким образом, во всех этих языках динамическое ударение указывает на то, каким слогом начинается или кончается слово. В некоторых других языках «связанное» ударение отделено от периферии слова просодемой, иными словами, оно покоится либо на второй, либо на предпоследней просодеме слова. Этот тип «связанного» ударения нередок, но, как кажется, встречается только в ограниченных географически областях. В Европе постоянное ударение на предпоследнем слог е представлено в польском (за исключением кашубских диалектов), в граничащих с ним диалектах чешского, словацкого и в восточных диалектах нижнелужицкого⁴; то же «пэнультимное» ударение гос-

¹ У финских лингвистов Jorrihenkonen «конечное придыхание» (см. А Х а к в л я н е н, Развитие и структура финского языка, М., 1953, стр. 47 и 296) — *Прим перев*

² В немецком языке такое произношение наблюдается, кроме того, еще в середине слова в «позиции хиагуса» (например, Theater), однако слова с неразложимым морфологически рядом двух гласных являются в немецком языке заимствованиями. Таким образом, здесь мы имеем случай использования пограничного сигнала в качестве признака заимствования (см. ниже)

³ Ср. Р Я к о б с о н, О чешском стихе, Берлин, 1923, стр. 26 и сл. и в «Mélanges van Ginneken», стр. 26 и сл.

⁴ Ср. Л Ш е р б а, Восточнолужицкое наречие, Петроград, 1915, стр. 35 и сл. и Z d S t i e b e r, Stosunki prokrewnieństwa języków łużyckich, Kraków, 1934, стр. 70 и сл.

подстает в некоторых болгарских диалектах Македонии и Албании¹. На предпоследней м о р е слова покоилось ударение в вымершем полабском. Однако основная область распространения постоянного экспираторного ударения на предпоследнем слоге находится не в Европе, а в Африке, где оно, как кажется, охватывает все языки банту. Что же касается фиксированного ударения на второй просодеме, то оно, видимо, особенно широко распространено в американских языках: выше (при рассмотрении просодических признаков в моросчитающих языках) мы уже упоминали о южном пайуте и майду, в которых главное экспираторное ударение падает на вторую мору слова (стр. 202). Во всех этих случаях, когда ударение отделено от «периферии слова» просодемой, оно сигнализирует не непосредственно границу, а лишь близость ее, причем расстояние между ударением и границей слова остается величиной постоянной. Возможны и более сложные случаи, например постоянное ударение на третьем слоге с конца в некоторых болгарских говорах Македонии² или ударение на предпоследней море перед последним слогом в классическом латинском языке. Все эти типы ударения, регулируемые автоматически числом просодем, не способны дифференцировать значения слов, сигнализируя лишь близость границы слова и являясь, таким образом, афонематическими пограничными сигналами.

Поскольку «связанное» ударение указывает на границу слова, оно, собственно говоря, имеет смысл лишь внутри предложения. В том языке, где последний слог каждого слова находится под ударением и, таким образом, указывает на конечную границу слова, такое конечное ударение фактически можно было бы свободно опускать в последнем слове предложения, поскольку в этом случае конечная граница слова и без того достаточно обозначена конечной паузой предложения. Это в действительности и наблюдается во многих языках. Согласно Е.Д. Поливанову³, в корейском языке каждое слово имеет ударение на последнем слоге и только в последнем слове предложения ударение падает на начальный слог. Во всех словах узбекского языка ударение падает на последний слог, и только глагольные формы претерита имеют главное ударение на первом слоге, что, по мнению Поливанова (очень правдоподобному), связано с известной синтаксической особенностью тюркских языков, которая состоит в том, что *verbum finitum* ставится в конце предложения. Этой особенностью, пожалуй, можно объяснить и «оттягивание» ударения с последнего слога в некоторых глагольных формах турецкого языка (например, в настоящем

¹ В том числе, например, диалект Бобоштица; ср. A. Mazon, Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud, Paris, 1936.

² Ср. Б. Цонев, История на българския език, София, I, 1919, стр. 465 и сл.

³ E.D. Polivanov, Zur Frage der Betonungsfunktionen, TCLP, VI, стр. 80 и сл.

времени на -jog-, в вопросительных формах и т.д.). В чешском языке, где «связанное» ударение находится на первом слоге слова, односложные союзы типа *a «и»*, *že «что»* не имеют ударения, поскольку они большей частью начинают предложение, а начало предложения не нуждается в особом обозначении. Правда, во многих языках, имеющих «связанное» ударение, правила ударения уже настолько автоматизировались, что границы предложения вовсе не принимаются во внимание¹.

III. Единичные и групповые сигналы

Рассмотренные в предыдущем разделе пограничные сигналы могут быть названы единичными, поскольку там речь шла либо об отдельной фонеме, которая возможна лишь на границе слова или морфемы, либо о комбинаторном варианте отдельной фонемы, связанном с определенной периферийной позицией². Имеются, однако, иного рода пограничные сигналы, представляющие собой особые сочетания (фонематические или афонематические) единиц, которые встречаются лишь на границах двух слов или морфем и сигнализируют таким образом об этой границе. Их можно назвать групповыми сигналами.

Фонематический групповой сигнал представляет собой сочетание ряда фонем, возможное лишь на границах между двумя значимыми единицами. При этом первая часть такого сочетания принадлежит концу одной значимой единицы, а вторая — началу другой значимой единицы. Такие пограничные сигналы особенно многочисленны и разнообразны. В немецком в качестве таких сигналов можно было бы назвать, например, сочетания «согласный + h» (*ein Haus, an-halten, Wesen-heit, der Hals, ver-hindern, Wahr-heit* и т.д.), «носовой + плавный» (*an-liegen, ein-reden, irr-tüm-lich, um-ringen*), далее, nm, pm, km, tzm, fm, mw, mg, mch, mtz, nb, np, ng (то есть ng в противоположность η), nf, nw, pw, pfw, fw, chw, spf, schpf, schf, schz, ssch, fp, fk, fch, chf, chp, chk и т.д., если ограничиться только двучленными групповыми сигналами;

¹ Во французском языке мы имеем совершенно особый случай. Здесь ударение не имеет никакого отношения к разграничению слов. Его функция заключается лишь в членении речи на предложения, отрезки предложений и речевые такты (*Satztakt*). Если в изолированном слове ударение всегда падает на последний слог, то это объясняется только тем, что такое слово трактуется как речевой такт. Французское ударение сигнализирует не о конечной границе слова как таковой, а о конце речевого такта, отрезка предложения, предложения в целом. Оттягивание ударения с последнего слога служит во французском языке исключительно целям «звуковой стилистики».

² «Связанное» ударение также является всего лишь особым (характеризующимся усилением голоса) комбинаторным вариантом отдельного слогоносителя.

во французском языке можно, например, назвать сочетание фонем «носовой гласный + m» (un marin, on mange, grand'mère, emmener, nous vin-mes); в английском — сочетания θs , δz , $s\theta$, $z\delta$, $\check{c}t$, $\check{c}s$, $\check{s}s$, $s\check{s}$, dz и мн. др.

Аналогичные фонематические групповые сигналы можно было бы привести для многих других европейских языков¹. Однако они нередко встречаются и в других географических зонах. Северогренландский знает только два типа сочетаний согласных: «г + согласный» и «смычный + согласный». Сочетания первого типа возможны только в середине слова, сочетания же второго типа выступают только на границе слов, где смычный (p, t, k, q) завершает предыдущее слово, а согласный начинает следующее слово. В языке тонкава (изолированно стоящий индейский язык в Техасе) сочетание «два согласных + \check{z} » возможно только на границе двух слов, причем первый согласный принадлежит предыдущему слову; фонематическим сигналом границы слова является здесь и сочетание « \check{z} + \check{z} + согласный»; граница в этом случае проходит между \check{z} и следующим согласным². В одном из диалектов дакота (диалект Santee) такие сочетания, как $t\check{x}$, mt , mk , ms , $m\check{c}$, $m\check{x}$, sk' , $\check{x}k'$, gs , $g\check{c}$, gb , pr , возможны только на стыке морфем³. Из приведенных Идой Уорд правил употребления согласных и сочетаний согласных в начале и исходе слов языка эфик⁴ следует, что здесь сочетания «k, d, p + согласный», «t + согласный, кроме \check{r} », «m + нелабиальный согласный», «n + неапикальный согласный» могут появляться только на стыке двух слов в предложении и оказываются, таким образом, фонематическими групповыми сигналами. Относительно тюркских языков весьма поучительный материал можно почерпнуть из гл. XII «Фонетики» В. Радлова⁵. В алтайских и абаканских диалектах, а также в казахском (казак-киргизском) языке сочетание «(глухой) шумный + сонант (j, m, n, r, l)» возможно лишь на стыке двух слов. В алтайских диалектах сочетания tr , ts , $t\check{c}$ (= $\check{c}\check{c}$), pr , st , $s\check{c}$, sp , $\check{s}t$, $\check{s}\check{c}$, $\check{s}p$, $\check{s}s$, $\check{c}q$, $\check{c}k$, $\check{c}t$, $\check{c}s$, $\check{c}p$ свидетельствуют либо о стыке морфем, либо о словосочетании (цит. раб., стр. 226 и сл.). В казахском (231), в северных абаканских диалектах (229) и в алтайских диалектах, кроме телеутского, исконные pq , pk (поскольку они морфологически неразложимы) перешли в середине слова в qr , kr , в результате чего в настоящее время сочетания pq , pk в этих

¹ В отношении чешского см., например, перечень, приведенный Б. Трка в его работе «Pokus o vědeckou teorii a praktickou reformu těsnopisu», «Sbírka pojednání rozprav» (Facultas Philosophica Universitatis Carolinae), XX, 1937, стр. 40 и сл.

² Ср. Harry H o i j e r, Tonkawa an Indian language of Texas, «Handbook of American Indian languages», III (publ. by the University of Chicago)

³ Ср. Fr. B o a s and R. J. S w a n t o n, «Handbook of American Indian languages», I = «Bureau of American ethnology», Bulletin XL, 882.

⁴ Ср. Ida C. W a r d, The phonetic and tonal structure of Efik, Cambridge, 1933.

⁵ W. R a d l o f f, Vergleichende Grammatik der nordlichen Türksprachen, I. Phonetik der nordlichen Türksprachen, Leipzig, 1882.

диалектах стали свидетельствовать только о наличии сочетания морфем (или слов). Это же имеет силу и для сочетаний *qs*, *ks* в абаканских диалектах (229). В якутском языке сочетания фонем *t + k*, *t + s*, *s + t* всегда сигнализируют о границе слова (236, 238). В лакском языке в пределах одной морфемы возможны только такие сочетания согласных, которые имеют в своем составе плавный или носовой. Сочетания двух шумных всегда являются пограничными сигналами: сочетание «шумный + *s*» встречается как на стыке двух морфем, так и на стыке двух слов, а прочие сочетания шумных — лишь на стыке двух слов в предложении. В аварском языке, где внутри морфемы возможны самые разнообразные сочетания согласных, сочетание «лабиальный + плавный» внутри слова недопустимо: там, где оно должно появиться, возникает метатеза, например: *qomɔ̃r* «волк» — эргатив *qomɔ̃c'a* (<**qomɔ̃c'a*), *xibil* «бок» — эргатив *xoibɔ̃c'a* (<**xoibɔ̃c'a*); ср. также заимствованные слова *iblis* «сатана» = араб. *iblis*, *q'ibba* «юг» = араб. *qibla* и т.д. Таким образом, сочетание фонем «лабиальный + плавный» в этом языке возможно лишь на стыке двух слов в предложении (например, *k'udijab ɔ̃so* «большая деревня», *qə̃ɬab lə̃mag* «белая овца» и т.д.) и должно рассматриваться как фонематический групповой сигнал.

Существуют языки, в которых разграничение значимых единиц дано уже заранее в самой фонематической структуре этих единиц. Так обстоит дело в так называемых односложных или изолирующих языках. В бирманском, где все слова (= морфемы) являются односложными и состоят либо из одной гласной фонемы, либо из сочетания «согласная фонема + гласная фонема», такие группы фонем, как «гласная + гласная» или «гласная + согласная», появляются только на стыке двух слов в предложении и являются, таким образом, фонематическими групповыми сигналами. В северокитайском, где морфема может заканчиваться либо гласным, либо дифтонгом, либо неопределенным носовым (либо, правда не во всех диалектах, неопределенным плавным), а начинаться либо гласным, либо согласным, граница между двумя морфемами в большинстве случаев обозначена совершенно однозначно сочетанием фонем, например сочетаниями «носовой + согласный», «плавный + согласный», «гласный + согласный». Равным образом однозначными фонематическими групповыми сигналами являются здесь, как правило, сочетание «гласный + гласный», поскольку не все сочетания гласных образуют дифтонги. Лишь в исключительно редких случаях фонематической структуры этого рода недостаточно, чтобы отграничить одну морфему от другой (например, *ɬaɔ̃* = *ɬaɨ̃ + o* либо *ɬa + jo*); в таких случаях все решают афонематические факторы.

Афонематические групповые сигналы столь же распространен-

ны, как и фонематические. В качестве примера можно было бы привести противоположение велярных и палатальных *x*, *g* в немецком языке. Так как слоги *xə* и *gə* («*che*», «*ge*») произносятся после гласных заднего ряда (*u*, *o*, *a*, *au*) с велярными *x*, *g*, (*suche*, *Woche*, *Wache*, *gauche*, *Fuge*, *Woge*, *sage*, *Auge*), а в прочих положениях — с палатальными *x*, *g*, то надо полагать, что противоположение палатальных и велярных *x*, *g* перед *ə* фонологически абсолютно несущественно. В действительности веляризирующее влияние предшествующих *u*, *o*, *a*, *au* не выходит за пределы морфемы: в *im Zuge stehen* *g* является велярным, поскольку оно принадлежит той же морфеме, что и предшествующее ему *u*, но в *zugestehen* *g* является палатальным, поскольку между ним и *u* пролегает морфологическая граница (*cu-gə-šte-ən*). Равным образом в слове *machen* *x* является велярным, поскольку оно входит в ту же морфему, что и *a* (*max-ən*), но в слове *Mamachen* *x* является палатальным, поскольку между ним и *a* проходит морфологическая граница (*ma-ma-xən*). Таким образом, в немецком языке палатальная реализация *g* и *x* после гласного заднего ряда является афонематическим групповым сигналом. В английском языке можно было бы указать на распределение обоих *l*. Правило гласит, что *l* перед гласными является «светлым», а перед согласными и в исходе слова — «темным». Вернее было бы сказать не «перед гласными», а «перед гласным того же слова», ибо за пределами слова это правило недействительно. Таким образом, *l* в словосочетании *we learn* «мы учим» является «светлым» (фонетически *wilə:n*), а в словосочетании *will earn* «заработает» — «темным» (фонетически *wiʃə:n*). Следовательно, «светлое» и «темное» *l* в английском языке являются всего лишь комбинаторными вариантами одной фонемы, в сочетании же «гласный + *l* + гласный» противоположение «светлого» и «темного» варианта выполняет делимитативную функцию: «темная» реализация фонемы *l* в этом сочетании фонем свидетельствует о том, что между *l* и следующим гласным пролегает граница слова. В русском языке (так же как в немецком и английском) противоположение палатального и велярного *k* является афонематическим: перед *e*, *i* звук *k* произносится как палатальный, а во всех прочих положениях — как велярный. Это правило, однако, недействительно за пределами слова. Если одно слово оканчивается на *k*, а другое рядом стоящее начинается с *e* или *i*, то *k* остается велярным, а гласные *i*, *e* оказываются соответственно сдвинутыми назад (*e* > *E*, *i* > *ɨ*), например: «к этому» произносится *kətəm̩* (но «кета» произносится *k'etä*); «мог это» произносится *moketə*, «к из-бам» произносится *kɨzbəm* (но «кис бы» произносится *k'izby*),

«друг и приятель» произносится *drũkũ pr'ijæt'íl'* (но «руки приятеля» — *tũk'ĩ pr'ijæt'íl'ə*). Таким образом, сочетания *ke*, *kw* в русском языке являются групповыми сигналами, указывающими на наличие границы слов между фонемой *k* и следующими за ней гласными *e*, *i*. Перед *e* внутри морфемы в русском языке возможны только палатализованные согласные, в результате чего в этом положении корреляция по палатализации нейтрализуется, но если перед *e* пролегает морфологическая граница, то предшествующий согласный может не смягчиться; ср. «с этим», «из этого», «в этом», «под этим», «от этого» (произносятся *set'ĩm*, *izetəwə*, *vetəm*, *pədət'ĩm*, *ətətəwə*), где отсутствие палатализации перед *e* является афонематическим групповым сигналом морфологической границы. Русская фонема *ä* («безударное а») в начале слова, после гласных и в слоге, непосредственно предшествующем ударному, реализуется как *a*, а в прочих положениях — как *ə*. В таком звукосочетании, как *zvũkəbũwvə(j)ĩcəgəzəm*, граница слова должна пролегать перед первым *a* (ибо после *k* в безударном слоге, не непосредственно предшествующем ударному, а должно было бы реализоваться как *ə*); с другой стороны, граница слов должна пролетать также между *ə* и *g*, ибо в слоге, непосредственно предшествующем ударному, в пределах одного и того же слова *a* должно было бы реализоваться не как *ə*, а как *a*; таким образом, приведенное выше звукосочетание может быть разложено на слова только одним-единственным способом, а именно: *zvũk əbũwvəjĩcə gəzəm* (фонологически: *zvũk əbũwvəjĩcə gəzəm* «звук обрывается разом»). Тем самым звуки *a* и *ə* являются в русском языке комбинаторными вариантами фонемы *ä*, образуя по отношению к ударному слогу часть группового сигнала границы слова¹.

Особым видом афонематического группового сигнала является так называемая «гармония гласных». Здесь мы сталкиваемся с пограничными сигналами, которые занимают промежуточное положение между фонематическими и афонематическими. Выше мы уже рассматривали систему гласных языка ибо, где каждое слово может содержать либо только открытые, либо только закрытые гласные (стр. 119). Если в таком языке в словосочетании слог с открытым гласным оказывается рядом со слогом с закрытым гласным, то между этими слогами должна пролегать граница слов. В этом случае мы должны предполагать, конечно, пограничный сигнал;

¹ Ср. Н.Ф. Яковлев, Таблицы фонетики кабардинского языка, М., 1923, стр. 70 и сл.

однако остается не совсем ясным, фонематическим или афонематическим является этот сигнал; ибо, с одной стороны, открытые и закрытые гласные являются разными фонемами, наделенными в определенных положениях (а именно в первом слоге корня) смысловозначительными функциями, а с другой стороны, противоположение между открытыми и закрытыми гласными в непервом слоге корня (благодаря действию гармонии гласных) нейтрализуется. Аналогичный случай наблюдается также в финском языке, где, как уже говорилось выше (стр. 110), противоположения *u—y*, *o—ö*, *a—ä* в непервом слоге слова нейтрализуются после слога с *u*, *y*, *o*, *ö*, *a*, *ä*, в результате чего после *u*, *o*, *a* могут быть только *u*, *o*, *a*, а после *y*, *ö*, *ä* — только *y*, *ö*, *ä*. Если в словосочетании появляется другая последовательность гласных (например, *huvä roika* «хороший ребенок», *iso ryssy* «большая банка»), то она сигнализирует о наличии границы между двумя словами. Однако имеются и совершенно явные случаи афонематических пограничных сигналов при «гармонии гласных». В ламба безударные *e*, *o* в непервом слоге после слога с *ē*, *ō*, *ī*, *i*, *ū*, *u* реализуются как узкие *e*, *o*, а в остальных случаях — как открытые *ε*, *ɔ*¹: открытый характер этих вариантов фонем после слога с *i*, *u* сигнализирует вместе с тем о том, что между ними пролегает граница слов. Точно так же обстоит дело в зулу, где *e*, *o* перед слогом с *i*, *u*, *m*, *n* в пределах одного слова являются закрытыми, а в прочих положениях — открытыми (*ε*, *ɔ*)². Открытый вариант фонем *e*, *o* перед слогом с *i*, *u*, *m*, *n* является сигналом наличия границы слов непосредственно после *e*, *o*. В тамильском языке *e*, *ē*, *o*, *ō* реализуются в положении перед *i*, *ī* как закрытые, а в положении перед *a*, *ā* — как открытые гласные³; где этот закон нарушается, там граница слова проходит после фонем *e*, *ē*, *o*, *ō*. От «гармонии» гласных в собственном смысле этого слова следует отличать так называемый сингармонизм, который наиболее явным образом обнаруживается в ряде тюркских языков (например, в языке волжских или казанских татар, в башкирском, казахском и в кипчакском диалекте узбекского языка и т.д.). С чисто фонетической точки зрения сингармонизм состоит в том, что каждое слово в этих языках может содержать либо только передние гласные и палатализованные согласные, либо только задние

¹ Cp. Clement M. D o k e, A study of Lamba phonetics, «Bantu studies», 1928.

² Cp. Clement M. D o k e, The phonetics of the Zulu language, «Bantu studies», II, 1926 (Special number).

³ Cp. J. R. F i r t h, A short outline of Tamil pronunciation, 1934.

гласные и веляризованные согласные¹. Поскольку такой сингармонизм действует только в пределах слова, то звуковые сочетания «палатализованный согласный либо передний гласный + веляризованный согласный либо задний гласный» и «веляризованный согласный, либо задний гласный + палатализованный согласный, либо передний гласный» являются во всех случаях знаками того, что граница слов пролегает между обоими элементами этих сочетаний. Другой ряд равным образом афонематических групповых сигналов разграничения слов в тех же языках вытекает из закона так называемого губного притяжения, согласно которому гласная фонема непервого слога, характеризующаяся с фонологической точки зрения тем, что она не принадлежит к какому-либо тембровому классу, реализуется после известных лабиализованных гласных как лабиализованный гласный²; в том месте звукового потока, где этот закон нарушается, проходит граница между словами. Явления, родственные сингармонизму и губному притяжению, кроме тюркских языков, присущи также ряду финно-угорских языков, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, и всюду они выполняют функцию пограничных сигналов, указывающих на границу между словами.

Сингармонизм можно сравнить с тональностью в музыке: в «сингармоническом» языке каждое слово представляет собой как бы ряд звуков, имеющий определенную тональность, причем язык знает только две такие тональности, и изменение ее внутри предложения используется в качестве сигнала границы между словами. Но если в «сингармонических» языках слово представляет собой, так сказать, единство в плане характерного тона, то в других языках оно рассматривается как определенное ритмическое единство. Существуют языки с «несвободным», «связанным»

¹ Ср. Халимджан Шариф, Палатограммы звуков татарского языка, Казань, 1927, особенно стр. 35 и сл. Фонологически дело выглядит несколько иначе. Так как согласный *j* не имеет палатализованных или веляризованных разновидностей, а многие слова состоят только из гласного и *j* (а) «месяц», а)и «медведь» и т.д.), то гласные могут иметь определенный тембровый признак и независимо от окружающих их согласных, тогда как согласные палатализируются или веляризируются лишь в сочетании с гласными (приведенные Шарифом на стр. 37 цитированной работы лишённые гласных междометия *püt*, *K'it'* и т.д. не являются обычными словами). Таким образом, противоположения по тембровому признаку у гласных являются фонематическими, тогда как палатализованные и веляризованные разновидности согласных являются лишь комбинаторными вариантами без смысловоразличительной, но с делимитативной функцией.

² Ср. к этому W Radloff (цит. раб., гл. I—III), а также исчерпывающий обзор у В.А. Богородицкого, Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, Казань, 1933, стр. 58—73.

ударением, в которых наряду с главным ударением имеется второстепенное ударение (регулируемое тоже автоматически). Иной раз при этом распределение экспираторного ударения затрагивает все количественные отношения и даже качественные признаки гласных и согласных. Так, в южном пайуте (шошонская группа юто-ацтекских языков), где главное ударение падает на вторую мору слова, а второстепенное — на четные (то есть на четвертую, шестую, восьмую и т.д.) моры, «слабые» (то есть не несущие на себе ни главного, ни второстепенного ударения) моры в положении перед геминированными согласными оказываются глухими. Перед такими глухими гласными смычные произносятся, как глухие придыхательные, а длительные (фрикативные, носовые и г) — как глухие согласные. В положении же перед звонкими гласными смычные являются (глухими, но) непридыхательными, а длительные (кроме сибилантов) — звонкими. Краткий гласный в исходе слова всегда является глухим независимо от распределения ударения¹. Таким образом, ритмическая структура слова поддерживается реализацией всех фонем, и любое нарушение этой ритмической инерции, свидетельствующее во всех случаях о конце одного слова и о начале другого, приобретает тем самым особую отчетливость. Во многих финно-угорских и самодийских (самоедских) языках с постоянным ударением, падающим на начало слова, второстепенное ударение приходится на нечетные слоги или моры слова (то есть на третий, пятый, седьмой и т.д.)². Так возникает известная ритмическая инерция, нарушение которой сигнализирует границу между словами. В некоторых из этих языков ритмическая инерция слова усугубляется еще различными другими отчасти фонематическими, отчасти афонематическими средствами. Так, в саамском (лопарском) приморском диалекте Мааттивоно непосредственно за гласным четного (то есть второго, четвертого, шестого и т.д.) слога не могут следовать ни с, з, č, ž, d', γ, δ, η, n', l', ни геминированные согласные; в этой позиции весьма ограничено и число возможных в данном языке сочетаний согласных (sk, st, sn, št, žD, jD, lD, rD, lG, rG, lm). К этим фонематическим средствам подчеркивания противоположности между четными и нечетными слогами слова присоединяются еще афонематические: гласные чет-

¹ Cp. Edward Sapir, The Southern Paute language (Proceedings of the Amer. Acad. of Arts and Sciences, LXV, № 1-3, § 8-10, 12).

² Нечетные моры имеют второстепенные ударения, например в нгансанском языке: kúa «береза» — лок. kúatánu, но lí «одежда» — лок. lí'tánu и т.д. Обыкновенно в большинстве этих языков дополнительное ударение падает на нечетные слоги (Г. Прокофьев в «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 56).

ных слогов в положении между глухими согласными являются «сверхкраткими» и шепотными, а сильные р, t, k после гласных четных слогов всегда аспирированы. Тем самым трохеический ритм слова закрепляется не только в чередованиях ударения, но и во всем звуковом составе отдельных слогов. К тому же и «темп», в котором реализуются слоги, оказывается обусловленным характером всего слова: длительность одного и того же этимологически долгого или краткого гласного в одном и том же консонантном окружении зависит от того, в первом или в непервом слоге находится этот гласный, а также от того, какое число слогов содержит данное слово¹. Таким образом, в данном диалекте слово представляет собой ритмическое единство, и нарушение ритмической инерции в отдельных местах словосочетания оказывается сигналом границы между словами. Следует заметить, что такие языки, как самский (лопарский), лишь особо отчетливо выявляют тенденцию к афонематическому («фонетическому») объединению слова в ритмическое единство. Однако в менее четко выраженной форме эта тенденция господствует и во многих других языках (причем не только в языках со «связанным» ударением).

Что слово может быть и мелодическим единством, совершенно ясно и без доказательств. Разумеется, особенно ярко это обнаруживается там, где ударение является преимущественно «музыкальным», то есть в моросчитающих языках. В литовском языке внутри одного слова предударные слоги являются восходящими, а послеударные — нисходящими². Там, где в потоке речи такое отношение нарушается, то есть там, где слог с нисходящим ударением оказывается перед слогом с восходящим ударением, между обоими слогами должна пролегать граница двух слов. Таким образом, и здесь афонематический групповой сигнал, свидетельствующий о границе двух слов, вытекает из общей мелодической структуры слова.

В заключение следовало бы еще сказать, что в некоторых случаях трудно решить, с фонематическим или афонематическим пограничным сигналом мы имеем дело. В известных среднеиндийских («пракритских») диалектах, например в махараштри, смычные р, рh, b, t, th, d, dh, k, kh, g, gh, c, ch, j, jh после краткого гласного внутри простого, то есть несложного, слова были всегда геминированными; негеминированными после краткого гласного они оставались только тогда, когда оказывались в нача-

¹ Paavo Ravila, Das Quantitätssystem des seelappischen Dialektes von Maattivuono, стр. 56 и сл., 59 и сл., 78 и сл.

² Аналогичные отношения, видимо, следует принять и для славянского языка.

ле второго компонента сложного слова, например: *digghakaṇṇo* «осел» = *diggha* «длинный» + *kaṇṇo* «ухо». Геминированные и негеминированные смычные лабиального, апикального, гуттурального и палатального рядов можно было бы, таким образом, рассматривать как два комбинаторных варианта, а сочетания «гласный + негеминированный смычный» — как афонематический групповой сигнал границы между словами (либо соответственно границы между компонентами сложного слова). Однако это отношение было затемнено тем, что некоторые согласные в махараштри (а именно звонкие ретрофлексивные смычные *ḍ*, *ḍh*, носовые *ṇ*, *m*, плавный *l* и спирант *s*) участвовали в фонологически значимой корреляции геминации¹. Это обстоятельство дает некоторые основания рассматривать консонантные противоположения по геминации как фонематические, так что *k* (в *digghakaṇṇo* «осел») и *kk* (в *vakkala* «ряса») следует, быть может, трактовать не как комбинаторные варианты, а как две разные фонемы (в этом случае сочетание «гласный + негеминированный лабиальный, апикальный, гуттуральный или палатальный» следовало бы рассматривать как фонематические групповые сигналы).

В заключение позволим себе сделать несколько замечаний по поводу комбинаторных вариантов. В последнее время среди фонологов вновь раздался голос, требующий изгнания комбинаторных вариантов из фонологии². Согласно им комбинаторные варианты относятся к сфере речи, обязаны своим существованием физиологии звука и поэтому не имеют никакого отношения к фонологии; если же фонологи все еще упоминают о них и принимают их во внимание, то это якобы является пережитком старой фонетической точки зрения или уступкой диахроническому (историческому) учению о звуках. Здесь мы сталкиваемся с явной недооценкой роли комбинаторных вариантов. Ведь комбинаторные варианты это не только окказионально обусловленные естественные феномены, но и телеологически обусловленные явления, имеющие определенную цель и выполняющие определенную функцию³. Их функция состоит в том, что они сигнализируют наличие другого языкового элемента в непосредственном окружении, то есть наличие либо определенной фонемы, либо границы слова (или морфемы), либо того и другого одновременно. Ясно, что там, где комбинаторный вариант свидетельствует непосредственно о наличии границы слова (или морфемы), его функция относится к сфере языка (*langue*). Ведь разграничение морфем в составе слова принадлежит языку (то есть, по выражению Есперсена, является «глотическим») не в меньшей мере, чем различение слов. С другой стороны, комбинаторный вариант, указывающий лишь на наличие какой-либо фонемы в непосредственном окружении, явно нужно отнести к сфере речи (*parole*), ибо только

¹ Ср. R. Pischel, *Grammatik der Prākṛit-Sprachen*, «Grundr. d. indoarischen Philol.», Straßburg, 1900 и H. Jacobi, *Ausgewählte Erzählungen im Māhārāshṭri*.

² L'udovít Novák, *K základným otázkám štrukturálnéj jazykovedy*, «Sborník Matice Slovenskej», XV, 1937, № 1.

³ Ср. Н.Ф. Яковлев, *Таблицы фонетики кабардинского языка*, М., 1923, стр. 73 и сл.

для речевого акта имеет смысл добиваться надлежащего восприятия фонемы не только путем реализации ее как таковой, но еще и посредством дополнительных моментов в реализации окружающих фонем. Это «стремление обеспечить восприятие» как раз и предполагает установку на говорение, столь характерную для речи (*parole*), но чуждую языку (*langue*) как таковому. В тех комбинаторных вариантах, которые свидетельствуют одновременно как о наличии какой-либо фонемы в непосредственном окружении, так и об отношении к границе слова (или морфемы), мы имеем переходный случай. Такие комбинаторные варианты (то есть афонематические групповые сигналы) стоят где-то между языком и речью и требуют, таким образом, к себе внимания как со стороны фонологов, так и со стороны фонетистов. Конечно, определенные последовательности, где афонематические групповые сигналы отмечают границы между словами, встречаются только в актах речи, но правила произношения, из которых вытекают подобные групповые сигналы, все же принадлежат к сфере языка, так же как синтаксические правила сочетания слов и согласования.

IV. Положительные и отрицательные пограничные сигналы

Все рассмотренные до сих пор пограничные сигналы были положительными. Они прямо свидетельствовали о том, что в определенном месте находится граница слова или морфемы. Но, помимо этого, возможны и отрицательные пограничные сигналы, которые прямо указывают на отсутствие границы в определенном месте. Их роль можно было бы сравнить с зеленым светом светофора (на улицах или железных дорогах), который как бы говорит пешеходу или пассажиру о том, что в данном месте путь не опасен и что можно смело идти или ехать дальше. Помимо таких общих отрицательных пограничных сигналов, языку известны еще ограниченные односторонние отрицательные пограничные сигналы, которые свидетельствуют только о том, что во всяком случае в данном месте не может начаться или кончиться слово. Все отрицательные пограничные сигналы могут быть как фонематическими, так и афонематическими, как групповыми, так и единичными. Приведем ряд примеров на отрицательные пограничные сигналы каждого рода.

1. Фонематические отрицательные сигналы

А. Единичные сигналы

Под фонематическими отрицательными единичными сигналами следует понимать такие фонемы, которые в данном языке встре-

чаются лишь внутри слова (или морфемы). В финском языке к ним относятся фонемы *d* и *ŋ* (всегда геминированное; *ŋŋ* пишется *ng*). В тамильском к ним относятся *ŋ*, ретрофлексные *ɟ*, *ʃ* и (гуттуральный) плавный *λ*. В казахском (раньше «казак-киргизский»), киргизском (раньше «кара-киргизский»), а также в тюркских диалектах бассейна Иртыша звонкие гуттуральные *ɣ*, *g* возможны только внутри слова, а не в начале и не в исходе его. В тубатулабал все звонкие шумные (*b*, *d*, *g*, *z*, *ʒ*) находим только внутри слова. Точно так же только внутри слова возможны фонемы *h* и *g* в языке эфик.

Ограниченными односторонними отрицательными сигналами можно назвать *ŋ* в немецком, английском, голландском, датском, норвежском и шведском языках и *ɣ* (*gn*) во французском языке; эти фонемы возможны внутри и в исходе слова, но не в начале его. То же самое следует сказать о *g* в чеченском и эвенкийском (тунгусском), о «единственном плавном» (реализующемся как *g* в положении между гласными и как *l* в исходе слова) в корейском языке, о *p*, *t*, *k*, *ɟ*, *ʒ*, *ʃ*, *θ*, *δ*, *ɣ*, *ɣ*, *l* в приморском саамском (лопарском) диалекте Мааттвиуоно, о *b*, *d*, *k*, *g*, *s*, *ɛ* в ненецком (юрако-самоедском), о *p* в эфик и т.д. С другой стороны, *h* в немецком, английском, ненецком (юрако-самоедском), арчинском и ряде других языков возможно в начале и середине слова, а не в исходе его. То же следует сказать и о *g*, *k*, *k'* в хайда, о *s*, *f*, *ɣ*, *kr* в эфик и т.д. Есть языки, где в исходе слова допустимы лишь гласные или, помимо гласных, лишь очень ограниченное число согласных (*v*, *ρ*, *ς* в древнегреческом языке, *n*, *ŋ*, *l* в итальянском, *n*, *t*, *s* в финском и т.д.); в таких языках все согласные (за указанными исключениями) следует рассматривать как сигналы, «отрицающие исход слова».

Б. Групповые сигналы

В финском языке, где в начале и в исходе слова вообще невозможны скопления согласных и где, кроме того, в исходе слова встречаются только гласные и согласные *p*, *t*, *s*, любое скопление согласных, первым элементом которого не является *p*, *t* или *s*, представляет собой отрицательный фонематический групповой сигнал: в таких словах, как *kahdeksan* «восемь», *hupsu* «глупый», *selkä* «спина» и др., сочетания *hd*, *ks*, *ps*, *lk* указывают на середину слова. Эту же функцию выполняют здесь все геминированные согласные (за исключением *pp*, *ss*, *tt*, которые встречаются не только в середине, но и на стыке слов, например: *mies seisoo* «мужи-

на стоит», *pojat tansivat* «дети пляшут», *nainen neuloo* «женщина шьет» и т.д.). В таких языках, как русский, в котором шумные в исходе слова всегда являются глухими, сочетание «звонкий шумный + гласный или сонант» во всех случаях свидетельствует о том, что между компонентами этого сочетания не проходит граница между словами. В северогренландском, где *r* не встречается в исходе слова, сочетание «*r* + согласный» является во всех случаях знаком середины слова; то же следует сказать и о сочетании «*l* + согласный (кроме *s*)» в древнегреческом языке. В немецком языке, по-видимому, единственным отрицательным фонематическим групповым сигналом является сочетание *dl*, возможное только внутри слова. Вообще отрицательные фонематические групповые сигналы встречаются относительно редко.

2. Афонематические отрицательные сигналы

А. Единичные сигналы

Если та или иная фонема имеет в начале или исходе слова свойственный только этой позиции вариант, то любая иная реализация той же фонемы оказывается *eo ipso* отрицательным пограничным сигналом. Выше мы уже говорили, что придыхание у фонем *p^h*, *t^h*, *k^h* в тамильском языке следует рассматривать как положительный афонематический пограничный сигнал, поскольку данные варианты возможны только в начале слова: соответственно фрикативные варианты тех же фонем (*v*, *δ*, *x* или *h*) следует рассматривать как отрицательный афонематический пограничный сигнал, поскольку они возможны только в середине слова (между гласными). В японском языке, где «*g*» реализуется в начале слова как звонкий шумный *g*, а внутри его — как носовой *ŋ*, *g* является положительным, а *ŋ* — отрицательным афонематическим пограничным сигналом. В корейском языке, где «единственный плавный» реализуется в исходе слова как *l*, а внутри его — как *l*, *l* является положительным, а *l* — отрицательным афонематическим пограничным сигналом. Во многих тюркских языках Сибири (например, в диалектах Алтая, Барабинской степи, в телеутском, шорском, в диалекте кюзэрик и т.д.) все шумные реализуются в начале и исходе слова как глухие (*q* соответственно *x*, *k*, *p*, *t*, *s*, *š*, *c* соответственно *č* или *ʃ*), а в середине слова между гласными — как звонкие (*γ*, *g*, *b*, *d*, *z*, *ž*, *ʒ*)¹, что дает начало отрица-

¹ Ср. W. R a d l o f f, цит. раб., стр. 128 и сл., 173 и сл., 199 и сл.

тельным афонематическим пограничным сигналам. Точно так же шумные хантыйского (остяцкого) языка в начале и исходе слова являются глухими, а в середине слова — более или менее звонкими¹. В немецком и венгерском языках *h* в начале слова (а в венгерском также в исходе слова) является глухим, а в середине слова между гласными (*Uhu, Oho!*) — звонким².

Б. Групповые сигналы

Все, что было сказано о единичных сигналах, сохраняет свое значение и в отношении отрицательных афонематических групповых сигналов. Как правило, положительному афонематическому групповому сигналу противостоит отрицательный. Так, в немецком языке сочетание звуков «гласный заднего ряда + палатальное *g*» сигнализирует о том, что между обоими звуками пролегает морфологическая граница, но сочетание звуков «гласный заднего ряда + велярное *g* (перед *ə*)» свидетельствует об отсутствии границы между гласным и *g*; в английском языке, где сочетание звуков «темный *l* + гласный» является положительным афонематическим пограничным сигналом, сочетание звуков «светлый *l* + гласный» свидетельствует о том, что между компонентами этого сочетания не пролегает граница двух слов. Большинство приведенных выше примеров на положительные афонематические групповые сигналы имеют соответствия в виде отрицательных групповых сигналов. Правда, так бывает далеко не всегда. В языке с последовательно проведенным сингармонизмом нарушение сингармонизма (например, столкновение гласного переднего ряда с веляризованным согласным) является положительным пограничным сигналом, однако сохранность сингармонизма не функционирует ни как положительный, ни как отрицательный сигнал, ибо два слова с «гласными заднего ряда» и, наоборот, два слова с «гласными переднего ряда» с полным успехом могут следовать друг за другом, не нарушая сингармонизма.

К отрицательным афонематическим групповым сигналам принадлежит также удлинение ударного гласного внутри слова в итальянском языке. Как известно, такое удлинение никогда не бывает у ударных гласных в исходе слова; оно возможно лишь в отношении ударных гласных предпоследнего или предпредпоследнего слога, притом только перед гласным,

¹ Однако лишь факультативно с большими индивидуальными колебаниями. Ср. В. К. Штейн и ц, «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 202.

² То же самое в немецком (юрако-самоедском); ср. Г.Н. Прокофьев, «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 13.

перед интервокальным согласным и перед сочетанием «согласный + плавный (г, ц, j)». Если принять во внимание, что последний слог слова в итальянском языке может находиться под ударением только в том случае, если он оканчивается на гласный, и что, с другой стороны, итальянское слово может открываться либо только гласным, либо одним согласным, либо сочетанием «согласный + г, ц, j», либо, наконец, сочетанием «s + согласный», то смысл удлинения ударного гласного в итальянском языке станет совершенно понятным. Это удлинение исключает возможность границы слова после ударного гласного и появляется лишь в положениях, где можно предполагать такую границу, иными словами, перед звуками и звукосочетаниями, которые могут стоять и в начале слова. Удлинение ударного гласного в положении перед «т, п, l, г + согласный» было бы бессмысленным, ибо такое сочетание звуков после ударного гласного уже само по себе является (фонематическим) отрицательным групповым сигналом. Лишь перед сочетанием «s + согласный» отсутствие удлинения ударного гласного может дать повод к недоразумениям; ведь такое сочетание, как *velocità straordinaria*, можно было бы разложить на *velocitàstra ordinaria*. Но поскольку слова, начинающиеся на «s (или z) + согласный», составляют менее чем 8% всех итальянских слов, то случаи, где такое недоразумение могло бы иметь место, являются крайне редкими. Таким образом, удлинение ударного гласного в итальянском языке является одним из самых важных отрицательных фонематических групповых сигналов.

V. Употребление пограничных сигналов

По использованию пограничных сигналов языки очень отличаются друг от друга. В одних языках эти сигналы указывают главным образом (и даже исключительно) на границу между морфемами, в других — на границу между словами. К первому типу принадлежит, например, немецкий: все пограничные сигналы, служащие здесь целям разграничения слов, используются также для разграничения морфем; но, помимо того, здесь имеется ряд сигналов, которые служат лишь для разграничения морфем, а не слов. Сочетание согласных *dl* (например, *redlich*, *Siedlung*), видимо, является здесь единственным сигналом, который в качестве отрицательного фонематического группового сигнала имеет отношение к слову, а не к морфеме. В противоположность этому существует множество языков, в которых границы морфем не отмечаются вовсе, но зато границы слов отмечены определенными пограничными сигналами: к таким языкам относится, например, финский, в котором границы слов отмечены положительно «связанным» начальным ударением на первом слоге слова и отрицательно согласными *d, η*, геминатами (кроме *tt, nn, ss*) и сочетаниями согласных (кроме «*n, t, s + согласный*»), тогда как границы морфем не имеют никаких

специфических признаков и иногда даже проходят внутри «долгой» (геминированной) фонемы (talo «дом», иллатив taloon; vesi «вода», партитив vettä и т.д.). Хотя многие языки принадлежат в этом отношении к смешанному типу, однако в большинстве из них можно обнаружить определенную склонность к предпочтительному обозначению либо границ между морфемами, либо границ между словами. Эти два основных типа имеют большое значение для всей структуры лексики.

Выступая в заимствованных словах в качестве замены чужих фонем и сочетаний фонем, положительные фонематические пограничные сигналы могут быть использованы и не в делимитативной функции. Такое использование положительных единичных сигналов не встречает особых препятствий. Что же касается отрицательных фонематических единичных сигналов, то перенос их в не свойственное им положение осуществляется не столь просто: немцу нелегко передать «экзотические» собственные имена с начальным η (ng), финну доставляют трудности иностранные слова с начальным d и с конечным v. Что касается фонематических групповых сигналов, то использование их не в делимитативной функции для передачи иноязычных сочетаний фонем возможно только в тех языках, где эти пограничные сигналы обычно отмечают границы морфем. Такие слова, как pneumatisch, Sphäre, Szene, Kosmos и т.д., немец может произнести довольно легко, потому что сочетания фонем pn, sf, sc, sm встречаются также и в исконно немецких словах, а именно в качестве фонематических групповых сигналов, отмечающих границы морфем (abnehmen, Ausfuhr, Auszug, ausmachen). Но в аварском языке, где сочетание «губной + плавный» является групповым сигналом границы между словами, а не между морфемами, такое сочетание недопустимо даже в заимствованных словах. Таким образом, неодинаковое отношение различных языков к сигнализации границ между словами или морфемами оказывает известное влияние на усвоение этими языками заимствованных слов.

Сочетания фонем, функционирующие в исконно родных словах в качестве пограничных сигналов, а в заимствованных словах лишенные этой функции, конечно, весьма неудобны. Весьма частое употребление заимствованных слов, в которых такие сочетания встречаются, ослабляет их делимитативный потенциал. Поэтому стили речи, которым присуще частое употребление заимствованных слов, характеризуются одновременным ослаблением делимитативной функции, поскольку фонематические пограничные сигналы как таковые ослаблены. В языке, который в целом богат фонематическими пограничными сигналами и в котором эти сигналы направлены специально на разграничение морфем, возникает тем

самым большой разрыв между «обычным» и переполненным иностранными словами стилем речи. Последний кажется особенно утомительным. Это является одной из причин возникновения в ряде языков пуризма, то есть стремления создать язык науки без обращения к иностранным словам. Этот органический, коренящийся в самой фонологической структуре языка пуризм следует отличать от наносного, обусловленного культурно-историческими причинами пуризма. Немецкий пуризм является скорее органическим. Немецкому языку не приходилось бороться за свое существование или равноправие. Для немецкого языка в роли международного средства общения было бы гораздо выгоднее заимствовать как можно больше иностранных слов (ср., например, английский). И если тем не менее в немецком языке время от времени заявляли свои права сильные пуристические устремления, то причина этого коренится (по крайней мере в большинстве случаев) в специфической фонологической структуре немецкого языка: в относительно небольшом числе типов морфем, в их четкой фонематической структуре и в большом числе фонематических пограничных сигналов, благодаря которым морфемы четко отграничиваются друг от друга.

Различие между преимущественно словоразграничивающими и преимущественно морфеморазграничивающими языками не является единственным, которое учитывается типологией делимитативной функции. Очень важно также установить, какие типы пограничных сигналов предпочитают и как эти типы распределяются: не используются ли, например, афонематические пограничные сигналы для обозначения границ между словами, а фонематические — для разграничения морфем. Важно также направление ограниченных отрицательных сигналов и место положительных единичных сигналов: многие языки предпочитают отмечать начало нового слова, а в других языках отмечается главным образом конец слова.

Весьма важной для характеристики языка с точки зрения его делимитативного потенциала является, разумеется, статистика пограничных сигналов в связных текстах. Сигналы, как правило, распределяются весьма неравномерно: в таком, например, шестисложном предложении, как *Die Hausfrau wäscht mein Hemd* «Хозяйка стирает мою сорочку», все шесть границ между морфемами отмечены пограничными сигналами (*di-haus-frau-veš-t-mæin-hemt*)¹, а в таком десятисложном предложении, как *Am Boden saßen drei kleine Buben* «На земле сидели три маленьких мальчика», ни одна граница между морфемами и словами не отмечена фонологически.

¹ Ср. анализ этих примеров в «Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences», стр. 49 и сл.

В связных текстах довольно больших размеров такая неравномерность распределения пограничных сигналов в общем уравновешивается, так что каждый язык характеризуется в этом отношении неким средним числом. Средние числа для каждого языка бывают разными. Есть языки, которые характеризуются не только весьма незначительным числом пограничных сигналов, но и весьма ограниченным использованием их, в результате чего лишь весьма незначительный процент границ между словами или морфемами в пределах одного связного текста оказывается отмеченным теми или иными сигналами. К таким языкам принадлежит, например, французский, который придает весьма мало значения разграничению слов (соответственно морфем) в предложении. Другие языки, наоборот, обнаруживают чрезмерную склонность к пограничным сигналам, поскольку они, помимо «связанного» ударения, отмечающего все границы между словами, используют еще целый ряд других пограничных сигналов, в результате чего число этих сигналов в связных текстах порой превышает число разграничиваемых единиц. Так, например, в тамильском языке (по крайней мере в текстах, приложенных Фиртом к его *A short outline of Tamil pronunciation*) почти 80% всех границ между словами отмечены специальными пограничными сигналами, хотя тамильский язык и без этого обладает «связанным» ударением, падающим на первый слог слова (а также второстепенным ударением, падающим на конечные слоги длинных слов), которое в достаточной мере обеспечивает разграничение слов. Немецкий язык точно так же принадлежит к «любящим разграничения» языкам: здесь в связных текстах почти 50% всех границ между способными нести ударение и проклитическими, не способными нести ударение морфемами отмечены специальными пограничными сигналами, правда, только в таких стилях речи, которые не проявляют излишеств в использовании заимствованных слов.

Таким образом, от статистики не уйти и при исследовании делимитативной функции звуков. Правда, в этом случае возможна почти исключительно лишь статистика текста. Разумеется, здесь возникают те же трудности, что и при рассмотрении статистики фонем, и эти трудности должны преодолеваются таким же образом, как и там. Но поскольку обстоятельные статистические исследования различных языков проводились до сих пор в недостаточной мере, то сказать что-либо определенное по этому вопросу почти невозможно.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- Архифонема** 84
- Вариант** 45, 53
индивидуальный 51
комбинаторный 54, 56
общезначимый 51
постоянный 55
стилистически несущественный 52
стилистически существенный 52
факультативный 51, 52
факультативный комбинаторный 55
- Гармония гласных** 295
- Дизъюнкция** 92
- Звук**
взаимозаменяемые 37
взаимоисключающие 37
речи 43
языка 43
- Интонация**
фразовая 235
- Коррелятивный**
пара 91
признак 91
- Корреляция**
авульсивная 145, 151, 154
геминации
(гласных) 213
(согласных) 185
движения тона, см. мелодическая к.
динамическая, см. к. интенсивности
длительности 161
звонкости 165
звучности 160
интенсивности (согласных) 165
(просодическая) 213
контраста 164
лабиализации (гласных) 106
(согласных) 149
лабиальная, см. к. лабиализации
лабиовеляризации 155
лингвальная 106
мгновенности, см. к. длительности
мелодическая 213
модальная второй степени 164
модальная первой степени 160
модальная третьей степени 184
назальная
(гласных) 131
(согласных) 189
назализации, см. полуназальная к.
назальности, см. назальная к.
напряженности 165
палатализации 145
полной гуттурализации 155
полуназальная 194
помутнения 134
преаспирации 166
придыхания 165
лучки 93
размыкания 165
регистровая 213, 214
рекурсии 165
сближения 161
слогообразования 198
смычности, см. к. сближения
сонантности, см. к. звучности

тембровая 145
толчка 229
тоническая, см. регистровая к.
ударения 212, 219
усечения слога 207, 220, 231
церебрализации 150
эмфатическая к. веляризации 147
эмфатическая к. палатализации
147

Мора 211

Нейтрализация

ассимилятивная 244, 248
ассимилятивно-диссимилятив-
ная 249
диссимилятивная 244
обусловленная контекстом 244
обусловленная структурой 244
прогрессивная 244
регрессивная 244
редуктивная 251, 252
смешанного типа 255
центробежная 251
центробежно-редуктивная 255

Обозначаемое 10

Обозначающее 10

Однофонемность 60 и сл.

Оппозиция 36

гетерогенная 74
гомогенная 74
градуальная 80
изолированная 75
косвенно-смыслоразличитель-
ная 39
косвенно-фонологическая, см.
косвенно-смыслоразличитель-
ная о.
лексическая фонологическая, см.
словоразличительная фоноло-
гическая о.
логически градуальная 82
логически привативная 82
логически эквиполентная 82
многомерная 72
нейтрализуемая 83
неоднородная, см. гетероген-
ная о.

непрямолинейная 74

несмыслоразличительная, см.

фонологически несуществен-
ная о.

одномерная 72

однородная, см. гомогенная о.

постоянная 83

потенциально градуальная, см.

логически градуальная о.

потенциально привативная, см.

логически привативная о.

потенциально эквиполентная,

см. логически эквиполентная о.

привативная 80

пропорциональная 75

прямолинейная 74

равнозначная, см. эквиполентная о.

синтаксическая фонологическая,

см. фразоразличительная

фонологическая о.

словоразличительная фонологи-

ческая 96

смыслоразличительная, см.

фонологическая о.

ступенчатая, см. градуальная о.

фактически градуальная 82

фактически привативная 82

фактически эквиполентная 82

фонологическая 37, 39

фонологически-дистинктивная,

см. фонологическая о.

фонологически несущественная

37

фразоразличительная фонологи-

ческая 96

эквиполентная 80

Пауза

фразовая 241

Пограничный сигнал 286

афонематический 286

групповой 291

единичный 291

общий отрицательный 301

ограниченный односторонний

отрицательный 301

отрицательный 301

положительный 301

- фонематический 286
- Позиция**
нейтрализации 83
релевантности 83
с максимальным фонеморазличением 257
с минимальным фонеморазличением 257
- Положение**, см. **Позиция**
- Признаки**
вокалические 98, 100, 102
консонантные 98, 99
коррелятивные 91
корреляции, см. коррелятивные п.
локализации 100
локальные 100, 102
(гласных) 102, 104
(согласных) 136
модальные 159
насыщенности, см. п. **полнозвучности**
полнозвучности 102
примыкания 102, 211, 229
связанные со способами преодоления преграды 100
связанные со степенями раствора 100, 102
просодические 98, 101, 195
различительные 102, 211
резонансные 100
(гласных) 131
(согласных) 189
смыслоразличительные 98
вокалические 98
консонантные 98
просодические 98
тембровые 103, 104
фонологически несущественные 43
фонологически существенные 43
формантные, см. тембровые п.
- Просодема** 211
- Противоположение**, см. **Оппозиция**
вершинообразующее, см. кульминативное п.
- кульминативное 213
различительное некульминативное 213
резонансные 131
- Пучки**, см. **Корреляция**
- Речевая деятельность** 9, 10
- Речевой акт** 9
- Речь** 9
- Ряд**
локальный 136, 138
основной 136
с дополнительной артикуляцией 145
эквиполентные близкородственные 139
- Сингармонизм** 296
- Система**
вокалическая 103
двухклассная (гласных) 105
линейная (гласных) 103
треугольная (гласных) 103
трехклассная (гласных) 105
частная 11, 244
четырёхклассная (гласных) 105
четырёхугольная (гласных) 103
- Слог** 211
- Слогоноситель** 195
- Смыслоразличительная единица**, см. **Фонологическая единица**
- Стилистика**
звуковая 34
- Ударение**
фразовое 239
- Фонация** 99
- Фонема** 41, 43
аномальные сочетания 270
непарная 91
парная 91
реализация 43
сочетаемость 260 и сл.
статистика 272 и сл.
универсально допустимые сочетания 264
универсально недопустимые сочетания 263
фонологическое содержание 71

- функциональная классификация
258
- Фонетика 11, 18
- Фонологическая единица 39
- Фонология 11
- апеллятивная 24, 30
 - экспликативная 33
 - экспрессивная 24, 25
- Функция
- апеллятивная 29
 - вершинообразующая, см. кульминативная ф.
 - делимитативная 35, 285
 - дистинктивная, см. смысловозначительная ф.
 - кульминативная 35
 - разграничительная, см. делимитативная ф.
 - смысловозначительная 35, 285
 - социативная 56
 - экспликативная 24
 - экспрессивная 24
- Член оппозиции
- внешний, см. крайний ч. о.
 - крайний 80
 - маркированный 80
 - немаркированный 80
 - средний 80
- Язык 9
- моросчитающие 205
 - слогосчитающие 205

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

- Абаканские диалекты 292, 293
абуа 135
абхазский 104, 149, 150
аварский 64, 70, 118, 158, 175, 191, 192, 293, 306
авестийский 171
агульский 135, 149, 185, 246
адьгейский 66, 70, 94, 104, 149, 158, 175, 256
албанский 112, 132, 141, 161, 170, 209, 235
алеутский 140, 189, 191
алтайские диалекты 292
американские языки 70, 137, 140, 144, 166, 190, 193, 204, 228, 290
амхарский 173
английский 17, 37, 55, 62, 69, 70, 85, 125, 128–131, 140, 162, 168, 169, 206–208, 232, 249, 252, 265, 272, 292, 294, 302, 304, 307
андийский 118, 185
аннамский, см. вьетнамский
арабский 115, 116, 148, 201, 206
армянский 199, 288, 289
арчинский 70, 89, 94, 108, 118, 149, 185, 186, 223, 246, 302
ассиро-вавилонский 114
африканские языки 70, 133–135, 137, 140, 145, 149, 152, 190, 193, 195, 196, 204, 216
ачумави 168, 215, 229
Балтийские языки 227
банту 87, 149–151, 155, 157, 174, 206, 243, 254, 290
башбийский 147
башкирский 296
белорусский 169
бенгальский 176, 253, 287
бирманский 76, 131, 149, 173, 203, 224, 229, 260, 263, 265, 266, 293
болгарский 58, 65, 87, 118, 126, 169, 197, 199, 219, 246, 252, 257, 258, 290
бурятский 288
бушменский 151–154
Венгерский 31, 51, 140, 141, 161, 168, 169, 206, 207, 234, 289, 304
венда 155
верхнесужицкий 170, 190, 191, 288, 289
вогульский, см. мансийский
вотяцкий, см. удмуртский
вьетнамский 112, 122, 261, 263
Ганда 118, 134, 206
гаэльский 146, 289
гвабо 120, 190, 216, 217, 263
гереро 137, 140, 145
германские языки 227
гиляцкий 78, 140, 156, 157, 161
голландский 112, 128, 143, 169, 170, 206–208, 232, 235, 252, 302
готтентотский 151, 154, 155, 178, 180, 181, 217
гренландский, см. эскимосский
греческий:
древний 93, 173, 185, 192, 196, 223, 224, 254, 255, 259, 287, 302
средний 123
новый 51, 118, 121, 141, 142, 162, 169, 173, 219, 223, 252
грузинский 64, 94, 118, 173, 199
Дагестанские языки 185

- дакорумынский 127
 Дакота 175, 292
 даргинский 185, 246, 289
 датский 83, 112, 119, 158, 163,
 164, 168, 169, 196, 204, 221,
 230, 302
 динка 140, 145
 дравидийские языки 140, 145
 древнегреческий, см. греческий
 древнеиндийский (санскрит) 93,
 94, 145, 150, 151, 185, 245
 древнеирландский 194
 древнеперсидский, см. персидский
 дунганский 149

Евразийские языки 146
 европейские языки 28, 51, 69,
 140, 172, 190, 214, 235, 237,
 239, 243, 292
 енисейско-остяцкий, см. кетский
 енисейско-самоедский, см.
 энецкий

Зезуру (диалект шона) 155, 156
 зулу 70, 118, 137, 151, 152, 162,
 196, 215, 216, 218, 254, 296
 зырянский, см. коми

Ибо 119, 120, 134, 196, 212, 215,
 217, 295
 ингушский 147
 ирландский 170
 исландский 289
 испанский 51, 219
 итальянский 51, 118, 141, 158,
 169, 192, 219, 223, 234, 302,
 304, 305
 ительменский, см. камчадалский
Йоруба 134, 194

Кабардинский 52, 70, 144, 149,
 173, 257, 295, 300
 кавказские языки 70, 135, 141,
 144, 149, 166, 175, 191, 246
 казак-киргизский, см. казахский
 казахский 292, 296, 302
 калмыцкий 289
 камчадалский 140
 кара-киргизский, см. киргизский
 кашубский 132, 220, 228, 233,
 235, 289
 квакиутл 140, 149, 190
 кетский 140
 киньярванда 150, 170
 киргизский 251, 302
 китайский 64, 86, 133, 141, 172,
 190, 193, 197, 203, 218, 219,
 221, 224, 293
 коми 112
 корейский 54, 69, 94, 95, 149,
 190, 290, 302, 303
 коряцкий 140
 кубачинский 149, 185, 246
 кюринский, см. лезгинский
 кюзрикский 303

Лакский 114–116, 147, 175, 185,
 187, 191, 192, 200, 289, 293
 ламба 87, 118, 134, 169, 196, 206,
 215, 296
 латинский 108, 201, 206, 256, 290
 латышский 141, 169, 196, 204,
 223, 231, 235
 лезгинский 112, 117, 118, 122,
 123, 149, 163, 175, 223, 246,
 250, 252, 279
 ливский 231, 289
 литовский 141, 146, 167, 169,
 191, 196, 202, 203, 212, 213,
 228, 235, 246, 250, 252, 257,
 299
 лонкундо 214, 215, 218
 лопарский, см. саамский
 луораветланский, см. чукотский

Майду 202, 290
 майя 118, 169
 мансийский 186, 288, 289
 марийский 113, 126, 180, 248, 255
 менде 157, 215, 237
 молдавский 146
 монгольский 26, 64, 122, 124,
 130, 253, 289, 313
 мордовский 118, 146, 150, 170, 246,
 251

Нганасанский 118, 289, 298
 немецкий 30, 32, 36–41, 44, 51–56,

- 58, 60, 61, 64, 66, 70, 73-77, 85, 88, 89, 92, 98, 101, 112, 128, 130, 140, 158, 159, 161, 167-169, 171, 198, 206-208, 227, 232, 235, 237, 240, 241-244, 248, 249, 251, 252, 266-271, 275, 282, 283, 288, 289, 291, 294, 302, 304, 305, 307, 308
- ненецкий 169, 289, 302, 304
- нивхский, см. гиляцкий
- нижнелужицкий 144, 289
- нилотские языки 135
- новоиндийские языки 135, 145
- норвежский 112, 122, 232, 233, 235, 252, 302
- нуэр 135, 137, 140, 145, 163, 169, 190, 287, 288
- нымыланский, см. коряцкий
- Одкульский, см. юкагирский
- остяко-самоедский, см. селькупский
- остяцкий, см. хантыйский
- Пайуте 202, 290, 298
- палеоазиатские языки 140
- педи 70, 137, 157, 158, 163
- новоперсидский 115, 116
- полабский 111, 122, 146, 201, 249, 250, 257, 290
- польский 61, 67, 107, 118, 146, 161, 167, 169, 185, 193, 251, 288, 289
- португальский 193, 219
- пракрит 261, 299
- праславянский 194
- пуэбло (Таос) 162, 176, 177, 191, 228
- Романские языки 227
- румынский 112, 141, 169, 219
- русский 26-28, 53, 56-61, 65, 67, 76, 80, 83, 86, 87, 99, 108, 116, 118, 121, 127, 146, 167, 169, 185, 212, 219, 237, 240, 242, 251, 252, 276, 278, 279, 294, 295, 303
- рутульский 149, 175, 246
- Саамский 167, 187, 188, 210, 247, 253, 255, 263, 289, 299, 302
- самодийские языки 298
- самоедские языки, см. самодийские
- сандаве 138, 151, 153, 158, 177, 178
- селькупский 114, 189
- семитские языки 141, 147
- сербохорватский 65, 106, 118, 141, 157, 161, 163, 168-170, 192, 196-198, 206, 209, 225, 226, 228, 229, 235, 236, 242, 245, 247, 252, 255
- сиамский, см. таи
- синдхи 176
- славянские языки 51, 141, 227
- словацкий 141, 161, 167, 169, 190, 196, 200, 201, 206, 245, 289
- словенский 51, 127, 132, 136, 172, 191, 194, 203, 206, 220, 224, 235, 252
- сомали 141
- среднеиндийский 201, 206, 208, 299
- суахили 140, 157
- суданские языки 138
- суто 70, 152
- Табасаранский 135, 144, 175, 185
- тавгийский, см. нганасанский
- таи 112, 196, 203, 224, 264
- такелма 243
- тамильский 27, 118, 157, 160, 186, 190, 193, 234, 288, 296, 302, 303, 308
- татарский 296, 297
- телеутский 292, 303
- тибетский 173
- тигре 140
- тлингит 64, 117, 136, 140, 158, 189
- тонкава 117, 190, 292
- тунгусо-маньчжурские языки 253, 297
- тунгусский, см. эвенкийский
- туранские языки 255
- турецкий 290

- тобатулабал 123, 202, 289, 302
поркские языки 64, 105, 113, 117,
253, 254, 290, 292, 296, 297,
302, 303
- Убыхский 104, 149
удинский 144, 147
удмуртский 112
узбекский 68, 107, 296, 290
украинский 127, 146, 150, 161,
169, 184, 219
унанганский, см. алеутский
- Фанге 120, 134, 238
финно-угорские языки 105, 253,
297, 298
финский 61, 110, 122, 186, 192,
200, 206, 234, 261, 289, 296,
302, 305
фокс 166
французский 31, 51, 73, 81, 83,
91, 99, 112, 132, 140, 142, 168,
169, 191, 192, 245, 246, 253,
279, 283, 291, 302, 308
фуль 175, 177, 194
фульфульде, см. фуль
- Хайда 117, 140, 261, 302
хантыйский 108, 109, 186, 287,
304
хопи 166, 207-209, 221, 223, 228,
232, 233
хупа 144, 189, 191
- Цахурский 149, 246
цимшиан 64, 144, 174, 190
- Часта-коста 189, 191
черемисский, см. марийский
черкесский, см. адыгейский
чеченский 64, 93, 147, 206, 207,
253, 280, 287, 289, 302
- чешский 31, 58, 59, 61, 63, 118,
138-141, 161, 162, 167, 170,
190, 191, 196, 198, 204, 206,
239, 240, 242, 251, 252, 264,
283, 289, 291, 292
чинук 144, 158, 190
чичева 118, 157, 163, 173, 190,
191, 195
чукотский 26, 134, 140
- Шведский 16, 112, 232, 233, 235,
236, 252, 276, 302
шона 118, 140, 144, 155, 156, 174
шорский 303
шотландский 119, 122, 132, 170,
232, 253, 287
- Эве 134, 205, 215
эвенкийский 244, 302
энецкий 289
эрзя-мордовский, см. мордовский
эскимосский 139, 140, 156, 157,
161, 190, 292, 303
эстонский 112, 209, 210, 221-224,
228, 254, 263
эфик 134, 196, 205, 214, 215, 292,
302
- Юитский, см. эскимосский
юкагирский 26
юрако-самоедский, см. ненецкий
юто-ацтекские языки 123, 202,
207, 289, 298
- Якутский 289, 293
ями 86
японский 38, 55, 56, 64, 68, 69,
78, 88, 109, 110, 118, 138, 146,
150, 185, 192, 203, 208, 221-
224, 226, 246, 265, 271, 288, 303

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Сергеевич Трубецкой и его книга	5
От редакции	7

ВВЕДЕНИЕ

1. Фонология и фонетика	9
2. Фонология и звуковая стилистика	22

ФОНОЛОГИЯ

Предварительные замечания	35
---------------------------------	----

Учение о смысловоразличении

(дистинктивная, или смысловоразличительная, функция звука)

I. Основные понятия

1. Фонологическая (смысловоразличительная) оппозиция	36
2. Фонологическая (смысловоразличительная) единица. Фонема. Вариант	39
3. К определению фонемы	44

II. Правила выделения фонем

1. Различение фонем и вариантов	51
2. Ошибки в суждениях о фонемах чужого языка	57
3. Отдельная фонема и сочетание фонем	60
А. Определение однофонемности	60
Б. Определение многофонемности	66
4. Ошибки при определении однофонемной и многофонемной значимости звуков чужого языка	68

III. Логическая классификация смысловоразличительных оппозиций

1. Содержание фонемы и система фонем	71
2. Классификация оппозиций	72
А. Классификация оппозиций по их отношению к системе оппозиций в целом: многомерные и одномерные, изолированные и пропорциональные оппозиции; основанная на этом структура системы фонем	72
Б. Классификация оппозиций по отношению между членами оппозиции: привативные, ступенчатые (градуальные) и равнозначные (эквивалентные) оппозиции	79
В. Классификация оппозиций по объему их смысловоразличительной силы или действительности в различных позициях: постоянные и нейтрализуемые оппозиции	83
3. Корреляции	89
4. Пучки корреляций	93

IV. Фонологическая систематика смысловоразличительных звуковых противоположений

1. Предварительные замечания	96
2. Классификация смысловоразличительных признаков звука	98

3. Вокалические признаки	102
А. О терминологии	102
Б. Локальные (тембровые) признаки	104
В. Признаки раствора (полнозвучности)	114
Г. Резонансные признаки	131
4. Консонантные признаки	136
А. Локальные признаки	136
а) Основные ряды	136
б) Эквивалентные близкородственные ряды	139
в) Ряды с дополнительной артикуляцией	145
г) Согласные фонемы вне локальных рядов	156
Б. Модальные признаки (или признаки способа преодоления преграды)	159
а) Типы преград и модальные корреляции первой степени	159
б) Модальные корреляции второй степени	164
в) Корреляция геминации как модальная корреляция третьей степени	184
В. Резонансные признаки	189
5. Просодические признаки	195
А. Слогносители	195
Б. Слог и мора. Фонологическая интерпретация количества	200
В. Просодические различительные признаки	211
а) Введение	211
б) Просодические корреляции интенсивности и геминации	213
в) Регистровая корреляция	214
г) Корреляция ударения	219
Г. Просодические признаки примыкания	229
а) Корреляция «толчка»	229
б) Корреляция усечения слога	231
Д. Фразоразличительные просодические противоположения	234
а) Фразовая интонация	235
б) Фразоразличительные регистровые противоположения	238
в) Фразовое ударение	239
г) Фразовые паузы	241
д) Общие замечания	241
6. Аномальные смысловозначительные элементы	242

V. Типы нейтрализации смысловозначительных противоположений

1. Общие замечания	243
2. Типы нейтрализации, обусловленной контекстом	244
А. Диссимилятивная нейтрализация	245
Б. Ассимилятивная нейтрализация	248
В. Ассимилятивно-диссимилятивная нейтрализация, обусловленная контекстом	249
3. Типы нейтрализации, обусловленной структурой	251
А. Центробежная нейтрализация	251
Б. Редуктивная нейтрализация	252
В. Центробежно-редуктивная нейтрализация, обусловленная структурой	255
4. Смешанные типы нейтрализации	255
5. Последствия различных типов нейтрализации	256

VI. Сочетания фонем

1. Функциональная классификация фонем	258
2. Проблема общих законов сочетаемости фонем	260
3. Методы учения о сочетании фонем	265
4. Аномальные сочетания фонем	270

VII. К фонологической статистике

1. Два способа подсчета	272
2. Стилистически обусловленные и структурно обусловленные числа	273
3. Предложенные интерпретации частотности фонем	276
4. Фактическая и теоретическая частотность	279
5. Фонологическая статистика словарного состава	282

Учение о разграничительной, или делимитативной, функции звука

I. Предварительные замечания	285
II. Фонематические и афонематические пограничные сигналы	286
III. Единичные и групповые сигналы	291
IV. Положительные и отрицательные пограничные сигналы	301
1. Фонематические отрицательные сигналы	301
А. Единичные сигналы	301
Б. Групповые сигналы	302
2. Афонематические отрицательные сигналы	303
А. Единичные сигналы	303
Б. Групповые сигналы	304
V. Употребление пограничных сигналов	305
Н.С. Трубецкой и его «Основы фонологии»	309
Указатель терминов	342
Указатель языков	346

Учебное пособие

Трубецкой Николай Сергеевич

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

Ведущий редактор Л.Н. Шипова

Научный корректор Д.М. Савинов

Корректоры М.П. Молокова, А.А. Баринава

Компьютерная верстка О.С. Коротковой

ИД № 00287 от 14.10.99

Подписано к печати 20.12.99. Формат 60х90^{1/16}. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0. Тираж 5000 экз. Заказ № 5.

Издательство «Аспект Пресс». 111398 Москва, ул. Плеханова, д. 23, корп. 3.

Тел. 309-11-66, 309-36-00

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.